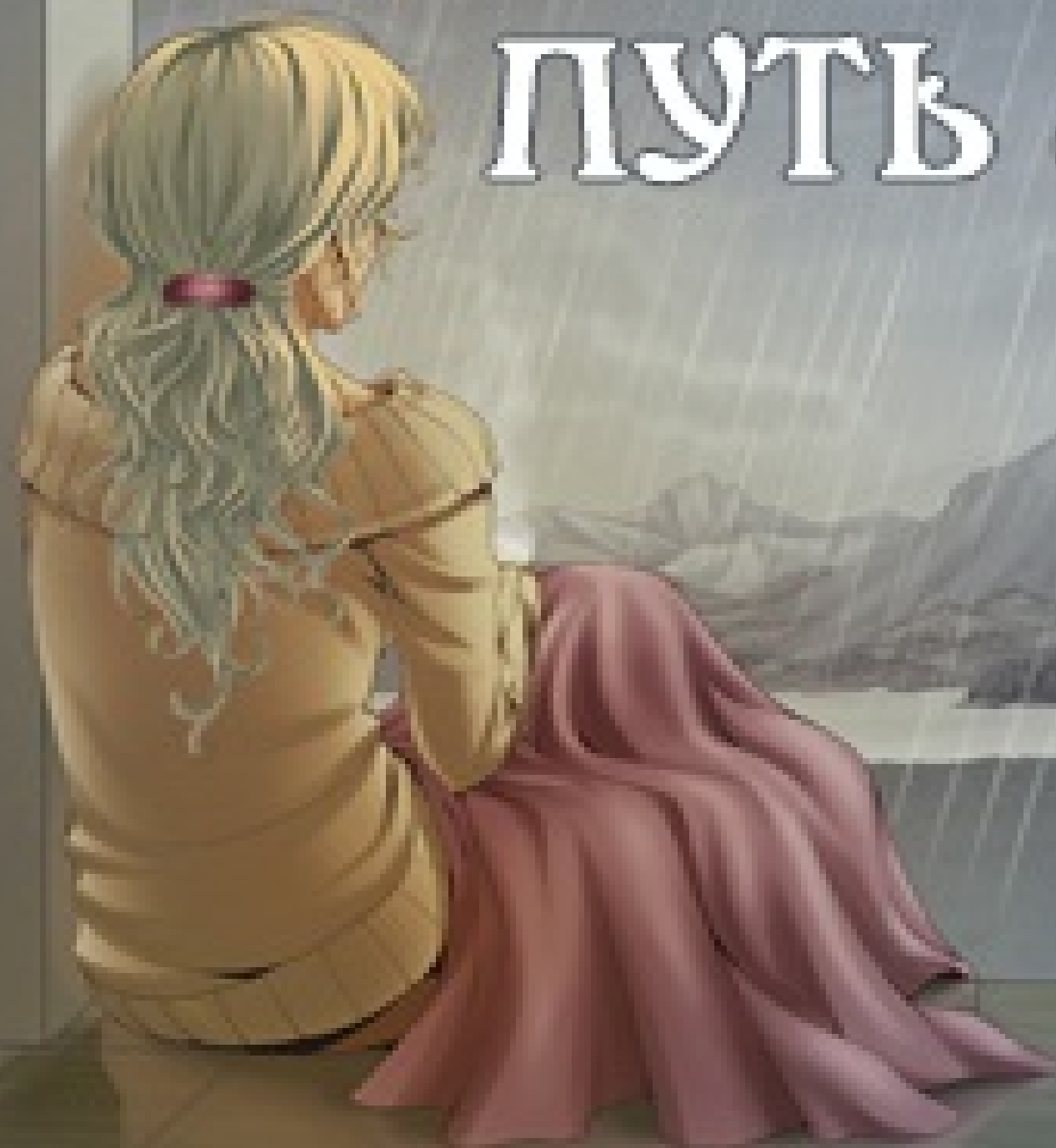

Светлана Гольшанская

СЕВЕРНЫЙ
ПУТЬ 3

Неведомый демон насыпает на Упсалу полчища крыс. Пока Охотник разыскивает злодея, в город является единоверческий проповедник и настраивает бюргеров против него. Одновременно разлад происходит в самом доме Николя, когда отношения между его домочадцами накаляются до предела. И даже в собственной душе Николя не может обрести покой, мучаясь от чувств, которые он не может себе позволить. Мертвый бог предлагает избавить его от той, что стала его наваждением, но этого ли желает Николя на самом деле? Если он не сможет пройти три таинственных испытания Мертвого бога, то рискует потерять Герду навсегда.

Глава 28. Новый учитель

Финист уложил Герду в постель. Как только голова коснулась подушки, веки смежились. Она провалилась в глубокий сон без сновидений, правда, продлился он недолго. Через несколько часов Герда проснулась от ощущения смутной тревоги, будто потеряла что-то и никак не могла вспомнить, что именно.

Жутко хотелось пить. Герда попыталась встать, но почувствовала предательскую слабость во всем теле. Стоило пошевелиться, как суставы начинало резать, словно в них ножи вставили. В ночной тьме сверкнули желтые глаза. Герда вздрогнула.

— Что-то случилось? Почему не спишь? — послышался встревоженный голос Финиста. Она расслабилась и тихо попросила:

— Пить.

— Сейчас, — он вышел и вскоре вернулся с чашкой чуть теплой воды. Герда с жадностью припала к ней и опустошила за несколько больших глотков.

— Еще? — заботливо спросил оборотень, забирая пустую посуду.

Герда покачала головой:

— Что ты тут делаешь? Почему не с Майли?

— Она стала ученицей Охотника. Теперь он должен за ней приглядывать, а я за тобой, — просто объяснил Финист. По его тону стало понятно, что он очень рад такой перемене.

А вот она совсем не была уверена в своих чувствах. Интересно, что заставило Николая так поступить. Это не могли быть слова Финиста, ведь он просил поменяться еще в самом начале, так почему Николай решил удовлетворить его просьбу именно сейчас? Или это из-за того, что она превратила его в четырнадцатилетнего мальчика в мире Ходока? Или из-за того, что она наговорила ему, когда была пьяной? Хотя последнее припоминалось очень смутно. А может, из-за того, что она такая неумеха и разочаровывала его на каждом занятии? Скорее всего, последнее. К тому же, он явно испытывает к ней неприязнь. Не зря же так дергается от каждого прикосновения. Даже руку свою вырвал, когда она так нуждалась в поддержке.

— О чем думаешь? — перебил ее размышления Финист. Он сидел у изголовья кровати, совсем как Николай, когда караулил Ходока. Тогда она еще не могла сосредоточиться под его взглядом, а вот Финиста в упор может не замечать. Странно.

— Гадаю, почему мастер Николай решил поменяться с тобой учениками, — честно призналась Герда.

— Да кто его разберет? Он ведь никогда ничего не объясняет. Не обращай внимания. Теперь все будет по-другому, как во время нашего путешествия, помнишь?

Герда вопросительно посмотрела на него, силясь понять, хочется ли ей, чтобы было как раньше. Тогда было проще, это уж точно. Голова не взрывалась от сотен тысяч вопросов, ответов на которые давать никто не собирался. Но именно здесь она узнала, что Николай жив и у нее есть дар, здесь появилась надежда, что хотя бы некоторые из ее самых невероятных желаний могут сбыться. Впрочем, все оказалось куда менее радужно, чем представлялось. Нет, время воротить назад не удастся, поэтому как раньше не будет никогда. Будет как-то по-другому. И непонятно, хорошо или...

— Молчишь? — продолжил Финист, не дождавшись ответа. — Спи и ни о чем не переживай, я посторожу.

Герда закрыла глаза, с сожалением понимая, что хотела бы, чтобы ее сторожил кое-кто другой.

Она проспала до обеда. Эглаборг принес еду — бульон с гренками и яичницу — прямо в постель и не велел вставать еще несколько дней. Финист ушел подсобить по хозяйству. Герда осталась совсем одна. Читать не хотелось, тем более, единственная оставшаяся книжка рассказывала о Ходоке. Герда просто лежала и смотрела в потолок, желая, чтобы Николая каким-то чудом заглянул и объяснился. Прошел час, два, три, но его все не было. Заходил Вожык, только вернувшийся с первого занятия с Охотником. Выглядел он живее, чем обычно. Широко улыбался, много говорил о всяких пустяках: о том, как все переживали, когда она не приходила в себя после битвы с Ходоком, о том, как потом долго обсуждали решение Охотника, о том, как Вожык до смерти боялся первого занятия с новым учителем. Как выяснилось, совершенно напрасно. Мастер Николая оказался совсем не такой страшный, каким выглядел со стороны. Он очень внимательно выслушал рассказ о том, чем мальчик занимался с Финистом и еще раньше с Гердой. И даже не смеялся, когда Вожык заговорил о боге Вулкане и человечках в огне. А потом показал, как тушить свечу. Когда у Вожыка получилось сделать это с первого раза, очень хвалил.

— Он замечательный! — восхищенно подвел итог юный пирокинетик. — В смысле, Финист тоже хороший, добрый и смелый — защитил меня от гулона и от тролля — но как-то все у него мудрено было, суетливо, сложно понять. А тут раз и прижал фитилек двумя пальцами — огонь тут же погас. Все просто.

Герда слабо улыбнулась и погладила Вожыка по голове. Видно, непросто выходило только у нее. Глупая бездарная девчонка.

— А где сейчас мастер Николая? — как бы невзначай поинтересовалась Герда

— У себя, наверное. По-моему, у него сильно разболелась голова. Он так отчаянно тер виски, когда мы возвращались. Наверное, решил отдохнуть. Майли все равно заниматься пока не может, — чистосердечно рассказал обо всем мальчик.

Герда улыбнулась. Дослушав рассказ до конца, она сделала вид, что очень устала и собирается спать. Вожык отправился к себе. Выждав некоторое время, Герда поднялась, с огромным усилием преодолевая слабость и боль, и на цыпочках вышла из комнаты. Уверившись, что в коридоре никого нет, заглянула в комнату Николая. Тоже пусто. Герда разочарованно хмыкнула и уже собиралась вернуться в постель, когда ее взгляд упал на дверь в кабинет. Показалось, что она слегка приоткрыта. Стараясь ступать как можно тише, Герда вошла внутрь.

Охотник по обыкновению сидел за столом у окна и что-то задумчиво выводил на листке бумаги.

— Тебе было велено не вставать с постели, — проворчал он, не поднимая глаз, и спрятал листок до того, как Герда успела разглядеть, что там было. В том, что это именно рисунок, а не письмо, она не сомневалась. Герда улыбнулась и дружелюбно поинтересовалась:

— Рисуете Ходока?

— Не совсем, — повел плечами Николая. — Ты ведь не об этом хотела спросить.

Он устало вздохнул и пристально посмотрел на нее. Вид у него сохранился такой же бледный, как накануне, а под глазами красовались темные круги. Наверное, мигрень оказалась очень сильной. Стало немного совестно утомлять Николая расспросами, но уйти просто так Герда не могла.

— Вы злитесь из-за того, что я сделала вас четырнадцатилетним?

— Я не злюсь.

— Тогда почему вы... бросили меня вчера?

— Просто подумал, что ничем не смогу помочь и решил предоставить эту возможность твоему новому учителю, раз уж он так рвался на твою защиту.

Герда потупилась.

— Вы ведь не поэтому не хотите меня больше учить, — теперь она не спрашивала, а утверждала. — Я не понимаю. Да, я ошиблась, но потом ведь все исправила, и мы смогли спасти Майли от Ходока.

— Дело не в этом. Ты меня не слушаешь. Ни на занятиях, ни когда я пытаюсь оградить тебя от опасности, ни даже вчера, когда я ясно просил тебя не помогать мне. Я не вижу смысла продолжать наши занятия, если ты настолько мне не доверяешь. Надеюсь, к словам Финиста ты будешь внимательней, и ему удастся научить тебя чему-нибудь путному. У меня, к сожалению, не вышло.

— Но ведь... — запнулась Герда, застигнутая врасплох его ответом.

— Ступай, тебе надо лежать, а мне писать отчет в Компанию, — Николая показал, что разговор окончен.

Не осталось больше ничего, кроме как выйти за дверь и проковылять на негнущихся ногах к спальне.

Весь оставшийся день Герда не вставала с постели, чувствуя себя гораздо более подавленной и разбитой, чем накануне. Ни читать, ни уж тем более видеться с кем-либо абсолютно не хотелось. Она просто лежала и изучала однообразный древесный рисунок вокруг сучков на потолке. Через час сморил сон, а проснулась она только глубокой ночью. На тумбочке стоял поднос с остывшей едой — видно, тот, кто его принес, будить ее не решился. Герда наскоро перекусила и встала, чтобы размять затекшее тело. Подошла к окну и распахнула ставни, вспомнив, что последний Ходок погиб и теперь можно не бояться. В комнату хлынул свежий морозный воздух, наполняя скованное тело легкостью. Небо было ясное, с тонкорогим серпом молодого месяца. Звезды сверкали как никогда ярко. Красиво. Герда принялась заворуженно их считать, но сбилась на второй сотне и бросила.

«Вот бы одна упала», — отрешенно подумала она. Ждала, надеялась. Как по волшебству огонечек у кромки горизонта ярко вспыхнул и понесся к земле.

«Хочу, чтобы Николая стал таким, как прежде. Нет, это глупо. Он доказал это в мире Ходока, — понеслись в голове мысли, стремясь успеть, пока огонек не погаснет. — Хочу, чтобы Николая снова взял меня в ученицы. Нет, так не годится. Он сам этого не хочет, а навязываться не стоит. Хочу, чтобы они с Финистом перестали ругаться. Тоже не то. Хочу, хочу, хочу, чтобы Шквал вернулся!»

Герда едва успела до того, как огонек навсегда растворился в ночной тьме. Зажмурилась, сделала глубокий вдох, а потом открыла глаза и осмотрелась, ожидая увидеть кота прямо сейчас, но его нигде не было. Может, на исполнение желания нужно время?

Только бы сбылось. Без рыжего наглеца так тоскливо! Герда грустно вздохнула, закрыла ставни и улеглась обратно, прислушиваясь к тишине, нарушаемой лишь заунывным воем соседских собак. Спокойно и совсем не страшно. Герда повернулась к стенке и провела по ней рукой. Кровать Николая должна стоять как раз за ней. Герда ощущала там его ауру и успокаивалась, зная, что он совсем рядом, хоть она и не видит его. Размышляя об этом, она снова заснула.

Финист зашел около полудня.

— Почему ты не разбудил меня вчера, когда принес ужин? — поинтересовалась Герда.

— Наверное, потому что это был не я. Завозился с лошадьми — делал новые кормушки, чинил седла, а потом поехал в город. Хотел кое-что купить. Вот, — он протянул ей серебряную брошку в виде веточки цветущего вереска, на кончике украшенную бирюзой.

Конечно, она не была такой искусной и диковиной, как брошь из слоновой кости, но все же выглядела очень красиво и дорого. Герда смущенно улыбнулась, рассматривая подарок.

— Бери, не бойся. Я купил ее на свои деньги. Кое-что смастерил на продажу. Как раз хватило.

— Спасибо, не стоило, — только и смогла выдать Герда, заливаясь пунцовой краской.

— Стоило. Я ведь сломал твою, — Финист протянул руку и погладил ее по щеке. — Не переживай. Я же говорил, теперь все будет по-другому.

Герда положила брошку на тумбу, на которой стоял вчерашний поднос. Должно быть, его принес Николай. Поэтому и не разбудил.

— Проголодалась? погоди, я сейчас сбегаю за едой, — спохватился Финист, проследив ее взгляд, забрал поднос и умчался на кухню. Вернулся очень скоро с тарелкой теплого бульона и печеными овощами. Пока Герда завтракала, Финист пристально ее рассматривал. От этого она очень смущалась, но попросить перестать она не решилась.

— Расскажи, чем вы занимались с Охотником, — попросил оборотень после того, как Герда закончила трапезничать.

— Он учил меня пользоваться даром, — пожалала плечами она, не поняв вопроса.

— Как именно? Мне нужно понять, что вы делали, что ты умеешь и что у тебя не получается, чтобы решить, как действовать дальше, — пояснил Финист.

Герда задумчиво глянула на него. Слова звучали разумно, только взгляд выдавал, что он больше хочет услышать, как она жалуется на бывшего учителя. А жаловаться Герда не собиралась. По крайней мере, не ему и не на Николая. Вкратце и без эмоций пересказав то, что касалось обучения, Герда намеренно умолчала обо всех ссорах и размолвках. Финист недовольно хмыкнул.

— Значит, все шло очень хорошо. Так почему он решил от тебя отказаться?

— Думаю, из-за Ходока. Я тогда всех сильно подвела, и мастер Николая разочаровался, — ответила Герда, избегая его взгляда.

— Зря он вообще решил тебя использовать. Это было очень глупо и беспечно. Ты чуть не погибла.

— Но мы спасли Майли, — Герда, поджав губы, отвернулась. Разговор ей совсем не нравился. Финист замолчал.

— Ладно, не важно. Было и прошло, — нарочито небрежно сказал он после долгой паузы. — Я уже придумал, что мы будем делать. Эглаборг сказал, что ты еще пару дней должна передохнуть, а потом сможешь приступить к занятиям.

— Пару дней? — понурилась Герда. — Но я уже достаточно отдохнула. Не могу больше

лежать!

— Потерпи хотя бы денек. Завтра попробую уговорить Эглаборга, если тебе так не терпится. А сегодня отдыхай, — Финист приобнял Герду, коснулся губами ее лба и, собрав посуду, вышел.

Герда медленно опустилась на подушку, повернула голову к тумбе и отстраненно подумала: «А Шквала до сих пор нет».

Взгляд упал на брошь Финиста. Красивый подарок. По всему видно, от души. Зря она обошлась с ним так холодно. Надо было искренне поблагодарить и... что и, Герда не знала. От невысказанных чувств Финиста она ощущала себя очень неловко. Ну почему она не может ответить ему взаимностью, выбросить из головы Николая и зажечь счастливой жизнью? Все было бы намного проще.

В дверь деликатно постучали. Герда передернула плечами. Так стучать мог только один человек.

— Войдите, — произнесла она, собравшись с духом. Из-за двери нерешительно выглянула Майли. На лице все еще сохранилась мертвецкая бледность, да и ходила она с трудом, пошатываясь на ослабевших ногах.

— Хотела поблагодарить за то, что ты спасла меня от Ходока, — тихо произнесла она.

— Проходи, садись, — указала Герда на место на кровати рядом с собой. — И не стоит благодарности. Тебя спас мастер Николая. Я только помогала, да и то не слишком хорошо.

— Неправда. Ты все время преуменьшаешь свои заслуги. Это раздражает, — выпалила она, усаживаясь. — Я помню, что твои слова помогли мне вырваться из этого безумия, освободиться от...

Майли закрыла лицо руками. Плечи начали вздрагивать от беззвучных всхлипываний.

— Все хорошо. Ходок мертв. Он больше никогда тебя не потревожит, — Герда нерешительно положила руку ей на плечо, надеясь хоть немного успокоить. Майли подняла заплаканные глаза.

— Почему ты такая добрая? Ты не должна быть такой. Тебя вообще не должно здесь быть. Ты... — она запнулась, не в силах больше сдерживать всхлипывания.

Герда нахмурилась.

— Я? — переспросила она, пытаясь понять, что хочет сказать Майли.

— Ты отбираешь у меня Финиста, — совладав с собой, выдохнула она. — Когда он занимался со мной, я хотя бы могла проводить с ним время. Почему я этого не ценила? Поддалась на красивые речи вшивого демона, а теперь навсегда останусь одна. Лучше бы я умерла.

Майли разрыдалась, на этот раз в голос. Герде тоже хотелось плакать. Уже второй день. Почему мужчины такие жестокие? Любишь их, а им и дела нет.

— Не зови смерть раньше времени. Я помогу тебе, — пообещала Герда. Майли удивленно глянула на нее.

— Зачем? Ты не согласилась его отдать, когда я тебя просила, а сейчас все бесполезно. За это время он не то, что не сблизился со мной, даже ласкового слова не сказал ни разу. Все их он говорил тебе, я знаю. Так бери его теперь. Он твой, я отпускаю его.

Майли собралась уходить, но Герда схватила ее за руку.

— Он мне не нужен, — тихо созналась она. — Я готова помочь тебе завоевать его.

— Как?

— Пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю.

Майли грустно улыбнулась, словно не верила.

— И все-таки ты слишком добрая. Это ненормально, — ответила она и вышла.

Герда тяжело вздохнула, глядя ей вслед.

Размышляя о событиях последних дней, Герда совсем затосковала. Хотелось поговорить с кем-нибудь начистоту, искренне, высказать все, что наболело, просто пожаловаться, не боясь, что тебя не поймут или обидятся. Так, пожурят немного, а потом обязательно поддержат и помогут добрым советом. Как раньше делал Шквал.

Рука сама потянулась за дневником Лайсве. Интересно, когда она познакомилась со Шквалом? Явно после событий с Ходоком. Может, у нее был способ его вызвать?

«Я очнулась в своей постели. Вокруг было полно народу: в основном перепуганные жители холмов, бледный и взъерошенный Вейас, сидевший у изголовья и трепетно держащий меня за руку, и телепат. Он стоял позади остальных, но я четко ощущала его присутствие. Странно. Раньше я не могла читать ауры, а теперь вдруг стала видеть так четко. Неужели открылся дар? Хорошо бы. Тогда я сама смогу выбирать свою судьбу, и выходить замуж будет совсем не обязательно. Но Вайвс дал обещание, а против него даже дар бессилён.

Как только я открыла глаза, градом посыпались вопросы о моем самочувствии. Пришлось долго и нудно заверять доброжелателей, что сводить счеты с жизнью я в ближайшее время не собираюсь, а потом просто послала брату безмолвную просьбу выпроводить их. Он мгновенно очистил помещение. Остался только телепат. Он молча стоял возле окна, отвернувшись от меня. Его профиль причудливым образом преображали лучи закатного солнца. Издалека он даже мог показаться привлекательным.

— *Когда мы отправимся домой?* — с горечью спросила я.

— *Когда я пройду испытание в Хельхейме, как мы и собирались,* — довольно улыбаясь, объявил Вейас.

— *Но ты ведь обещал. Не хочу, чтобы из-за меня ты прослыл бесчестным человеком. Я готова вернуться к жениху.*

— *Неужели ты думаешь, что я отдам тебя трусу, который сбежал отсюда, стоило Ходоку обнажить клыки? По приезду домой я сам объясню отцу, какого недостойного жениха он выбрал.*

— *Но как же... — я повернула голову в сторону телепата. Теперь его взгляд был направлен прямо на меня. Тут же на ум пришли его последние слова в мире Ходока: «Слишком поздно». Так вот, что он имел в виду. Жених оказался трусом и теперь вряд ли получит благословение от моих родственников. Но зачем тогда здесь остался один из его ищеек и рисковал собой ради меня?*

— *Потому что не намерен служить слабому хозяину,* — не скрывая, что прочитал мои мысли, ответил телепат. — *И оставлять беззащитную девушку, пусть даже глупую и взбалмошную, в лапах демона не в моих правилах. А теперь извините, вынужден вас покинуть. Надо искать нового хозяина.*

Он развернулся и стремительно пошел к двери.

— *Но разве вы не Страж?* — вырвался давно терзавший меня вопрос.

— *Я дикий,* — ответил он. *Мы с братом ахнули. Это невероятно. Дикий с силой дара как у древних родов! Никогда бы не поверила, что такое бывает.*

Телепат уже стоял у двери, когда Вейас остановил его.

— *Погодите. Вы заслужили награду.*

— Мальчик, какая награда? У вас же ничего нет.

— Но наш отец очень богат. Я напишу бумагу, в которой попрошу выплатить вам сотню золотых за спасение сестры.

Телепат громко хохотнул.

— Вы, богатенькие дети, так наивны. Ваш отец меня на порог не пустит или вообще велит высечь за то, что посмел явиться пред светлыми очами. Нет уж, если хотите наградить, сделайте это здесь и сейчас.

— Чего же вы хотите? Я отдам все, что у нас есть, только попросите! — заверил его мой брат. Мне отчего-то стало не по себе. Словно я знала, о чем он попросит, заранее.

— От тебя мне ничего не нужно. Не ты втравил нас в эту заварушку, а твоя сестра. Вот пусть она и расплачивается.

Я сжалась в комок, мысленно посылая брату просьбу ответить нет на любое требование этого жуткого человека. Одно дело согласиться выйти замуж за знатного выскочку, и совершенно другое — оказаться во власти дикого. Да он, небось, и как с девушками обходиться не знает.

Как выяснилось, ничего не знала тут только я... ну и мой брат.

— Пусть принцессочка меня поцелует, — ехидно улыбаясь, заявил телепат.

Брат выпучил глаза.

— Да как можно? Кто ты, а кто она! Не смей даже думать о таком!

— О, я вас умоляю. Пять минут назад она была готова отдаться какому-то плешивому демону, а теперь не сможет наградить меня хотя бы одним поцелуем?

Я вздрогнула и скривилась.

— Не хотите? — покачал он головой, заметив мою реакцию. — Тогда зачем речи о награде ведете? Дети!

Он уже открыл дверь и сделал шаг за порог, но на этот раз его остановила я.

— Согласна.

Просто хотелось доказать гнусному типу, что мы не дети и что я, Лайсве Веломри, вовсе не глупая и взбалмошная особа, не способная отвечать за свои поступки. Я умею щедро благодарить за спасение, пусть даже мой спаситель не самая приятная личность.

Телепат повернулся и оценивающе глянул на меня. Потом нарочито медленно направился к постели и устроился на самом краю.

— Я жду, — подставил он свою щетинистую щеку.

Я зажмурилась и прикоснулась к ней губами, надеясь, что все закончится быстро. Но телепат оказался не так-то прост. Он обхватил мою голову руками, резко развернул к себе и впился в мой приоткрытый от удивления рот. Я обомлела от неожиданности. Не знала, не понимала, что происходит и как это остановить. А он все терзал меня губами, зубами, языком, словно исследуя, пробуя на вкус, лаская, укрощая и подчиняя одновременно.

— Да что ты себе позволяешь?! — послышался гневный возглас моего брата. Именно он побудил меня к сопротивлению. Я попыталась оттолкнуть наглеца, но он опустил сам. И тут же смерил свинцовым взглядом.

— Как я и думал, поцелуй принцессочки ничем не отличается от поцелуя деревенской потаскушки. Не такие уж мы и разные, даром что гонору и строптивости поменьше, чем у господ будет. Ну, прощайте, дети! Надеюсь, свой урок вы надолго запомните.

Он поднялся и пошел к двери, не обращая внимания на брата, который кинулся к нему с требованиями принести извинения, принять вызов на поединок и еще демоны знают чего.

Телепат даже не делал вид, что слушает его. А я все сидела на кровати, прижимая руку к распухшим губам.

— Как твое имя? — спросила я в последний миг. Он резко остановился и снова внимательно ко мне присмотрелся. В его взгляде промелькнула тень удивления.

— *Микаш Остенский*, — коротко бросил он и пошел прочь. Брат побежал следом.

— *Микаш*, — повторила я в наступившей, наконец, тишине, чтобы сохранить это имя в своей памяти навсегда».

Герда не заметила, как ее сморил сон. Даже не помнила, о чем говорилось на последних страницах, которые успела прочесть. Знала только одно — про кота там ничего не было, а все остальное... Такое странное чувство, когда читаешь чужой дневник, словно подглядываешь за чем-то для тебя вовсе не предназначенном. Совсем как тогда в лесу с Майли и Финистом. Стыдно, неприятно и страшно, что кто-нибудь поймет, что ты знаешь. Нет, в чужие тайны лезть совершенно ни к чему. Николая был единственным, в чьи помыслы действительно хотелось проникнуть. Наверное, он так и останется для нее загадкой, ведь теперь они и видеться почти не смогут. Он неизбежно отдалится и забудет. Хотя было ли у них вообще нечто настолько ценное, что было бы горько забыть или потерять?

Этой ночью Герде снились томные сны. Будто она стала той самой прекрасной и дерзкой наследницей рода, чей дневник читала накануне. Светловолосый телепат крепко обнимал ее и целовал властно, но одновременно нежно и сладко. И не было ни страшно, ни противно. От его рук исходила невероятная теплота, которая оборачивала ее пуховым одеялом. Под кожей по всему телу разносились волны пленительного наслаждения. Запах мужчины щекотал ноздри, вытесняя напрочь все мысли. А потом Герда снова становилась собой, а ласкавший ее мужчина превращался в Николая, останавливался и улыбался. И эта улыбка была настолько прекрасна в своей искренности и открытости, что дыхание замирало в груди от восхищения. Именно тогда Герда поняла, что это сон, ведь наяву он никогда так не улыбался. А если это сон, то не страшно, если она выйдет за рамки приличий. Герда протянула руку и запустила пальцы в черные кудри, освободив от стягивавшей их на затылке тесемки. Просто касаться его было так здорово! Хотелось продолжить, ощутить нечто большее, узнать, есть ли что-то еще за гранью этой запредельной неги. Герда подалась вперед и поцеловала его. Мягко, несмело скользнула по кончикам его губ своими и громко всхлипнула, не совладав с чувством неведомого прежде блаженства.

Герда тут же проснулась, разбуженная собственным голосом. Подушка и одеяло оказались на полу. Простыня смялась в комок, а ночная рубашка промокла от пота и неприятно липла к телу. Герда встала и принялась собирать упавшие вещи. Дверь резко распахнулась. Герда вздрогнула от неожиданности и обернулась. В темноте видно было плохо, но по ауре она поняла, что это Николай.

— Все в порядке? Я слышал, как ты стонала, — встревожено поинтересовался он хриплым со сна голосом.

— Кошмар приснился. Простите, что разбудила, — не поворачиваясь, ответила она и принялась перестилать постель. И так увлеклась, что даже не заметила, как Охотник оказался у нее за спиной и, склонив голову низко над ее плечом, с шумом втянул запах.

— Кошмар, говоришь? — усмехнулся Николай. Показалось, что он каким-то образом догадался, о чем был ее сон. Она покраснела до корней волос и благодарила темноту, которая не позволяла Охотнику разглядеть ее лицо. Николай ухватил одеяло, которое Герда поднимала с пола, и помог его расправить.

— Если ты немного расслабишься и перестанешь сдерживаться, все твои кошмары останутся в прошлом, — тихо заметил он.

Герда поджала губы. Почему он не может обойтись без туманных намеков и сказать все прямо?

— Вы мне больше не учитель, — грубо напомнила она, дав волю раздражению.

— Ну да. Как я мог об этом забыть? — быстро согласился Николая и ушел.

Герда забралась в постель, заливая подушку слезами. Да так и заснула, не сумев до конца успокоиться. Проснувшись, все же решила спуститься к завтраку, несмотря на сохранившуюся слабость. Лежать уж точно больше не хотелось. К тому же, требовалось показать всем, что она полностью выздоровела и готова заниматься с Финистом. Хорошо, что теперь именно он станет ее учить вместо Николая. Желание общаться с Охотником убывало с каждой новой встречей.

Завтрак по сложившейся уже традиции проходил в полной тишине. Все старались не поднимать глаз от тарелок, даже Эглаборг с Вожьком, у которых и вовсе не было никаких причин для грусти, впали в уныние, подчинившись общему порыву. Один Финист, устроивший Герду по правую руку от себя, сверкал белозубой улыбкой, как медный чайник после того, как его основательно почистили песочком от гари и копоти.

Как только тарелки опустели, все быстренько разбежались по делам: Николая забрал Вожька на очередной урок, Майли вернулась к себе в комнату отдыхать — она все еще чувствовала слабость после случая с Ходоком. Эглаборг осмотрел Герду, напоил ее очередным зельем и скрепя сердце отпустил вместе с Финистом, заставив его пообещать, что он не станет утомлять ее сверх меры. Оборотень резонно заметил, что он не Николая, который требует от всех невозможного и никого не щадит. Целитель проворчал нечто неразборчивое, но они уже этого не слышали.

Когда Герда с Финистом вошли в конюшню, лошади сладко посапывали после плотного завтрака, развалившись в денниках на сухой соломе, кто-то на животе, поджав под себя копыта, а особенно уставшие плашмя на боку, вытянув длинные, как жерди, ноги. Герда восхищенно посмотрела на Яшку, которая в такой позе выглядела особенно умирительно: подогнутые угольно-черные ноги обрамляли трогательное светлое брюшко, на красноватой шкуре проклюнулись едва заметные желтые яблочки. Кобыла явно находилась в отличной форме, отъевшись досыта и хорошо отдохнув после изнурительного путешествия, и теперь стала настоящей красавицей, не хуже породистых жеребцов из Будескайска.

Позволив вдоволь налюбоваться на Яшку, Финист отвел Герду к своей кобыле. Увидев хозяина, Золотинка вопросительно вскинула голову и повела ухом. Финист улыбнулся и, отодвинув засов, распахнул дверь. Кобыла вздохнула, вытянула передние ноги, оперлась на них и поднялась. Отряхнувшись, сладко зевнула и принялась облизывать хозяйские руки, ласкаясь. Золотинка набирала вес куда хуже Яшки, неизменно оставаясь мосластой и сухой, а ребра скрывал лишь толстый слой золотисто-рыжей шерсти, который она предусмотрительно отрастила на долгую холодную зиму. Однако животное пребывало в прекрасном расположении духа: фыркало и с любопытством заглядывало за плечо Финиста, где стояла Герда.

— Красавица, — она провела рукой по белой проточине на носу кобылы.

— Сейчас нет, — возразил Финист. — Золотинка уже не так молода и долго восстанавливает силы, но когда к лету вылиняет и нагуляет чуток жира, станет настоящим зареченским золотом.

— Думаешь, мы задержимся здесь до лета? — задумчиво спросила Герда.

— Не знаю. А ты куда-то собираешься?

— Когда-нибудь эта учеба закончится. Нельзя же пользоваться гостеприимством мастера Николая вечно.

— Думаю, после испытаний вас распределят по назначениям от компании Норн.

— А если мы провалимся, что тогда?

— Сомневаюсь, что тебе стоит этого опасаться. У тебя очень редкий дар. Вряд ли Компания станет им разбрасываться понапрасну, так что не переживай — на улице не окажешься. Кроме того, мы всегда можем убежать вместе.

— Финист! В последнее время эта шутка приобрела дурной оттенок.

— Согласен. Извини. Так на чем мы остановились?

— Ты обещал научить меня пользоваться даром.

Финист лукаво ухмыльнулся, взял Герду за руку и начал едва заметно поглаживать большим пальцем кожу на тыльной стороне ладони.

— Что ты делаешь? — нахмурилась она.

— Наслаждаюсь, — честно признался он и протянул ее руку к шее Золотинки. Его губы не шевелились, но Герда явственно услышала, как оборотень шепнул:

— Солнце, поздоровайся с моей девушкой.

— Здравствуй, — прозвучал в голове Герды высокий, исполненный достоинства голос. Рот сам распахнулся от удивления. Она ведь даже ни о чем подумать не успела. Это получилось совершенно неожиданно и так легко! С Николая такого ни разу не было.

— А теперь расскажи, как тебе здесь живется, — Финист снова говорил с Золотинкой, не открывая рта.

— Вроде ничего, только холодно жутко и места мало. Везде горы, а я привыкла к степному простору. Бескрайнему, до самого горизонта, чтобы скакать за ним много дней наперегонки с южным ветром и так и не догнать.

— Она скучает по дому, — заключила Герда. Финист согласно кивнул.

— И жеребец этот шумный очень. Мнит себя пупом земли, скакуном величайшего в Мидгарде героя, а на самом деле обычный хвастливый шалопай, каких на юге пруд пруди.

Из денника напротив высунулась черная морда и плотоядно оскалила зубы то ли на Золотинку, то ли на ее хозяйина. Герда в голос рассмеялась.

— Можно, я ей скажу! — попросила она.

Понимать животных оказалось так чудесно. Невообразимо лучше, чем до бесконечности отрабатывать технику дыхания, отбивать снежки и падать на спину в ожидании того, что тебя может быть подхватят.

— Давай не будем спешить. Эглаборг велел не переутомляться, забыла? Ты и так очень хорошо справились с сегодняшним заданием. Стоит закончить на хорошем.

Герда послушно кивнула. Попрощавшись с Золотинкой, они вышли из конюшни. Финист, нахватавшись непонятно где галантных манер, взял ее под руку и повел обратно к дому.

«Как же с ней легко! Она такая послушная и старательная. Не то, что Майли с

Вожыком. Понятно теперь, как Охотнику удалось достичь с ней таких успехов. Знать бы еще, насколько далеко он зашел в ее обучении».

Герда остановилась, как вкопанная, и удивленно уставилась на Финиста. Она продолжала слышать его голос, как в конюшне, внутри своей головы.

— Что случилось? — с подозрением спросил Финист.

— Ничего, — задумчиво ответила Герда. — Просто подумалось, что мой дар относится к стихии ветра. Она порождает всего два вида способностей: телекинез и телепатию. Остальные лишь их разновидности. Значит, мое отражение тоже разновидность одной из этих способностей. Интересно, какой?

— Разве Охотник не говорил? — нахмурился Финист. — Отражение — предельный вид телепатии.

— Так я телепат?

— В некотором роде.

— А я смогу когда-нибудь читать мысли, как телепаты?

— Сложно сказать. Может, позже. Дар часто меняется, растет. Возьми хотя бы меня. Вначале я мог лишь оборачиваться соколом, а потом научился понимать животных и даже иногда ими управлять. На это нужно время, а твой дар только открылся. Не требуй от себя слишком многого. Ты и так очень быстро учишься. Гораздо быстрее, чем все остальные мои ученики. Только не загоняй себя из-за того, что говорил Охотник. Он и так довел тебя до истощения. Он не умеет щадить даже себя, не то что окружающих. Он самый неудачный для тебя учитель, как я для Вожыка. Хорошо, что он смог осознать это до того, как случилось непоправимое.

Герда пожала плечами, в который раз вспоминая разговор с Николая.

— И все-таки мне бы хотелось научиться читать мысли. Хотя бы только его мысли, — тихо призналась она себе.

Вернувшись домой, Герда отправилась помогать Эглаборгу готовить обед, а Финист куда-то запропастился. То ли работал по хозяйству, то ли снова мастерил что-то на продажу, то ли просто ушел в город, чтобы развеяться. Вернулся к полудню вместе с Вожыком и Николая. Эглаборг тут же пригласил всех за стол, правда, обед вышел ничем не веселее завтрака. Первым столовую покинул Охотник. Для приличия выждав несколько минут, Герда последовала за ним, так и не доев свою порцию. Искать Николая пришлось долго. Умел же он прятаться, когда хотел побыть один. Не было его ни в гостиной, ни в кабинете, ни в спальне. Обнаружился лишь в библиотеке, куда Герда заглянула, уже совсем отчаявшись его найти. Охотник стоял у шкафа и в задумчивости листал какую-то книгу.

— Мастер Николая, можно вас спросить? — осторожно начала Герда.

— Уже спросила, — проворчал он, не отрывая глаз от книги.

— Мой дар — разновидность телепатии?

Он коротко кивнул.

— Почему вы не сказали раньше?

— Не видел необходимости. Это знание отвлекло бы тебя от занятий, но, похоже, твой нынешний учитель так не считает. Что ж, посмотрим, чего ему удастся добиться таким способом. Все-таки возможностей у него гораздо больше, чем у меня.

Герда нахмурилась, не поняв и половины из его слов. И все же осмелилась задать вопрос, ради которого пришла сюда.

— Я когда-нибудь смогу читать мысли, как телепаты? — хотелось добавить «ваши

мысли», но она не посмела.

— Ты сама прекрасно знаешь ответ, — Николя оторвался от книги и испытующе глянул на нее. Герда оробела и потупилась. Она действительно знала ответ и без подсказки. Просто было интересно, как давно об этом известно ему. Но больше ничего спросить Герда уже не успела.

Распахнулась дверь, и в библиотеке показался счастливо улыбающийся Финист.

— Я тебя обыскался, а оказывается ты... — оборотень запнулся, увидев Николя. — То есть вы здесь. Надеюсь, не придется напоминать, что ты сам отдал ее мне.

— В ученицы, — значительно добавил Охотник. Герда испуганно моргнула. Они что задумали делить ее прямо в ее присутствии?!

— В ученицы, — по обыкновению скрипнув зубами, согласился Финист. — Так зачем она здесь?

— Лучше у нее спроси, — Николя кивнув на Герду. Та послала ему умоляющий взгляд с просьбой не впутывать в их дразги.

— Я хотела кое-что уточнить...

— Что, по всей видимости, не смогла уточнить у тебя, — с едва сдерживаемым злорадством закончил Николя.

Финист еще раз многозначительно скрипнул зубами, не найдясь, что ответить, и переключил внимание на Герду.

— Я собираюсь прогуляться в город, не составишь мне компанию?

— А можно? — по привычке поинтересовалась у Охотника.

Тот пожал плечами:

— Теперь он твой учитель и несет за тебя полную ответственность. Я не стану вмешиваться.

— Пошли, — радостно улыбаясь, Финист потянул Герду за собой, но прежде чем они ушли, Охотник шепнул ему на ухо.

— Но если с ней что-нибудь случится, я с тебя три шкуры сдеру.

— Не беспокойся. Со мной ей будет куда лучше, чем с тобой.

— Охотно верю. Только если что, — Николя провел указательным пальцем вдоль горла. Финист поморщился, но пререкаться не стал. Вдвоем с Гердой они отправились в Упсалу.

Весна была уже не за горами. На улице посветлело, хотя мороз продолжал держаться, а снег даже не думал таять. Суеты в городе стало больше: кто спешил по делам, словно очнувшись от зимней спячки, кто просто прогуливался, наслаждаясь первыми в этом году теплыми лучами солнца. Дети в рыбацком квартале затеяли шумную игру в салочки, то и дело оскальзываясь на льду, падая в снег и промокая насквозь. Ближе к рыночной площади все больше купцов и лавочников выходило на улицы и зазывало к себе покупателей, расхваливая свой товар на разные лады. Жизнь кипела вовсю.

Финист упорно молчал о том, куда ведет Герду. Сказал лишь, что приготовил сюрприз. Это не слишком радовало, тем более, когда они уходили из дома, она заметила, как Майли наблюдает исподтишка, печальная и измученная. Стало совсем неловко. Герда ведь обещала помочь, но до сих пор ничего не придумала, лишь сильнее увязая в паутине ухаживаний оборотня и давая ему несбыточные надежды, когда надо было ответить решительным отказом. Мрачные мысли одолевали Герду, пока Финист не привел ее к лавке резчика по дереву. Герда недоуменно потупилась. Оборотень распахнул дверь пошире и галантным жестом пропустил вперед. Интересно, где он нахватался этого несуразного манерничанья?

Очень не хотелось обижать его, но, похоже, рано или поздно придется объяснить Финисту, как глупо он выглядит со стороны, когда пытается подражать богатым господам. Хотя, вполне вероятно, Майли его манеры как раз придутся по вкусу. Вот и надо, чтобы он перенаправил свой интерес на нее, а с Гердой был просто другом, как раньше.

Внутри лавка оказалась богато обставлена большими и маленькими статуэтками, деревянными изображениями животных и людей, причудливыми дверными ручками, кофрами и сундуками, спинками для кроватей, тонкими тросточками и посохами в человеческий рост, плетеными корзинками и коробами. Не позволив толком осмотреться, Финист отвел Герду в дальний угол лавки, где была выставлена скромная коллекция музыкальных инструментов: несколько лютней, волынок, флейт, пастушьих рожков, охотничьих горнов, жалеек и парочки других инструментов, названий которых Герда не знала. Финист аккуратно достал с полки свирель из двенадцати соединенных между собой трубочек и приложил к губам.

— Не думаю, что стоит... — нахмурилась Герда. Вряд ли лавочник разрешает трогать свой товар, а тем более играть.

— Стоит. Погоди, — небрежно отмахнулся оборотень, слишком занятый изучением инструмента. Он приложил свирель к губам, внимательно прислушиваясь к звуку, задумчиво почесал затылок, достал из кармана тонкий стальной стержень и поковырялся в одной из трубочек. Отряхнув с ладони деревянную стружку, снова заиграл. На этот раз звук вышел намного чище. Финист удовлетворенно кивнул. Герда выпучила глаза, совсем растерявшись.

— А теперь молчи и слушай, — с важным видом заявил он и заиграл.

Герда приоткрыла рот от удивления. Нет, она и раньше знала, что у Финиста великолепный слух. Он часто напевал что-то в дороге, да так красиво, что остальные путники бросали все разговоры, чтобы послушать. Но чтобы играть, пусть даже на простом пастушьем инструменте!

Волшебная мелодия лилась из свирели, заполняя собой все пространство, подражая то несущемуся с ошеломительной скоростью горному потоку, то грозным завываниям ветра, то нежному перезвону весенней капли. Веселье и радость от безграничной свободы в музыке сменялись неизбывной тоской от осознания собственного одиночества, которая невообразимым образом переходила в звуки неистовой битвы и робкой надежды на что-то светлое и вечное в конце.

Герда смахнула наворачнувшиеся слезы, и тут ее оглушил гром рукоплесканий и восхищенных возгласов. Она так заслушалась, что не заметила, как в лавке собралась целая толпа, привлеченная необыкновенной мелодией. Финист широко улыбнулся и раскланялся перед слушателями, словно ничего особенного не случилось. Впечатление от его игры тут же испортилось. Почему ему надо делать все напоказ, когда он сам постоянно кричит об искренности? Через толпу протиснулся лавочник и, благодушно пожав Финисту руку, начал активно упрашивать нахлынувших посетителей что-нибудь купить, например свирели и флейты, лучше которых не найти во всем Мидгарде, потому что их собственноручно делал игравший только что мастер.

Заметив, что она заскучала, Финист спешно вернул свирель и вывел Герду на улицу.

— Как тебе мелодия? Специально для тебя сочинил. Понравилась?

— Спасибо, очень красиво, — протянула Герда, не зная, что еще сказать. Она хоть и слабо разбиралась в музыке, но чувствовала, что в этой мелодии Финист выражал только собственные ощущения и не пытался ничего сказать ей.

— Тогда еще погуляем? Хочешь, я смастерю еще лучший инструмент, подберу мелодию, а ты придумаешь слова и будешь петь. Мы сбежим отсюда и станем странствующими трубадурами. Люди в больших городах будут собираться толпами, чтобы нас послушать.

— Я не умею петь.

— Не беда. Я тебя научу, это не сложно. В чем дело? Ты ведь хотела путешествовать и рассказывать людям страшные сказки. Я готов составить тебе компанию, почему ты отказываешься? Из-за Охотника?

— Нет, — отрезала Герда, чтобы пресечь дальнейшие расспросы. — Просто это глупо и невозможно. У меня нет голоса, да и странствовать больше тоже не хочется. И я не люблю бросать начатое дело на полпути. Я хочу научиться пользоваться даром и пройти экзамен, доказать себе, что я способна хотя бы на это.

«А еще я очень хочу прочесть мысли Николая, но тебе лучше об этом не знать», — добавила Герда про себя.

— Не горячись. Сдашь ты этот экзамен. Обещаю, я научу тебя всему, что потребуется, — заверил Финист. — Ну, хоть мелодия понравилась? Хочешь, я как-нибудь еще сыграю?

— Обязательно, — на этот раз Герда улыбнулась вполне искренне. — А где ты научился мастерить инструменты?

— Да дома, в детстве еще, когда скот на выпас гонял, свирели делал для себя и для товарищей. Это не так сложно, как кажется. А играть еще проще. Хочешь, покажу?

Герда еще раз улыбнулась и покачала головой.

Они бродили по городу до самого вечера. Заглянули в пекарню и к кондитеру, где Финист накупил разных сладостей, несмотря на возражения Герды, вышли к порту и прогулялись вдоль набережной, с восхищением разглядывая не замерзающий даже в самые сильные морозы океан. Возвращались на закате, когда ноги начали гудеть от усталости, а головы наполнились мыслями о предстоящем сытном ужине и сладком сне в теплой постели.

Глава 29. Подарок фей

Следующие дни проходили почти одинаково. Утром после завтрака Финист учил Герду разговаривать с животными: вначале со всеми лошадьми в конюшне Охотника, кроме вороного жеребца (подводить к нему Герду Финист попросту опасался), с почтовыми птицами на голубятне (выяснилось, что именно звероусты занимаются выращиванием и дрессировкой голубей, чтобы те могли доставлять послания точно до адресата), с соседскими собаками и даже с дикими зверями из леса. Один раз Финист даже сумел притащить облезлого волчару, и Герде пришлось, преодолевая страх, расспрашивать о том, кого он ел в последние дни.

Поначалу эти занятия очень увлекли. Оказалось, что животные живут по совершенно отличным от человеческих законам и знают столько всего интересного и необычного: к примеру, какие травы съедобные, а какие нет; на кого нападают мелкие безымянные демоны, которые на глаза людей не показываются вовсе; где на проталинах уже распустились первые цветы (да-да! несмотря на то, что повсюду в Упсале лежали сугробы по колено, это подтверждали и волк, и зайцы-беляки, и даже мелкие зимние птички, которых Финист вызвал свистом). Не нравилось Герде лишь то, с какой нарочитой осторожностью относился к ней оборотень. Даже когда Эглаборг подтвердил, что она полностью здорова, Финист все равно занимался очень мало, не нагружая и не перетруждая, при каждом удобном случае снисходительно глядя по волосам. Это очень раздражало. Герда чувствовала, что может больше, что не использует до конца своих возможностей, не работает на грани возможного, как говорил Николя.

После занятий Финист обычно приглашал Герду погулять по городу и набережной, шутил, смеялся, показывал разные трюки, рассказывал истории из деревенской жизни в Заречье и службе в веломовской дружине.

Его внимание льстило, но постоянные комплименты смущали, а признания ставили в неловкое положение, потому что чем ближе она с ним сходилась, тем больше понимала, что никогда не сможет ответить взаимностью. Он навсегда останется лишь другом. Только как объяснить это Финисту?

Единственное, что скрашивало тоску и вызывало интерес — недавно открытая способность читать мысли. Теперь хватало времени и сил, чтобы проследить, почему в голове появляются голоса собеседников, когда те не открывают ртов. Это происходило сразу после занятий, после того, как Герда отражала способность Финиста разговаривать с животными. И длилось некоторое время, пока они шли, держась за руки. Герда слышала обрывки мыслей оборотня уже никак не связанные с животными. Правда, она не всегда могла их понять, а еще чаще смущалась и заливалась краской от некоторых его идей. Тогда она радовалась, что может только слышать, а не видеть картины, которые живописало его буйное воображение. О таких мыслях своего друга Герда предпочитала не знать. Вместе с тем, было интересно, посещают ли они только Финиста или об этом думают все мужчины без исключения. Наверное, так и есть. Единственный человек, в ком Герда не могла заподозрить подобных помыслов, был Николя. Она вообще с трудом представляла, чем занята его голова, кроме борьбы с демонами и дел компании Норн. Наверное, поэтому так сильно хотелось прочесть именно его мысли.

Способность к телепатии, к сожалению, сохранялась недолго. Правда, благодаря

некоторым ухищрениям, удалось выяснить, что читать Герда может не только Финиста, но и Вожыка с Эглаборгом, и даже Майли, если повстречать их сразу после занятий и взять за руку. Впрочем, их мысли были далеко не такие крамольные, как у Финиста, а больше занятые повседневными делами. Не выходил фокус только с Николя. Насколько бы быстро Герда не старалась поймать его после занятий, ничего не выходило — она все время натыкалась на глухую каменную стену. Будто и не было этой способности. Николя, впрочем, наблюдал за ее опытами с лукавой усмешкой, словно понимал, что Герда делает и даже знал, что все попытки обречены на провал.

Еще больше злило, только когда Финист дотошно расспрашивал о Николя и сравнивал себя с ним. «Что вы с ним делали? Тебе это нравилось? Он не предлагал тебе ничего такого? Со мной тебе лучше, чем с ним?» Порой эти вопросы доводили Герду до бешенства, а Финист всерьез не понимал, из-за чего она обижается. В таких случаях очень кстати пришлось упражнение, которому Николя научил ее в самом начале: закрыть глаза, сосредоточиться на дыхании, сосчитать до десяти и услышать шепот ветра. Правда, последнее получалось далеко не всегда, зато раздражение и усталость как рукой снимало. И она снова могла мило улыбаться и переводить разговор на более приятные темы.

Дневник Лайсве стал для Герды отдушиной. Наследница древнего рода Стражей переживала те же проблемы: недавно открывшийся дар читать мысли, расшатанные до предела нервы и путаница в собственных чувствах. Герда радовалась, что не одна такая. Лайсве как-то через это прошла, значит и она справится.

*«После расставания с Найтом *дважды зачеркнуто* Ходоком (никак не могу заставить себя поверить, что мой нежный возлюбленный и демон с головой летучей мыши — одно и то же существо), у нас совсем не осталось времени, чтобы придти в себя. Вейас предложил дожждаться его возвращения в Упсале или в подземном дворце жителей холмов (после происшествия с Ходоком они ко мне как-то разом потеплели... или брат так на них повлиял? или мой недавно проснувшийся дар?), но я отказалась. Если я действительно телепат, то это мой единственный шанс пройти испытание и доказать, что я могу быть кем-то иным, нежели женой высокопоставленного Стража и матерью его наследника.*

Поэтому на рассвете следующего дня мы выдвинулись в путь на полудемонических лошадях жителей холмов в сопровождении «почетного караула». Видно, до сих пор надеются свою принцессочку за моего брата выдать. Правда, приворот действовать перестал. Вейас за это время о ней не вспоминал. Уж я-то доподлинно знаю, ведь всю дорогу тренировалась на нем читать мысли. Ну и на жителях холмов тоже. Жаль, с ними получается хуже, чем с Вейасом. Все-таки они не люди.

Удивительно, теперь то, что мне приходилось наблюдать со стороны, я могу делать сама. Мы с Вейасом всю жизнь были неразлучны и учились всему вместе. То, что ему рассказывали на занятиях наставники, он потом передавал мне, а я помогала ему тренироваться. Как видно, не зря. Осталось лишь научиться применять знания на практике. Хорошо бы еще найти подходящего мужчину, чтобы к моменту испытания дар раскрылся полностью, и попутно не возникло никаких неприятных неожиданностей. С нелюдями больше связываться не хочу, а единственный человек в нашей компании — мой брат. Но это неприлично уже даже для нас».

Герда смутилась. Зачем Лайсве понадобился мужчина и как бы он помог раскрыть ее дар? Решила при случае расспросить об этом Финиста, правда, что-то подсказывало, что их разговор снова скатится к обсуждению личности ее прошлого учителя. Поэтому пришлось

повременить.

Когда они уже исходили все улочки, заглянули во все лавки и перезнакомились со всеми местными жителями, Финист предложил прогуляться в лес верхом, пока не началась весенняя распутица. Выехали ясным утром, чтобы к обеду вернуться — боялись, что распогодится. Уж слишком приятный выдался день. Легкий морозец щекотал щеки. Ветер дул едва ощутимо и совсем не холодно. Небо пронзительно-синего цвета раздалось ввысь и вширь, напоминая о скором приходе теплого времени года. Вот-вот начнется капель, зажурчат ручьи и прилетят с зимовки первые птицы. Природа очнется от спячки, и настанет новая полная веселья жизнь.

Только оказавшись в седле, Герда вспомнила, что не ездила уже почти два месяца, и чувствовала себя слегка неуверенно. Застоявшиеся кони, чуя приближение весны, рвались вперед, но Финист легко осаживал свою норовившую сорваться в галоп кобылу, а Яшка примерялась к ее ходу и не спешила обгонять. Час ехали спокойно, и когда Герда обвыклась в седле, а лошади хорошенько размялись, Финист предложил сделать легкий галоп. Золотинка поначалу пыталась нести, но почувствовав твердую руку наездника, сдалась на его милость. Скачка выдалась на диво приятной, не быстрой и не медленной, такой ровной, что Герда смогла вновь обрести уверенность, отпустить конскую гриву и наслаждаться игравшим в волосах ветром.

Заметив, что она приободрилась, Финист свернул на боковую дорогу, посреди которой на небольшом расстоянии друг от друга лежали в ряд поваленные деревья — средних размеров, с гладкими стволами, через которые лошади сами просились перепрыгнуть.

— Не надо, — взмолилась Герда, завидев препятствие.

— В прошлый раз у тебя через огромную расселину получилось перескочить, а тут какие-то палочки на земле совсем не страшные, — Финист повернул к ней голову и подбадривающе подмигнул. — Придержись за гриву. Я в тебя верю.

Он отвернулся, набрал поводья и послал лошадь вперед. Чувствуя, что Яшка ускоряется следом за Золотинкой, Герда сцепила зубы, чтобы не заскулить от страха, и судорожно вцепилась в жидкую кобылью гриву. На первом прыжке качнуло вперед, на втором выбило из седла. Герда повисла на боку лошади, вцепившись в гриву и одной ногой упираясь в стремя. Огромным усилием она отдернула лошадь от последнего бревна, которое, по счастью, оказалось очень узким, и объехала сбоку. Закусив губу, отчаянным рывком забралась в седло до того, как Финист обернулся в конце тропинки.

— Ну как, понравилось? — продолжал улыбаться он, не заметив, что она чуть не упала. Сознаваться в позорной неловкости Герда не решилась: утвердительно кивнула и вымученно улыбнулась в ответ, пытаясь перевести дыхание и унять бешено колотившееся сердце.

— Хочешь еще? — не унимался Финист.

Герда выпучила глаза.

— Только не сегодня. Я устала и хочу домой, — на этот раз она решила не притворяться.

Финист смилостивился и повернул лошадей обратно.

Этот случай запомнился надолго. Герда никак не могла выкинуть липкое навязчивое чувство страха из головы. Пусть даже пугал такой пустяк, как прыжок через бревно, но она не могла так это оставить — слишком постыдной казалась собственная трусость и несостоятельность.

На следующее утро Герда встала затемно и, тихонько пробравшись в конюшню,

оседлала Яшку, чтобы выехать в лес на рассвете и попробовать преодолеть ставшее наваждением препятствие. Около часа прошло, прежде чем удалось найти подходящее бревно, через которое Яшка могла бы легко перепрыгнуть. Герда направила кобылу на препятствие галопом, а потом вдруг сама же отвернула. Попробовала еще раз. Показалось, что Яшка скачет недостаточно ровно — пришлось снова уходить в сторону.

Герда начала злиться. Да что же это такое? Убегая от варгов, они перелетели через широченную расселину, а тут жалкого бревна боятся. Стиснула зубы и решительно направила лошадь вперед, не смея даже думать о том, чтобы отвернуть. Они подошли вплотную к препятствию. От страха Герда зажмурилась, желая и одновременно страшась прыжка, но его не последовало. Кобыла резко остановилась перед самым препятствием. Герда кувыркнулась в воздухе и полетела через бревно одна. Без лошади. Инстинктивно прижала подбородок к груди, готовясь к удару, но тут почувствовала, как ее обволокло знакомой воздушной периной, чуть покалывавшей кожу. Мысленно приняв ее, очень мягко опустилась в снег возле копыт вороного жеребца.

— Что ты делаешь? — послышался встревоженный голос Николая.

Снег захрустел, когда тот спрыгнул с коня и подошел, протягивая руку, чтобы помочь подняться.

— Пытаюсь распрощаться с гордостью самым болезненным способом, — хмуро ответила Герда, вставая на ноги.

Николай удивленно вскинул бровь.

— Я хотела прыгнуть через бревно, но Яшка отказалась, — пытаюсь унять дрожь в коленках, пояснила Герда. Глядя на игравшую на его губах снисходительную ухмылку, набралась смелость и попросила: — Может... вы бы смогли... научить меня прыгать?

— А почему ты не попросила Финиста? Он же вроде хорошо ездит, да и с лошадьми договариваться умеет куда лучше моего, — осторожно поинтересовался Охотник, но Герда уже видела, как его глаза загорелись от воодушевления.

— Мне стыдно, — чистосердечно призналась она. — Он посчитает меня неумехой. Хотя я такая и есть на самом деле, но мне не хочется, чтобы он об этом знал.

— А передо мной, значит, не стыдно?

— Вы же и так все про меня и мои способности знаете.

Охотник скептически хмыкнул, но отвечать не стал. Вместо этого замотал поводья на своем жеребце так, чтобы они не соскальзывали с шеи, и отпустил гулять, а сам поймал наблюдавшую с другого конца поляны кобылу и, схватившись за повод, лихо вскочил в седло. Яшка испуганно всхрапнула и попятилась.

— Тише-тише, — оглаживая по шее, начал приговаривать Николай. — Да, я не твоя хозяйка, ну и что? Это ненадолго. Потерпи.

Яшка успокаиваться не собиралась: поднялась на вертикальную свечу и чуть было не перевернулась. Герда не представляла, что ее кобыла так умеет.

— Характер у тебя, да? — все также спокойно продолжал уговаривать Охотник, отпустив при этом поводья и прижимая ноги к бокам. Лошадь продолжала бесноваться, подпрыгивая и виляя задом. Николай все это терпел, крепко держась в седле. Через минуту безуспешных попыток сбросить наездника, лошадь успокоилась и послушно потрусилась по кругу вдоль открытой полянки. Взгляд у Николая сделался ностальгическим, словно он вспомнил нечто приятное.

— Славная кобылка. У меня в Норикки была похожая. Такая же чуткая и горячая. Порой

с ней бывало сложно, но в трудные моменты она всегда выручала. Невероятно доблестное животное.

— А где она теперь? — вежливо спросила Герда, видя, как увлеченно он стал говорить. Раньше такого не случалось.

— Погибла... по моей вине, — улыбка тут же померкла. Герда пожалела, что спросила.

— Посмотрим, почему ты не хочешь прыгать, — мотнув головой, Охотник приступил к делу.

Лошадь пошла медленным размеренным галопом. Герда удивилась, потому что прекрасно знала, как Яшка любит подпирать, особенно после такой показательной истерики. Но Никола сидел очень спокойно, не было заметно, что он дергает поводья или как-то по-другому пытается ее сдерживать. Казалось, он слился с лошадью, и та исполняла любое его повеление. Знать бы еще, как кобыле удастся угадывать его мысли. Яшка проскакала по кругу и вышла на прямую линию к бревну. Не ускоряясь, она подобралась и легко перелетела через препятствие. Никола очень плавно отдал ей повод и приподнялся на стременах. Когда кобыла приземлилась, он точно также аккуратно опустил в седло и откинулся назад, останавливая ее.

— Прыгает она хорошо, я бы даже сказал, с удовольствием, — констатировал Охотник. — Значит, дело не в ней, а в тебе.

Николя быстро соскочил на землю и подкинул Герду обратно в седло. От его прикосновений она покраснелась и оробела.

— Теперь покажи, как ты едешь, — Охотник шлепнул рукой по крупу кобылы, и та понеслась вперед.

Герда чуть не упала от неожиданности и принялась судорожно набирать поводья, чтобы придержать лошадь.

— Соберись! — прикрикнул Никола.

Очень хотелось огрызнуться, но Герда заставила себя промолчать, помня, что сама попросила помочь. Кое-как выровнялась в седле и начала управлять лошадью.

— Заходи на прыжок, — тут же скомандовал Охотник.

Герда сцепила зубы и направила лошадь на бревно, внутренне сжимаясь от страха. Почувствовав слабину, Яшка понеслась быстрее. Герда испуганно вцепилась в гриву и зажмурилась. У самого бревна кобыла попыталась резко остановиться, но видя, что на такой скорости она просто врежется, неловко подпрыгнула с четырех ног и перевалилась на другую сторону. Ощутимо тряхнуло. Герда повисла на одном стремени, цепляясь за гриву из последних сил.

— Тише, — позвал кобылу Никола.

Та послушно остановилась через пару шагов. Пальцы разжались, и Герда снова соскользнула в снег.

— Жива? — участливо спросил Охотник, подавая руку. Герда с трудом встала и отряхнулась. — Залезай обратно.

Она пролепетала что-то неразличимое себе под нос.

— Извини, не расслышал, — переспросил Никола.

— Я боюсь, — собравшись с духом, произнесла вслух. Охотник нахмурился.

— Пока я рядом, бояться нечего. Если сейчас в седло не сядешь, потом будет гораздо страшней, — буквально силой запихнул ее обратно. — Помни, если что, я тебя поймаю.

Герда затравленно посмотрела на него, набрала поводья и пустила кобылу шагом,

заставляя себя снова довериться ей.

— Как я говорил, дело не в лошади. Она прекрасно прыгает. А проблема все та же: ты не можешь расслабиться и двигаться вместе с кобылой. Сейчас ты вообще скукожилась. Так даже галопом не проедешь. Распрями спину, подвинь стремяна на носки и, насколько получается, опусти пятки вниз. Да, так хорошо. Теперь вышли лошадь в галоп. Сопровождай движения поясницей. Нет, расслабь плечи и не опускай голову, иначе ничего не выйдет. Вот так хорошо. Поверни к бревну и, когда почувствуешь, что лошадь отталкивается от земли, встань на стремянах и подай руки с поводом вперед.

— Я не смогу сделать все это одновременно! — испуганно ответила Герда, все еще скача по кругу.

— Сделай хоть что-нибудь. Езжай на бревно! — вдруг показалось, что Николая добавил еще какое-то слово, из-за которого тело начало двигаться против ее воли.

Прежде, чем Герда успела сообразить, Яшка уже полетела на бревно. "Я же сейчас убьюсь! Что он там говорил? Привстать на стремянах и подать руки вперед?" Пока она пыталась решить, что делать, кобыла уже поравнялась с препятствием. Последовал резкий толчок. Герда едва успела приподняться и вытянуть руки с поводом. Удивительно, но на этот раз никуда не вышибло. Даже равновесие худо-бедно удалось удержать.

— Великолепно! — захлопал в ладоши Николай. — Главное, не волнуйся заранее и не думай, что не сможешь. Прыгни еще раз для закрепления. Когда лошадь поставит все четыре ноги на землю, ты должна отклониться и остановить ее.

Герда выдохнула и коротко кивнула. Все равно не отстанет, пока она не сделает. Теперь уже осознанно направила кобылу на препятствие, изо всех сил стараясь не думать о падении, прислушивалась к движениям животного, чтобы не пропустить момент, когда Яшка начнет прыгать. Ближе, еще ближе, еще самую чуточку. И снова толчок. Встать и подать руки вперед. Копыта ударяются об землю. Отклониться назад. Натянуть поводья. Стоп.

— Молодец, — удовлетворенно улыбнулся Николай. — Можешь уже выдохнуть.

Герда с шумом выпустила из легких воздух. Надо же, от страха забыла, как дышать. Она спрыгнула на землю, надеясь, что так быстрее удастся придти в себя. Повод отпустила, зная, что Яшка смирная и далеко одна уходить не станет. Кобыла подошла окаймлявшим поляну молодым елочкам и, стряхнув с них снег, попробовала мягкие лапки на вкус. Расчистив место на бревне, Герда устало села. Николай подошел и устроился рядом на корточках.

— Ты как?

— Я законченная трусиха.

Он усмехнулся.

— Просто тебе не хватает уверенности. И ты не хочешь расслабиться.

Он встряхнул ее за плечи.

— Ну же. Не сутулься и не прячь голову хоть сейчас. Перестань бояться хотя бы пока я рядом. У меня достанет сил тебя защитить.

Герда прижалась к нему, повинувшись неожиданному порыву.

— А если вас не будет? — печально спросила она.

— Я буду всегда, — усмехнулся Николай, приобняв ее за талию.

Герда тоже не смогла сдержать улыбку. Они вместе засмеялись непонятно над чем и остановились лишь тогда, когда из чащи донеслось трубное ржание. Вдоволь нагулявшись, на поляну вернулся вороной жеребец. Охотник с Гердой встревожено переглянулись. Конь выгнул шею и, широко раздувая ноздри, направился к насторожившейся возле елок кобыле.

Двигался он очень зрелищной медленной рысью, высоко задирая ноги и замирая в воздухе на пару мгновений. Яшка повернула голову, красноречиво показывая белки глаз и скаля зубы, но жеребец, казалось, ничего не замечал и продолжал танцевать вокруг нее.

— Ой, что сейчас будет! — испуганно воскликнула Герда.

Жеребец как раз зашел кобыле в тыл и протяжно заржал. Яшка, устав от настырного поклонника, с диким визгом саданула ему по голове задними копытами и со всех ног помчалась к хозяйке, поднимая тучу снега. Жеребец застыл на месте, ошалело тряс мордой. Николая встал и подошел к нему.

— Парень, кажется, ты ее не впечатлил. Попробуй в следующий раз подходить не с тыла, а сразу в лоб, — Охотник весело похлопал коня по шее, чтобы подбодрить, но тот обиженно отвернулся, негодуя, что хозяин шутит над самым светлым его чувством. Николай громко засмеялся. Вот уж от кого любовных страданий никак не ожидалось.

Яшка испуганно ткнулась мордой в руку Герды. Она ласково погладила мохнатый нос, тоже слегка посмеиваясь.

— Поехали домой. Я провожу тебя, — предложил Николай.

Когда они забрались в седла, Герда осторожно поинтересовалась:

— Зачем вы меня провожаете? Снова демоны, да?

— Нет, на этот раз все тихо. Даже слишком. Это настораживает.

— И кто после этого не умеет расслабляться?

— Тут ты меня поймала. Охотничьи привычки. Ремесло накладывает свой отпечаток.

— А вы никогда не хотели заняться чем-нибудь более безопасным?

— Нет. Я люблю свою работу. Да и вряд ли кто-нибудь кроме меня за нее возьмется.

— Финист?

— Сомневаюсь. Ему нравится, чтоб все было легко, а эта работа редко такой бывает.

— А я?

— Что ты?

— Смогла бы я охотиться на демонов?

Николай остановил коня и внимательно посмотрел на нее:

— Мне бы этого не хотелось.

— Почему? Бойтесь, что я вас обойду?

Герда шутила. Она не думала всерьез, что сможет оказать сопротивление даже самому слабому человеку, не говоря уже о демонах. Удивительно, что Охотник воспринял ее слова всерьез.

— Боюсь тебя потерять, — после затянувшегося молчания ответил Николай и направил коня вперед.

Герда нахмурилась. Охотник вдруг помрачнел и больше в разговоры не вступал, пока они не добрались до самого дома.

После этого разговаривали мало и почти не виделись. Герда продолжила занятия с Финистом, а Николай с Майли и Вожьком. Так шли дни. В воздухе все больше чувствовалась весна. Снег бурел и таял прямо на глазах. Ездить на прогулки на лошадях стало слишком опасно из-за толстой настовой корки, которая неизменно появлялась после ночных заморозков. Поэтому вечера Финист с Гердой коротали в городе. Так, во время одной из прогулок по набережной, они встретили Анку, которая ходила в порт за свежей рыбой.

— Все гуляете? — весело подмигнула она. Герда потупилась. Финист молчал, явно ожидая от своей спутницы другой реакции.

— А мы всю к Остаре готовимся, — продолжила Анка, не дождавшись ответа. — Вот начинку для пирогов покупала. Боюсь, рыба в этом году будет почти единственным украшением стола. Хорошо хоть, ее никогда мало не бывает. Придете на праздник?

— Танцы будут? — быстро осведомился Финист.

Герда продолжила молчать. Умом она понимала, что должна наотрез отказаться, но так не хотелось никого обидеть. Анка лукаво ухмыльнулась и кивнула. Финист властным движением приобнял Герду за талию и прижал к себе.

— Тогда обязательно придем, — воодушевленно ответил он.

Герда затрепетала от возмущения. Почему он решил все один? Вот пусть сам и идет. Без нее. Герда резко оттолкнула его руку и отодвинулась. Финист удивленно моргнул. Заметив, что обстановка накалилась, Анка поспешила раскланяться и оставить парочку выяснять отношения без нее.

— Ты не хочешь идти? — сделал несчастные глаза Финист.

— Естественно, не хочу. Помнишь, как было в прошлый раз? — хмуро ответила Герда, избегая его взгляда.

— Я помню, что нам было очень хорошо, пока не явился он, — оборотень неопределенно махнул рукой. В тот же миг из-за поворота показался Николя вместе с Майли. Охотник что-то объяснял своей новой ученице вполголоса, а та, чуть приоткрыв рот так, что виднелись кончики зубов, ловила каждое слово. Поравнявшись с Финистом и Гердой, они остановились.

— Что опять не так? — не замедлил поинтересоваться Николя, поймав на себе полный безудержного гнева взгляд оборотня. Финист скрипнул зубами, но сдержался. Майли, поджав губы, созерцала парочку из-за плеча Николя. Даже на таком расстоянии Герда чувствовала, как ей обидно. Положа руку на сердце, Герда сейчас бы с удовольствием уступила свое место.

— Мы хотим пойти на праздник, — с вызовом заявил Финист, за что получил от Герды ощутимый пинок локтем.

Почему он взял в привычку говорить "мы", ничего у нее не спросив? Герда очень надеялась, что Николя откажет. Тем более, что просьба была высказана весьма неучтивым тоном, а Охотник подобного не терпел.

— Идите, — безразлично пожал плечами Николя, в очередной раз растоптав все надежды.

— Вот видишь, он не против. Будем танцевать всю ночь!

Финист снова прижал ее к себе.

— Только вернитесь засветло, — поспешил добавить Николя, испортив все веселье, и ушел вместе с Майли.

— Скотина! — прошипел ему вслед Финист.

Герда закрыла лицо руками, едва не рыдая от досады.

В день праздника Герда допоздна валялась в постели, оттягивая момент, когда придется объясниться с Финистом, потому что идти на праздник она не собиралась. Давно уже пора сказать решительное нет, иначе его двусмысленные намеки, томные мысли, заставляющие лицо пылать от смущения, настырные попытки обнять и поцеловать уничтожат их дружбу окончательно. Да и Майли жалко. У нее было такое несчастное лицо, когда Финист, не удостоив ее и взгляда, объявил, что пойдет на праздник с Гердой. А ведь она сама обещала помочь Майли завоевать сердце оборотня. Теперь Герда чувствовала себя предательницей.

Она решительно встала с кровати, оделась в серое домашнее платье и, накинув на плечи шерстяной платок, пошла к Финисту. Не дойдя до двери его комнаты, Герда замерла, повторяя про себя речь, которую всю ночь придумывала. Сбилась. Забыла половину, а вторая показалась настолько глупой и неубедительной, что даже про себя проговаривать ее было стыдно. Почему Николая не оградил ее от этого? Почему дал разрешение? Ведь прекрасно видел, как ей не хочется никуда идти. Не мог не видеть. Может, это изощренная месть за то, что она оказалась такой неспособной ученицей? Или ему просто все равно? Почему никак не получается проникнуть в его мысли? Герда сдавленно застонала, обхватив себя руками за плечи.

— Ты к нему идешь? — раздался над самым ухом голос Майли.

Герда вздрогнула и обернулась. Майли нависла над ней с лицом чернее грозовой тучи. Сделалось очень неудобно. Герда словно кожей ощущала неприязнь, замешанную на зависти и ревности.

— Да. Хочу поговорить насчет... — Герда сбилась и опустила глаза, избегая тяжелого взгляда. — Насчет праздника. Я, наверное, не пойду. Плохо себя чувствую. Красные дни. А почему ты не на занятиях с мастером Николая?

— Он утром ушел с Вожыком и пока не вернулся, — пожала плечами Майли. — Если... если ты не пойдешь, скажи Финисту, что я с удовольствием тебя заменю. Ты ведь скажешь?

Герда коротко кивнула и поспешила скрыться за дверью. Оказавшись в комнате Финиста, она облегченно выдохнула. Оборотень сидел за столом и сосредоточенно что-то выводил на листе бумаги, но услышав за спиной шум, тут же смял его и сунул за пазуху. Герда удивленно моргнула.

— Чернила не высохли. Сейчас растекутся, — указала на быстро растущее пятно на рубаше. Финист спешно достал скомканный лист, но умудрился испачкаться еще больше.

— Что там было? — спросила Герда, с трудом подавляя желание усмехнуться.

— Ничего особенного, — нарочито непринужденно ответил Финист, поднес руку к волосам, чтобы по привычке их взлохматить, но, видимо, вспомнив, что она вся в чернилах, тут же одернул. — Ты на занятия пришла? Я решил устроить сегодня выходной, чтобы ты успела к празднику подготовиться. Прихорошиться там, я не знаю, как вы это делаете...

— Да, насчет праздника, — Герда решила сосредоточиться на том, зачем она собственно сюда пришла. — Я плохо себя чувствую, поэтому извини...

— Поговори с Эглаборгом. У него, наверняка, найдется снадобье от любого недомогания. Подлечишься, отдохнешь, и к вечеру все пройдет, я уверен, — не дал договорить оборотень.

— И все же я не думаю...

Финист подался вперед, взял ее ладонь в свои и прижал к щеке, перепачкав и Герду заодно.

— Пожалуйста, для меня это очень важно.

Она попыталась вырваться, но он не отпустил.

— Сходи с Майли. Уверена, она с радостью согласится.

— Без тебя праздника не получится, — Финист разжал ладони, но продолжал смотреть умоляющим взглядом. — Пожалуйста, сходи хоть ненадолго. Если недомогание не пройдет, можешь даже не танцевать. Просто сходи. Это сделает меня самым счастливым человеком на свете.

Герда закусила губу. Она не могла отказать, видя отчаяние в его глазах.

— Хорошо, я загляну к Эглаборгу, — обреченно ответила и ушла.

У двери ее поджидала Майли. Видно, пыталась подслушать разговор.

— Ну что? — не скрывая нетерпение, спросила она.

— Без меня он идти отказался. Придется втроем, — хмуро поведала Герда.

— И я как дура буду сидеть на скамейке, пока вы танцуете? Нет уж! — надулась Майли.

— Как дура буду сидеть я, а вы танцевать. У меня недомогание, забыла?

На вежливый ответ сил уже не осталось. Майли скептически хмыкнула, но Герда не стала слушать и спустилась в гостиную. Она проспала завтрак, поэтому единственное настоящее недомогание было вызвано легким голодом и доведенным до крайности раздражением. Решив не тревожить Эглаборга, сама отыскала, чем перекусить, и когда уже собиралась вернуться наверх, услышала настойчивый стук во входную дверь. Никто открывать не торопился, поэтому встречать неизвестных пришлось Герде. На пороге, повернувшись к дому спиной, стояла Анка. Должно быть, решила, что дома никого нет, и уже хотела уходить, но услышав звук отпираемой двери, быстро обернулась и приветливо улыбнулась:

— Мне нужен Николая. Мой отец его разыскивает. Вообще-то он сам хотел заглянуть, но я вызвалась помочь, чтобы поменьше на кухне торчать.

Герда вымученно улыбнулась.

— Мастер Николая еще не возвращался, но когда придет, я обязательно передам.

— Чего такая мрачная? Что-то случилось? Я еще вчера заметила, как ты погрустнела, когда твой ухажер про танцы заговорил. Слишком наглый стал, да?

Герда тяжело вздохнула, пропуская словоохотливую дочку бургомистра в дом. Может, действительно стоит поделиться наболевшим. Глядишь, и тоска отпустит. Они удобно расположились в гостиной на диване. Герда сквозь силу начала рассказывать про свои проблемы с Финистом.

— Ууу, — протянула Анка, внимательно выслушав ее. — Вижу, ты совсем увязла. А напрямик объяснить про свои чувства не пробовала? Чем дольше ты будешь водить его за нос, тем сложнее ему будет принять правду. В результате ты разобьешь ему сердце. Вряд ли вы сможете остаться друзьями после этого.

Герда понурилась.

— Я пыталась несколько раз все объяснить, но он не желает ничего слышать... Не хочет понять, что я люблю его только как друга.

— Значит, надо быть настойчивей. Повторять до тех пор, пока до него не дойдет. Просто веди себя поуверенней, не красней и не опускай глаза. Сделай что-нибудь решительное.

— Хорошо, — кивнула Герда. — Сегодня я решительно останусь дома.

Анка закатила глаза:

— Праздник-то зачем себе портить?

— Да мне неинтересно даже, — соврала Герда и опустила глаза.

Сверху донесся какой-то шум. Девушки вздрогнули и встревожено переглянулись. Герда взбежала по лестнице и отворила дверь в свою комнату. Анка последовала за ней. Внутри ощутимо веяло холодом. Раскрытое настежь окно громко ударялась об стену от сильного ветра. Герда поспешила его запереть, чтобы не разбилось дорогое стекло.

— Зачем ты окна оставляешь открытыми? Всю комнату выстудила. И меня до полусмерти напугала, что значительно хуже, — обругала ее Анка, одну руку прижимая к

грудь, а второй опираясь на спинку кровати. — Гляди-ка, что это?

Герда обернулась и нахмурилась. Светлым пятном на темном покрывале выделялось аккуратно сложенное платье, да такое роскошное, какого она в жизни не видывала.

— Какая прелесть! Оно старинное. Такое сейчас разве что на гравюрах и гобеленах увидеть можно, — восхитилась Анка, взяв в руки, чтобы получше рассмотреть. — Откуда оно у тебя?

— Не знаю. Когда я уходила, его здесь не было.

— Должно быть, это подарок фей! Они как раз в Остару чудеса совершать любят. Смотри, тут и вышивка особая по краю идет — цветы вереска.

— Если это так, то лучше его выбросить или сжечь. Да, пожалуй, лучше сжечь, чтобы случайные люди не нашли и не накликали на себя беду.

— Почему?! — оторопело воскликнула Анка.

— Да потому что оно от демонов. От них добра не жди. Оно либо отравлено, либо проклято, поэтому лучше вообще не прикасаться.

Анка звонко рассмеялась, сгребла платье в охапку и закружилась по комнате.

— Видишь, я прикоснулась и абсолютно ничего не произошло. Про фей я пошутила. Уверена, это оставил Николая.

Герда удивленно моргнула.

— Но...

— У кого еще хватит денег и возможностей заказать такое в Дюарле? Наш портной удавится, да в жизни не сошьет ничего подобного. Тут рука столичного мастера видна.

Герда вздохнула и взглянула на платье уже с гораздо большей приязнью.

— Давай, я помогу надеть — сама не справишься, — любезно предложила Анка.

— Все же не думаю, что стоит... — сделала последнюю попытку отговориться Герда, но глаза дочки бургомистра уже лихорадочно блестели, а на щеках от азарта выступил легкий румянец. Было видно, что она не отстанет так просто.

— Должно быть, Николая хочет, чтобы ты пришла в этом на праздник. Ты ведь не станешь его разочаровать?

Герда обреченно закрыла лицо руками. Она сильно сомневалась, что Николая стал бы преподносить ей такие подарки. Вряд ли его вообще занимает, пойдет ли она на праздник. Он неоднократно давал это понять и весьма красноречиво. Но все же так хотелось поверить в сказку, в то, что маленькая мечта сбудется. Хотя бы один танец. Да, за танец с Николаем она согласна надеть проклятое платье.

Герда спешно скинула с себя одежду. Наряд фей оказался составным, как слоеный пирог. Сначала одевалось простое тонкое нижнее платье, поверх него блио с пышной широкой юбкой нежно-лазурного цвета и расклешенными к низу рукавами, удлиненными сзади почти до самого пола. Венчал все это сооружение отороченный белым песцовым мехом темно-синий корсаж из плотной ткани с тугой шнуровкой на спине и повязанный низко на бедрах пояс с серебряными звеньями, свисавший почти до середины икр. Под кроватью нашлись великолепно подходившие к платью белые сапожки на маленьком каблучке.

— Чудо, как хороша! — восхитилась Анка, разглядывая Герду в таинственном платье. Та потупилась и задумчиво провела пальцами по вышивке на рукаве. Такая же украшала подол и ворот блио.

— Сейчас еще причесочку сделаем — будешь настоящая принцесса, как в старину.

Правда-правда. Наши девчонки от зависти позеленеют, ручаюсь.

Какое ей дело до лапских девчонок? В этом платье она чувствовала себя странно, тоскливо, но не так, как обычно. Словно тоска шла изнутри, приглушенная и невыносимая одновременно, как из давно затянувшейся раны, по которой нечаянно попали палкой. Хотелось поскорей избавиться от наряда, но настырная Анка не отпускала. Да и не могла Герда объяснить ей свои смутные ощущения. Их даже себе объяснить не получалось. Через полчаса дочка бургомистра закончила колдовать над прической и поспешила к родителям, вспомнив, что ее ждут. Времени до выхода оставалось в обрез, но Герда все же спустилась в библиотеку, чтобы найти ответы на терзавшие вопросы.

В этот раз искать пришлось не так долго, потому что она примерно догадывалась, чей это мог быть подарок. На верную мысль уже в какой раз ее натолкнул дневник Лайсве, где часто упоминались таинственные жители холмов. По словам Лайсве, людьми они явно не являлись, а принадлежали к дружественной Стражам демонической расе. Хотя их намерения не казались особо враждебными, все равно чувствовалось, что Лайсве относится к ним с опаской и подозрением. Поэтому стоило на всякий случай проверить и, возможно, предупредить Николая. А если это на самом деле его подарок? Тогда будет жутко неудобно за свою мнительность. Но ведь он никогда не проявлял к ней интерес, тем более, так открыто.

Подходящее описание Герда нашла в памятном томике «Легенд и преданий Севера». Там говорилось:

«По всей Лапии легко отыскать небольшие общины туатов де Дананн, племен, ведущих свою родословную от лесной богини Дану. Эти человекоподобные демоны, ближайшие родственники авалорских Сидов, предпочитают селиться в полых холмах. Первым признаком появления туатов служит прорастающий возле их домов вереск.

Внешне похожи на людей с хрупким гибким телосложением. Волосы и глаза преимущественно темного цвета. Уши чуть заостренные кверху. Мужчины-туаты искусные охотники и воины, намного превосходящие людей в стрельбе из лука, а во владении мечом лишь немногим уступают Стражам. Женщины нередко обладают колдовским даром и используют его, чтобы отводить людям глаза от своих соплеменников. Также разбираются в зельях и проклятиях других демонов.

На людей нападают редко и только если ущемлены их интересы. Одни из первых демонов, с которыми Стражам удалось заключить дружественный союз. Сражались на стороне людей во времена тролльих войн. Древнейшим и сохранившим связь со своей богиней-покровительницей туатам доступны сокровенные знания о природе мироздания.

Несмотря на дружеские отношения, не стоит относиться к ним легкомысленно. Их мужчины болезненно горды и злопамятны, а женщины коварны и хитры.

Особенно активны туаты во время весеннего равноденствия, когда силы ворожей увеличиваются десятикратно. Именно в этот день они наиболее опасны для мужчин-Стражей, которые часто оказываются жертвами приворотных чар и зачинают с ними полукровок, у которых гораздо больше шансов пережить младенческий возраст, чем у чистокровных туатов, потому что последние сильно болеют в первый год жизни. Также из-за этой особенности нередки случаи, когда отчаявшиеся туаты подкидывают людям своих слабых детей, а себе забирают здоровых. Впрочем, ни для одной стороны ничем хорошим подмены не заканчиваются.

Сами туаты часто называют себя по имени богини-покровительницы Дану. Их символом является цветущий вереск".

Герда задумчиво провела рукой по вышивке на рукаве. Цветущий вереск. Но ведь и Николая дарил ей брошь в виде вереска. Герда взяла книгу подмышку, поднялась к себе и разыскала спрятанные в кожаном мешочке осколки. Высыпала на ладонь, разглядывая редкий, ни на что не похожий материал. Интересно, чем может быть опасен "подарок фей" для девушки, ведь туаты привораживают только мужчин? Да и стоит ли вообще идти на праздник, если там явно приготовлена ловушка? Ведь сегодня и есть день весеннего равноденствия. Прежде чем Герда успела принять решение, в коридоре послышался звук шагов. Она спешно спрятала осколки в мешочек и сунула его за пазуху.

— Готова? — по обыкновению без стука ввалился в комнату Финист. — Вот это да! Какая же ты красивая в этом наряде!

— Спа... спасибо, — смущенно ответила Герда, пряча глаза.

— Но кое-чего не хватает, — лукаво усмехнувшись, он приколот к вороту платья лежавшую на столе серебряную брошь — его собственный подарок, который она ни разу не заставила себя надеть. Украшение по оттенку металла чудесно сочеталось с платьем и подходило к поясу, в котором тоже были серебряные звенья. Финист еще раз осмотрел ее и восхищенно выдохнул:

— Теперь и на королевском балу в Дюарле появиться не стыдно.

— Я не очень... — сделала робкую попытку отговориться Герда, но Финист уже тянул ее из комнаты. — Но там туаты... опасно... мастер Николая...

— Он сам разрешил, — отмахнулся Финист.

За спиной послышалась не слишком деликатное покашливание. Оборотень резко обернулся.

— Майли попросилась пойти на праздник вместе с нами, — справившись с оцепенением, сказала Герда. Финист сузил глаза, глядя на одетую в свое лучшее темно-бордовое платье девушку. Майли выглядела очень элегантно и величаво. Ну почему Финист не хочет обратить внимание на нее?!

— Как скажешь, — быстро согласился он и попытался взять Герду под руку, но та отпрянула и поспешила присоединиться к Майли.

— Какое ужасное старомодное платье! Ты его в семейном склепе откопала? — насмешливо поинтересовалась она.

— А мне нравится, — соврала Герда, чтобы не выглядеть жалкой. — Да и какая разница в чем на скамейке сидеть?

Майли мигом подобрела, явно предвкушая приятный вечер. Герда же шла на праздник, как обреченная.

— У нас проблемы, — тяжело вздохнув, сообщил бургомистр.

— Это Лапия. Здесь всегда проблемы, — резонно заметил Охотник.

— Я не имел в виду проблемы города, я говорил о семейных проблемах, — продолжал ходить вокруг да около Гарольд, что наводило на определенные подозрения.

— Лейф снова набедокурил? — озвучил догадку Николая.

— Нет... пока. Но я очень хочу это предотвратить. Слышал, ты будешь заниматься с его другом, ну таким мелким и шустрым не в меру.

— Его зовут Эйсмунд, — подсказал Охотник.

— Да, так вот, Лейф пообещал, что впредь будет вести себя осмотрительней, если ты станешь обучать его вместе с этим Эйсмундом.

— Мальчишки... они уже и родителями вертят, как хотят, — проворчал вполголоса Николя, но выполнить просьбу бургомистра все же согласился.

Прекрасно знал, что ребята неразлучны. Если взялся обучать одного, придется заниматься и со вторым, иначе ничего не выйдет. А еще хорошо бы привлечь Вожыка — уж ему-то занятия на свежем воздухе точно не повредят, учитывая, как много в нем скапливается лишней энергии. Где бы только время найти? Сейчас вроде тихо, но если появится очередной демон, то даже с учениками из Компании придется туго.

От усталости голова просто гудела, а громкая музыка на главной площади отнюдь не успокаивала. Хотелось поскорей вернуться домой, выпить травяного отвара и хорошенько выспаться.

— Что скажешь? — напомнил о себе бургомистр, отвлекая его от размышлений.

— Я же на все согласился, — нахмурился Николя.

— Ты согласился обучать мальчишек, а последние пять минут я рассказывал тебе, что у нас расплодились крысы. Что с тобой? Заработался? Так я давно советовал отдохнуть. Ты же себя не щадишь совсем. Так и в могилу скоро сойдешь, не пожив вовсе. Хоть сегодня повеселись.

— Крысы? На демонов вроде не похоже, — ответил Охотник, старательно проигнорировав вторую часть фразы.

— Забудь про крыс. Смотри лучше, кто идет! — перебил бургомистр, с интересом разглядывая нечто за спиной Охотника. Николя спешно обернулся и нахмурился.

Когда после долгих уговоров Финист все-таки пригласил Майли на танец, Герда с облегчением уселась на лавку и, поплотнее укутавшись в наброшенный на плечи платок, принялась отрешенно рассматривать веселящихся людей. Самые младшие собирались в группки, шалили и задорно смеялись над своими проказами, люди постарше, едва достигшие брачного возраста танцевали или ожидали приглашения на танец с переполненными томящей надеждой лицами, женатые танцевали или просто прогуливались парами по почищенным от талого снега дорожкам, пробовали выставленные на праздничных столах блюда и степенно обсуждали семейные дела, совсем старики также, как Герда, устроились на скамейках и полусонно наблюдали за веселящейся молодежью.

Она тяжело вздохнула. Старуха в старомодном платье. Даже танцевать по своей воле отказалась. «Почему я вместо того, чтобы жить и наслаждаться жизнью, всегда предпочитаю наблюдать за ней со стороны и грезить о несбыточном? Было бы намного проще, если бы я приняла чувства Финиста и перестала ждать, что Николя соизволит обратить на меня внимание. Почему так трудно избавиться от этой навязчивой идеи?»

Герда задумчиво провела пальцами по серебряной броши. Даже на ощупь она была совсем другой, чем подарок Николя, холодной, чуждой и нежеланной. Стало совсем грустно. Герда подняла глаза и случайно наткнулась на двух беседовавших в дальнем углу площади мужчин. Приглядевшись, узнала в одном из них Охотника. В задумчивости закусила

нижнюю губу. Анка права. Надо быть решительней.

Герда направилась в сторону мужчин. Заметив ее приближение, они тут же замолчали, внимательно разглядывая ее.

Герда глубоко вздохнула, сжала кулаки и скороговоркой произнесла:

— Мастер Николая, если вы не очень заняты, то не могли бы вы пригласить меня на танец?

Охотник ошарашено моргнул, открыл рот, но не произнес ни слова.

— Конечно, он абсолютно не занят, — ответил за него полноватый лысеющий мужчина. — Ступай. Не стоит отказывать такой красавице, тем более, что у нее хватило духу самой тебя пригласить.

Николя продолжил молчать, задумчиво разглядывая Герду. Оценивает? Тоже будет сыпать глупыми комплиментами? Его взгляд остановился на вышивке, глаза сузились, губы растянулись в узкую полоску. Ему не нравится?!

— Почему бы и нет? — улыбнувшись, согласился вдруг Николая и обернулся к бургомистру. — Вы нас извините?

Гарольд коротко кивнул. Охотник аккуратно взял Герду под руку и повел к танцующим.

— Почему ты одна? Тебя ведь, кажется, Финист пригласил, — недовольно спросил Николая, когда они смешались с толпой.

— Не ругайте его. Я упросила его потанцевать с Майли. Ей очень хотелось, чтобы он ее пригласил, — по обыкновению начала оправдываться за оборотня Герда.

Николя скептически вскинул брови, но никак отвечать не стал и заговорил снова, выдержав небольшую паузу.

— Откуда у тебя это платье? — голос его звучал спокойно, но она все равно ощущала его недовольство.

— Оно вам не нравится? — грустно спросила Герда, прекрасно понимая, что сейчас речь вряд ли идет о ее внешнем виде.

— Нет, оно красивое, но сомневаюсь, что его сшил местный портной. Так откуда оно?

Герда пожала плечами и понурилась:

— Я нашла его на кровати в своей комнате и подумала, что это ваш подарок. Простите, что неправильно поняла.

Они остановились, так и не дойдя до танцующих. Николая задумчиво прищурился.

— Зачем бы мне это понадобилось?

— Не знаю, но мне было приятно так думать.

Герда вздохнула и понурилась. Уже поняла, что танцевать с ней он не собирается. От колючего холодного взгляда сделалось нестерпимо больно. Только бы сейчас не расплакаться. Дура! Ведь знала, что этим все и закончится.

— Если хотите, я вернусь домой и избавлюсь от него, только Финиста с Майли предупреджу, — Герда обхватила себя за плечи руками, избегая его взгляда, потому что глаза уже застелила плотная пелена слез.

Впрочем, Николая отвернулся сам, заметив кого-то знакомого в толпе.

— Не стоит. Повеселись лучше на празднике. Ты это заслужила. Думаю, ничего страшного не случится, если мы избавимся от платья завтра, — подбадривающе улыбнулся он.

— И вы со мной потанцуете? — с надеждой спросила Герда.

— Рад бы, но совсем нет времени. Прости. Может, в другой раз? Сегодня потанцуй с

кем-нибудь другим, — предельно вежливо ответил Николая и спешно пошел прочь.

— Но я не хочу без вас, — прошептала вслед Герда.

Николя стремительно двигался навстречу неподвижной, укутанной в синий плащ фигуре, которая ярким всполохом выделялась в веселящей толпе. Было немного совестно оставлять Герду без объяснений. Она выглядела такой удрученной. Наверное, не стоило так холодно с ней разговаривать, ведь она не представляет, в какие интриги ее пытаются впутать.

Цветущий вереск на вышивке, тревожное томление в груди, едва заметный огонек желания. Пока лишь облизывает пятки, но вот-вот обратится в пламенного зверя, укротить которого вряд ли достанет сил, учитывая, насколько Николая измотан. Слишком хорошо знакомые ощущения от приворотных чар. Но в этот раз он не поддастся, не станет трусливо закрывать глаза, не позволит использовать невинную девушку, чтобы добраться до него. Если им что-то нужно, пусть говорят напрямик. Он все сделает, лишь бы ее оставили в покое.

— Эйтайни, что происходит?! — с трудом сдерживаясь, спросил Николая, наконец, добравшись до таинственной фигуры.

— Праздник весны, думаю, — она приподняла капюшон, открывая не по-человечески красивое лицо, и улыбнулась по обыкновению обезоруживающе. — Здесь так шумно и весело, что слышно даже у нас. Мне захотелось посмотреть.

— Посмотреть, сработал ли ваш план? Для чего вы вплели в платье Герды приворот? — он пожалел, что высказал все прямо, не скрываясь. Эйтайни слишком сильна в ворожбе, чтобы относиться к ней легкомысленно. Но правды сейчас можно добиться только так.

— Разве это не очевидно? Чтобы привлечь твое внимание, конечно, — продолжила улыбаться Дану, но в темно-фиалковых глазах появился легкий оттенок досады. — Отчего ты не подарил ей танец? Неужели она настолько тебе противна, что ты не можешь сделать столь ничтожное одолжение? Ведь она так просила!

Николя неуютно передернул печами и потупился.

— Что тебе стоило сделать маленький шаг ей навстречу? — продолжала говорить Эйтайни тихим напевным голосом.

Снова ворожит. Никак успокоиться не может. В памяти все время всплывал несчастный взгляд Герды, полные едва сдерживаемых слез глаза. "Вы со мной потанцуете?" — свербел в голове ее тонкий, хрупче горного хрусталя голос. Нет, так нельзя. Слабость перед женскими слезами нужно преодолеть, как он преодолевал все остальные свои слабости.

Николя напрягся, приступом разрывающей голову боли отгораживая себя от колдовских наваждений.

— Это был бы шаг в пропасть. Для меня и для нее.

Эйтайни, явно ощутив сопротивление, замолчала и отвела взгляд.

— Давайте поговорим в более спокойном месте, — он кивком указал на танцующих.

Ворожея, вздохнув, согласилась, и они направились к окраине города, где под вересковыми холмами прятался подземный дворец лапских Дану. Остановились у входа. Внутри Николая идти не захотел, зная, что там силы Эйтайни десятикратно возрастут, а он

наоборот ослабевает без доступа к небу и ветру. Нельзя давать демонам такого преимущества, пусть даже они и кажутся друзьями.

— Объясните мне одну вещь. Почему все из кожи вон лезут, чтобы сосватать мне эту девушку? Какая вам от этого выгода? — требовательно спросил Николая, когда они остановились у самого высокого холма в глубине гряды, чтобы их уж точно не подслушали.

— Мы беспокоимся. Почему ты злишься? — Эйтэини печально покачала головой и полностью сняла капюшон в знак доверия между ними. — Белая горлица — то, чего тебе не хватало все это время. Ты ведь сам подарил ей мою брошь. На ней не было приворота.

Николай вдохнул полной грудью морозный воздух. Он и сам не знал, для чего это сделал тогда, десять лет назад. И почему воспоминание о прилипчивой девчонке из Дрисвят настойчиво терзало его все эти годы. Юки была права: за спрятанными в кожаной папке портретами скрывалось нечто большее, чем простая увлеченность красивыми чертами лица. Наваждение, за которым не было демонического колдовства. Пришедшее откуда-то из глубин сознания. Безликий? Скорее всего, он. Почему Эйтэини с ним в сговоре? И знает ли о нем?

— Не люблю, когда мной манипулируют, — выдавил из себя Николай, когда отмалчиваться стало уже невозможно. Говорил не только ворожее, но затаившемуся в тени сознания Безликому. — И еще меньше мне нравится, когда это делают с невинной девушкой. Не впутывайте ее в свои интриги, если хотите сохранить нашу дружбу.

— Николай-Николай, — Эйтэини подняла ладонь и увитым вересковой татуировкой пальцем провела по щеке Николая, снова выплетая ворожбу. — Ты же не со мной, а с собой сейчас борешься, зачем? Эта борьба бесплодна и ни к чему хорошему не приведет, — она перебежала взглядом за спину Охотника и остановилась, обрывая наполовину готовый узор.

Правильно. Иначе он бы не сдержался и ударил.

— Послушай моего совета,пусти горлицу в сердце. Она поможет тебе примириться с собой и найти свет истины, которого ты так жаждешь.

Охотник увидел его. Крохотный огонек хорошо знакомой ауры. Зачем ее сюда привели? Это ловушка?! Николай напрягся, демонстративно положил руку на эфес меча и с угрозой процедил:

— Оставьте ее в покое.

Герда наблюдала за ним, изо всех сил сдерживая слезы.

Николай шел сквозь толпу. Она расступалась перед ним, как волны перед кораблем, пока он не остановился возле невысокого человека в синем плаще. Несколько минут они разговаривали, а потом вместе направились к противоположной от дома Охотника окраине Упсалы. Герда следовала за ними, словно привязанная, стараясь держаться на расстоянии, но не упускать из виду. Вдалеке от толпы стало сложнее, но опустившаяся на город темень позволила незаметно подобраться поближе. До слуха доносились обрывки разговора, но понять, в чем суть, по ним оказалось невозможно. Они остановились посреди гряды холмов, в стороне от поселения. Герда спряталась за ближайшим к ним пригорком и осторожно выглянула.

Неизвестный сбросил капюшон. Им оказалась женщина. Грациозным жестом

выправила из-под плаща темные волнистые волосы, которые доходили ей почти до середины бедра. Лицо ее было нестерпимо красиво, с тонкими точеными чертами, маленьким аккуратным носиком, чувственными губами и томными кошачьими глазами. Она кокетливо улыбалась, но Николая оставался напряженным. Тогда незнакомка игриво коснулась пальцем его щеки. Герда внутренне сжалась. Стало жутко неприятно, что чужая женщина ведет себя с ним так откровенно. Настырная поклонница? А, может, любовница? Понятно, почему он отказался танцевать. Боялся, что она приревнует!

Резкий порыв ветра донес странный запах-ощущение. Женщина в плаще не была человеком. Николай разговаривал с демоном. Герда даже догадалась, с каким. В памяти возникли строки из книги: «Туаты особенно опасны для мужчин-Стражей, которые часто оказываются жертвами их приворотных чар». Герда вздрогнула, заметив выглянувшие из-под пышных волос заостренные ушки. Вот оно! Должно быть, в вышивку на платье были вплетены приворотные чары, только направлены они были не на нее, а на Николая. И они подействовали, заставил его пойти за демоном вместо того, чтобы остаться с Гердой. Теперь туата уведет его в царство под холмами. Надо это остановить!

Не раздумывая больше ни мгновения, Герда помчалась к Охотнику.

— Мастер Николая, погодите! — громко закричала она. — Не ходите с ней. Она вас приворожила!

Охотник с незнакомкой обернулись и удивленно уставились на нее.

— Что стряслось? — нахмурился Николай.

Герда остановилась возле них и, с трудом пытаясь отдышаться, начала путано объяснять.

— Это демон. Туат. Ворожея. Она зачаровала вас, чтобы увести в царство под холмами и зачать там детей! — только произнеся это вслух, Герда осознала, насколько глупыми должны выглядеть ее слова со стороны.

К вящему ужасу, Охотник и незнакомка дружно рассмеялись.

— Успокойся, все в порядке. На меня привороты не действуют, — заверил ее Николай. Герда уже все поняла по выражению их лиц. Щеки запылали от стыда. — Это Эйтайни, королева Дану Лапии. Моя старая знакомая. Она иногда помогает мне в Охоте.

Герда закрыла лицо руками. Почему она решила, что эта женщина тот самый демон? Давно уже пора научиться различать сказки и жизнь. Сколько раз ее об этом предупреждали? Теперь Николай, наверняка, решит, что она непроходимая дура. И будет абсолютно прав. Она ведь не Страж и не Охотник. Зачем только полезла туда, где ничего не понимает?

— Простите, — угрюмо выдавила из себя Герда.

— Ничего страшного, — снисходительно улыбнулась Эйтайни. — К тому же, ты недалеко от истины. Я действительно происхожу из рода туатов де Дананн и умею ворожить. Но поверь, времена моей бурной молодости, когда подобные шалости были в порядке вещей, уже давно прошли. У меня уже есть муж и сын, хлопот с которыми за всю жизнь не оберешься. Никто другой мне не нужен.

Герда продолжила краснеть, изучая покрытый настовой коркой снег под собственными сапогами.

— Извините, — еще раз пробормотала она, не зная, что сказать.

— Николай, не позволишь нам немного поговорить о женских тайнах наедине? — Эйтайни выразительно посмотрела на Охотника.

— Хорошо, но помни мои слова, — предупредил Николая королеву Дану, а потом прошептал над самым ухом Герды: — Не доверяй ей. Она все же демон и преследует собственные цели, отличные от наших. Зови, если хоть что-то покажется подозрительным.

Герда с удивлением поняла, что он сильно обеспокоен. Хотелось заверить его, что все будет хорошо, но она просто кивнула. Охотник отошел на почтительное расстояние. Эйтайни тяжело вздохнула, глядя на его удаляющуюся спину, и снова повернулась к Герде.

— Ты очень умна. Немногие могут разглядеть мою сущность сквозь чары, а тем более так точно угадать мой род, — туата явно пыталась завоевать расположение с помощью лести.

Это необъяснимо пугало. Герда решила побыстрее все выяснить и позвать Николая, чтобы не оставаться наедине с ворожеей долго.

— Вы подарили мне платье? Зачем?

— Хотела помочь сблизиться с Николаем, но забыла, насколько он упрям, и сделала только хуже. Прости, — Эйтайни печально опустила голову.

Против воли захотелось ее утешить.

— Разве может быть хуже? Я ему безразлична. И чем больше я стараюсь понравиться, тем больше он меня отталкивает. Думаю, мне надо оставить надежды и научиться жить дальше, не мечтая о нем, — Герда решительно глянула на ворожею. — Но все это неважно на самом деле. Важно то, почему вы решили мне помочь.

— Все-таки Сайлус прав. Небесные чересчур мнительны, — горько усмехнулась Эйтайни. — Видишь ли, Николай отличный воин, сильный, умный, дальновидный. Возможно, один из лучших в Мидгарде. Но все же ему чего-то не хватает.

Герда недоуменно моргнула.

— Стимула, — любезно объяснила туата. — Того, что заставит его измениться, шагнуть через грань собственных страхов и победить в решающей битве, несмотря на все тяготы, что лягут на его плечи. Ты и есть этот стимул.

— Вы ошибаетесь, — твердо возразила Герда. Роль стимула была ей не по душе, ведь с помощью него людьми легко управлять. Совсем не хотелось, чтобы Николай заставляли что-то делать против его воли. Но вслух высказывать эти соображения она не решилась. И без того чувствовала себя глупее некуда. — Он даже потанцевать со мной отказался. Вряд ли я та девушка, ради которой он станет совершать подвиги.

— Но ведь однажды он уже сделал это, — подмигнула Эйтайни, словно прочитав ее мысли. — Пригласил на танец и совершил подвиг, на который без тебя не был бы способен.

— Это было давно: я была лучше, он был другим, а теперь... Я ведь даже его подарок не смогла сохранить. Он разбился. Вот, — Герда достала из-за пазухи мешочек с осколками вересковой броши и, вытряхнув их на ладонь, показала туате. — Точно также разбились мои глупые мечты. Я бесконечно разочаровала мастера Николая. Найдите другую девушку, более красивую, умную и достойную. Тогда быть может...

К горлу подступил ком. Стало трудно продолжать, как только Герда представила Николая с другой. Так должно быть, так правильно, но она не хотела бы этого видеть.

— То, что сломано, всегда можно починить, — фиалковые глаза зажглись таинственным светом. Осколки броши поднялись в воздух и вихрем закружились вокруг Герды, сложились вместе и вспыхнули бледно-голубым огнем. На подставленную ладонь легла абсолютно целая без единой трещинки брошь. — А другую девушку Николай никогда не примет. Разочарование пройдет, как только он узнает тебя настоящую, взрослую женщину, а

не ребенка. Просто оставайся рядом с ним и наберись терпения. Думаю, оно пригодится нам всем.

Герда зачарованно смотрела на брошь.

— Спасибо. Я не знаю, что сказать, — по щекам текли слезы.

Это украшение было ей дороже всего на свете: дурацкого платья, танцев, бесполезного дара. Всего. Крошечная вещичка, овеянная щемящими душу воспоминаниями о Николае, который ее подарил, и о Шквале, который не позволил отдать ее Ужинному королю.

— Так и не говори. Главное, не отчаивайся. Даже во тьме, когда кажется, что выхода нет, верь, что впереди забрезжит свет, который обязательно выведет тебя к нему. Потому что вы — две половинки одного целого, которые всегда будут стремиться друг к другу, как бы велико не было расстояние между вами. Не плачь, — Эйтайни обняла ее за плечи. — Мне уже пора, но если захочешь поговорить, приди сюда и назови мое имя.

Герда даже не успела попрощаться, прежде чем туата растворилась в ночной мгле. Герда еще несколько мгновений простояла на месте, удивленно глядя по сторонам, а потом пошла к ожидавшему у крайнего дома Николаю.

— О чем говорили? — не замедлил поинтересоваться он.

— О своем, о женском, — таинственно ответила Герда, все еще сжимая в руке кожаный мешочек с брошкой. Охотник не стал настаивать.

— Хочешь обратно на праздник?

— А вы останетесь?

— Нет. Думаю, от меня там будет мало толку — я слишком устал.

— Тогда домой. Я тоже устала. К тому же платье жутко неудобное. Жду не дождусь, когда смогу от него избавиться.

Николай улыбнулся одними губами и взял ее под руку.

После Остары на душе потеплело, словно зима забрала с собой не только снег и холодные стужи, но и всю тяжесть с сердца. Но иногда печаль возвращалась с колючими ночными заморозками и выхолаживала до тупого иступления.

С Николая почти не виделись: он был все время занят с учениками либо пропадал по охотничьим делам. Занятия с Финистом шли совсем не так хорошо, как хотелось.оборотень решил научить ее повелевать животными. Для этого выпустил Золотинку из денника, и та радостно побежала есть выложенное на проходе сено. Герда должна была заставить ее вернуться обратно в денник. У Финиста получалось легко. Даже говорить ничего не приходилось: он лишь выразительно смотрел на кобылу и указывал на открытую дверь глазами. Золотинка тотчас бросала сено и покорно шла к себе. А у Герды, сколько она ни старалась, не выходило даже внимание животного от еды оторвать.

— Да не упрашивай, а четко и настойчиво произнеси в мыслях приказ. Покажи, что ты здесь главная, а не она, — наставлял Финист.

Герда попробовала еще раз: «Ступай обратно! Перестань есть! Ступай обратно! Слышишь?!» Кобыла на мгновение оторвалась от сена и бросила на нее уничижительный взгляд, а потом, опустив голову, нарочито медленно втянула в себя очередной пук сушеной травы. Герда в отчаянии закрыла лицо руками.

— Это больше похоже на истерику, чем на настойчивость, — отшутился Финист.

Она сжала кулаки и посмотрела на него.

— Ну почему ничего не получается?

— Получится со временем.

— Ты говорил это две недели назад, но мы продолжаем топтаться на месте. У меня ничего не выходит!

— Значит, нужно еще больше времени. Не переживай. Ты все равно молодец. Вряд ли кто другой на твоём месте справился бы лучше.

— Почему?

Наверняка он просто не хочет ее обижать.

— Потому что твой дар сейчас работает на треть или даже на четверть силы. Ты не сможешь обучаться быстрее, пока... — Финист неожиданно осекся.

Герда нахмурилась.

— Пока что?

— Не важно. Просто прими, что ты не сможешь научиться всему и сразу. Для более сложных вещей понадобится чуточку больше терпения и практики.

— Но мы же не практикуемся совсем. Ты занимаешься со мной от силы час в день. И с каждым разом сокращаешь время!

— Я не хочу, чтобы ты перетруждалась. К тому же, я не вижу смысла заниматься дольше. У тебя и так все прекрасно получается.

— Да уж... — проворчала Герда и, сузив глаза, перешла на чтение мыслей. Услышать правду из его уст она уже отчаялась.

«Как же с ней тяжело! И сказать правду нельзя, потому что она расстроится, и требовать большего глупо, потому что пойти дальше она не сможет. Почему Охотник ничего ей не объяснил? Он же занимался с ней несколько месяцев. У него должны были возникнуть

подобные проблемы. Понять бы, чего он хочет добиться. Если демоновой Компании нужен ее дар, то почему Охотник так легко от нее отказался? Ему ничего не стоило задурить ей голову, пустить пыль в глаза всей этой... воинской славой. Даже мне видно, что она хоть в Хельхейм за ним пойдет, а уж в постель так и подавно. В чем же дело?»

— Причем здесь постель?! — не удержалась Герда. Мысли Финиста и раньше заходили в направлении спальни, причем так часто и много, что это немного пугало, но то, что он допускал подобные предположения насчет нее и Николя, было просто возмутительно. В конце концов, какое отношение постель имеет к дару?

— Какая постель? — удивленно моргнул Финист.

— Не важно, — махнула рукой Герда, поняв, что он будет изворачиваться, как уж, и ничего в результате не скажет. К тому же придется признаться, что она читала его мысли. Вряд ли Финисту это понравится. Нужно попробовать узнать другим способом.

Вернувшись в дом, Герда поднялась к себе и, отыскав дневник Лайсве, принялась внимательно читать:

«Сегодня нас застиг ужасный буран. Пришлось искать укрытие. Повезло, что жители холмов согласились нас проводить. Иначе мы бы совсем пропали. Вейас хоть и хорохорится постоянно, но о горах также, как я, ничегошеньки не знает.

Провожатые отыскиали для нас подходящую пещеру, достаточно просторную, чтобы вместить всю компанию, сухую, чтобы развести огонь, и самое главное — пустую. Было бы очень неприятно нарваться на горного медведя или какую тварюшку похуже посреди этого заснеженного кошмара. Собственно, мы и нарвались. Только не на медведя, а на Микаша. До сих пор не уверена, кто хуже.

Телепат заявил, что обнаружил пещеру первым, и мы с остроухими должны уйти. Вейас сразу набычился, зато наши проводящие резонно заявили, что места хватит на всех. Микаш, конечно, порядочная скотина, но надо отдать ему должное, своего никогда не упустит. Пронюхав, что у нас много припасов, сразу подобрел и даже разговаривать стал... не так заносчиво. А разговаривали мы с ним долго. Почти всю ночь, когда остальные уже десятый сон видели.

Я все не могла понять, как он здесь оказался, ведь Белоземье в другой стороне. Никакого вразумительного ответа он дать не смог, а под конец заявил, что хочет идти с нами... пройти испытание, чтобы стать настоящим Стражем. Что ж, вот тут я вполне его понимаю.

Вейас поначалу сопротивлялся, но мне удалось его уговорить. Все-таки жители холмов дойдут с нами лишь до Поля айсбергов, а одним в Хельхейм идти ой как не хочется. Даже Вейасу со всей его бравадой. Услышав, как я ругаюсь с братом, Микаш неожиданно приободрился. Понял, подлец, что мне нужно от него нечто большее, чем помощь в путешествии. Решила поговорить напрямик. Он ведь, кажется, любит откровенные беседы.

...

На деле Микаш оказался хуже кисейной барышни. Какое разочарование! А целовался-то как в Упсале! Как самец саблезубой кошки, не меньше. Эх... Я-то была готова. На все готова, чтобы этот демонов дар раскрылся полностью. Даже отдаться такому... такому... Впрочем, тело у него вполне привлекательное. И если не смотреть в глаза... Нет, все равно противно. Но я бы смогла.

...

Разговоры с Микашем оказались очень занимательными. Выяснилось, что в способностях Стражей он разбирается куда лучше нашего, несмотря на отсутствие обучения. Да и ауры видит намного четче. Жители холмов вон как о нем перешептываются. Небось, решают, чьей дочке он ребеночка заделает. Правда, вряд ли он согласится. Только если хорошо заплатят. А я, что, не смогла бы заплатить? Демоны! Он меня душой озабоченной обозвал! Прямо у меня в голове. Вот сволочь! Кажется, мы только что устроили мысленную перебранку. Я исчерпала весь запас бранных слов и Микаш, кажется, тоже, а вот Вейас вообще ничего не заметил.

...

Вчера снова засиделись с Микашем допоздна. После нашей маленькой перепалки он еще долго улыбался, как кот на сметану. А когда все разошлись спать, радостно сообщил, что понял, какой у меня дар. Вначале я подумала, что он тугодум. Мы же только что перекидывались мысленными посланиями! Но он, как маленькой, начал объяснять, что, так как я до сих пор остаюсь «непорочной», такой уровень телепатии не должен быть мне доступен.

Ему все-таки удалось меня удивить. Микаш заявил, что я отражающая и все это время не читала мысли, как телепат, а отражала его дар. Если вдуматься, тут есть доля правды. Но... отражающая? Это же уникальная способность! Вряд ли во всем Мидгарде сыщется хотя бы пара-тройка Стражей с похожим даром. Тогда..."

Герда резко захлопнула дневник. Неужели Лайсве тоже отражающая? Слишком много совпадений. Дар передается по крови. Значит, они вполне могут быть родственниками. И жила Лайсве рядом с Дрисвятами, и дух ее смог вселиться в Герду в Будескайске. Может, она как-то связана с пропавшими родителями отца? Это бы многое объяснило. Но как узнать точно?

Герда еще раз открыла дневник и перечитала последние записи. В глаза бросились слова «непорочная» и «отдаться». И тут начало доходить. Дугава же рассказывала, что ее дар открылся, когда она вышла замуж. И Майли ничего о своем наследии не знала, пока не соблазнила Финиста. Или он ее? Не важно!

Герда закрыла пылающее лицо руками. Так вот, что они имели в виду под «повзрослеть»! Чтобы дар открылся полностью, она должна... Герда дернула головой. Вот почему обоих ее учителей так волнует, что она не вышла замуж и не выбрала одного из них, не отдалась... Неужели они все время только об этом и думали?! Финист так точно. А вот Николая... Неужели он такой же?

Герда решительно сжала кулаки. Слишком много накопилось вопросов. И Николая просто обязан ответить хоть на некоторые. Она направилась к его кабинету, но дойти до крайней по коридору двери не успела — задержала выглянувшая из своей комнаты Майли. Бесцеремонно схватив Герду за руку, втянула к себе.

— Эй, что ты делаешь?! — возмутилась Герда, потирая передавленное запястье. — Нельзя ли поаккуратней?

— Нельзя. Ты меня с самой Остары избегаешь. Как еще с тобой поговорить, если не застать врасплох?

— Не надо было грубить перед праздником. Между прочим, я туда только из-за тебя пошла, — Герда сейчас была не в настроении вести себя любезно. Слишком злилась на Николая.

— Извини. Такой уж у меня характер. К тому же я тоже много для тебя сделала.

— Интересно, что?

— Ну... — Майли надолго задумалась.

Герда напряглась, пытаясь ее прочитать, но это было сложно, потому что после занятия уже прошло слишком много времени. Внутренний голос Майли звучал обрывочно и глухо, словно через толстую стену:

«Достала ее наивность! Сказать? Нет, не стоит. Охотник не обрадуется, а Финист не простит».

Герда смутилась и передернула плечами. О чем она? О том, что переспала с Финистом?

Майли вдруг неестественно широко улыбнулась и продолжила:

— Я отвела тебя к лекарю, когда ты упала с телеги и ударилась головой.

— О! — воскликнула Герда, сожалея, что не удалось дослушать мысль и телепатическая связь оборвалась. — Хорошо, в таком случае, можешь продолжать вытирать об меня ноги, только не сейчас. Николая здесь?

— Был пару минут назад, — пожала плечами Майли. — Я просто хотела напомнить, что ты обещала помочь с Финистом. С танцами просто чудесно вышло. Но сейчас он снова перестал обращать на меня внимание. Надо действовать быстро, пока интерес не остыл, иначе придется начинать сначала.

— Хорошо, только не сию минуту. Позже.

Герда сделала несколько шагов к двери, но тут Майли истошно завизжала и запрыгнула с ногами на кровать. Герда осторожно обернулась: на полу посреди комнаты, встав на задние лапы, застыла жирная серая крыса. Передние лапы были сложены на груди. Она потирала ими, словно человек руками, и премемерно шевелила усами, к чему-то принюхиваясь. Герда очень плавно, стараясь не спугнуть, опустилась на корточки, сняла с ноги башмак и с размаху запустила в мерзкую тварь. Крыса то ли не ожидала, то ли настолько ожирела, что стала неповоротливой и не пыталась удрать, когда башмак, попав ровно в цель, размозжил голову кованым каблучком. По полу растеклась кровавая лужица. К горлу подступила дурнота. Герда закричала еще громче Майли и бросилась к ней на кровать. Там они и стояли, тесно прижимаясь друг к другу, когда в комнату вбежал не на шутку перепуганный Николай.

— Что стряслось?! — настороженно хмурясь, спросил он.

Майли зажмурилась и испуганно дрожала. Герда указала рукой на мертвую крысу. Охотник опустился на колени и удивленно вскинул бровь. Следом вломился Финист.

— Что за крики? Где пожар?

— Кры-ы-ы-ыса, — взвыла Майли, открыв глаза, и бросилась к нему на шею. — Спаси меня!

Николай поднял трупик животного за хвост и принялся внимательно изучать.

— Я убила ее! — перетаптываясь на кровати, запричитала Герда. — Убила! Я убийца!

— Бабы! — недовольно фыркнул Финист, грубовато отстраняя Майли в сторону. — Вы что крыс никогда не видели? Нашли из-за чего орать!

— Действительно, расплодились, — не обращая внимания на крики, заметил Николай.

— Все живы? Помощь не нужна? — в комнату ввалился Эглаборг вместе с робко выглядывающим из-за плеча Вожыком. — Фу, какая гадость! Говорил же я вам, крысы повсюду! Демоновы твари скоро и до моих запасов доберутся. Как тогда вас лечить прикажете, а?

— Так потрави их чем-нибудь. Ты же обещал какой-то яд мудреный приготовить, чтобы

одна крыса, съев щепотку, потом всю стаю могла заразить, — напомнил Николая, заворачивая трупик в тряпицу. Герда опасно слезла с кровати и потянулась за башмаком, но увидев кровь, решила, что не так он ей и нужен.

— Я-то приготовлю, только боюсь, что вместе с крысами мы половину скота в городе уморим, — покачал головой Эглаборг. — Да еще и люди могут заболеть. Нет, я такой грех на душу не возьму. Надо придумать что-нибудь другое.

Николя тяжело вздохнул:

— Надо, значит, придумаем.

И направился в свой кабинет. Герда скинула второй башмак и побежала следом босиком.

— Если ты пришла каяться в убийстве крысы, не стоит, — предупредил с порога Охотник. — Я грызунов не слишком жалею, если честно.

Герда немного смутилась, но воспоминания о мыслях Финиста и дневнике Лайсве живо распалили притухший было гнев.

— Я хотела поговорить по поводу своего дара.

— Поговори с Финистом. Он твой учитель.

— Но вы были моим учителем до этого. И я буду говорить с вами!

Николя закатил глаза.

— Ну, говори. Только живее. Мне еще отчет писать... и с крысиной проблемой разбираться. Как будто мне учеников и демонов не хватало?!

— Почему вы не предупредили, что мой дар раскроется только после того, как я потеряю невинность?

Брови Николая взметнулись вверх:

— Это Финист сказал?

— Не совсем сказал...

Охотник нахмурился еще больше.

— Я прочитала это в его мыслях, — честно созналась Герда. — Но это не важно, важен сам факт...

— погоди, а Финист знает, что ты читала его мысли? — Николая мгновенно перестал хмуриться. Его глаза сощурились в хитрую ухмылку.

— Э-э-э, нет... — Герда смутилась, силясь понять, что так развеселило Охотника.

— Вот идиот, — Николая не выдержал и рассмеялся в голос, но заметив недоуменный взгляд, быстро взял себя в руки. — Извини, так что тебя не устраивает?

— То, что вы об этом молчали. Ходили вокруг да около. Неудобные вопросы задавали. А о сути ни слова! Почему не поговорили со мной напрямик? — Герда в отчаянии заглянула в глаза Охотнику. — И как сейчас быть? Финист говорит, что я дошла до предела. Пока дар не раскроется, я не смогу обучаться дальше. Помогите мне!

— Как? — поперхнулся Николая.

Герда смутилась и потупилась. Она слабо представляла, что происходит между мужчиной и женщиной во время близости. Пару раз видела соитие между животными, но никогда особенно не приглядывалась. Да и у людей все должно быть иначе. Даже из подсмотренной в Будескайской долине сцены запомнились лишь собственные чувства стыда и страха. Все остальное было как в тумане. Лайсве была права. Ради обучения можно вытерпеть любые муки, даже неизвестность. Тем более, Николая совсем не такой уж неприятный...

Герда решительно подняла взгляд:

— Ну как мужчины обычно это делают. Я не знаю. Вам должно быть виднее.

— Да... — растерянно пробормотал Никола. А потом, кажется, до него начало доходить, о каком именно одолжении его просят. Лицо потешно вытянулось, глаза вылезли из орбит, рот слегка приоткрылся, нижняя челюсть чуть подрагивала.

— Что?! Нет!

Герда испуганно вздрогнула от громогласного голоса. Не хочет — как хочет. Его право. Надо найти того, кто точно не откажет.

— Если вам настолько противно, я попрошу Финиста, — решительно заявила она и собралась уходить.

Николя подскочил со стула и перегородил собой дорогу.

— Что за бредовая идея?

— Почему бредовая? — насупилась Герда. Мало того, что сам ею пренебрег, так еще и никуда не пускает! Как будто ему не безразлично. Неужели ревнует? Вот это точно бред! — Я хочу овладеть своим даром и сдать экзамен. Сейчас я дошла до предела. Чтобы продолжить обучение, я должна «повзрослеть». Я готова. Если не хотите мне помочь, то я обращусь к тому, кто, наверняка, захочет.

— Уж он такой возможности не упустит, — не удержался от язвительного замечания Никола, но, передохнув, заговорил совсем по-другому, мягко, вкрадчиво, стараясь убедить, а не подавить: — Именно поэтому я и не стал ничего говорить. Поверь, отдать невинность нелюбимому человеку — не самый правильный выход. Так ты только хуже сделаешь. Знаешь, как люди говорят, потерянного назад не воротишь.

Охотник улыбнулся одними губами, чтобы ее подбодрить. Получилось как-то вымучено. Герда опустила глаза.

— Даром в достаточной степени можно овладеть и без этого. К тому же у тебя он очень мощный. Сильно сомневаюсь, что ты дошла до предела, как говорит Финист. Просто усилий придется приложить чуть больше, терпения, знаний. Работай над собой, оттачивай мастерство и в свое время все придет. И экзамен сдашь, и способности, какие хочешь, использовать научишься, и себя сохранишь для...

Николя вдруг осекся. Герда оторвала взгляд от пола и заглянула в затянутые странной паволокой глаза, надеясь понять, что его смутило. Зря. По спине пробежали мурашки, щеки опекло лихорадочным румянцем.

— Для того, кто действительно достоин, — закончил Охотник и отвернулся.

Герда приложила руку к горящей огнем щеке. Должно быть, ему показалось, что она пытается его соблазнить. А она не пыталась? Какой ужас! Что он теперь подумает?.. Если уже не подумал, ведь она и без того столько раз переходила все границы дозволенного. Разве что приворотным зельем поить еще не пыталась! Ну почему все время так неловко выходит?!

— Извините меня, я такая глупая, — попыталась оправдаться Герда, снова опустив глаза. — Я сделаю, как вы говорите. Только обещайте больше ничего не скрывать.

— Обещаю, — поспешно согласился Охотник, старательно делая вид, что этого разговора вообще не было. Герда продолжала неподвижно стоять у входа. — Еще что-то?

— Да. Я тут... — она снова начала мяться, но заметив во взгляде Никола нетерпение, поспешила перейти к сути. — В замке Майли я нашла дневник некой Лайсве Веломри. У нее был такой же дар, как у меня. И жила она в местах, очень похожих на Дрисвяты. Когда в меня вселился призрак, отец Майли назвал его этим именем. Возможно, она моя

родственница. Вы ничего про нее не слышали?

— Веломри? — Николя снова нахмурился и в задумчивости забарабанил пальцами по столешнице. — Смутно припоминаю, но точно не скажу. Боюсь ошибиться. Могу попробовать написать знакомому из штаб-квартиры Компании в Дюарле. Там хранятся довоенные архивы и хроники. Возможно, удастся что-нибудь раскопать.

— Вы, правда, это сделаете? — просияла Герда, едва сдержав порыв обнять его от радости. — Спасибо вам огромное!

— Только не слишком надейся, — тут же осадил Охотник. — Во время войн многое было утеряно, в том числе сведения и даже сами имена Стражей. Возможно, ничего узнать не получится. Но я обязательно напишу.

Герда кивнула, слабо улыбаясь, и вышла из кабинета.

После этого случая Герда воспрянула духом. С Финистом занимались также ничтожно мало, да и результаты оставляли желать лучшего. Лошади продолжали игнорировать приказы прекратить есть сено и вернуться к себе в денник, соседская собака не соизволяла лаять потише, а птицы на голубятне отказывались садиться на руки. Но мелкие неудачи уже не расстраивали, потому что теперь у Герды было на что направить усилия.

К самостоятельным занятиям подтолкнули слова Николя. «Работай над собой, оттачивай мастерство», — набатным боем отдавалось в голове вечером перед сном в тот памятный день. Она потихоньку вспомнила все упражнения, которые показывал Охотник. И повторяла их самостоятельно, запираясь у себя в комнате (Николя все-таки прибил к двери щеколду, и Финист перестал вламываться без стука).

Герда подолгу сидела неподвижно, слушая свое дыхание, ощущая, как по жилам течет кровь, как стучит в груди сердце, как вздымается при вздохе грудь, как расслабляется каждая мышца. Это очень помогало успокоиться, привести в порядок мысли и чувства, сосредоточиться и набраться новых сил. Обнаружив, насколько легче стало пользоваться даром после этих упражнений, Герда стала повторять их каждый день утром и вечером. В добавок, подробно изучила дневник Лайсве в тех местах, в которых описывались ее способности и то, как они использовались. К сожалению, сведения были очень скудными. Некоторые важные вещи предшественница упускала, постигнув их еще в детстве и считая очевидными, поэтому нужно было искать иные источники знаний, способные восполнить пробелы. Для этого пришлось перерыть всю библиотеку Николя.

Герда впервые смогла оценить ее по достоинству. Конечно, она была значительно меньше будескайской, но здесь имелись книги куда более полезные. Особенно если ты только начинал постигать свои способности. Внимание Герды привлекли рукописные трактаты восточных мудрецов — большая редкость в этой части Мидгарда. В них как раз очень много говорилось об общих вещах: об ауре, демонических проявлениях, божественной помощи, единении со стихиями, накоплении энергии, местах силы, травах, талисманах и тайных техниках управления телом. Герда с жадностью впитывала эти знания. И продолжала искать информацию именно о своем даре.

Некоторые места в дневнике наталкивали на мысль, что об отражении даже Стражам известно было не так много. И полагаться — как советовалось в одном трактате —

приходилось исключительно на свои ощущения. Быть предельно к ним внимательной, запоминать, записывать, если возможно, и пробовать разные варианты.

Еще Герда пыталась разыскать что-нибудь о телепатии или вообще о дарах ветра, но таких книг в библиотеке оказалось на удивление мало. Очень много томов было посвящено дарам огня — пирокинезу и целительству, чуть меньше дарам воды и земли. О ветре речь шла лишь в одной книге, и то очень скупо и обще. Многое из нее Герда знала и так.

Отсутствие самых нужных не только для нее, но и для Охотника, книг, немало смутило. На очередном занятии с Финистом Герда рассказала о своем затруднении. Оборотень печально улыбнулся в ответ:

— Я же говорил, во время войны основной удар пришелся именно по тем, кто обладал дарами ветра. Неудивительно, что и книги о них уничтожались с особой тщательностью.

— Но почему именно по ним? — внимательно глядя на него, спросила Герда.

— Не знаю. Не могу сказать точно, похоже, Единый — бог неба. К нему же относится и стихия ветра. Следовательно те, кто обладает даром ветра, исполняют его волю в мире людей и являются его жрецами. Не думаю, что единоверческие священники жаждали делить с ними власть, поэтому постарались первым делом избавиться от "ложных" жрецов.

Герда понурилась.

— Жалко их.

Финист ничего не ответил, но она прочитала в его мыслях: "Лучше бы ты себя пожалела". Только зачем жалеть себя? Ведь все же хорошо: кров над головой, пища, верные друзья... Мастер Николя почти оттаял после случая с Ходоком. Главное не раздражать его больше глупыми разговорами. Только Шквала не хватало.

Все произошло вечером, когда Герда, начитавшись до белых пятен перед глазами, медленно поднималась по лестнице, всеми силами стараясь не заснуть. Она уже почти дошла до двери, когда боковым зрением уловила на полу странную тень. Встряхнула головой и присмотрелась: из-за угла воровато выглядывал тощий, слегка помятый рыжий кот и внимательно наблюдал за ней глазами цвета топленного молока. Герда тут же схватила его и подняла на уровень собственной головы.

— Шквал? — удивленно спросила она.

— Мяу, — пронзительно ответил кот.

— Как здесь оказалась эта гадость? — раздался из-за спины брезгливый возглас Финиста. — Выброси ее немедленно!

— Эту "гадость" принес я, — осадил его выглянувший из собственной комнаты Николя. — И никто его выбрасывать не будет. Я, между прочим, полдня за этим котом по всему городу гонялся.

— Мяу! — вставил свою медьку рыжий.

Герда разочарованно вздохнула и поставила зверька на пол. Это не он. Обычный рыжий кот, которого все могут видеть. Зверек уходить не захотел и начал тереться об ноги, громко мурлыча.

— Подлиза! — скривился Финист.

— Что это?! — подоспел на разборку засидевшийся допоздна на кухне Эглаборг.

— Ты же сам просил избавиться от крыс. Вот лучший способ, — Никола указал на кота. — Не понимаю, чем он вам всем так не нравится.

— Он линяет, метит углы и наводит беспорядок, — тут же отрапортовал целитель. — И очень сильно сомневаюсь, что такое доходячее создание сможет что-нибудь противопоставить отъевшимся на наших припасах крысам.

— Это доходячее создание разогнало свору бродячих собак, исполосовав им морды так, что те неслись прочь от города, оставляя за собой кровавые следы. Вряд ли наши крысы окажутся свирепее, — защищал кота Никола. — Да и Герде он по душе пришелся, правда?

Она слабо улыбнулась. Не очень хотелось впутываться в очередные дразги, но кот казался таким милым... и действительно напоминал Шквала, особенно когда пристально в глаза заглядывал. Может, это действительно подарок звезд? Тогда нельзя от него отказываться.

— Зачем нам этот мешок с блохами? Я сам могу с крысами справиться! — заявил Финист.

«Он что теперь и к коту ревнует?!» — возмутилась про себя Герда.

— Хорошо. Вперед. Если уберешь их отсюда, так уж и быть, я отдам тебе его миску молока, — съязвил Никола и сложил руки на груди. — Чего ждешь?

Финист негодуяюще скрипнул зубами, выпрямился и закрыл глаза. Несколько минут все молча взирали на него, гадая, что будет дальше. А дальше изо всех щелей хлынул целый поток крыс. Они окружили людей со всех сторон и, поднявшись на задние лапы, тоже выжидательно уставились на Финиста маленькими черными глазками. Кот громко зашипел. Герда взвизгнула и запрыгнула на руки к Никола. Эглаборг посмотрел на них так, словно хотел повторить маневр Герды.

— Ты же должен был избавиться нас от крыс, а не согнать их всех сюда! — выразил общее недовольство Никола.

Финист открыл глаза и развел руками:

— Они меня не слушают. Думаю, их зачаровали.

— Тогда скажи коту, чтоб отрабатывал свой хлеб. Уж его-то они точно послушают, — ухмыльнулся Охотник.

— Ой, а можно, я! — Герда спрыгнула с рук Никола и схватила оборотня за руку.

— Да, пожалуйста, — пожал плечами тот и направил на нее свой дар.

"Мастер кот, будьте любезны, прогоните отсюда этих тварей. Я вообще не боюсь, но когда их так много, мне очень не по себе", — вежливо попросила она.

"Слово прекрасной госпожи для меня закон", — галантно ответил рыжий, развернулся к крысам и взревел так, что даже люди вздрогнули. Крысиная волна медленно попятилась. Кот напряжился и прыгнул на грызунов в переднем ряду, царапая и кусая одновременно. Крысы помельче испуганно завизжали и бросились врассыпную. Те, чтобы были пожирнее да посмелее, полезли в драку, но рыжий боец не дрогнул, давя передних лапами и отбрасывая к стене тех, кто пытался залезть на шкуру сбоку. Выглядел кот при этом не менее доблестно, чем благородные рыцари из книг.

— Вот пижон, — проворчал Финист.

— Знаете, а не такой уж он пушистый — шерсти много быть не должно, да к тому же я на нем одно зелье отпугивающее проверить смогу, — вдруг воодушевился Эглаборг, разглядывая кота уже с гораздо большей приязнью.

— Прекрасно. Значит, оставляем, — потер руки Никола, добывая оставшихся крыс

телекинезом. — Как его назовем?

— Шквал, — охотно предложила Герда.

— Дурацкое имя для кота, — продолжал быть несносным оборотень. — Хотя ему подходит.

Николя безразлично пожал плечами.

— А теперь главный вопрос, — привлек к себе внимание целитель. — Кто все это будет убирать? На меня не смотрите. Я и так каждый день полы драю.

— Знаете, у меня там заказ недоделанный лежит. Утром в лавку нести надо. Так что я пошел, — тут же ретировался Финист.

Эглаборг последовал его примеру, а только что обретший имя кот отправился добывать спешно отступающих грызунов.

Николя с Гердой остались одни. Обреченно переглянувшись, спустились вниз за водой и тряпками. Убирать крысиные трупы и отмывать коридор от крови и кишок пришлось не меньше двух часов. Была уже глубокая ночь, когда они закончили и устало уселись на влажном полу друг напротив друга.

— Час от часу не легче, — тяжело вздохнул Николя. — Теперь придется выяснять, кто крыс зачаровал.

— Думаете, снова демон? — участливо спросила Герда.

— Угу. Знать бы еще, какой. Есть предположения?

— Почему вы у меня спрашиваете?

— Так ты же, небось, уже всю мою библиотеку перечитать успела. Вот и скажи, не было ли там ничего похожего?

— Вроде, нет. В смысле, крыс часто для черной ворожбы используют.

Николя досадливо поджал губы и откинулся спиной к стене.

— Кстати о книгах, вы говорили, что сможете выписать в Дюарле парочку. Я тут список составила, — Герда достала из-за пазухи сложенный в несколько раз лист и вручила Охотнику.

Николя бегло проглядел его и ошалело присвистнул:

— Ну и запросы у тебя. Половину этих книг во всем Мидгарде не сыщешь, а чтобы добыть вторую, придется ограбить главное книгохранилище Защитников Паствы в Эскендерии.

Снова стало стыдно. Герда почувствовала, как вспыхнули торчавшие из-под короткой прически уши.

— Простите. Наверное, я действительно очень глупая.

— Ты не глупая. Просто в книгах пишут далеко не обо всем, — тепло улыбнулся Николя, поднялся с пола и подал ей руку. — Кое-что приходится постигать на собственном горьком опыте. Идем, думаю, у меня найдется то, что тебе нужно.

Он привел ее в свой кабинет и достал из шкафа небольшой кованый сундучок, запертый на увесистый замок, ключ от которого Николя носил на шее. Охотник неспешно отпер тайничок, и Герда, не сдержав любопытства, заглянула внутрь. Вещей там оказалось не так много: две старинные книги, компас, увесистая золотая цепь с гербовой подвеской, которую раньше носили приближенные к верхушке власти аристократы, запечатанный воском пузырек с зелеными чернилами и на самом дне вывернутая наизнанку подушка, покрытая белыми перьями. По крайней мере, так показалось на первый взгляд.

Николя достал верхнюю книгу и вручил Герде, а сам быстро запер замок и спрятал

сундук обратно, словно опасаясь, что его могут увидеть посторонние. Очень хотелось расспросить про остальные вещи, но она не решилась, ясно осознавая, что Николая не ответит. Можно было бы прочесть его мысли... но Герда так и не научилась этого делать. Поэтому пришлось довольствоваться книгой. Не дожидаясь, пока Николай начнет объяснять, открыла ее сама. В глаза тут же бросилось выведенная в верхнем углу филигранным почерком дарственная надпись:

"Лучшему ученику, которого только можно пожелать

С благодарностью за неоценимую помощь и с наилучшими пожеланиями

От того, кто там и не смог стать достойным тебя учителем.

Прости, что подвел. Не держи зла. Да прибудет с тобой Западный Ветер".

Под надписью стояла странная подпись из перекрещивающихся черточек разных размеров. Герда задумчиво хмыкнула. О подобных символах говорилось что-то в трактатах восточных мудрецов, но она не запомнила, что именно. Не посчитала важным — тогда ее интересовала исключительно способность читать мысли.

— Это — книга мудрости Храма Ветров, который находится на Островах Алого восхода. Я учился там несколько лет, пока... пока всех не подвел, и меня оттуда выгнали.

— Но тут сказано... — нахмурилась Герда, еще раз внимательно вчитываясь в строки дарственной надписи.

— Не важно. Эта книга уникальна. В ней рассказывается о дарах ветра такое, чего не знали даже самые сильные Стражи по эту сторону Молочного океана. В первой части больше о телекинезе и использовании его во время битв, поэтому, боюсь, она будет тебе не так интересна, как вторая, в которой много говорится о телепатических техниках чтения мыслей, управлении разумом и способах защиты от этого.

Герда с восхищением разглядывала подарок со всех сторон. Надо же, с легендарных восточных островов, где мало кому из мидгардцев доводилось бывать. Если уж эта книга не поможет научиться пользоваться даром, то ничто не поможет.

— Не знаю даже... — она не находила слов, чтобы отблагодарить, но Николай сам ее оборвал.

— Не стоит. Я ее практически наизусть знаю, а кроме тебя вряд ли кто оценит ее по достоинству. Так что бери, пользуйся на здоровье, удовлетворяй тягу к знаниям. Я рад, что Финисту удалось ее разжечь. У меня, сколько я не бился, так ничего и не вышло.

Но ведь для Николая она явно значит намного больше, чем просто полезная книга — дорогое воспоминание о прошлом, подарок от учителя. Неужели он готов расстаться с ней ради Герды?

Не дождавшись ответа, Николай заговорил снова:

— Уже поздно. Иди спать. Думаю, кое-что из твоего списка, не связанное с телепатией, удастся достать. Книги привезут со следующим кораблем из Дюарля. Ступай.

— А как же вы? — не сдержалась Герда, видя, что Охотник устраивается за столом.

— У меня еще отчет для Компании и твой список, — невесело напомнил Николай. — Голубя надо завтра на рассвете отправить, иначе и выговор схлопочу, и книги выписать не успеем.

— А ваш друг ничего не ответил по поводу моей просьбы?

— Пока нет. Но это ничего не значит. Доступ в довоенные архивы получить не так легко. Как только что-то станет известно, я сразу сообщу.

— Спасибо, я...

— Ступай.

— Только не засиживайтесь допоздна. У вас уже темные круги под глазами.

— Ступай. Я лягу, как только закончу письмо. Это не должно занять много времени.

— Обещаете?

— Да. Ну, ступай же!

Герда печально улыбнулась, видя, что ничего сделать не может, и, пожелав Охотнику спокойной ночи, отправилась к себе.

Глава 31...И капелька ревности

Рыжий котяра, прозванный с легкой руки Герды Шквалом, оказался на диво хитрым животным. Он полностью оправдав предрассудки, связанные с его окрасом, и быстро прижился в доме. Мгновенно сообразив, за что его прикармливают, он с первого дня начал отлавливать забившихся в укромные места грызунов, приносить в кабинет Николая и душить с самым свирепым видом. Охотнику эти представления не слишком нравились, тем более что после публичной казни есть крыс котяра отказывался. Николай приходилось самому выкидывать трупы.

С Финистом Шквал предпочитал не связываться и, завидев его, быстро отступал по направлению к библиотеке, куда оборотень заглядывал очень редко. К Майли относился настороженно, Вожыка и вовсе не замечал, а к Эглаборгу приставал, лишь когда тот возился на кухне. Спать Шквал предпочитал у Герды на постели и вообще всячески благоволил, подлизывался, вился вокруг ног. Когда она допоздна засиживалась в библиотеке, забирался на колени и начинал громко мурлыкать, отвлекая от чтения. И Герда с удовольствием чесала его за ушком и представляла, что когда-нибудь также будет держать на руках того, другого Шквала, по которому так сильно тосковала.

Книга Николая действительно оказалась бесценной. Хотя то, что там было написано, встречалось и в других местах, здесь оно объяснялось проще, детальней, выстраивалось в стройную систему. Содержание последующей главы нанизывалось на то, что рассказывалось в предыдущей, как бусины на ниточку. Благодаря этому Герда начала понимать, чему ее пытался научить Николай. Зачем в действительности понадобилось выравнять дыхание, слушать ветер и сидеть неподвижно, в тягостном молчании, созерцать пустоту, концентрироваться лишь на биении собственного сердца. И почему Охотник все время стремился выбить ее из равновесия. Почему хотел, чтобы она научилась подражать его действиям. И расслабляться. Теперь все его поступки казались такими правильными, продиктованными лишь необходимостью ее обучить, а не обидеть. Но она не послушала и подвела...

Нет, Финист тоже умел учить, но он действовал в лоб, напрямую, без особой подготовки. Поэтому так сложно было выполнять его задания — с наскока, вслепую. Вот со стратегией книга и должна помочь.

Очень полезной оказалась глава, где рассказывалось, как можно по своему желанию открываться и закрываться для чужих мыслей. Там говорилось, что легче всего люди поддаются телепатии тогда, когда возбуждены или взволнованы. Именно в такие моменты их мысли слышны четче всего.

Когда смотришь в глаза человека, для тебя приоткрывается дверь в мир его потаенных страстей. Проникаешь в его голову и летишь по мысленным тоннелям, как по горкам на санках. Чтобы остановиться, достаточно схватиться за краешек нужной мысли, выловить и тут же отвести взгляд, дабы не заблудиться в дебрях чужих помыслов.

Теперь у Герды получалось заглядывать в чужие мысли не только после тренировок с Финистом. Впрочем, легче от этого не становилось. Каждый раз влезая кому-то в голову, она чувствовала себя как тогда, когда случайно подсмотрела интимную сцену между Майли и Финистом. Ужасно гадко, что она без ведома друзей выведывает их сокровенные секреты, раз за разом предавая доверие. Но остановиться не могла. Уж очень хотелось проникнуть в

тайные замыслы Николая, который вновь погрузился в собственные заботы и отдалился. Как Герда не старалась, преодолеть скрывавшую его помыслы каменную стену не выходило.

Стало совсем тоскливо: занятия с Финистом казались невероятно однообразными, от чтения и самостоятельной работы гудела голова. Хотелось вырваться из всего этого... на свободу. Вновь почувствовать запах дальних странствий, как это было во время похода. Или хотя бы прогуляться по такой родной и такой далекой Дикой пуше.

Финист никогда не заставлял ее сидеть дома затворницей. Даже наоборот, сам предлагал сходить в город или проехаться на лошадях к лесу и обратно. Но его общество тяготило. Чем дальше приходилось выслушивать комплименты и объяснения в любви, тем сильнее становилось раздражение. Главное, она не раз уже пыталась растолковать, что он для нее лишь друг и никогда не станет чем-то большим, но в такие моменты он словно терял слух и начинал горячее убеждать ее в искренности своих чувств.

Весна, между тем, полностью вступила в свои права: день стал длиннее, а небо выше. Начало припекать по-молодецки крепкое солнце, растопив побуревшие снега на полях. По мерзлой еще земле зажурчали ручьи, разбили ледяные окопы рек и озер, стремясь освободить их от зимнего гнета. Вода неслась с гор бурными потоками, затапливала низины, мстя за столь долгий плен в ленивых снегах. На деревьях набухали первые почки. Передавая последние сплетни, деловито гомонили возвращающиеся с зимовий птицы. Жизнь пробуждалась повсюду: суежилась, бежала вперед, не давала покоя.

В эту ночь Герда долго не могла уснуть. Сомкнула глаза уже под утро всего на пару часов и проснулась с рассветом, чувствуя, как внутри бродит хмельной весенний сок, наполняющий пьяной бодростью. Решив, что снова заснуть вряд ли удастся, она встала. Надела штаны с рубахой и жилеткой, которые Герда по обыкновению предпочитала носить во время долгих прогулок и вообще любила гораздо больше платьев и юбок. В женской одежде она почему-то чувствовала себя более неуверенной и уязвимой. Женская сила в красоте, а той, у которой ее не достает, лучше претвориться мужчиной, чтобы не сожалеть раз за разом о своей ущербности.

Тихонько, чтобы никого не разбудить, вышла на улицу. Утро выдалось промозглым. Весеннее солнце не успело разогнать холод, оставшийся после ночных заморозков. Лужи во дворе покрылись тоненькой прозрачной коркой, а землю белесым ковром устлала изморозь. Герда поплотнее закуталась в теплый плащ и пошла прочь от дома. Двигалась наугад, не следя за дорогой, туда, куда несли ноги, все глубже погружаясь в мрачные мысли. Очнулась только через полчаса, когда с удивлением обнаружила себя посреди лесной тропы, за изгибом которой ощущались чужие ауры. «Демоны?» — мелькнула в голове шальная догадка. Присмотрелась внимательней, прислушалась и вдруг узнала в одной из аур красно-оранжевые огненные всполохи. Неужели Вожык? Но что он делает в такое время посреди леса неизвестно с кем? Герда прибавила шагу. Из-за поворота показался невысокий пригорок, на вершине которого виднелись три силуэта.

— Вожык? — неуверенно позвала она.

— Герда, это ты? Иди к нам! — помахала одна из фигур.

Герда спешно поднялась наверх, где повстречала троих мальчишек: Вожыка, Лейфа и его темноволосого друга, чьего имени она не знала. Пирокинетик сразу бросился к ней на шею. Видно, очень соскучился. Стало немного совестно. Со своими проблемами Герда совсем про него забыла.

— Мы как раз про тебя говорили, — улыбаясь, сообщил Вожык.

— Да? — Герда удивленно хмыкнула. Никогда не считала себя достаточно интересной личностью, чтобы о ней можно было говорить, тем более десятилетним мальчишкам. Она не стала над этим долго раздумывать и поспешила спросить: — А что вы здесь делаете?

— Мастер Николая обещал научить нас фехтовать. Привел сюда и велел ждать, а сам отправился за оружием, — охотно похвастался чернявый мальчишка. — Обещал скоро вернуться.

— Вон он идет! — помахал рукой в сторону березняка Лейф.

Герда присмотрелась и увидела, как высокий мужчина с четырьмя перекинутыми через плечо палками бодро шагает между деревьями по направлению к пригорку.

— О, привет! Не думал встретить тебя в такую рань, — поравнявшись с ней, как всегда учтиво поздоровался Охотник.

— Мне не спалось, — пожала плечами Герда, не зная, что еще сказать.

— Хочешь посмотреть, как я буду их учить? — лукаво усмехнулся Николая.

— А ей незачем смотреть. Она и так все знает. Герда учила меня драться, пока мы были в походе. А ее обучал Финист. Она была его лучшей ученицей! — принялся восхвалять ее Вожык.

Герда сжала зубы. Да что же он такое говорит? Она ведь всего-то научила его, как правильно палку держать и замах делать, а больше ничего сама не умела. Нет, она очень сожалела, что Финист бросил затею научить ее защищать себя. У него это получалось гораздо лучше, чем с даром.

— Да? — воскликнул Николая с наигранным удивлением. — Что ж, тогда пусть покажет свое мастерство. Вы согласны?

— Да! Да! — хором закричали мальчишки.

Герда вздрогнула. Он же не мог воспринять слова Вожыка всерьез или мог?

— Вожык преувеличивает, я не... — попыталась отговориться Герда.

— Ты что трусишь? — Охотник продолжал премемерно улыбаться.

— Я?! Никогда! — взъярилась Герда, понимая, что он просто потешается. Сейчас она сотрет эту самоуверенную ухмылку с его лица, пусть даже это будет стоить ей жизни!

Она выхватила из его рук палку, бросила взбешенный взгляд исподлобья и, не дожидаясь сигнала, замахнулась. Оружие со свистом рассекло воздух, но по цели не попало — Николая легко увернулся, словно ожидал удара. Неудача распалила еще больше. В висках бешено застучала кровь. Хотелось задеть его любой ценой, хотя бы раз. Возможно, тогда он воспримет ее всерьез. Герда бросилась в атаку, изо всех сил стараясь нанести удар по противнику, но ничего не выходило. Охотник увертывался слишком быстро. Преимущество было безвозвратно потеряно: улучив момент, Николая подхватил собственную палку и начал отбиваться. Удары нарочито слабые. Он щадил ее, и это бесило еще больше. В голове как будто что-то щелкнуло, и весь мир окунулся в алое марево. Герда стиснула зубы. Палка в руках затанцевала еще стремительней, еще яростнее, так что хрустели суставы и больно вздувались мышцы на руках.

Герда заметила, как аура Охотника вспыхнула и окутала его оружие. Он что усиливает свои удары телекинезом?! Отражение сработало быстрее, чем Герда успела подумать: от отдачи Николая даже немного покачнулся на ногах, стараясь сохранить равновесие.

— Вот вам. Будете знать, как пользоваться нечестными приемами! — выкрикнула она, радуясь маленькой победе.

— Уж кому бы говорить о честности, — резонно заметил он, перехватывая палку другой

рукой. Сдаваться так легко Николая не собирался. Теперь он использовал телекинез постоянно, и Герде уже вполне осознанно приходилось отражать его.

Силы истощались, дыхание сделалось тяжелым, а движения вялыми. Несколько ударов пришлось по плечам и ногам. С отчаянием пришло осознание, что ей не выстоять. Она вот-вот проиграет! Не от боли или пропущенного удара — просто упадет без сил.

Герда замерла. Николая тоже остановился, пристально наблюдая. Она швырнула палку на землю и бросилась на него. Николая лишь успел обхватить ее руками прежде, чем они вместе покатались по склону. Остановились только у подножия, перемазанные и основательно побитые. По счастливой случайности Герда оказалась сверху. Не теряя ни мгновения, она вцепилась руками в горло распластанного под ней мужчины и, совершенно не помня себя, закричала:

— Сдавайтесь! Я победила!

Из горла Николая вырвался странный гортанный звук, а потом он засмеялся! От нахлынувшей злости стало трудно дышать. Герда крепче сжала горло противника и пересела, выбирая положение, с которого душить было удобней. Смеяться наглец тут же прекратил и едва слышно застонал, глядя на нее совершенно пустыми, остекленевшим глазами.

— Сдавайтесь, слышите?! — Герда нахмурилась, силясь понять, на что он так реагирует, и снова попыталась занять более удобное положение. Боком наткнулась на что-то твердое, должно быть, рукоять кинжала. Вот что заставит его воспринять ее всерьез!

— Сдавайтесь!

Продолжая держать одну руку на горле, Герда потянулась за обнаруженным на поясе оружием. Николая молниеносным движением перехватил ее запястье.

— Хватит, — сказал он неожиданно резко. — Какой мы пример подаем детям?

Герда вздрогнула и отпрянула. В самом деле, она только что скакала на нем верхом, как... О, нет!!!

— Простите меня, я... — от стыда закрыла лицо руками.

— Ничего страшного. Ступай к мальчишкам, — поспешил успокоить ее Николая, поднимаясь и отряхивая с себя грязь.

— А как же вы?

— Мне нужно еще пару минут. Ступай.

— Зачем? У вас точно все в порядке? Ничего не ударили? Давайте, я посмотрю, — Герда коснулась его слегка поцарапанной во время падения ключицы.

Николая отпрянул и рявкнул так, что Герда чуть не подпрыгнула.

— Нет! Просто дай мне пару минут. Ступай же!

Герда с досадой всплеснула руками и поплелась вверх по склону туда, где ее ждали мальчишки. Сейчас она все готова была отдать, лишь бы понять, о чем он думает и почему так себя ведет.

И что только на нее нашло? Напала без предупреждения, а потом еще с ног сбила, пыталась придушить и оказалась в глупом двусмысленном положении! Нет, Николая должен понимать, что это случайность. Просто хотелось доказать, что она тоже на что-то способна. А Николая так разозлился! Как от зачумленной шарахался. Наверное, решил, что она в который раз пытается его соблазнить... Изнасиловать! Ужасно!

Как только Герда показалась на вершине пригорка, мальчишки дружно начали хлопать в ладоши.

— Здорового ты его! — воодушевленно крикнул Лейф.

— Да, уверен, что мастеру Николая еще ни разу проигрывать схватку вот так не приходилось, — поддержал темноволосый.

Только Вожык смотрел на нее с сочувствием.

— Прости. Я не думал, что все так получится, — сокрушался он.

Герда ласково погладила его по голове.

— Ты ни в чем не виноват. Это я повела себя, как ребенок, — тяжело вздохнула она, наблюдая, как Николая поднимается по склону с новыми палками.

— Что ж, время демонстраций закончилось. Теперь перейдем к практике, — уже совершенно спокойным голосом заявил он и раздал мальчишкам «оружие», а последнюю палку вручил Герде.

— Будешь парой для Вожыка, — ответил на ее недоуменный взгляд. — У тебя есть задор и настойчивость. Это хорошо. Техники и ловкости, правда, не хватает. Но это придет со временем, если будешь постоянно тренироваться. Так ты хочешь заниматься с нами?

— Я бы с удовольствием, но... — Герда замялась. — Мне стыдно. Я так неприлично себя вела...

Николя снова громко рассмеялся.

— Что смешного? — обескуражено и даже немного обиженно спросила Герда. Она тут душу изливает, а ему весело!

Охотник замолчал и лукаво прищурился:

— Ничего. Просто не ожидал, что ты так легко сможешь обернуть мою тактику против меня самого.

Герда удивленно открыла рот.

— Найти слабое место и ударить по нему, — любезно пояснил Николая. — Молодец!

— Вы, правда, не злитесь? — все еще с недоверием переспросила Герда.

Николя покачал головой и озорно подмигнул:

— Только не делай так больше. Это может быть опасно, если ты не готова к последствиям.

Герда потупилась, все еще не до конца понимая, что он имеет в виду.

Так она начала учиться фехтованию вместе с мальчишками. Печали как-то разом забылись — так легко и весело проходили занятия. Не имели значения ни назойливые ухаживания Финиста, ни вечно мрачная Майли. Все существование заполнилось томительным ожиданием утренних часов, когда Герда отправлялась на заветную поляну, чтобы до седьмого пота отрабатывать с мальчишками разные удары. И хоть не все получалось с первого раза, а Николая был все также придирчив и скуп на похвалу, она радовалась просто тому, что он посчитал ее достойной обучаться фехтованию. Иногда казалось, что его взгляд потеплел, а на устах нет-нет, да мелькала едва заметная улыбка, когда он наблюдал, как она старательно разучивает новые приемы. Возможно ли? Или только кажется, ведь она так сильно этого желает. Если бы она смогла прочитать его мысли, то знала бы наверняка. А так даже спросить страшно. Вдруг она заблуждается, и он посмеется над ее дурацкими надеждами. Да нет, это не в его духе. Просто велит не думать о глупостях и посмотрит исподлобья, так протяжно и разочарованно, что все внутри оборвется. Лучше вообще ничего не спрашивать. В конце концов она обязательно сможет прочитать его мысли и тогда все станет ясно.

Финист заметил, что Герда начала меняться на глазах. Как-то разом повзрослела, стала более степенной, уверенной. Не смущалась от комплиментов, прекратила запираяться у себя в каморке и допоздна засиживаться в библиотеке над книгами. Перемена обрадовала его, вселила решимость поговорить начистоту еще раз. Возможно, теперь она сможет его принять.

Финист выбрал подходящее время — в полдень после занятий, когда они прогуливались вдоль набережной, где бушевал по-весеннему игривый океан. Воздух пах соленой прохладой. В небесной выси пронзительно кричали белоснежные чайки. К причалу швартовался большой корабль. Туда-сюда сновали занятые своими делами прохожие. И только они с Гердой никуда не спешили, медленно брели, наслаждаясь играющим в волосах нежным бризом.

— Думаю, уже скоро, — заговорил Финист.

— Ты о чем? — рассеяно спросила Герда. Было видно, что мыслями она где-то очень далеко. И не с ним. Надо вернуть ее.

— Экзамен, забыла? Мы тут уже больше трех месяцев торчим. Обучение не должно длиться так долго. Уверен, скоро из Компании придет распоряжение, чтобы Охотник поторопился оценить ваши способности и выпустить в свободный полет. Да ты ведь и сама об этом думала. Решила, что хочешь делать дальше?

Герда медленно покачала головой, глядя куда-то вдаль, где океан сливался с небом в единое целое.

— Я вижу, тебе здесь очень нравится. Думаю, за лето я бы смог срубить домик на окраине, и мы поселились бы там вдвоем. Я бы вырезал поделки из дерева, а ты бы продавала их в городской лавке. Еще садик разбить можно, если захочешь, конечно. Заживем тихой спокойной жизнью. Как брат с сестрой. Обещаю, ни к чему принуждать не стану...

— Даже не начинай, — перебила его Герда.

От отчужденного ледяного взгляда пробирало до нитки. Словно сквозь ее глаза смотрел Охотник. Финист ошалело пробормотал:

— Я не...

— Разве ты не понимаешь, что ставишь меня в неловкое положение своими признаниями, на которые я никогда не смогу ответить? Нет, я не стану жить с тобой и не советую ждать, что мое сердце переменится. Ты для меня друг, возможно, лучший из тех, что у меня когда-либо были или еще будут. Но я не представляю наши отношения другими. Все эти объятия, попытки поцеловать — они не доставляют мне удовольствия. Они меня смущают и пугают. Прошу, не заставляй терпеть их больше. Я люблю тебя только как друга.

Руки против воли сжались в кулаки:

— Это из-за него? Из-за Охотника?

Ну почему его нельзя просто вызвать его на поединок? Сбить кулаками все его высокомерие и получить, наконец, вожаемую награду. Хоть один благосклонный взгляд!

— Да причем здесь?.. — возмутилась Герда. — Дело не в тебе и даже не в мастере Николя. Сомневаюсь, что вообще способна испытывать те чувства, которых ты хочешь добиться. Возможно, любовь, отношения, совместная жизнь не для меня. Я одиночка. Всю жизнь была такой. Мне так легче.

— Видно, зря я надеялся, что ты хоть немного повзрослела, — Финист разочарованно вздохнул. — Этот мир слишком суров. Люди не выживают поодиночке. Когда-нибудь тебе придется сделать выбор. Думаю, ты и сама прекрасно это понимаешь. И еще я не слепой. Я прекрасно вижу, как ты смотришь на Николая, и слышу, с каким трепетом произносишь его имя. Лучше не лги мне.

— Да, он мне нравится. Доволен? — зло выкрикнула Герда.

— Нет! Как же ты не понимаешь, что Охотник — не тот человек, с которым стоит связываться. Он как шквал, как ураган сметает все на своем пути. И ты рискуешь оказаться в его центре.

— Ты сам ничего о нем не знаешь. Да и какая разница? Он все равно не обращает на меня внимания, как и на остальных девушек, — Герда отвернулась. Финист с запоздалым сожалением наблюдал, как трясутся от рыданий ее плечи, а потом не выдержал и обнял сзади.

— Прости. Я не хотел тебя расстраивать. Хочешь, пройдемся дальше по берегу. Я нашел уединенную бухточку. Там очень красиво, особенно во время заката. Уверен, тебе понравится.

— Нет, лучше домой, — вытирая глаза, ответила Герда.

— Тогда в другой раз, — не стал настаивать Финист.

Последние несколько недель после Остары повергли Майли в отчаяние. Лучше бы она не танцевала с Финистом на празднике, не видела, как он украдкой бросает на другую вожденную взгляды, надеясь умиловить ее сердце. Понятно было, что стоит Герде хоть чуть-чуть поманить, как он тут же пренебрежет нежеланной партнершей и побежит к своей ненаглядной про... да не такой уж простушке. Если приглядеться повнимательней, сразу ясно, что она совсем не такая, какой пытается казаться. Одним мужчиной крутит, как хочет, а сама на другого поглядывает. Вертихвостка! Ну, ничего, Майли еще воздаст ей по заслугам и Финиста вернет. Все одним махом.

В монастыре старшие послушницы часто шептались о приворотном зелье. Да, подобные колдовские трюки считались противными воле Единого, но для девушек это было лишь безобидной шалостью. Кому может навредить маленькая женская хитрость, говорили они. Майли она безобидной не казалась, но рецепт все же запомнила. Вдруг и ее когда приворожить захотят, а она зелье-то и распознает. Так было раньше, до того, как она узнала, что сама — колдовское отродье.

«Они говорят, прими себя такой, какая ты есть, забудь о том, чему учили единоверцы. Теперь я часть их неверного демонического мира. Значит, вполне могу воспользоваться колдовским средством. Хуже в глазах Единого уже вряд ли стану».

Так созрел план. Она не думала использовать зелье на Финисте. Хотелось, чтобы его любовь была искренней, а не навеянной обманной ворожкой. Но тут можно было схитрить по-другому, заставить его ревновать. Он, небось, думает, что она замухрышка и никому не нужна. Но если Финист увидит, что тот, кого он и так считает соперником, ухаживает за ней и она отвечает взаимностью, то это наверняка заденет гордость оборотня. А как расстроится эта зазнайка с короткими волосами! Она ведь уже больше трех месяцев Охотнику глазки

строит. Чуть не плакала, когда он отказался ее учить.

Надо сказать, что мастер Николя относился к Майли куда лучше Финиста, был более уравновешен, терпелив. Он буквально заражал своим спокойствием и уверенностью. И не раздражался, когда она переспрашивала или не могла с первого раза выполнить задание. Разговаривал вежливо и никогда-никогда не напоминал, что натворил ее отец. В Охотника вполне можно было влюбиться. Наверное, так бы и произошло, не встретить она Финиста раньше. Но, наверное, оно и к лучшему. Мастер Николя слишком отчужденный и холодный. Долг для него всегда будет на первом месте, да и ремесло далеко не самое спокойное. Вряд ли такие, как он, долго на этом берегу задерживаются. Только за время, что они в Упсале провели, он раза два или три чуть не погиб. Когда-нибудь ему перестанет везти, и тогда всю жизнь вдовой в черных одеждах ходить придется. Нет уж, не по ней это. Зато его вполне можно использовать.

Майли полностью восстановила рецепт зелья и с тщательностью, которой бы позавидовал даже Эглаборг, приготовила его. Конечно, она не могла до конца предсказать, насколько сильно подействует приворот и сколько будет длиться. Майли надеялась, что недолго. Одного раза столкнуть его лбом с Финистом было бы вполне достаточно, но находиться между двух огней совершенно не хотелось. Майли добавила всего пять капель в чашку с отваром и поставила на серебряный поднос вместе с пирожками.

Охотник уже ждал в гостиной. Он сидел на диване и, склонив голову, усиленно массировал виски. Видно, голова снова разболелась. Ничего удивительного, ведь он так мало спит.

— Мастер Николя, я для вас сюрприз приготовила, — самым радушным тоном, на который только была способна, проворковала Майли.

Охотник удивленно уставился на поднос.

— Вы столько для нас делаете. Ночей не досыпаете, головной болью мучаетесь, а никто вас даже поблагодарить не додумался. Поэтому я решила за всех сказать спасибо сама. Вот, — она протянула ему поднос.

— Очень приятно, конечно, но не стоило так беспокоиться, — несколько обескуражено ответил Николя, взял чашку и начал греть стынущие руки.

— Пейте, не стесняйтесь.

Вдруг накатило волнение. Вот-вот все случится. Почему он медлит? Охотник задумчиво провел пальцем по краю чашки и вдохнул исходивший от отвара горячий аромат. Майли передернула плечами. Он не мог догадаться, не мог!

— Что это? — спокойно, но вместе с тем очень напряженно спросил Николя, отставляя чашку в сторону.

— Отвар. Его Эглаборг готовил. А я только пирожки, — она съежилась под тяжелым взглядом.

— А если я у него спрошу?

Майли поджала губы и опустила глаза, боясь отвечать.

— Дорогая моя ученица, ты знаешь о том, что я довольно долго жил в Дюарле и часто бывал на приемах в королевском дворце?

Майли отрицательно покачала головой, не понимая, куда он клонит.

— Среди придворных дам одно время было очень модно опаивать приглянувшихся мужчин самодельными приворотными зельями.

Майли испуганно дернулась, но Охотник схватил ее за руку и заставил вернуться на

место.

— Любовь они вызывали редко, но вот зато отравление — почти всегда. Так это и есть твоя благодарность?

Майли сглотнула, осознавая, какую глупость совершила. Сейчас он просто вышвырнет ее на улицу, или еще хуже, расскажет всем, или... убьет и прикопает где-нибудь. Это он только с виду тихий, а в глазах вон какая темень блуждает!

— Съешьте пирожок. Он вкусный, — затараторила она, отчаянно пытаюсь найти выход из щекотливой ситуации.

— А он с чем? С крысиным ядом? — зло спросил Николя.

Майли вымученно улыбнулась и покачала головой.

— С малиновым вареньем. Простите, я... — она собралась с духом, перебирая в голове, как лучше оправдать свою промашку. Влюбленных простушек не бьют. По крайней мере, он не должен. — Я просто не знала, как завоевать ваше расположение. Вы такой сильный и благородный. Я влюбилась в вас с первого взгляда. И когда вы стали меня учить, я понадеялась на взаимность. Но вы молчали. Я думала, что наваждение пройдет, но чем дольше мы общались, тем сильнее я мучилась, убеждаясь, какой вы замечательный. Я не выдержала этой пытки и поддалась отчаянию, каюсь. Подруга посоветовала напоить вас приворотным зельем, вот я и решилась на эту глупость. Простите!

— К-какая подруга? — прервал заунывный монолог Николя, подозрительно сузив глаза.

— Герда. Разве у меня есть другая подруга? — Майли решила, если уж врать, то напропалую. Охотник скептически хмыкнул. Она сделала вид, что не заметила и продолжила свою патетичную речь: — Герда испробовала это зелье на Финисте, и теперь он бегаёт за ней, как привязанный.

— По-моему, он и раньше за ней бегал... — продолжал сомневаться Николя.

— Да? Не замечала, — играла в невинность Майли. — Ну да это и не важно! Просто я... моя любовь к вам, такому благородному и доброму, оказалась сильнее здравого смысла. Сильнее всего. О, я так вас люблю!

Майли аж подвыла от усердия. Николя скривился, словно варенье в пирожке давно скисло.

— Не надо меня любить. Я совсем не благородный, и уж точно не добрый, а скучный и угрюмый, и вообще не слишком охоч до женских ласк.

Майли удивленно моргнула:

— О, извините, я даже подумать не могла, что у вас такие пристрастия.

— Что? — сдвинул брови Охотник.

В коридоре громко заскрипела дверь. Похоже, пришла пора действовать решительно и не полагаться на сомнительное колдовское средство. В конце концов, какая разница, что ему девушки не нравятся. Главное, чтобы Финист приревновал. Для этого и маленькой хитрости будет достаточно.

Как только «долгожданные» гости показались в дверном проеме, Майли развернула Николя к ним спиной, не дав ему разглядеть их. Она обхватила его голову руками и поцеловала в чуть приоткрытые от удивления губы, слизывая с них остатки сладкого варенья. Боковым зрением с ликованием заметила, как серые глаза одного из невольных свидетелей стали непомерно большими и заблестели, а желтые презрительно сощурились.

Финист шепнул что-то Герде на ухо. Она резко отпихнула его в сторону и в слезах бросилась прочь. Оборотень помчался следом. И как раз вовремя, потому что Николя уже

успел отойти от шока и грубо столкнул Майли с собственных колен. Тут же оглянулся на дверь, но не успел никого заметить.

— Какого демона ты творишь?! — закричал он, растеряв все свое хваленое самообладание. Из уголка его рта тонкой алой струйкой стекало малиновое варенье, оно же было щедро размазано по рубашке и брюкам, да и по платью Майли тоже — от неожиданности Николая выронил пирожок, и жидкая начинка пролилась на одежду.

— Извините, просто хотела проверить, насколько вам безразличны девушки, — как ни в чем не бывало прощбетала Майли, ни чувствуя даже капли раскаяния.

— И как? — растерянно спросил Николая, занятый поиском того, обо что бы можно было вытереть липкие руки и лицо.

— Абсолютно безразличны, — печально развела она руками.

— Ну, вот и прекрасно, — сказал Николая, обнаружив нечто отдаленно напоминавшее полотенце на одном из стульев у стены.

Снова заскрипела входная дверь. Майли и Николая одновременно напряглись. На пороге показался сильно осунувшийся, но все такой же улыбчивый Асгрим.

— О, так я не вовремя? — не сдержал ехидства Дану, обозревая непотребный вид своего друга.

— Ты без стука, — мрачно ответил Николая, продолжая вытираться.

— Я всегда без стука, — легко согласился Асгрим, а потом выразительно глянул на раскрасневшуюся Майли. — Только вернулся от троллей. Спешил рассказать последние новости, но, похоже, ты занят. Я могу зайти попозже. Прошу простить мое бестактное вторжение, госпожа.

Асгрим низко поклонился и галантно поцеловал руку Майли, отчего она просто расцвела.

— Подожди меня на улице. Переоденусь и выйду, — раздраженно бросил Николая и повернулся к Майли: — Мы еще поговорим насчет твоего поведения.

Она вымученно улыбнулась. Убивать ее явно не собирались, а остальное было совсем неважно, потому что Финист видел, как ее целовал другой.

— Какие у вас тут страсти, однако, — продолжал потешаться Асгрим, когда Николая встретился с ним во дворе.

— Прекрати паясничать. Говори, зачем пришел, — раздраженно прошипел Охотник.

— Не злись. Просто я думал, тебе светленькая больше нравится, — не унимался Дану.

— А ты не думай. У тебя плохо получается, — поддел его Николая в отместку. — Что там с троллями?

— Да ничего хорошего. Больно скрытные. С трудом нашли их лагерь далеко в горах на северо-востоке отсюда. Странно ведут себя. Переполошились невесть из-за чего. Чуть ли не до междоусобицы дошло. Часть захотела искать какого-то покровителя в океане. Мол, мы демоны, значит, нас там примут с распростертыми объятиями, достаточно будет лишь признать их власть и подкрепить клятву верности каким-нибудь подношением.

— А вторая часть?

— Перепугалась до смерти и хотела тайными тропами идти на юго-восток в долину

Агартти. Думают, что там можно спокойно переждать бурю или хотя бы отсидеться — туда беда в последнюю очередь придет.

— Хотелось бы и мне там отсидеться, — задумчиво изрек Николая, прогрузившись в давние воспоминания. — Что могло их так напугать?

Асгрим пожал плечами и перевел взгляд на север, где за Утгардским плато высились вечные льды Хельхейма.

— Червоточина, — наконец, выдвинул он предположение.

— Она существует испокон веков. Ничего не изменилось. Или я чего-то не знаю?

Асгрим пожал плечами.

— Нужно поговорить с твоей женой, — сказал Николая. — Идем, по дороге расскажешь остальные новости. Лишь бы Эйтайни снизошла до откровенного разговора. В прошлый раз мы сильно повздорили.

Асгрим безнадежно покачал головой: не хуже Николая знал, что у жены колдовские тайны выпытывать бесполезно. Но все же повел его ко дворцу под холмами, пересказывая на ходу подробности похода во владения троллей.

Финисту удалось догнать Герду, когда она уже покинула усадьбу Охотника и быстрым шагом направилась к видневшемуся вдали лесу.

— погоди! — оборотень схватил ее за руку и повернул к себе. Герда невидяще уставилась на него заплаканными глазами. — Ты расстроилась из-за этого болвана? Право, не стоит. Я же говорил, он тебя недостойн.

— Пожалуйста, не надо об этом, — взмолилась она, пытаясь вырваться.

— Он не достоин ни единой твоей слезинки, — продолжал говорить, пытаясь ее успокоить, Финист. — Забудь о нем. Я буду тебя любить и никогда не предаю, если только ты согласишься. Я изменюсь, стану самым лучшим, таким, каким ты захочешь. Я все смогу. Я ведь уже научился читать и писать. Хочешь, мы вместе будем читать твои книги? Скажи, чего ты хочешь, и я все сделаю. Достать звезду с неба, переплыть океан, найти самый редкий цветок? Только скажи, разреши мне быть рядом с тобой, разреши любить тебя.

В отчаянии он притянул Герду к себе и крепко обнял за плечи. Она подняла сверкающие от слез глаза, но не смогла задержаться взглядом. Снова смотрела сквозь него, как будто он был для нее лишь пустым местом. Финист не выдержал: хорошенько встряхнул ее за плечи и хотел было поцеловать, но она поднесла к своему лицу ладонь, защищаясь.

— Пожалуйста, не надо, — повторила Герда гораздо более спокойным, отрешенным голосом. Только накатывавшие волной всхлипывания не могла сдержать. — Не надо ничего делать. Я не люблю тебя. И никогда не смогу полюбить. Предложи свои чувства той, которая их оценит.

Финист нахмурился.

— Майли. Ей твои признания гораздо нужнее, — подсказала Герда.

Оборотень закатил глаза.

— При чем здесь эта припадочная стерва?

— При том, что она тебя действительно любит.

— Ага, и еще полгорода вместе со мной. Она гуляющая. Ты же видела, как она только что

вешалась на шею твоему Охотнику.

— Она сделала это от отчаяния. Разве ты не понимаешь? Она потеряла семью и дом, осталась совсем одна, получила в наследство сводящий с ума дар, а человек, которому она открыла свое сердце, растоптал его.

— Да что я такого сделал? Поддался минутному порыву, с кем не бывает? Она же из платья выпрыгивала, чтобы только меня оседлать. Видно, в монастыре совсем зачахла без мужского внимания. Уверен, будь на моем месте другой, она бы точно также поспешила продемонстрировать ему свои прелести. Думаю, сейчас с Николая произошло то же самое. Ну, да я его все равно не оправдываю.

Герда напряженно выдохнула и отшатнулась, словно он ее ударил.

— Что ты такое говоришь! А если бы на ее месте была я? Если бы я поддалась минутному порыву, когда ты рассказывал о своей любви, тоже стала бы гулящей?

— Но ты же совсем другое дело. Ты...

Ну почему Герда всегда неправильно его понимает?! Он не имел в виду ничего такого!

— Кто я? Между мной и Майли на самом деле не такая уж большая разница. Просто она готова на все ради тебя, а для меня твоя любовь как кость в горле. Даже если бы не было Николая, я бы все равно с тобой не осталась. Хватит! Можешь передать ему, что я отказываюсь с тобой заниматься и заниматься вообще. Хотя не надо... я сама ему все скажу, а то вы еще подеретесь. Прощай!

Вырвавшись из его объятий, она не оборачиваясь побежала в сторону леса.

— Герда! — позвал Финист, но она не остановилась.

Он всплеснул руками от досады, но больше не стал ее преследовать. Вместо этого направился обратно к дому. Он уже и так сказал ей лишнего, а вот с Николая и Майли побеседовать стоило.

Получасовой спуск по крутой петляющей винтовой лестнице в кромешной тьме. Ни дуновения ветерка в тяжелом спертom воздухе. Пробирающая до костей сырость. Николая терпеть не мог долгий черный путь во дворец Дану. По короткому белому, вдоль освещенных зеленоватыми кристаллами жилищ скотоводов и охотников, похожих на прогрызенные в подземной скале муравьиные норы, пускали лишь во время официальных приемов, чтобы лишний раз не раздражать склочный народец. Не любили они людей. Даже его, Охотника, терпели лишь по прихоти королевы, но в любой миг могли взбунтоваться и напасть. Опасный союзник, но лучше друг, чем враг.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Покои королевы находились в самом центре дворца: просторном, пробитом в скале водным потоком зале, сплошь испещренном колдовскими узорами со вставками зеленых факелов-кристаллов, на которых сушились пучки ароматных полевых растений. Пещерная затхлость перебивалась горьковатым запахом полыни и сладким медовым цветущего вереска. Кристаллы побольше наполняли семь больших круговых светильников на потолке, укутывая все помещение зыбкой, почти осязаемой изумрудной дымкой.

У дальней стены стояла приземистая кровать, застеленная мягким свежим мхом с вкраплением мелких лилово-розовых цветков. Чуть поодаль круглый резной столик из

белого мрамора с пятью ажурными стульями и монументальный диван, укрытый толстыми овечьими шкурами.

Тоненькая фигурка королевы в летящем пурпурном платье замерла у исполинской чаши из мохового агата, наблюдая, как туда из едва заметной щели на потолке с мерным стуком капала вода. Не дождавшись приветствия, королева обернулась.

— Ну и что же вас задержало? — окинула гостей мягким кошачьим взглядом.

Не дав Николая произнести ни слова, Асгрим принялся живописать постыдную сценку, свидетелем которой он только что стал. Эйтайни не сдержалась и прыснула себе в кулак.

— Извини, но если бы ты женился или хотя бы просто за кем-то ухаживал, таких проблем не возникало бы, — уже с гораздо более серьезным видом заметила она.

Охотник скептически хмыкнул.

— По крайней мере, их бы стало меньше, — покачала головой королева. — Хотя, судя по тому, что мне рассказывал Эйсмунд, ты совсем не безнадёжен.

— Со всем уважением, но у вашего сына слишком буйное воображение и длинный язык, — процедил сквозь зубы Николая. — К слову об Эйсмунде, я как раз опаздываю на занятия, поэтому не могли бы мы оставить мою ничем не примечательную личную жизнь в покое и перейти к более важным вопросам?

Эйтайни снова хихикнула себе в кулак. Асгрим же, как полагается суровому воину, разразился громким раскатистым хохотом. Николая скривился. “Хоть раз еще попроси прикрыть тебя перед женой, и тогда посмотрим, кто будет смеяться последним”. Заметив кислое выражение лица Охотника, Асгрим осекся и потупился.

— Вот донесения лазутчиков, если они чем-то помогут, — он протянул небольшую стопку бумаг.

Изучать документы пришлось довольно долго, но ничего нового выяснить не удалось.

— Все сходится к тому, что некоторое время назад тролли ощутили нечто, что испугало их и заставило сорваться с насиженных мест. Более того, это нечто расколело общину на две половины, каждая из которых двинулась в противоположную сторону от другой. Причем, конечные цели обеих групп — червоточина Хельхейма и долина Агарты — весьма труднодоступны. Значит, они в отчаянии. Что могло ввергнуть в панику таких зловредных и сильных существ, как тролли? — рассуждал вслух Николая.

Асгрим оставил его наедине со своей женой, потому что о некоторых тайнах Эйтайни не стала бы говорить в его присутствии.

— Что-то еще более сильное и зловредное, чем тролли, — предположила королева Дану, хотя у Николая сложилось впечатление, что она прекрасно знает, о чем речь. — Червоточина?

— Нет, здесь что-то другое. Более осязаемое и изменчивое. Скажи, вы ведь должны чувствовать колебания сил не хуже троллей, особенно ты, королева и главная ворожея. Так что в них изменилось за последний год?

Эйтайни глубоко вздохнула, собираясь с мыслями:

— Ты же знаешь, мне не положено говорить об этом. Ты Страж, потомок Стражей, и должен чувствовать изменения не хуже меня. Попробуй найти ответ сам.

Охотник закрыл глаза, изо всех сил прислушиваясь к колебаниям едва заметной тени на грани сознания, а потом безнадежно покачал головой:

— Не знаю. Все как прежде. Я в стране демонов, в самом ее сердце, а совсем недалеко на севере червоточина, которая беспрестанно исторгает их в наш мир. Силы и стихии

постоянно сталкиваются в непрерывной борьбе. Многоголосие хаоса — это все, что я ощущаю. И чем больше я живу здесь, тем сильнее становится этот хор, и тем сложнее отличить один нужный голос. Наверное, я теряю слух из-за того, что постоянно приходится слушать грохот.

Николя замолчал и сник. Эйтайни продолжала неотрывно смотреть на него, словно ожидая продолжения, но его не последовало.

— Ты очень близок к истине и все же очень далеко. Ты слишком сосредотачиваешься на своих способностях и страхах, поэтому не видишь. Что, если это не ты теряешь слух, а грохот становится громче? Что, если происходит это не только здесь, вблизи червотчины, но и во всем Мидгарде?

— Конец времен, да? — усмехнулся Николя. — И кто же его предвестники? Уж не Ловцы ли желаний, собирающие людские души по всему Мидгарду или, быть может, Защитники Паствы, развязавшие междоусобную войну и сжигающие собственных братьев по оружию на кострах? Что между ними общего?

— Не знаю, — повела плечами Эйтайни и отвернулась. — Но, если хочешь знать, то предвестники не они.

— Тогда кто?

Эйтайни вновь повернулась к агатовой чаше и принялась водить пальцем по скопившейся там воде, закручивая ее в спираль. Ворожея медленно входила в транс. Ее голова опускалась все ниже, ниже, пока подбородок не коснулся груди. На поверхность поднялась стая серебристых рыбок и помчалась за пальцем Дану. Откуда-то дохнуло свежим ветром, послышались едва различимые голоса, и на водной глади вырисовались таинственные темные силуэты.

Эйтайни подняла голову и, не открывая глаза, заговорила чужим, лишенным всякой интонации голосом:

— Последний отпрыск побочной ветви священного рода, что не должен жить. Сильнейший воин во всем Мидгарде, что должен умереть. Отверженный сын отверженного, что должен выжить, чтобы жили другие. Последний из видящих, что должен выбрать между тенью и светом. Мечтающий о любви, что должен отдаться ненависти и пробудить древнее проклятье. И спящий во льдах Небесный повелитель, что должен возродиться и спасти нас... либо погубить.

Николя передернул плечами, ощущая, как заволновалась внутри сущность Безликого.

"Чего же ты хочешь на самом деле? Спасти нас или погубить?"

Безликий молчал. Устало вздохнув, Николя уселся за стол и принялся записывать все на клочке бумаги, пока не успел забыть.

— Древнее пророчество твоего народа? — тихо спросил он, когда Эйтайни дернула головой и вынула руку из воды, выходя из транс.

Серебристые рыбки тут же нырнули обратно в глубину, увлекая за собой таинственные силуэты. Ворожея печально улыбнулась:

— Не слишком древнее и уж точно не моего народа, но ничего лучше предложить не могу.

— Мне бы что-нибудь попроще и более приземленное, — сделал последнюю слабую попытку добиться помощи Охотник.

— Ищи крыс, — после долгих раздумий, посоветовала королева Дану.

Николя нахмурился, но переспрашивать не стал, понимая, что и так слишком

злоупотребил ее расположением. К тому же, он уже давно должен быть в другом месте.

Герда уже не помнила, сколько брела по лесу, не разбирая дороги, и размазывала по лицу горькие слезы. Успокоиться долго не получалось. Случайно выйдя на пригорок, где Николая учил ее и мальчишек драться на палках, она подняла взгляд к небу. Для занятий было еще слишком рано. Но, может, оно и к лучшему — будет время придти в себя. Герда устроилась на поваленном бревне, с которого Николая обычно наблюдал за поединками, и вдруг почувствовала, что уже почти успокоилась. Слезы прекратили литься безудержным потоком, да и всхлипывать больше не хотелось. Она закрыла глаза и прислушалась к ветру. Здесь он ощущался по-особому сильно. Теперь она понимала, почему Охотник так любил это место. Герда еще долго оставалась неподвижной, чувствуя, как в голове проясняется, а мысли выходят на более стройный и мирный лад.

«Уже скоро. Он придет первым — мальчишки обычно опаздывают. Придется что-то сказать, но что? Можно, конечно, признаться, что видела его с Майли. Но, с другой стороны, кто я такая, чтобы лезть в его жизнь? Он ведь ничего не обещал, даже намеков не делал. Какое у меня право злиться или требовать объяснений? Мы ведь друг другу никто, учитель и ученица. Тем более, он от меня отказался, а потом я сама навязалась. Да и Майли, она такая красивая, одевается шикарно и умеет вести себя с мужчинами, знает, чего они хотят. И на его бывшую, ту, что погибла, похожа. Тоже медиум. Темноволосая. Ну а что я — вечный ребенок, несуразный и неловкий, только раздражаю его своими глупостями. Наверное, лучше промолчать. Пусть все будет, как будет. Николая ведь совсем не такой, как Финист, он серьезный и умный, он не стал бы дарить девушке пустые надежды из-за «минутного порыва». Наверняка, он действительно что-то к ней испытывает. И я должна уважать его чувства, даже если мне невыносимо больно от того, что он выбрал другую».

Эти мысли не принесли особой радости, но, по крайней мере, Герда смирилась. Или ей так казалось. Скоро подошли мальчишки. Эйс и Лейф охотно приняли Вожыка в свою компанию, буквально силой вытягивали из дома и заставляли принимать участие в их шалостях. Герда подозревала, что им особенно приглянулся необычный зажигательный дар мальчонки, от которого бросало в дрожь даже самых бесстрашных взрослых. С ним возможностей напраказит или ввязаться в очередную заварушку, чтобы получить море острых ощущений, у забияк стало намного больше. Впрочем, Николая не выказывал по этому поводу особого волнения. Однажды Герда спросила у него, почему. Охотник ответил, что уверен в своем ученике, в том, что он сумеет в нужный момент не только проконтролировать собственные способности, но и принять правильное решение; не пойдет на поводу у друзей, если те задумают что-то негодное, а наоборот сможет уберечь бедокуров от неприятностей благодаря своему здравому смыслу.

Когда Николая обучал Вожыка, на похвалу не скупился, и мальчик словно расцветал от ласковых слов: расправлял плечи, без опаски смотрел в глаза, а взгляд приобретал так сильно не хватавшую прежде уверенность. Лишь после этого пирокинетик подчинил свой дар. Вожык даже сражаться учился быстрее остальных. Каждое его движение было четкое и выверенное, как у взрослого, удар всегда достигал цель, только силы мальчику еще предстояло набраться. Герда очень радовалась его успехам, особенно когда собственные

оставляли желать лучшего.

Она приветливо помахала трем таким разным мальчишкам, когда те начали подниматься на пригорок. Может, Эйс и Лейф так легко приняли в свою компанию Вожька, не только из-за дара, а потому что почувствовали в нем что-то близкое. Ведь сами они других детей чурались, слишком были непохожи на обычную веселую упсальскую детвору, хоть и старались изо всех сил казаться счастливыми. Видно, слишком хорошо понимали, что значит быть не таким, быть изгоем, вот и сошлись с тем, кому не повезло больше них самих. Жаль что ей, Герде, верного друга найти не удалось, а единственный, который был, и тот сгинул.

Она понурилась. Мальчишки поднялись и устроились рядом на бревне, а Николя все не было. Они прождали больше часа. Нетерпеливые Эйс и Лейф со скуки начали гоняться друг за другом и задирать Вожька, приглашая присоединиться к забавам. Пирокинетик стойко не обращал на них внимания, составляя компанию хмурой Герде. Она прекрасно понимала, что Николя, скорее всего, так увлекся Майли, что просто забыл про них, и все же надеялась, что он придет. Но потом рассудила, что дети не должны страдать из-за ее глупых чаяний.

— Идите домой, — велела мальчишкам Герда. — Я подожду еще немного. Если мастер Николя появится, то объясню, что это я вас отпустила.

Эйс с Лейфом, не скрывая ликования, переглянулись и побежали вниз по склону. Вожьк остался рядом с Гердой, с подозрением заглядывая ей в глаза:

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я подождал с тобой?

— Нет, лучше иди. Мне все равно надо побыть одной, собраться с мыслями, — одними губами улыбнулась Герда.

Вожьк помахал на прощание и, беспрестанно оглядываясь, поплелся за товарищами.

Она сидела в одиночестве еще некоторое время, тщетно пытаясь призвать ветер, чтобы он еще раз помог упокоиться. Но ничего не выходило. Отчаявшись, Герда подняла с земли одну из заготовленных для урока жердей, спустилась с пригорка и, найдя высоченную сосну с крепким и толстым стволом, принялась осыпать ее неистовыми ударами, выпуская весь накопившийся в душе гнев наружу. Руки ломило от напряжения. В ушах бешено стучала кровь. По лбу градом катился пот, застилал глаза. А Герда все никак не могла остановиться и, отрешившись от всего, сражалась с деревом, словно от этого зависела ее жизнь.

Николя домчался до пригорка так быстро, как только мог, и все равно опоздал. Сильно. Все разошлись. Только в леске неподалеку ощущалась знакомая аура. Ну, хотя бы кто-то соизволил дождаться. Спустившись, он услышал звуки неистовой схватки. Странно, впереди ощущался только один хорошо знакомый ему человек. С кем она может так драться? Пришлось поспешить. Через сотню шагов, Николя с облегчением понял, в чем дело. Герда с такой силой лупила палкой толстый сосновый ствол, что в нескольких местах лопнула кора. Николя нахмурился и решил спасти дерево от жестокой расправы.

Герда так увлеклась, что даже не заметила, как он подобрался вплотную и положил руку ей на плечо. Испуганно замерла и медленно повернула голову.

— Я, конечно, ценю твое рвение, но нужно знать меру, — вкрадчиво произнес он, усмехаясь, что смог застать ее врасплох.

Герда заметно скривилась и отвернулась, не отвечая. Николая нахмурился. Она выглядела удрученной.

— Так в чем же провинилось дерево? — попытался развеселить ее шутливым вопросом.

Герда понурилась и тихо пробубнила себе под нос:

— Ничем.

Точно, расстроена. Глаза красные, щеки горят. Явно плакала. Что могло ее расстроить? Неужели с оборотнем поругалась? Все-таки глупая была идея отправить ее обучаться у Финиста. Он кого угодно способен до белого каления довести. Но жаловаться Герда вряд ли станет. Ведь он «друг». Расспрашивать не стоит, лучше отвлечь и успокоить.

— Где мальчишки? — начал Николая с легкого вопроса.

— Я отослала их домой. Слишком жестоко заставлять детей ждать больше часа... даже для вас, — с укором ответила Герда.

«На меня-то за что взъелась? Значит, надо исправляться».

— Ладно, не беда, — пожал плечами Николая. — Позанимаюсь с тобой одной. Думаю, давно пора для каждого из вас отдельные занятия проводить.

Он выставил руку по направлению к пригорку. Воздух рассекала одна из оставшихся там палок и прыгнула в подставленную ладонь. Герда фокус не оценила, мрачно глядя куда-то вдаль. Странно. Раньше такие вещи ее восхищали. Она недовольно глянула на протянутую ей жердь и убрала со своего пути:

— Не хочу.

И отошла на несколько шагов.

— В чем дело? — не сдержался Николая. Почему она ведет себя так, словно он в чем-то виноват?

— Бессмысленно это. Все равно у меня ничего не получается, поэтому незачем время тратить, — не останавливаясь, бросила она через плечо.

Снова приступ неверия в собственные силы? Что ж, придется воспользоваться испытанным способом, хотя и не слишком приятным. Николая в один прыжок преодолел раздевшее их расстояние, крепко ухватил ее за руку и развернул к себе.

— Опять трусишь? — с вызовом спросил он.

Герда вырвала свою руку и зло сощурила глаза, легко заглотив наживку:

— Что?

— Ты всегда трусишь, когда тебе трудно или что-то не получается, — терпеливо объяснил Николая.

Глаза полыхнули гневом. Похоже, он немного перестарался. Она в бешенстве. Грядет буря.

— Я не трушу, — отделяя каждое слово паузами, ответила Герда.

Это будет даже интересно.

— Докажи, — Охотник улыбнулся и встал наизготовку.

Герда стиснула зубы и вскинула свою жердь. Они закружились по поляне, совсем как тогда, в первый раз. Николая легко парировал даже самые сложные из ее ударов, но его забавлял ее задор. И то, как она почти неосознанно искала малейшую брешь в броне, стремилась предугадать действия противника, а не полагаться лишь на грубую силу. Пожалуй, из нее бы вышел хороший боец, если бы ее обучали с детства. Правда, убивать она вряд ли сможет, если даже гибель крысы вызывает у нее ужас. Быть может со временем... нет, этому ее учить определенно не стоит. Лучше просто играть.

— Тебя так легко разозлить, что это даже не смешно, — заметил Николая, направляя телекинез на палку, чтобы еще сильнее распалить в ней ярость.

Герда снова сверкнула глазами. Она так остро чувствует ауры. Жаль, примеряться к собственной силе у нее пока не получается. Удар. Еще удар. Игра слишком затянулась. Пора заканчивать. Николая уже собирался остановиться, но Герда, отразив очередной выпад, громко взвизгнула и бросилась на него. Охотник выронил палку и обхватил девушку руками, боясь, что она может удариться. Снова застигла врасплох, поймала в его же собственные тенета. Впрочем, он не особо сопротивлялся. Потерял равновесие и, увлекая Герду за собой, полетел на землю. Несколько саженей катились кубарем. Она продолжала визжать и шипеть, неистово царапаясь, кусаясь и лягаясь, словно разъяренная дикая кошка. Забавно. Пожалуй, впервые захотелось ее победить.

Николя оказался сверху и навалился всем весом, прижимая ее к земле. От испуга Герда широко распахнула глаза и резко дернулась, делая последнюю отчаянную попытку сопротивляться. Зря. Предупреждал же, чтоб не использовала запрещенных приемов, если не готова к последствиям. Герда сдавленно всхлипнула. Обдало запахом страха загнанной в угол дичи. По сознанию прошел штормовой вал, поднимая на поверхность агрессивный хищнический инстинкт. От былой сдержанности не осталось и следа. Укротить, подчинить, подмять под себя строптивую самку, посмевшую упрятать свои вожаделенные сокровища под мужской одеждой.

Николя на мгновение замер, отчаянно борясь с собой. Странно. Герда ведь даже не в его вкусе. Он всегда предпочитал более зрелых, уверенных в себе женщин, с которыми не нужно следить за каждым жестом и словом, боясь потревожить или обидеть ненароком. Их любовь как выдержанное вино: не ударяет в голову и оставляет изысканное послевкусие. Ну а что эта девочка? Красивая в своей цветущей молодости, но еще такой ребенок по сути. Невинный и наивный. Она и собственные-то порывы едва понимает, не говоря уже о желаниях мужчины. И все-таки что-то в ней есть. Что-то, чего он никогда не понимал. Оно хмелит, кружит голову, обнажает чувства. Даже те, на которые он не думал, что вообще способен.

Николя пристально глянул в лицо Герды. Трепещут пушистые серебристые реснички, жемчужные глаза полыхают то гневом, то страхом, по щекам растекается лихорадочный румянец, припухшие алые губы чуть приоткрыты. Подрагивают. Манят. Как тут сопротивляться? Он и не стал. Впился в них со всей клокотавшей внутри страстью, наслаждаясь мягким, нежным, невероятно сладким вкусом. Как же приятно! Он почти забыл. Как просыпается голод, прожигает каленым железом, заставляет желать большего.

Лицо ужалила злая пощечина. Отрезвила. Николая отпрянул, ошарашено глядя на запыхавшуюся девушку. Щека горела так, будто огнем опекли.

— За что?! — против воли вырвался глупый вопрос.

— За все! — выкрикнула Герда, подскочила и помчалась прочь, не разбирая дороги.

Словно похмельем накрыло.

Что...

Это...

Было?!

От досады Николая закрыл лицо руками, изо всех сил стараясь отдышаться. Очень хотелось засунуть голову в студеный горный ручей, но для этого было еще слишком холодно.

Возле дома Охотника встретил не на шутку встревоженный бургомистр.

— Крысы лютуют. Уже не то, что на еду, на посев ничего не осталось. Твари повсюду: в амбарах, в спальниках, у скотины в сараях. Отрава, ловушки и коты уже не спасают. Люди ропщут. Кто-то пустил слух, что это нашествие нам кроме голода еще и чумой грозит. Крысы ее дух по дворам разносят.

— Вот и Эйтайни про крыс говорила, — задумчиво заметил Николая.

Он настолько вымотался, что даже не мог придумать, как обнадежить разволновавшегося Гарольда. Лучше бы это был еще один Ловец желаний или дюжина Ходоков. По крайней мере, он знал, как с ними сражаться, а вот что делать с полчищами крыс, даже не представлял.

— Не думай, что я давлю, но если мы в ближайшее время не справимся с этой бедой, то начнется паника и беспорядки, а это во стократ хуже любого мора, — тяжело вздохнул бургомистр, а потом, хорошенько приглядевшись к лицу Охотника, нахмурился: — Что это?

Николя коснулся собственной скулы. На ней уже расплывался небольшой синяк.

— Ничего страшного. Через лес продирался, ветка по лицу хлестнула... — пожал он плечами.

Гарольд неодобрительно цыкнул.

— Что-то ты с каждым днем все рассеяней становишься. Уж не подхватил ли сам какую заразу?

— Не волнуйтесь. Это от недосыпа, — поспешил успокоить его Николая.

Гарольд кивнул и, вежливо попрощавшись, удалился. Николая вошел в дом. Эглаборг встретил его на пороге и, поняв без слов, ушаркал на кухню. Гостиная оказалась пуста. Не раздумывая, Николая завалился на диван и сомкнул глаза, надеясь хоть немного успокоиться. Показалось, что прошло всего несколько мгновений, прежде чем вернулся Эглаборг и обработал синяк охлаждающей мазью.

— Поешьте и выпейте это, — целитель поставил перед ним поднос с ужином и дымящимся отваром.

— Зачем? — скривился Охотник. От вида еды откровенно подташнивало.

— Нервы успокоить. У вас глаз дергается.

Николя прикрыл веко ладонью и тяжело вздохнул.

— Потом идите спать. А то так недолго и заболеть, — продолжал проявлять навязчивую заботу Эглаборг.

— Спасибо, мамочка!

— Да, пожалуйста. Просто надоело смотреть, как вы в могилу себя загоняете, — посетовал целитель и ушел к себе.

После отвара в голове немного прояснилось. Николая решил подняться к Герде и объяснить. Хотя что нужно сказать, он представлял довольно смутно. На ум как назло приходила одна только пошлость.

Оказавшись на верхней ступеньке, Охотник замер, прислушиваясь. Вместо того, чтобы постучаться в каморку рядом со своей спальней, подошел к двери, которая вела в комнату Финиста, и приложил ухо к стене, чтобы отчетливей расслышать доносившиеся оттуда звуки. Любопытство пересилило, заставив заглянуть внутрь. Барахтаясь в простынях, изящные белые ножки обнимали мерно раскачивающийся широкоплечий мужской торс. Полный болезненного томления стон слился с глухим рычанием и скрипом кровати. Голова с выгоревшими светло-каштановыми волосами начала плавно поворачиваться в сторону незадачливого соглядатая.

Николя быстро захлопнул дверь и отступил на шаг. Ай да приворотное зелье! Теперь хоть понятно, за что он оплеуху схлопотал, ведь большой куш был предназначен для оборотня. От ярости рука сама сжалась в кулак и чуть было не врезалась в деревянную стену рядом с дверью, но Охотник вовремя перехватил собственное запястье. Что толку скандалить? Только дураком себя выставит. Еще большим. Она сделала свой выбор, и у него нет права вмешиваться, даже если это бесит до красных демонов в глазах.

Николя ссутулил плечи, опустил голову и вернулся в гостиную. Эглаборг прав, надо завязывать: проэкзаменовать всех поскорее и отправить на четыре стороны. И так слишком тут задержались. Главное, что пользы от этого никакой — один вред. Привязался, размяк, расчувствовался... Тупица! Абсолютно правильно Герда поступила: как водой окатила, чтобы не смел и думать о всяких глупостях. Совсем забыл, как от близости плохо становится: больно, гадко, безысходно. Прямо как сейчас.

Голову схватил жуткий спазм. Едва не вытошнило. Николя выпрямился стрункой и сделал несколько глубоких вдохов. «Вроде, улеглось. Не следует переживать попусту. Сейчас главное город от крыс спасти, а остальное само решится. Уже решилось. Да так противно, что аж рехнуться можно. Так, не о том думаю. Город. Крысы».

Николя направился в сторону библиотеки. Все равно теперь вряд ли уснет, а так, может, что полезное удастся выяснить. И от дурацких мыслей отвлечься.

Вернувшись домой, Герда спряталась от всех в библиотеке. Взяла первую попавшуюся книгу, устроилась с ногами в любимом кресле Николя и долго смотрела в одну точку, не в силах думать ни о чем, кроме произошедшего в лесу.

Зачем, ну зачем Николя это сделал? Поцеловал Майли, а потом ее. Хотел сравнить? Как это все гнусно! Он такой же как Финист — потом тоже будет говорить, что девушки гулящие, а он поддался мимолетному порыву. Но как же он целует! Совсем не как Финист. Жарко, страстно, неистово. Ему нельзя сопротивляться. Перед ним меркнет само сознание, растворяется в нем, в пленительных ощущениях, в объятьях, мягких, словно лебяжий пух и жестких, словно кандалы. Как же хотелось отдаться во власть его губ и рук, позволить укротить себя и подчинить, забыть обо всем и жить лишь им, дышать лишь им. Но разум-предатель не разрешил, напомнив, что это лишь игра. Все не по-настоящему. Через пару мгновений он опомнится и посмеется над ее глупыми мечтами. Будет нестерпимо больно. И она не знала, сможет ли пережить подобное разочарование. Поэтому... предпочла сбежать. Как обычно.

— Что ты здесь делаешь? — раздался над ухом вкрадчивый голос.

Ну как, как он умудряется ходить настолько тихо?!

— Читаю. Что тут еще можно делать? — раздраженно ответила Герда, не желая видеть наглое лицо.

— Ага, — усмехнулся Николя и, вырвав из рук книгу, перевернул ее. — Вверх ногами, поди, читать не очень удобно.

Герда покраснела до корней волос. Какого демона ему еще нужно? Недостаточно насравнивался, кто лучше целуется?!

— Я имел в виду, почему ты не с Финистом.

— Почему я должна быть с ним? Урок давно закончился. Да и время позднее. Должно быть, он уже спит. А у меня самостоятельная работа. Вот, — Герда указала на внушительную стопку книг, сложенную на столике рядом. Она так и не решилась рассказать, что не хочет больше заниматься с оборотнем, предвидя неловкое объяснение, скандал и кучу неприятностей, которые обязательно последуют.

Николя подцепил пальцем собственный воротник и оттянул его, словно тот давил на горло.

— Хорошо, а то я было подумал, что... Не важно. Он вообще с тобой занимается?

Герда поджала губы и опустила глаза, но отвечать не стала. Охотник тяжело вздохнул:

— Ладно, я завтра в отчете спрошу разрешения провести экзамен в ближайшее время. Дотянуть бы до него, а там легче станет.

Герда не поняла, что он имеет в виду, но переспрашивать не стала и продолжила сидеть в мрачном молчании. Николая стоял рядом и пристально разглядывал ее лицо.

— Злишься из-за поцелуя? — откровенно поинтересовался он.

— Нет, — категорично отрезала Герда и отвернулась.

— Тогда что с тобой? — не унимался Охотник. Она все-таки посмотрела на него и решила высказать все, что накипело за последний день.

— Что со мной?! Лучше скажите, что с вами. Почему вы так подло относитесь к девушкам? Утром обнимаетесь с одной, вечером целуетесь с другой, а потом за их спинами обзываете дурами, гулящими, истеричками только потому, что они имели несчастье полюбить вас. Они из кожи вон лезут, чтобы хотя бы одного взгляда вашего удостоиться, а вы просто пользуетесь ими, а потом бросаете, как ненужную игрушку, совершенно не думая, насколько им может быть больно! И знаете, что самое противное?

— Что? — прибитый гневной тирадой, спросил Николая.

— Я верила, что вы не такой, что уж вы-то наверняка не станете играть чужими чувствами, — дальше все слова потонули в глухих рыданиях, но совсем скоро Герда взяла себя в руки и, заметив, что Охотник смотрит на нее ошалевшими глазами, решила высказать все прямо: — Я видела вас с Майли.

— Видела? — продолжал недоумевать Николая.

— Как вы целовались в гостиной, — краснея до ушей, ответила Герда и закрыла лицо руками.

Охотник громко расхохотался. К глазам подступили слезы. Зачем она наговорила ему все эти глупости? Зачем вообще начала этот разговор?!

— Ревнуешь? — неожиданно серьезно спросил Николая.

— Вот еще, — деланно безразлично бросила она. — Просто разочарована.

— Чем? — уже натурально издеваясь, осведомился он.

— Тем, что вы потом поцеловали и меня.

— И тебе не понравилось?

Вот теперь точно хотелось придушить этого наглеца со слишком красивыми синими глазами. Герда возмущенно фыркнула, не находя слов, чтобы выразить свое негодование, а потом как будто само с языка сорвалось:

— Да вы... да вы просто мерзкий двуличный тип еще хуже Финиста!

Издеваться Николая прекратил и смерил ее тяжелым взглядом:

— Естественно хуже, ведь я стою здесь и выслушиваю твои претензии, в то время как он развлекается с той, кого я якобы поцеловал.

— Что? — на этот раз смутилась Герда.

— Не целовал я твою Майли. Она сама мне на шею кинулась, а до этого еще приворотным зельем опоить пыталась. Не знаю, правда, зачем, но уже догадываюсь.

— Наверное, чтобы Финист приревновал, — догадалась Герда.

Ведь как все удачно получилось: они входят и застают Николая с Майли целующимися. Как в самых паршивых рыцарских романах, только там герой все-таки выпивал зелье и забывал о своей настоящей возлюбленной навеки.

— Что ж, похоже, ей это удалось, — вклинился между мыслями голос Николая.

Герда подняла на него виноватый взгляд и заметила маленький синяк на скуле. Это от пощечины? Она ведь так ударила, что рука потом еще долго гудела. А он оказался ни в чем не виноват. Почти. В романах все определенно выходит далеко не так глупо, как в жизни.

— С чего ты решила, что Майли мне нравится?

Герда повела плечами и отвернулась.

— Она похожа на вашу погибшую возлюбленную. На ту, с островов Алого восхода. Она ведь тоже была темноволосой, медиумом и одержимой, — Герда поежилась от недоброго взгляда. Ну вот, кто ее за язык-то тянул?

— Кто?! Эглаборг, ну конечно. Надо будет поговорить с ним о том, кому и что можно рассказывать. Хотя, учитывая обстоятельства... — теперь он сощурился, явно что-то в ней высматривая, но потом вздохнул и ответил: — Нет, Майли совсем на нее не похожа.

Герда в задумчивости кусала губы. Снедало любопытство. Так хотелось спросить, но это будет слишком нетактично. Да и он не ответит... И все же решила попытаться:

— Расскажите про нее. Вы ведь до сих пор тоскуете? Простите за откровенность, но иногда кажется, что ваше сердце покрыто коркой льда, а от взгляда веет самой холодной зимней стужей. От этого всем делается страшно и неуютно.

Больше Николай не хмурился, а смотрел с какой-то пристальной задумчивостью. Герда понурилась. Опять ляпнула глупость? Что ж, после сегодняшнего, вряд ли он сможет думать о ней хуже.

— Ее звали Юки. Она была дочерью Снежной ведьмы, — после долгого молчания заговорил он странно скрипучим голосом.

Неужели расскажет?

— Так она была демоном?

— Нет, Юки была человеком, как и ее отец Страж, который заплутал в горах во время метели. На следующий год его умирающим нашел настоятель Храма Ветров. Исполняя последнюю просьбу несчастного, настоятель убил ведьму, а душу заключил в волшебное зеркало, чтобы зло не смогло возродиться снова. Когда он уже уходил из хижины, услышал детский плач и нашел в люльке человеческого ребенка. Это была девочка. Настоятель пожалел ее, забрал к себе в храм и воспитал, как жрицу — хранительницу того самого зеркала, в которое была заключена душа ее матери.

Я был глупым семнадцатилетним юнцом, когда встретил ее. Ошеломляюще красивую, невероятно умную и бесконечно добрую. Она была как принцесса из той сказки, ты должна ее знать: кожа белая, как снег, губы алые, как кровь, волосы чернее безлунной ночи. Ни до, ни после я не встречал девушки, которая могла бы сравниться с ней. Она потрясла меня, заставила потерять голову. Я был бесконечно счастлив, когда смог ее покорить. Полтора года мы счастливо жили в храме, а потом... потом я начала замечать, что она изменилась. Стала раздражительной и замкнутой. Придумывала мнимые обиды, ревновала...

— К кому? — перебила Герда.

Николя протяжно посмотрел на нее и тяжело вздохнул.

— Не важно. Это все было наваянное, нашептанное демоном — ее матерью. Первое время я старался успокоить Юки, убедить в крепости своего чувства. Но с каждым разом это становилось все сложнее. На ее теле невесть откуда появлялись раны и синяки. Каждый раз, когда я пытался выяснить в чем дело, она плакала. И... я сдавался. Не мог терпеть ее слез. Однажды нам пришлось присутствовать на церемонии венчания молодой пары. И Юки попросила меня взять ее в жены. Это стало ее наваждением. А я все никак не мог решиться. Из-за ее истерик и риска, который связан с моим ремеслом. Не хотел оставить ее молодой вдовой. А когда все-таки собрался с духом, выяснилось, что она опаивает меня приворотным зельем. Вышел скандал. Такой мерзкий. Я сорвался и разбил зеркало. Не знал тогда, что в нем заключена душа Снежной ведьмы. Вообще ничего не знал о демоническом происхождении Юки. Чувствовал злую ауру и все равно закрывал глаза. Боялся.

Сразу после той ссоры мне пришлось уехать на охоту в отдаленную провинцию, а когда вернулся, Юки уже не было. Душа из зеркала воспользовалась ревностью и обидой, чтобы вселиться в ее тело. Она похитила из храма могущественный артефакт — проклятый меч и бежала в горы. Я выслеживал ее несколько недель и настиг возле заброшенной хижины Снежной ведьмы. Она заморозила меня и попыталась добить тем самым проклятым мечом. В храме к нему запрещали подходить, потому что он ранил любого, кто смел до него дотрагиваться. Но ведьма думала, что ей удастся усмирить оружие благодаря демонической силе. Она просчиталась, ведь Юки демоном не была. Меч выскользнул из ее рук и пронзил насквозь. Я не смог ее спасти. Юки умерла на моих руках.

После этого ни меня, ни меч в храм больше не пустили. Меня заставили стать его хранителем и выгнали.

Николя снял с пояса ножны и на пядь вынул из них тонкий клинок, у самого эфеса которого была вырезана руна перт. Герда неосознанно потянулась к нему, но Охотник ее оттолкнул.

— Он до сих пор ранит любого, кто к нему прикасается.

— Но как же вы его держите?

— Меня он терпит, — Охотник высунул меч чуть больше и провел по лезвию ладонью. Серая сталь тут же впитала выступившую кровь. Только тогда Николя спрятал меч обратно в ножны. — Я подкармливаю его собственной кровью, и он служит мне, как хранителю. Но я прекрасно понимаю, что однажды моих подношений может оказаться недостаточно, и меч обернется против меня, как оборачивался против всех своих хозяев.

— Это ужасно. То, что вы рассказали и то, что вам приходится хранить этот меч. Почему вы не можете от него избавиться или отдать кому-то другому? — выразила свое неодобрение Герда. Чем больше они вот так по душам разговаривали, тем больше она замечала в нем какой-то надлом, который мешал не только открыться, но и просто жить, а не искать смерти на охоте.

— Кому? Тебе что ли? — усмехнулся Николя. — Меч принимает только меня. Возможно, это плата за то, что он отобрал самое дорогое, что у меня было. Это моя ноша, моя память о Юки. Я хочу, чтобы она осталась со мной до конца.

— Нельзя ли найти более безопасное хранилище для воспоминаний? — Герда внимательно огляделась по сторонам в поисках подходящей вещи. — Например, вот я. Я ее совсем не напоминаю?

Николя еще раз усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Даже самую малость? — Герда надула губы, показано обижаясь.

— Ни капли. Вы с ней разные, как день и ночь.

— Может, оно и к лучшему. Зато не придется переживать, что глядя на меня, вы видите ее, — отыскав светлое пятно в безрадостном разговоре, она поспешила перейти на другую, гораздо более приятную и вместе с тем злободневную тему: — Тогда зачем вы меня поцеловали? Я ведь вас приворотным зельем не поила.

Николя вскинул одну бровь и ухмыльнулся уже намного веселее:

— Да, похоже, ты единственная, кто еще не пытался.

— И не стану. Насильно мил не будешь.

Охотник согласно кивнул.

— Но вы не ответили на мой вопрос: зачем вы меня поцеловали? — Герда подалась вперед, чтобы услышать его откровение, раз уж все складывалось так удачно.

— Так тебе все-таки не понравилось?

Теперь Герда обиделась всерьез. Всегда он так: в самый ответственный момент уходит от ответа. И естественно, знает, что она ни за что не признается первой. Да, ей понравилось настолько, что вся дорогу до дома она собирала с губ остатки его поцелуя и тщетно пыталась забыть будоражащие ощущения, которые он так легко всколыхнул. Но, как он сам учил, противнику нельзя показывать свою слабость, а они сейчас, к сожалению, именно противники. Знать бы еще, какую игру он затеял.

Николя не стал настаивать на ответе и занялся своими делами. Запалив еще одну свечу, принялся ходить вдоль стеллажей, выбирая книги, проглядывал и ставил обратно.

— Вы что-то ищете? — спросила Герда.

Охотник резко повернулся и оценивающе глянул на нее:

— Да. Расскажи еще раз, что ты знаешь о крысах.

Она вздохнула. Опять работа, опять новые и новые опасности. Лишь бы с ним ничего не случилось.

— Многие демоны используют крыс для ворожбы.

— Для какой именно?

— Практически для любой, от приворотов до порчи и болезней. Кстати, также часто используют черных кошек, белых собак и лошадей, летучих мышей, ядовитых змей...

— Меня сейчас только крысы интересуют, — остановил ее Николя. — Отчего они могут расплодиться в большом количестве?

— В одной книжке я читала, как древнее божество разгневалось на первых людей и вызвало нашествие саранчи, которая съела весь урожай, и начался голод. Думаю, и крыс кто-то вызвал, наслал на город.

— Кто же это может быть и зачем?

— Может, горожане кого-то случайно обидели или этот кто-то просто очень злой. Не знаю.

Николя с досадой вздохнул.

— Я не уверена, что это вам поможет, но в одной книжке я читала сказку про Крысиного короля. У него было три головы, и он умел колдовать, а все остальные крысы ему прислуживали и приносили на обед маленьких детей. Однажды он захватил власть в небольшом герцогстве на западе и превратил тамошнего правителя в деревянного истукана. Страна опустела, ведь Крысиный король съел всех детей. А правителю пришлось ждать

долгие годы, прежде чем добрая фея расколдовала его и помогла уничтожить чудовищную крысу.

— Ну и где нам взять добрую фею? — Николая немного посветлел от наивной сказки. И все же Герда видела, что он не воспринимает ее слова всерьез.

— Попросите вашу знакомую туату.

— Она не поможет. Да я бы и сам с ним справился, знать бы только, где искать твою трехглавую крысу.

Герда на мгновение задумалась.

— Однажды отец нашел в нашем амбаре клубок крыс, сросшихся хвостами. Зрелище почище трехглавого короля, скажу я вам. Они не могли двигаться, и сородичи приносили им еду. Отец порубил их топором и сжег останки. Сказал, что это дурная примета и может привлечь в дом беду. Правда, беда все равно пришла: через пару дней в Дрисвятах началась лихоманка.

— Значит, нужно искать клубок крыс в амбарах.

— Или трехглавую крысу на троне. Или разгневанное божество. Или вообще кого угодно и где угодно, — Герда беспомощно развела руками.

— Ладно, я попытаю удачи с книгами.

Николя вернулся к стеллажу и продолжил поиски. Герда взяла в руки книгу, но успела прочитать лишь одну страницу и незаметно для самой себя провалилась в черный омут сна.

Когда она проснулась, то долго не могла понять, где находится. Тело утопало в мохнатой медвежьей шкуре, а голова покоилась на груди Николая, руки которого крепко прижимали ее к себе. Он дышал тихо и ровно, все еще пребывая в царстве снов. Очень осторожно, чтобы не потревожить, Герда приподнялась на руках и взглянула на него. Он всегда был такой красивый, когда спал. Все черты разглаживались, лицо словно лучилось изнутри силой и спокойствием. Только синяк на скуле портил картину. Так стыдно, что она его ударила, а он оказался ни в чем не виноват. И, главное, не ответил, не упрекнул ни разу, хотя, наверное, ему было больно.

Герда подула на скулу, а потом не удержалась и мягко коснулась губами подбородка, поцеловала в угол челюсти и уткнулась носом в ключицу, вдыхая пьянящий аромат его тела. Николая затаил дыхание. Неужели проснулся? Испугавшись, Герда дернулась в сторону, но ее удержали сильные руки.

— Попалась! — хитро прошептал он. Герда засмушалась и покраснела, боясь даже взглянуть на него. Николая едва заметно скользнул пальцами по ее волосам. — Чего сопишь?

Герда силой заставила себя поднять глаза и, столкнувшись с внимательным взглядом, испугалась еще больше.

— Ты заснула в кресле, и я не решился тащить тебя вверх — побоялся разбудить, поэтому перенес сюда. Потом ты заоченела и начала дрожать. Я хотел тебя согреть, но, кажется, заснул сам, — объяснял Николая, продолжая гладить ее по волосам, словно никак не мог остановиться. Сладко, убаюкивающе. Хотелось прижаться к нему потеснее, спрятать голову на груди и не думать о том, что его поцелуи, его ласки, его теплые, полные нежности прикосновения ничего не значат. В следующее мгновение все обернется хитрой игрой, и он станет таким же холодным и отчужденным, как раньше.

— Навевает воспоминания, не так ли? — продолжил говорить Николая томным со сна, мурлыкающим голосом.

— Да, — едва слышно выдохнула Герда. Только бы не испортить. Пусть это мгновение

продлится дольше! — Совсем как тогда, в Дикой пуще. Вы еще спасли меня от пса Ужиного короля. Или это была обычная собака и обычная змея? Финист говорит, что я просто заблудилась и перепугалась, а вы этим воспользовались.

— Финист?! — его брови тут же взметнулись вверх, а тело напряглось. Зачем она это сказала? Лучше бы кто-нибудь отрезал ей язык и отобрал голос! Герда разочарованно всхлипнула и отчаянно прижалась к Николаю, боясь, что вот-вот упустит. Он тут же заметно расслабился и смягчился: — Могу сказать одно: собака действительно страшная, а змея странная. Да я и сам перепугался не меньше твоего, когда потерял Эглаборга и заблудился в тумане.

— Разве вы можете чего-то бояться? Ну, кроме одержимости, конечно, — предельно серьезно спросила Герда.

Николай удивленно закашлялся.

— Конечно. Все чего-то бояться.

— А чего вы боитесь сейчас?

Он поднял ее подбородок кончиком пальца, пристально вглядываясь в глаза. Завораживая. Поглощая. Теплое дыхание скользнуло по лицу. Твердые, мужественные губы слегка приоткрылись. Он будто спрашивал разрешения. Без слов. Она кричала в собственных мыслях: да! да! Закрывала глаза и молилась, чтобы он за своей дурацкой стеной услышал ее. Понял. Принял.

Неуловимое касание. Болезненное предвкушение. Чуть больше. Пожалуйста!

Бабахнула дверь. Полное сладостной неги мгновение разлетелось на мелкие хрусталинки. Герда с Николаем одновременно повернули головы. На пороге собрались все обитатели дома: удивленный Эглаборг, недоуменно моргающая Майли, хмурый как грозовая туча Финист и шаловливо улыбающийся Вожык. Между ног целителя протиснулся кот и, громогласно мяукнув, направился к Герде.

— А мы вас обыскались! — радостно воскликнул Эглаборг, выводя всех из замешательства. — Так меня вчера напугали, что я заволновался, когда увидел, что вы не ночевали в своей спальне.

Поймав на себе недовольный взгляд Николая, целитель осекся.

— Так это... мы подождем снаружи, — поспешил исправить ошибку Эглаборг и вышел, вытолкнув всех за порог и затворив за собой дверь.

Они остались втроем: Николай, Герда и несносное рыжее создание, тершееся возле ее ног.

— По-моему, нас только что застали на месте преступления, — усмехаясь, заметил Охотник и начал подниматься.

— По-моему, нас неправильно поняли.

Герда осталась лежать на медвежьей шкуре вместе со стремительно занявшим освободившееся место котом.

— Ничего страшного, переживут, — безразлично бросил Николай, расправил одежду и, коротко поцеловав Герду в висок, ушел.

— По-моему, я тоже неправильно все поняла, — проворчала она. — Или вообще не поняла. Правда, Шквал?

— Мяу! — охотно согласился кот.

Глава 32. Таинственный остров

Весна на север приходила поздно, долгой распутицей спускалась с горных вершин, то подмораживая, то снова отпуская. Лишь к концу цветownika солнце стало пригревать по-настоящему. Оттепель перемежалась несильными заморозками лишь ночью, снег растаял даже в самых тенистых чашах, проросла свежая молодая трава, на прогалинах и солнечных полянах белым ковром зацвел подснежник. Просыпалось от зимней спячки зверье, перелетные птицы возвращались с зимовья, приветствуя родину радостным клекотом.

Оживились и люди. Занялись починкой домов и заборов, копошились в огородах и садиках, пастухи гнали отощавший за зиму скот на высокогорные пастбища, где сочная зелень буйствовала уже всюду, на окраинах фермеры засевали поля и с нетерпением ждали первых восходов, от которых зависело, насколько благодатным для урожая будет год.

Одна Герда с безучастной тоской смотрела на суетливое пробуждение жизни вокруг. Последние дни она осталась совсем одна. Обидевшись непонятно на что, Финист демонстративно ее игнорировал, а она не считала нужным навязываться. В конце концов, сама отказалась обучаться у него. Николая был слишком занят, пытаясь отыскать способ избавить город от крыс. Из-за этого ему пришлось пожертвовать даже занятиями фехтованием с мальчишками. Да и Майли с Вожыком он теперь уделял намного меньше времени. Впрочем, первая от этого отнюдь не выглядела несчастной. Обнаружив освободившееся рядом с Финистом место, с охотой его заняла и принялась ходить за оборотнем, как привязанная. Финиста, правда, ее внимание раздражало. Он явно предпочел бы встречаться с Майли только поздними вечерами в ее комнате. Собственно, он так и делал: с раннего утра куда-то сбегал и не возвращался до заката.

Вожык всюду носился по городу со своими новыми друзьями, периодически буквально за шкуру вытягивая их из очередной заварушки. Но потухший взгляд Герды не остался для него незамеченным, и он сам старался развлечь ее, как мог. Показывал, как научился управлять даром: жонглировал огненными шарами, дышал огнем, запускал в небо огненные всполохи и танцевал, крутя над головой огненные ленты. Глядя на великолепное представление, Герда испытывала двоякие чувства: с одной стороны она гордилась успехами Вожыка, в которые трудно было поверить, вспоминая, как сильно он боялся в начале, с другой завидовала, что у него играючи получается творить чудеса, а она до сих пор ни одной мысли из Николая вытянуть не может. А теперь с ней вообще никто заниматься не хочет.

Как-то раз наблюдая за самостоятельной тренировкой Вожыка на полянке за пригорком неподалеку от усадьбы, Герда решила, что смогла бы также. Она подробно расспросила пирокинетика о том, как Николай учил его проделывать такие фокусы, а то, что мальчик не смог выразить словами, узнала из его мыслей. И тут же попросила Вожыка бросить ей огненный шар. Пирокинетик ни в какую не соглашался, вспоминая ту ужасную ночь, в которую он от страха чуть не ожег ей лицо, но каким-то образом Герда его уговорила. Причем, сама не поняла как. Просто возникло мимолетное ощущение, что ее аура на мгновение вспыхнула, подчиняясь затаенному желанию, окутала мальчика прозрачной дымкой и тут же погасла, израсходовав силы непонятно на что.

Вожык встал напротив Герды, зажег между пальцев крохотный шарик рыжего пламени и, скрепя сердце, бросил. Время привычно замедлилось. Герда отстраненно почувствовала легкий жар в том месте, куда летел шарик, и совершенно спокойно велела ему отклониться.

Так и случилось. Шарик благополучно минул ее сбоку и погас за спиной. Вожык захлопал в ладоши от восхищения. Герда польщено улыбнулась и попросила пирокинетика повторить. Вскоре она уже легко отводила от себя с полдюжины шаров. После этого Герда решила поупражняться во «взаимодействии», которое так плохо получалась с Николя. Начали снова с одного шара, только на этот раз она не стала уворачиваться, а поймала в руку. Пламя чуть обожгло кожу и тут же погасло. На ладони вздулся пузырь. Герда широко улыбнулась, чтобы мальчик не понял, что ей больно.

— Давай еще раз! — бодро крикнула она.

Вожык кивнул, и в следующий миг в нее полетел новый шар. На этот раз она подставила другую руку. Ладонь снова обожгло, но теперь удалось удержать пламя на несколько мгновений, прежде чем оно опало. Маленький успех окрылил, и, преодолевая боль, Герда продолжила ловить огонь, пока не получилось поддержать его хотя бы минуту и бросить обратно Вожыку. К этому времени со лба градом катился пот, а ладони сплошь покрылись волдырями от ожогов. Герда изо всех сил старалась не подавать вида, насколько ей больно, пока Вожык не проводил ее до усадьбы Охотника, а сам не отправился в город к друзьям.

Герда на цыпочках пробралась на кухню и принялась рыться на полках в поисках мази от ожогов. В последнее время она очень часто навязывалась помогать Эглаборгу. Целитель без большой охоты допускал посторонних на кухню, но Герде удалось завоевать его симпатию, и он позволял ей делать самые простые вещи: перебрать семена, растолочь сушеные плоды, нарезать целебные травы, отмерить нужное количество капель настойки, нагреть воды — одним словом все, что не мог испортить человек, обделенный целительским чутьем. Во время работы Эглаборг рассказывал, как и для чего используется то или иное средство, объяснял, почему так важно, чтобы лекарства готовил настоящий целитель, который нутром чувствует меру всякого ингредиента и срок, необходимый, чтобы зелье «спело».

Хотя отражать дар Эглаборга не получалось, но внешне мазь от ожогов Герда отличить могла, только вот найти что-то в царившем вокруг беспорядке оказалось далеко не так просто. Приметный туесок отыскался на дне пыльного ящика. Герда открыла его и понюхала, чтобы проверить. Сзади предательски громко скрипнула дверь. От испуга туесок выскочил из рук и покатился по полу. В повисшей тишине особенно громко прозвучали чужие шаги. Герда сглотнула и обернулась. Перед ней стоял Николя и вертел в руках ее туесок.

— Мазь от ожогов? — удивленно моргнул он. — Что-то случилось?

— Все в порядке. Это не мне, а Вожыку, он... — оправдывалась Герда, пряча руки за спину. Но Охотник оказался куда проницательней пирокинетика. Он бесцеремонно взял ее за запястье, подтянул к себе и повернул руку ладонью вверх.

— Ничего себе в порядке! — присвистнул Николя. — Чем ты так?

Герда вырвала руку и отвернулась, не желая отвечать. Он же точно заругает, и плакали тогда тренировки с Вожыком горячими слезами. И вообще, какого демона его принесло домой так рано?!

— Не хочешь, не отвечай, — пожал плечами Николя, но все же развернул к себе за плечи и снова принялся осматривать ладони, потом достал из притороченного к поясу мешочка еще один туесок. Мази там было на самом доньшке. Она оказалась очень жирной и плотной, совсем не похожей на ту, что она нашла в запасах Эглаборга. Николя вымазал всю на обожженную кожу. По рукам растекся приятный холодок, мигом успокоивший зуд и боль.

— Рецепт мудрецов с дальнего востока. Лечит лучше, чем обычный, — объяснил Охотник.

— Но ведь теперь ее совсем не осталось, — озадаченно ответила Герда.

— На тебя же хватило, — коротко бросил Николая, подошел к висевшему над камином котлу и залпом выпил его содержимое до дна.

Неужели настолько жажда замучила? Вспомнилось, что в том котле Эглаборг варил особенно мерзко пахнущее зелье. Герда поежилась:

— А с вами все в порядке?

— Да... За крысами бегать замучился, вот и все.

Охотник вытер лицо полотенцем и пошел к выходу. Герда побежала следом.

— Мастер Николая? — неуверенно позвала она.

Он обернулся и вопросительно уставился на нее. Герда подошла поближе и засмушалась от пронзительного взгляда. «Да что же это я?» — мысленно хлестнула себя по щекам и подняла глаза.

— Спа... — голос предательски сорвался.

«Я из-за поцелуя так боюсь? Ну не стал же Николая демоном после этого. Надо взять себя в руки. Он и так меня трусихой считает».

— Я просто хотела сказать «спасибо».

— Не за что, — пожал плечами Николая. — Я пойду?

— Идите, — кивнула Герда, но как только он начал поворачиваться, схватила за руку. — Нет, стойте!

Брови Охотника удивленно поползли кверху. Она глубоко вздохнула, поднялась на цыпочки и приблизила к нему свое лицо. «Почему они так легко могут меня целовать, а мне так страшно, что аж сердце в груди заходится? Видно, Николая прав. Я действительно невозможная трусиха». Она закрыла глаза и легонько коснулась губами уголка его рта, совсем как он в то утро в библиотеке. Боязливо и мучительно растягивая удовольствие. Нарочито громко стукнула дверь, и раздалось совсем не деликатное покашливание. Герда отпрянула и закрыла горевшее от стыда лицо руками.

— Простите, что помешал, — послышался раздраженный возглас Финиста, не выражавший никакого раскаяния.

— Я все равно уже уходил, — едва слышно пробубнил себе под нос Охотник и оставил их одних.

Финист прошел мимо Герды. Она явственно ощутила исходивший от него тяжелый хмельной запах. Снова запил? Убрала с лица руки и увидела, как оборотень тоже начал что-то искать на полках Эглаборга. Достал из-под самого потолка какую-то бутылку, понюхал, отпил прямо из горла и поставил обратно. Одарив Герду уничижительным взглядом, вышел, громко хлопнув дверью. Стало очень неудобно.

Холодного презрения Финиста хватило еще ровно на один день. Герда сидела в гостиной в одиночестве и сосредоточенно повторяла все упражнения, которые могла выполнить самостоятельно, когда он ворвался в дом в ужасном расположении духа.

— Вижу, ты времени зря не теряешь, — заметил язвительным тоном.

Герда открыла глаза и нахмурилась. Он выглядел еще более пьяным, чем накануне.

— А тебе бы следовало меньше ходить по кабакам, — мрачно ответила она.

— Не притворяйся, что я тебе не безразличен, — процедил Финист сквозь зубы.

— Думай, что хочешь.

Герда не желала разговаривать, пока он в таком состоянии.

— Вот я и думаю, — не унимался оборотень. — Чем он лучше меня?

— Кто?

— Охотник твой ненаглядный.

— При чем здесь мастер Николая?

— Я видел, как вы вчера целовались.

— Мы не целовались. Ты нам помешал. Да и какая разница? Это совершенно тебя не касается! — неожиданно резко даже для самой себя выпалила Герда.

Финист зло сощурился и хорошенько встряхнул ее за плечи.

— Как это не касается? Разве не видишь, что ты мне не безразлична, даже... даже когда вот так пренебрегаешь мной и всем, что между нами было. Ну, послушай же ты меня! — он прижал ее к себе так крепко, что даже вздохнуть стало тяжело. — Он не любит тебя, а просто использует.

— Для чего?

— Не знаю. Я ощущаю это звериным чутьем.

— Ах звериным! — закатила глаза Герда, не выдержала и тоже начала язвить: — Ну, если звериным, то уж конечно. Что моя глупая бабья интуиция против твоего звериного чутья.

— Не смешно! — угрожающе прорычал Финист.

— Ты видишь, что я смеюсь? — на само деле было так тошно, что хотелось плакать. Оборотень смутился. — Ты обвиняешь невесть в чем человека, который единственный дал тебе шанс доказать, что ты чего-то стоишь. И даже когда ты пустил этот шанс псу под хвост, у него хватило великодушия дать еще один. Прости, но твое хваленое чутье мне не кажется достаточным, чтобы обвинять мастера Николая во лжи. У меня тоже есть чутье, и оно говорит, что он гораздо искренней тебя.

— На что ты намекаешь?! — Финист скрежетал зубами и с трудом цедил из себя слова, ярясь, как дворовый пес.

— Да разве здесь нужно на что-то намекать? Майли!

— Что?

— Я, конечно, очень наивна, но не настолько, чтобы не замечать, что творится под самым моим носом. Ты спишь в ее комнате.

Финист придвинулся так близко, что на лице ощущалось его обжигающее хмельное дыхание.

— Так это потому что ты свою закрываешь, — прошептал он над самым ухом.

Герда вздрогнула, чувствуя, что пути к отступлению отрезаны. Совсем как тогда, в охотничьем домике с Вальдемаром. Оборотень поднял ладонь, провел рукой по ее волосам и начал наматывать кончик прядки на палец. — Сделай ты хоть один шаг навстречу, никакой Майли и в помине бы не было. Всего один шаг.

Пальцем другой руки он очертил контур ее губ. Воспоминания накрыли лавиной, жуткие и удушливые. Почему-то сейчас было намного страшней, чем с Вальдемаром. Она ведь тот случай даже не осознала до конца. Просто заставила себя не думать, забыть, отгородиться.

Нужно прочитать мысли Финиста, убедиться, что у него нет дурных намерений. Но она даже себя толком не слышала.

— Пусти! — болезненно простонала Герда. По щеке прокатилась крупная слеза,

оставляя мокрую дорожку.

— Что с тобой? — недоуменно моргнул оборотень. В следующий миг его бесцеремонно отдернули от нее за ворот рубахи и толкнули в сторону.

— Что здесь происходит? — осведомился Николая, смиряя Финиста ледяным взглядом. — Кажется, я просил обучить девушек, а не лезть им под юбки.

— Я не... — попытался оправдаться оборотень, но Герда его перебила.

— Ничего страшного. Мы просто немного повздорили. Но Финист извинится и все будет в порядке.

С появлением Николая паника исчезла, как будто ее и не было. Герда словно взглянула на всю ситуацию трезвым взглядом и поняла, что ей ничего не угрожало. Ведь это Финист. Принуждать кого-то к тому, чего тот не желает, не в его правилах. К тому же, он не раз осуждал тех, кто насильничает над слабыми. Успокоившись, Герда даже смогла прочитать его мысли:

«Я же действительно ее напугал. Должно быть, она вспомнила того уroda из охотничьего домика. Какой же я болван! Ну почему рядом с ней так трудно держать себя в руках?»

— Извини, — понурившись, пробубнил Финист себе под нос.

— Я не расслышал, — прикрикнул на него Николая.

— Я сказал, извини меня, Герда, пожалуйста! — срывающимся голосом повторил оборотень.

Вдруг стало нестерпимо его жаль. Видно, что здесь ему очень плохо, как запертому в клетке дикому зверю. Вот он и ярится на всех подряд. Ушел бы, да не может, не хочет ее бросать одну, беспокоится, хоть и совершенно напрасно. Скорее бы экзамен — после него всем придется расстаться. У каждого будет свое назначение. Герда украдкой взглянула на Охотника. И она не увидит его больше никогда. Из горла против воли вышел сдавленный всхлип.

— Я прощаю тебя, — встряхнув головой, ответила она после затянувшейся паузы.

Финист смотрел на нее в упор, ожидая чего-то еще, но Герда молчала. Вместо нее заговорил Николая:

— Ты свободен, можешь идти.

Оборотень зло уставился на него, скрипнул зубами, даже открыл рот, чтобы ответить, но взглянув на Герду, ссутулил плечи и поплелся наверх.

«И все-таки я докажу, что он что-то скрывает», — была последняя мысль Финиста, которую Герда успела прочитать.

— Точно все в порядке? Выглядишь немного не в себе, — с беспокойством спросил Николая, когда они остались наедине.

— Просто дурные воспоминания, — пытаюсь звучать непринужденно, ответила Герда, а потом, не зная зачем, добавила: — Финист снова ходит по кабакам. Это моя вина. Паршивый, должно быть, из меня ученик и друг.

Герда забралась на диван с ногами, подтянула к груди колени и обняла их.

— Он меня спас, а я наговорила ему гадостей, не поддержала в трудную минуту, даже заниматься не старалась.

Николая воздел глаза к потолку.

— Финист уже большой мальчик и сам решает, как расправляться с жизнью. Но если тебя это так волнует, то сомневаюсь, что его запой продлится долго. Скоро ему надоест себя

жалеть, и он переключится на что-нибудь другое. Только боюсь, что новое его занятие будет не особо лучше предыдущего.

Потом повысил голос и заговорил по-деловому решительно:

— Нужна твоя помощь. Кажется, я обнаружил, откуда берутся крысы. Но один я попасть туда не сумею, поэтому хочу, чтобы ты пошла со мной.

— А почему вы не попросите Финиста? Я ведь даже даром толком управлять не умею, а он и в драке помочь может, и чутье у него звериное, — Герда поморщилась, вспоминая, что это самое чутье ему в последний раз подсказало.

— Я все-таки думаю, что твои таланты мне послужат лучше, чем его. Тем более, Финист не в том состоянии, чтобы куда-то идти.

Герда молча кивнула. Тут не поспоришь. Николая протянул ей руку, и Герда с радостью ее приняла.

Погода стояла на удивление ясная. Солнце пригревало по-весеннему ласково, предвещая долгое жаркое лето. Они направились через город к причалу, прошлись вдоль набережной, где Герда часто гуляла с оборотнем, и оказались на диком пляже у врезавшейся в море скалы. Герда вопросительно глянула на Охотника.

— Надо обогнуть ее по воде. Тут мелко, но течение холодное и сильное, — объяснил Николай. — Лучше, перенесу тебя, а то замерзнешь. Согласна?

Герда сглотнула. Стоит ли соглашаться, учитывая, какой странный оборот приняли их отношения? Но раз уже ввязалась, надо до конца идти, что бы там ни было. Охотник повернулся спиной и присел. Герда заставила себя не думать, как это выглядит со стороны, и обвила руками его плечи. Николай подхватил ее под колени и поднялся. Она тихо ойкнула от неожиданности и инстинктивно крепче сцепила ноги у него на талии.

— Эй, только чур не лягаться! — сразу предупредил Николай.

Герда попыталась расслабиться. Он вошел в воду чуть выше колена и бодро зашагал в сторону скалы. Спина мерно вздымалась в такт глубокому дыханию. Сквозь одежду Герда чувствовала, как напрягались закаленные в бесчисленных сражениях мышцы, как кровь разливалась по венам вместе с животворящим теплом, которое передавалось через кожу, словно укутывало нежной, как лебяжий пух, накидкой. Герда уткнулась носом в его макушку, вкушая ставший любимым запахом его волос, и закрыла глаза, представляя себя где-то далеко отсюда: от проблем, от людей, от всего, что мешало им остаться наедине.

Николай хорошо подгадал время отлива, поэтому глубоко заходить не понадобилось. Течение ослабло и не мешало быстро продвигаться вперед.

— Вам не тяжело? — участливо спросила Герда, почувствовав, как он напрягается, чтобы сделать очередной шаг.

— Нет, конечно, у тебя бараний вес, — покачал головой Охотник. — Я же телекинетик, мне любые тяжести нипочем. А тебе бы не мешало нагулять немного жира.

Герда покраснела до корней волос. Бывало, за чтением она пропускала обед или ужин, но это случалось далеко не так часто, да и поправились они после их путешествия. Не так, чтобы это было заметно, но все же.

— Я шучу, — рассмеялся Николай, выдержав напряженную паузу.

Герда фыркнула, но отвечать не стала, задумчиво глядя на уходящую за горизонт гладь океана. На самой его окраине виднелись зыбкие берега большого острова, того самого, на который так стремился Охотник. Герде тоже захотелось туда попасть, хоть одним глазком взглянуть на места, где он родился и вырос. Возможно, тогда удастся его понять, если уж с

чтением мыслей ничего не получается.

— Пришли, — окликнул ее Охотник.

Скала ушла вглубь материка, образовав полукруглую нишу и освободив кусочек берега от массивного каменного кружева. Николая вышел на сухой песок и, аккуратно поставив Герду на землю, повел плечами, разминая затекшие мышцы, и принялся стягивать пропитанные тюленьим жиром ботфорты из толстой грубой кожи.

— Все хорошо? — встревоженно спросила она, заметив, как на его сильно побледневшем лице ярким пятном выделяются синеватые губы.

— Да, попал в холодное течение. Ноги немного заоченели. Сейчас все пройдет, — небрежно отмахнулся Николай и принялся растирать ступни захваченной из дома мазью. — Можешь пока осмотреться.

Герда неуютно поежилась. Зачем он отрицает очевидное? Но спорить не стала и занялась «рекогносцировкой» местности — диковинное слово недавно попало в одной из книг, посвященных военной тактике и очень приглянулось своей стальной звучностью.

Бухта оказалась совсем крохотной, но очень живописной. Искристая лазурь притихшего океана закручивалась мелкими барашками лишь у самой кромки золотисто-белого берега, который через несколько десятков шагов упирался в черные складки уходивших в небо скалистых утесов. От величественной красоты захватывало дух. Совершенно свободный, отделенный от суетного мира кусочек безмятежности — именно то, о чем она мечтала, пока они сюда шли. Герда скинула башмаки и поглубже втянула влажный просоленный воздух. Ветер ласково заиграл в волосах. От накатившего пьянящего ликования захотелось кружиться, чувствуя под босыми ступнями нагретый солнцем песок.

— Как же здесь хорошо! — счастливо воскликнула Герда и побежала по берегу вдоль полосы прибоя.

У противоположного конца скал она нашла большую перламутровую раковину. Чистую и абсолютно целую. Гладкая поверхность приятно легла в руку. Герда заинтригованно поднесла раковину к уху. Изнутри доносился глухой шум моря. Именно так, как рассказывали. Просто чудо!

Обрадованная, Герда побежала показывать Николаю свою находку. Он разминал руками икры, сидя на песке, и тряс ступнями, словно желал поскорее сбросить с них остатки ледяных судорог. Удостоив раковину лишь коротким взглядом, Николай снисходительно улыбнулся. По-доброму так. Герда тут же ощутила себя глупым беззаботным ребенком, который своими выходками лишь мешает важному взрослому делу.

Она понурилась и отправилась обследовать бухту дальше, раз уж ничего более умного придумать не получалось. Добралась до темневшего в скалах провала, в котором ощущалась слабая, но очень таинственная аура. Против воли охватило волнуемое предвкушение. Сейчас снова начнутся захватывающие приключения, как во время путешествия на север, только на этот раз рядом будет Николай, который сможет помочь и защитить в любую минуту. В скале обнаружилась маленькая пещерка. Герда на коленях проползла в узкий проход и очутилась в совсем крохотном зале, который заканчивался мощной монолитной стеной. Провела вдоль нее рукой в поисках необычного: выступов, рычагов, чего угодно, что могло бы привести в тайный ход, как было в волотовках или Будескайском замке. Но здесь ничего подобного не нашлось. Герда присела на корточки и проверила, нет ли на полу царапин или отметин, которые могли бы указать на то, что стена двигалась. Но и их не оказалось. Лишь в самом углу что-то шуршало и шевелилось. Герда высекла огнем искру и подожгла трут, чтобы

получше рассмотреть того, кто прятался в темноте. На нее уставилась пара маленьких алых глаз. Герда вздрогнула и попятилась. Огонь тут же погас. Перепуганная, она выскочила из пещеры и бросилась к Николаю.

— Там крыса, белая!

— Я знаю, — безмятежно ответил он, словно тут не было ничего пугающего.

Точно, как с глупым ребенком разговаривает! Но успокоиться Герда уже не могла.

— Но это же альбинос! Явный признак злого колдовства.

— Да. А еще в той милой пещерке есть лаз, через который они попадают в город и становятся обычными черными или бурыми крысами, которых твой Шквал любит сваливать мне под дверь, — вздохнув, торопливо объяснил Охотник.

Герда поражено уставилась на него.

— Но самое удивительное, что приходят они оттуда, — Николай махнул в сторону океана.

— Как?

Он поманил ее за собой и указал на вихрившийся в воде воздушный поток толщиной в руку, уходивший в открытое море.

— По нему и приходят.

Николай присел и опустил ладонь в поток. Возле его пальцев тут же показалась оскаленная крысиная морда и попыталась цапнуть перекрывающую ход преграду. Охотник отдернул руку и повернулся к Герде.

— Ты должна помочь мне проследить, куда ведет этот поток.

Герда задумчиво наблюдала, как на берег из воды вышла абсолютно сухая белая крыса и с деловым видом направилась к пещере. «Как я смогу проследить, куда ведет воздушный поток? Это так далеко! Я не почувствую ауру на таком расстоянии».

— Смотри, — Николай раскрыл небольшую карту прибрежных вод Упсалы. — Видишь здесь маленькие точки? Все это — островки, окруженные плотным кольцом подводных скал. На лодке плыть очень опасно: там мощное течение и велик шанс разбиться. Но мы можем попробовать телепортироваться.

— Это невозможно! Вы должны хотя бы в уме представлять место, а вы даже не знаете, на какой остров надо попасть, — горячо запротестовала Герда.

Ведь это еще опаснее, чем плыть через скалы на лодке. Конечно, она глупая и ничего не понимает, но он-то должен!

— О! В книжках вычитала? — быстро догадался Николай. Герда смутилась. — Вот тут мне и понадобится ты. Пока я буду нас телепортировать, ты проследишь, куда ведет аура потока — а я больше, чем уверен, что эта зараза прет с одного из островов — и направишь нас напрямик туда.

— Но если у меня не получится? Если я ошибусь, и мы окажемся посреди океана? Сами же сказали — вода ледяная! Мы не доплывем до берега и утонем, — продолжала упорствовать Герда.

— Ну, вот опять, — понурился Николай. — Почему тебе так сложно поверить в себя и не думать о неудаче? Не трусь.

Герда поджала губы. Уж очень часто он стал играть на ее слабостях.

— Если что, у меня есть запасной вариант — выберемся.

Лучше глупая, чем трусиха. Герда решительно протянула ему руку.

— Посмотри на поток и закрой глаза. Чувствуешь его? — принялся наставлять ее

Охотник.

— Слабо.

— Выровняй дыхание и сосредоточься на нем. Больше ни о чем не думай.

— Я стараюсь.

— Хорошо, а теперь иди за ним. Тебе ведь хочется узнать, куда он ведет?

Герда глубоко вздохнула и сделала, как велел Николая. От сильного толчка скрутило желудок и чуть не вывернуло наизнанку. Трясло так, словно они неслись на большой скорости. Едва удавалось удерживать нить белесо-голубой ауры потока в поле внутреннего зрения. Герда не знала, что за запасной вариант припасен у Николая, но купаться в ледяной воде совершенно не хотелось. Скорее бы все закончилось. Ну почему так долго? Неожиданно тьму плотно закрытых глаз озарила вспышка, настолько яркая, что Герда словно ослепла. Ноги глухо ударились о землю. Герда почувствовала, что Николая ее больше не поддерживает. Она с трудом выровнялась и заставила себя открыть глаза. Перед ней был лишь кусочек песчаного берега и обманчиво безмятежный океанский простор. Сзади послышался сдавленный стон. Что-то пошло не так? Герда обернулась и похолодела.

Николя распластался на земле и глотал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Из носа стекали две тонкие темные струйки. Несколько мгновений Герда не могла сдвинуться с места от ужаса. Что с ним? Он ведь такой сильный, он не может... неправильно это. С трудом взяв себя в руки, Герда присела возле Охотника и помогла приподняться.

— Вам плохо? Это моя вина. Я же говорила, что не получится, — Николая послал такой измученный взгляд, что слова застряли в горле.

— Фляга... на поясе... пить, — с трудом выдавил он из себя.

Герда взяла флягу и принялась ее открывать, но руки предательски тряслись и соскальзывали с пробки. Николая не выдержал, откупорил сам и, тяжело припав к горлышку, осушил до дна.

Накатило отчаяние. Герда не удержалась и хлопнула носом. Глупая! Бестолковая! Даже такую мелочь сделать не смогла.

— Все в порядке, — успокаивающе сказал Николая, когда чуть-чуть отпустило. — Не рассчитал силы. Телепортироваться вдвоем намного тяжелее, чем одному.

— Я слишком медленно двигалась. Я должна была найти этот остров быстрее. Я... — взволнованной скороговоркой забормотала Герда, но он накрыл ее губы рукой.

— Успокойся. Ты сделала все, как надо и даже больше. Остров оказался слишком далеко, а я не захотел останавливаться на полпути. Не переживай. Сейчас отдышусь, и все пройдет, — нарочито беспечно говорил он, но беспокойство никак не хотело униматься.

— А как же запасной вариант? Почему вы довели себя до такого состояния, но не воспользовались им? Или... — Герда с подозрением прищурилась. — Не было никакого запасного варианта?!

— Возможно, — криво усмехнувшись, ответил Николая.

Она недовольно поджала губы. Да он же чуть не убил их обоих! Неужели ему совершенно себя не жалко? Но ей-то было очень жалко и тревожно за него. Герда подвинулась поближе и заглянула в глаза:

— Как мне помочь?

— Просто посиди рядом и помолчи, — устало ответил Николая.

Герда достала из-за пазухи платок и принялась вытирать кровь с лица Охотника, а потом вдруг почувствовала, что его руки мягко легли ей на талию. Снова заглянула в его

глаза и увидела собственное отражение. По спине пробежали мурашки, предательский всхлип сорвался с губ. Он хочет?.. Она тоже... так давно. Не выдержав томительного ожидания, Герда подалась вперед и поцеловала сама. Неловко, неуверенно, лишь слегка коснулась губ и попыталась отстраниться, но почувствовала, что ее не пускают. Николая ответил, так мягко и нежно, что от страха не осталось и следа. Прерывать их близость больше не хотелось. Герда обвила его плечи руками и позволила поцелую стать чуть менее невинным.

Охотник будто только и ждал маленького поощрения: неистово впился в ее уста, словно хотел осушить до дна, как флягу. Наливалось жаром внизу живота неизбежное томное чувство, заволакивало разум зыбкой пеленой. Захотелось податься навстречу, раскрыться сильнее, отдавая себя всю во власть бушующих эмоций, раствориться в них, замереть навеки, лишь бы этот сказочный поцелуй не прекращался никогда. И немного страшно, что если это продлится, то все может пойти слишком далеко. Тогда дороги назад уже не будет.

Нет, она не готова к этому, слишком серьезно. Время и место тоже совсем не подходящие. К чему не готова? Да о чем вообще она думает?!

Почувствовав, что Герда напряглась, Николай отстранился сам и с печальной улыбкой заглянул ей в глаза. Она дышала так тяжело, словно долго бежала, а Охотник наоборот выглядел бодрым и здоровым, как будто это не он несколько минут назад упал на землю обессиленным. Повисла неловкая тишина.

— Хоть по морде в этот раз не получил, — усмехнулся Николай и встал.

Герда закрыла лицо руками. Он что издевается?

Охотник подал ей руку и помог подняться.

— Пошли искать нашего демона?

Герда кивнула. Она уже и думать забыла, для чего они сюда пробирались с такими муками. Осмотрелась по сторонам. Остров оказался плоским и круглым, как блин. Со всех сторон его частоколом окружали торчащие из воды скальные пики. Самым примечательным было то, что они располагались на одинаковом расстоянии друг от друга, а верхушки венчали едва различимые вырезанные в камне лица. Да это капище! Только зачем понадобилось делать капище на маленьком острове посреди океана?

— Здесь! — позвал Николай.

Герда повернула голову. Он стоял в самом центре, рядом со стесанным валуном, доходившим Охотнику чуть ли не до пояса.

Герда направилась к нему. Теперь она очень четко ощущала, что аура от воздушного тоннеля вела именно сюда.

— Жертвенник? — предположила Герда, разглядывая странный камень.

— Больше похоже на надгробие, — хмыкнул Николай и указал на полустертую рунную надпись. — Тут и имя есть.

— Вотанас, — с трудом разобрав руны, прочитала Герда. — Что-то знакомое. Интересно, кто бы это мог быть и зачем его понадобилось хоронить в таком месте?

Охотник пожал плечами и положил руки на камень, словно собрался сдвинуть.

— Что вы делаете?! — переполошилась Герда.

— Ищу демона. Он здесь. Разве ты не чувствуешь?

— Чувствую, но... это ведь могила. Нельзя ее разорять. Один раз вы уже вызвали Дикую Охоту. Не стоит второй раз испытывать терпение мертвых.

— Это же остров. Сомневаюсь, что Охота сможет проследить за нами до города. Да и не

заметит она. Здесь же всего одно захоронение, и то не понятно, чье и сколько тут простояло. Гнойник надо вскрыть, насколько бы неприятно это ни было. Иначе болезнь не вылечишь.

— Но... — не нашлась, что возразить, Герда. Все равно было не по себе. — Вы же все силы истратили, вы не сможете его сдвинуть.

— Посмотрим.

Николя уперся ногами в землю и толкнул камень от себя. Тот на удивление легко сошел с места, открывая неглубокую яму, в которой кишмя кишели серые крысы.

— Ну и дрянь! — поморщился Николя и, сняв с пояса ножны, попытался распахать крыс в стороны, чтобы рассмотреть, что под ними: особо вкусный кусок или... — Знаешь, а ты права. Они действительно срослись хвостами.

Герда, с трудом преодолевая брезгливость, присмотрелась к грызунам внимательней. Подранные и облезлые, со смрадными гниющими язвами на боках и проглядывавшими сквозь них костями, крысы шипели, пытаясь расползтись в стороны, но не могли сделать и шага, потому что их длинные лысые хвосты сплелись в мертвый узел.

— Раз-два-три-четыре... их тринадцать. Демонова дюжина! — испугалась Герда. — У нас было всего трое, а лихотанка унесла по человеку с каждого двора. Что же будет?

— Ничего, — с мрачной уверенностью ответил Николя и, достав из ножен меч, принялся кромсать обездвиженных грызунов на части.

Герда отвернулась и отошла как можно дальше, борясь с рвотными позывами. Уселась у самой воды и подняла глаза на тонущий в багровом закатном зареве горизонт. Красиво и зловеще. От скуки Герда набрала в руку горсть песка и замороженно наблюдала, как он просачивается сквозь пальцы, потянулась за следующей и наткнулась на что-то твердое. Удивленно глянула на свою находку. Это оказалась ольховая пастушья флейта красновато-белого цвета. Герда помыла ее в морской воде, вытерла рукавом, поднесла у губам и подула, зажав пальцем среднюю из пяти дырок. Над океаном пронесся громкий, скрипучий, как от двери на несмазанных петлях, звук. Николя от неожиданности вздрогнул и выронил меч, чуть не попав себе по ноге.

— Ты что? — недовольно осведомился он.

— Извините, я не хотела, — неловко попыталась оправдаться Герда и показала свою находку. — Похоже, здесь недавно кто-то был и обронил ее.

— Тогда должны были остаться следы, — покачал головой Охотник. — Может, приливом принесло?

— Вряд ли. Поглядите, она совсем новая.

Николя задумчиво хмыкнул.

— Ладно. Крыс я уничтожил, а больше ничего демонического здесь нет. Пора возвращаться.

— Но как? У вас еле сил досюда добраться хватило.

— Запасной вариант, — подмигнул Николя.

Герда недоверчиво глянула на него. Так все таки был запасной вариант?

— Только обещай никому не рассказывать. Это секрет.

— Обещаю, — ошеломленно ответила Герда и во все глаза уставилась на Охотника.

Он стянул с себя куртку, под которой оказалась странная, похожая на вывернутую подушку, белоснежная рубаха.

— Что это?

Герда протянула руку и потрогала. На ощупь одежда оказалась мягкой и пушистой, как

лебяжий пух. Да это он и был, только как можно сделать рубашку из пуха?

— Подарок, — коротко ответил Николая. — Держись.

«За что держаться?» — не успела спросить Герда, как они оторвались от земли и взмыли в воздух.

— Что-что-что?! — от страха гулко застучали зубы.

Николя крепко держал ее под подмышками. Над головой раздавались громкие хлопки огромных крыльев. Остров внизу быстро удалялся, превращаясь в крохотную точку посреди океана, купающегося в багряных всполохах заката.

— Мы летим, — прозвучал над самым ухом насмешливый голос Охотника.

— Я поняла, но как?

— Как птицы, — продолжал шутить Николая. — Только не дергайся. Я не часто вожу с собой пассажиров.

Герда замерла, с восторгом ощущая, как прохладный ветер колышет одежду и волосы. Ноги не касаются земли, а все тело становится легким, словно перышко в рубашке Николая. Свобода — вот что такое полет. Она ощущала это раньше, в полузабытом сне когда-то давно. И как же было хорошо, правильно, именно так, как должно быть.

— Почему вы раньше не брали меня полетать? Это так замечательно!

— О, ты не боишься? — весело спросил Николая. — Бесстрашная Герда. Растешь в моих глазах прямо на лету.

Поджала губы. Почему он не может порадоваться вместе с ней? Или ему просто нравится издеваться? Додумать Герда не успела, потому что они начали резко снижаться на дикий пляж, с которого начинали свое путешествие. Ноги ударились об землю. Николая выпустил Герду из стальных объятий, и она смогла обернуться. Никаких крыльев у него не было, но ведь она слышала шелест! Охотник накинул куртку и глухо застегнул под самый ворот.

— Никому не говори. Я на тебя рассчитываю, — заговорщически подмигнул он и, взяв за руку, повел обратно к городу.

Они возвращались назад той же дорогой через причал. Порт казался странно вымершим. Впрочем, солнце уже зашло, а корабли редко приплывали в Упсалу ночью из-за коварных подводных скал. Да и рыбаки предпочитали возвращаться загодя. И все же было слишком тихо. Народ — в основном моряки — сустились лишь возле только что пришвартованного корабля с золоченой надписью «Мейдоголда» вдоль борта, того самого, который увез Дугаву и Ждана в далекую Норкию. Герда с Николая уже почти минули корабль, как Охотника окликнули. Он резко остановился и обернулся. Должно быть, узнал голос.

На причал легко спрыгнул капитан Сайлус, одетый не по-вечернему легко — в короткие штаны и безрукавку. Вид у него был вполне дружелюбный, но Герду что-то насторожило. И она никак не могла понять, что именно.

— Только из Дюарля. Тебе посылочка из Компании, — не слишком почтительно сообщил Охотнику моряк и подмигнул Герде: — А тебе сердечные приветы от друзей.

— Спасибо! — она счастливо улыбнулась, вспоминая Дугаву со Жданом.

Сайлус поманил Николая за собой на корабль, не объяснив толком, почему не может передать посылку на берегу. Охотник скрипнул зубами совсем как Финист и нехотя взошел по трапу.

— Что там? — осведомился он, оказавшись на корме.

— Книжки от компании, ящик со всякой всячиной для твоего сумасшедшего целителя от

меня и еще вот это, — Сайлус достал из-за пазухи письмо с красной сургучной печатью, которое, должно быть, и составляло всю секретность посылки. — Ваш старший просил передать тебе лично в руки.

Николя удивленно вскинул бровь:

— Старший?

— Ну бугай такой, слишком серьезный и обходительный.

— Ноэль?

Капитан кивнул.

— Вечно у них какие-то тайны, — Николя рассеяно сунул письмо во внутренний карман куртки и потянулся за ящиком, наверху которого лежала внушительная стопка книг, перевязанная тонкой веревкой. — Тяжеленькая!

— Помочь донести? — любезно предложил Сайлус.

— Сам справлюсь, — проворчал Охотник и начал спускаться по трапу с трудом балансируя с тяжелой ношей в руках.

Герда, ожидавшая его на причале, не слушая возражений, отобрала свои книги, и они поковыляли домой, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

— Мастер Николя, а можно вопрос?

— Угу.

— Мастер Сайлус тоже демон?

Охотник пристально посмотрел на Герду.

— Да, но лучше при нем об этом не говорить. Он очень щепетильно относится к своему происхождению.

— А он не опасен?

— Не меньше, чем все остальные.

Иногда у Герды возникало чувство, что с демонами Николя куда более открыт и откровенен, чем с людьми. Чем даже с ней. Особенно с ней.

Разговор прервал гам, доносившийся с рыночной площади. Охотник нахмурился и поспешил вперед. Герда последовала за ним. Почти все жители города собрались у ратуши возле небольшого деревянного помоста, где по праздникам устраивали представления бродячие артисты. Николя с Гердой встали в задний ряд. Пришлось подняться на носки, чтобы разглядеть, из-за чего суета. Но тут толпа загудела и расступилась сама собой. Они недоуменно переглянулись и прошли вперед. На возвышении стоял сухопарый мужчина в мешковатом сером балахоне и самозабвенно что-то вещал. Встретившись глазами с Охотником, он осекся, внимательно рассматривая висевший на поясе меч и, неприязненно прищурившись, продолжил:

— Я спрашиваю, почему ваши боги оставили вас? Разве мало жертв вы приносите им во время праздников? Разве мало почитаете и воздаете им за спокойствие и благоденствие ваших семей? — говорил он зычным, хорошо поставленным голосом, который, многократно отражаясь от стен ратуши, заражал слушателей своим запалом. — И что они дают вам взамен? Ничего! Ни урожая, ни погожих дней, ни даже защиты от тварей из червоточин. Знаете, почему? Нет, не потому, что они обиделись или просто заняты. Их попросту нет. А если бы были, разве бы бросили они своих чад в беде? Ваш бургомистр, ваши жрецы, ваш герой-Охотник, — мужчина смерил Николя презрительным взглядом. — Они все обманывают вас, ведут по ложному пути прямиком к гибели. Доколе еще будут терзать ваш славный город мерзкие прожорливые твари? Разве у ваших защитников есть ответ?

Николя сжал кулаки, глядя на проповедника с плохо скрываемой яростью.

— Зато он есть у меня, осененного мудростью Единого и его проводников на нашу грешную землю. Внемлите мне! — голос оратора упал, заставляя толпу напряженно прислушиваться, ожидая следующего слова, которое просто обязано было стать откровением. — Пока вы не откроете сердца подлинному Единому богу, несчастья будут сыпаться на вашу землю как из рога изобилия. И крысы — только начало. За ними последуют голод, болезни и мор. Отвернитесь от жалких бессильных, лживых покровителей и следуйте за светом истинной веры. Только тогда распахнутся перед вами врата в землю вечной благодати. Отрекайтесь от них, — проповедник попеременно указал на Охотника, бургомистра и еще нескольких стоявших рядом человек. — И будете спасены!

Толпа взорвалась гневными возгласами.

— Да-да, мы отрекаемся! — кричали самые внушаемые.

— Вы чего? Они ведь столько для нас сделали: от демонов да разбойников защищали, с богами договаривались, городом управляли, судили справедливо.

— Это раньше все было. А сейчас толку от них — пшик! С крысами какой месяц разобраться не могут.

Толпа загудела сильнее, переругиваясь, пытаясь решить, верить новому спасителю или дать еще один шанс старым.

— Я же говорил, быстрее надо было от крыс избавляться. Народ недоволен. А тут еще этот проповедник как назло объявился, — тихо запричитал Гарольд, чтобы никто посторонний не услышал. — Может, ножичком ему по горлу, пока бучу поднять не успел?

— Да вы что! Разве можно людей без суда убивать? — возмутилась Герда.

— Ничего-то ты, девонька, в политике не смыслишь, — покачал головой бургомистр.

— Так она дело говорит, — неожиданно поддержал ее Николя. — Если убьем проповедника, хуже сделаем. Лицо перед народом потеряем. А ему мучеником во имя веры стать только в радость.

— А если Эглаборговым зельем? Никто и знать не будет, — предложил Гарольд.

— Мы будем, — решительно возразил Охотник. — Да и слухи поползут обязательно. Я человек простой и интриги плести не умею, а тем более собственной совестью поступаться. А вы, мастер Гарольд?

Бургомистр тяжело вздохнул и отвернулся. Одно дело — соседей дурить да цены на товары накручивать, и совершенно другое — человека убить без суда, пусть даже не своими руками.

— Что ты предлагаешь? Позволить ему разобраться с крысами, а когда ничего не выйдет, вступить в дело самим и показать, что правда на нашей стороне?

Николя лишь печально отвел глаза:

— Я уже справился с крысами... Кажется.

— Но тогда он припишет твою победу себе. Ты потеряешь доверие народа, жрецы паству, а я власть. И здравствуй Единоверческая церковь посреди города. А там уже и до лапского епископата рукой подать, — продолжал беспокоиться Гарольд, но Николя остановил его хмурым взглядом.

— А потом придет новый демон, с которым никакой епископат справиться не сможет, и народ вновь вернется к нам. И случится это гораздо быстрее, чем успеют заложить фундамент церкви.

— Если все Стражи были такими же самонадеянными, как ты, то я понимаю, почему

они проиграли, — покачал головой бургомистр.

— Даже если так, никого убивать исподтишка я не собираюсь, — вспыхнул Николая. — Если хотите, действуйте сами, а я вернусь в Норикию.

— Ладно, — Гарольд положил руку Охотнику на плечо в знак перемирия. — Пока подождем и посмотрим, а там уж решим, что делать.

Николя кивнул и, подняв свой ящик, пошел вместе с Гердой прочь от гудевшей рыночной площади.

— Спасибо вам, — сказала она, когда толпа вместе с бургомистром и проповедником оказалась далеко позади.

— За что?

— Вы не согласились убить того человека. Это было бы неправильно, — она замолчала, а спустя некоторое время начала говорить через силу: — По дороге сюда нам встречалось несколько городов с Единоверческими церквями. Должно быть, туда тоже приходили проповедники во время бедствий, и люди им поверили. Думаете, и здесь так будет?

— Возможно. Но смерть одного проповедника ничего не решит. Его место займут другие. И их такое великое множество, что ни Гарольду, ни мне, ни всей компании Норн не справиться. Надо смириться, что наше время безвозвратно уходит, и у нас нет сил этому противостоять.

Герда вспомнила, как песок просачивался сквозь пальцы. Также выходит и время последних Стражей. Они все обречены.

— Тогда для чего мы все это делаем: учимся, сражаемся с демонами?

— Продлеваем агонию. Пытаемся прожить чуть дольше отведенного срока.

Герда вздрогнула от безнадеги в его голосе. Словно Николая готовился взойти на эшафот прямо сейчас. И они все вместе с ним. Стопка книг с грохотом упала на мощеную булыжником мостовую. Герда приложила руку к груди, пытаясь унять отчаянно колотившееся сердце.

— Не переживай так. Вполне возможно, что до полной победы единоверцев мы не доживем, — Николая печально улыбнулся и подал ей книги.

— А наши дети? — сама не зная почему, спросила Герда, принимая их.

Охотник нахмурился:

— Ты хочешь завести детей?

Она отвернулась. Больше ни о чем расспрашивать не хотелось. Они молча побрели к показавшейся вдалеке усадьбе Охотника.

Финист заметил издали, как они возвращались. Был уже поздний вечер. Где их носило все это время? В самом деле, не мог же Охотник затащить Герду в какое-нибудь укромное местечко, предварительно совсем задушив голову, и там воспользоваться ее наивностью. Нет, это не в его правилах. К тому же, это его дом. Вряд ли бы он стал стесняться принявших под его крышей гостей. Да и Герда не такая дура.

В коридоре скрипнула дверь, послышались шаги. Финист спешно спрятался за перилами на лестнице. На пороге гостиной показались Герда с Николая.

— Я буду в библиотеке, — предупредила она и ушла, прихватив с собой большую стопку

книг.

Николя проводил ее взглядом и поволок внушительных размеров ящик на кухню. Через пару минут вернулся, разжег камин, достал спрятанный под курткой конверт, сорвал печать и принялся читать. В свете пламени Финист разглядел, как напряглись его черты, брови грозно сошлись над переносицей, а губы растянулись в недовольной гримасе.

Плохие новости из компании? Понижение? Неужели этот самоуверенный хлыщ впал в немилость?

Снова слышались шаги.

— Мастер Николя! — позвала Герда, показавшись в дверном проеме.

Николя с Финистом одновременно вздрогнули. Оборотень неловко громыхнул ремнем об перила. Охотник, словно ничего не заметив, скомкал письмо и брезгливо швырнул его в камин. Герда заметно насторожилась:

— Плохие новости?

— Нет, — поспешно ответил Охотник, но потом все же попытался выдавить из себя что-то больше похожее на правду. — Да. Норикия готовится объявить войну Священной империи.

— И вас призывают в войска? — испуганно выдохнула Герда, приложив руку к губам.

Нашла за кого переживать!

— Пока нет. Просто просят поторопиться с вашим экзаменом, — легко развеял ее опасения Охотник. — В любом случае, война — дело не быстрое.

— Х-хорошо, — заикаясь, пробормотала Герда, а потом совершенно неожиданно обхватила его за шею и расплакалась.

От омерзения чуть не вытошнило. Финист зажал рот рукой, чтобы не закричать от ярости. Краем глаза заметил, как неловко дернулись руки Николя, словно он хотел оттолкнуть Герду, но не смог — вместо этого прижал к себе крепче, начал гладить по волосам, бормоча что-то успокаивающее.

— Ты что-то хотела сказать? — напомнил он, когда Герда справилась с собой.

— Да, я нашла кое-что по поводу крысиного острова, если... — она громко всхлипнула. — Если он вас еще волнует.

— Конечно, волнует.

— Помните, я говорила, что мне знакомо высеченное на камне имя. Я вспомнила, где я его видела. Вот, — Герда протянула ему старую книгу со стертой обложкой. На титульном листе большими буквами было выведено: «История славной матушки Упсалы от изначальных времен до наших дней». Герда пролистала несколько страниц и открыла там, где изображался одноглазый старик в широкополой шляпе.

— Это Вотанас, небесный пастух-тучегонитель. Основатель и первый бог-покровитель Упсалы, — торопливо пересказывала она. — Долгое время при нем жители города благоденствовали и не знали никаких бед. Но однажды на Упсалу напало полчище крыс, которое сожрало все посева, и наступил голод. Обозленные и отчаявшиеся, жители отреклись от своего покровителя и призвали новых более сильных богов, которые смогли защитить город от несчастья. Боясь гнева Вотанаса, упсальцы похоронили его на труднодоступном острове в океане.

— Как можно похоронить бога? Он ведь бессмертен, — нахмурился Николя.

Герда надолго задумалась.

— Здесь не сказано, но полагаю, они похоронили там память о нем, поставили сверху

тот могильный камень и больше никогда не приносили ему жертв, не говорили о нем и даже не вспоминали. После этого у людей все наладилось, но не у похороненного заживо Вотанаса. Преданный забвению, он не умер, как надеялись упсальцы, но обозлился и стал предводителем Дикой Охоты мертвецов, которая прокатывается по мидгардской земле, если кто-то посмеет осквернить чужую могилу.

— Предводитель Дикой Охоты? — пораженно переспросил Николя. — Ты хочешь сказать, что я пробудил его, когда разорил древнее кладбище, и теперь он решил мстить всему городу за дела тысячелетней давности?

Герда развела руками:

— Вы сами говорили, что Дикая Охота в тот день была особенно неистовой. Наверное, их предводитель слишком разъярился, не смог успокоиться и решил насрать на город ту же напасть, что уничтожила веру в него. За тысячу лет у него было достаточно времени, чтобы научиться управлять грызунами. Думаю, он из небесного пастуха превратился в крысиного. Смотрите, вот здесь.

Герда достала из-за пазухи флейту и ткнула пальцем у основания. Охотник задумчиво покрутил инструмент в руках.

— Если это действительно он, то у нас большие проблемы, — вздохнул Николя. — Ты знаешь, как победить бога?

Герда передернула плечами.

— Ладно, он же не появится у нас на пороге прямо сейчас. А когда появится, тогда и решать будем, — заключил он. — Поднимайся к себе, ты устала. Я попрошу Эглаборга принести ужин тебе в комнату.

— А вы? — упрямо спросила Герда.

— Я тоже прилягу, только дождусь Эглаборга, — с готовностью заверил ее Охотник, сделал шаг к кухне, но Герда ухватила его за локоть.

— Я еще хотела спросить, не удалось ли узнать о Лайсве.

Николя побледнел и отвернулся.

— Нет. Не думаю, что в Компании сейчас найдется время заниматься такими пустяками, — ответил он неожиданно строго и скрылся за дверью на кухню.

— Да, я понимаю, — пробормотала Герда и начала подниматься по лестнице.

На полпути встретила Финиста, но не стала с ним разговаривать, лишь коротко пожелав спокойной ночи. Впрочем, он и сам не стал ее задерживать, спеша вниз к камину. Охотник явно что-то скрывал. Это было заметно по его напряженной позе, по звеневшему, словно натянутая струна голосу, по бегавшему взгляду и в первую очередь по тому, что он говорил Герде. Близящейся войной между Нормадией и Священной империей можно было удивить разве что Герду, а с экзаменом затянул сам Николя совершенно нарочно. В письме явно было что-то другое, что-то важное. Что-то, чем он не захотел делиться и предпочел скрыть даже от Герды. А может, именно от нее и хотел скрыть!

Воровато оглянувшись по сторонам, Финист взял кочергу и вытянул из золы недогоревший клочок бумаги. Повертев его в руках, с трудом разобрал несколько коротких фраз: «Дела давно минувших дней... Не гоняйся за призраками... Архимагистр очень опасен»[\[S2\]](#). Не успел подумать, что бы это могло значить, как кто-то силой развернул его на себя и вырвал из рук таинственную находку.

— Какого демона ты лезешь в чужие письма?! — напустился на него Николя. И как ему удается ходить так бесшумно? Финист досадливо сжал кулаки, наблюдая, как Охотник сует

бумагу обратно в огонь и шевелит угли, чтобы на этот раз пламя наверняка уничтожило все доказательства его лжи.

— Я жду объяснений, — потребовал Николая, когда уверился, что от письма ничего не осталось.

— Я просто мимо шел. Заметил торчавший из камина огарок. Стало любопытно, и я его достал. Из-за чего крики-то? — не слишком складно оправдывался Финист. Впрочем, ему было все равно.

— Не лги. Ты подслушивал мой разговор с Гердой. Я не такой идиот, как тебе кажется.

— Это кто тут лжет? На себя посмотри. Тоже мне, самый правдивый человек в Мидгарде нашелся, — Финист решил, что лучшая защита — это нападение. Нехитрый прием сработал. Николая лишь сверкнул глазами и отвернулся, явно не желая продолжать перепалку.

Он устроился в кресле и задумчиво уставился в одну точку. Финист продолжал наблюдать исподтишка, надеясь, что Охотник выдаст свою тайну опрометчивым действием. Но ничего не происходило. Николая рассеяно сунул руку в карман, достал оттуда флейту и принялся пристально ее разглядывать. Потом набрал в легкие побольше воздуха, приложил инструмент к губам и извлек из него жуткий скрипучий звук.

Финист поморщился и бесцеремонно выхватил флейту из рук Охотника:

— Дай сюда. Она же недоделанная. А он еще говорит, что не идиот.

Николая недобро покосился, но возражать не стал и терпеливо дождался, пока Финист чинил инструмент. Флейта оказалась совершенно обычной грубой наспех сработанной поделкой. Единственным примечательным в ней было крохотное изображение крысы, вырезанное у самого основания. Подчистив инструмент на глаз тонким стальным грифелем, Финист поднес его к губам, чтобы опробовать работу. Флейта заиграла на удивление чисто. Настолько, насколько это было возможным для столь неумелой безделушки. Но странное дело: Финист неожиданно увлекся, закрыл от наслаждения глаза, растворяясь в собственной музыке, вспоминая о чем-то давно забытом, но невероятно желанном. Неожиданно Николая пихнул его в бок со всей силы. Оборотень оборвал игру.

— Какого демона ты их опять собрал? — махнул Николая куда-то за спину Финиста.

Он удивленно моргнул и огляделся. Всю гостиную заполонили жирные крысы. Они стояли на задних лапах и нетерпеливо дергали усами, словно пришли сюда послушать музыку, но артист почему-то отказался играть.

— Я их не звал, — ошалело ответил оборотень. — На этот раз точно.

— Но они вылезли, как только ты начал играть. Уведи их отсюда, — потребовал Николая.

— Почему всегда я?

— Потому что они тебя только слушают.

— И куда прикажешь их вести? Не к тебе же в комнату.

— К себе, а лучше в океан, хотя нет, у них там союзник. Лучше в огонь. Да не в камин. Совсем обалдел?! Мы же весь дом шерстью завоняем. На улицу пошли.

Финист тяжело вздохнул и снова начал играть, шествуя во двор за Николая, который всерьез вознамерился повторить сожжение колдунов на костре Защитников Паствы.

Глава 33. Гребень ниссы

С огнем ничего не вышло. Крысы следовали за Финистом до самого костра, но стоило им почуять, что запахло жареным, как грызуны серой лавиной рванули прочь. Не управились тут ни Николя, гонявшийся за ними с мечом наперевес, ни Шквал, который тоже решил присоединиться к охоте. Ни солоно хлебавши Охотник, Финист и кот вернулись домой, а коварные твари снова разбрелись по городу.

Помыслы Финиста занимала тайна сожженного письма. Охотник явно что-то скрывал, опасное и страшное. Только как узнать точно? Похоже, свои секреты Николя прячет в кабинете. Значит, искать надо в первую очередь там.

Шанс представился, когда Николя срочно вызвали в город. Остальные были заняты своими делами. Финист прокрался по коридору второго этажа и расковырял замок позаимствованной у Майли шпилькой. К обстановке в кабинете присматриваться не стал. Сразу взялся рыться в столе, но ничего особенного не нашел: книги, карты, заметки о крысином деле. Ничего не указывало на то, что Охотник не до конца откровенен.

Остался кованый сундук с огромным навесным замком, который вряд ли бы удалось вскрыть шпилькой, и запертый ящик стола, который взлому поддавался намного легче. Именно им и занялся Финист. Внутри оказался альбом с портретами различных демонов. Финист нахмурился. Этот чудак еще и рисует? Где только свободное время находится?

Финист перелистывал страницы, без интереса вглядываясь в ощерившиеся пасти и хищные взгляды ночных тварей. Взгляд привлек невероятно живой портрет девочки с такими же огромными глазами, как у Герды. Рисунок повторялся в альбоме очень часто, словно стал для художника наваждением. А на последней странице девочка была изображена повзрослевшей лет на десять. Герда.

У кого-то навязчивая идея. Финист криво ухмыльнулся. Неужели этот болван был тем самым Охотником из детства Герды? Не может быть, чтобы он не заметил ее дара. Почему не стал разыскивать и не привез в компанию раньше? Либо он совсем идиот, в чем Финист никогда не сомневался, либо здесь таится хитрый умысел. Понять бы какой.

Финист отложил альбом и достал со дна ящика сложенный вдвое листок. Развернул и пробежался глазами по написанным строгим мелким почерком строчкам. Отчет в компанию. Какая удача!

Крамолы в отчете не обнаружилось. Наоборот, Николя расхваливал учеников, уверяя начальство, что те великолепно подготовлены к экзамену, и он не сомневается в успехе. Более того Охотник приписывал все заслуги по их обучению Финисту и даже рекомендовал его на службу в военном корпусе компании в качестве лазутчика или диверсанта. Поначалу хотелось возмутиться, но потом идея захватила. В дружине Финисту часто поручали особые скрытные задания: разузнать точное расположение войск противника или тихо убрать дозорных, охранявших неприятельский лагерь. Ему это нравилось гораздо больше, чем лобовые атаки. Или даже обучение новобранцев. Только как Николя догадался?

Финист задумчиво почесал затылок. Что-то в этом отчете настораживало. Да вот же оно! Тут ни слова о Герде. Зачем Николя скрывать отражающую от компании? Хочет использовать ее тайком? С него станется. Герда, бедняжка, надеется после экзаменов получить хорошее назначение. Да он специально попросит ее сделать что-нибудь невыполнимое, а когда не получится, заявит, что она провалилась и должна оставаться под

его надзором дальше. Отсюда и такое притягательное назначение для соперника. Наверняка Николя рассчитывает, что Финист согласится и уедет со сдавшими экзамен Майли и Вожыком. И тогда Герда останется с Охотником совсем одна, в полной его власти. Надо ее предупредить.

Оборотень убрал бумаги в ящик, поставил его на место и вернул все вещи на свои места. Уже собирался выйти в коридор, как заметил у подоконника потертые ножны из грубой коричневой кожи без всяких украшений. Внутри покоился тонкий меч с прямым клинком и длинной рукоятью. От оружия веяло колдовством, застарелым, не похожим на демоническую ворожбу, и вместе с тем знакомым. Манящим. Любопытство пересилило здравый смысл. Финист поднял ножны и на палец высунул из них лезвие. Фиолетовым полыхнула выгравированная у самого эфеса руна «перт». Клинок соскочил и рассек кожу на ладони. Сталь впитала выступившую кровь. Закружилась голова, подкосились ноги. Веки смежились.

Открыв глаза, Финист обнаружил себя посреди огромного каменного зала. Белые, сияющие изнутри стены уносились ввысь и смыкались грандиозным стрельчатым потолком. Из высоких остроконечных окон лился теплый персиковый свет. Гладкий пол отполирован до блеска. Это дворец? Никогда прежде Финист такого великолепия не видел. Как он здесь очутился?

Раздался едва различимый шорох. Финист повернул голову и увидел рыжего мальчишку. Того самого, который подарил ему свои крылья во время навеянного тролльим зельем сна. На вид лет двенадцать. Высокий, стройный, с правильными чертами лица. Волосы вовсе не рыжие, а тоже светло-каштановые, выгоревшие. Одет в длиннополую одежду из шелка: коричневого, красного и желтого оттенков. На голове тонкий обруч из червонного золота. Во всем облике сквозила надменная гордая величавость, присущая только монаршим отпрыскам.

Финист испытывал необъяснимую симпатию к этому чересчур смазливому подростку.

— Чего смотришь? — донесся из глубины зала невежливый вопрос.

Финист вздрогнул. Рыжий смешно скрипнул зубами и в тон ответил:

— Поговорить хочу.

Он обращался к мальчишке помладше. Темноволосый и щуплый, он сидел на полу посреди зала и собирал узор из голубых льдинок. Одежда на нем была такая же роскошная, как и на рыжем, только синего с черным цветов, а обруч на голове из серебра или платины. Но выглядел он далеко не так величаво: растрепанный, ободранный, взъерошенный, словно выкупавшийся в луже воробей. Недоразумение, а не мальчишка.

— Так говори быстрее, — раздраженно бросил темноволосый еще не сломавшимся звонким голосом. — Не видишь, я занят? Нужно собрать из льдинок слово «вечность», чтобы меня отпустили полетать снаружи.

Рыжий рассмеялся:

— Малой, бросай дурное. Его собрать невозможно. Сколько я ни пытался — ничего не вышло. Матушка специально это придумала, чтобы не выпускать нас наружу, пока мы не окрепли. Потерпи еще пару сотен лет и сможешь летать вместе с нами.

Темноволосый зло прищурился:

— То, что у тебя не вышло, еще не значит, что не выйдет у меня.

Глаза рыжего полыхнули гневом. Он еще раз скрипнул зубами, но все же сдержался:

— Малой, прервись хоть ненадолго. Пойдем в кухню. Гехаки говорят, что отец для нас

небесные мечи кует. Одним глазком бы взглянуть. Я нашел потайной лаз, по которому туда можно пробраться, но для меня он слишком мал. А для тебя в самый раз. Зайдешь в кузню и откроешь мне дверь. Я тебе за это яйцо ящероптицы Мармыты снаружи достану.

— Вот еще. Ты только битые приносишь. А я раздобуду целое, как только сложу слово «вечность», — отмахнулся темноволосый.

У рыжего дрогнули руки.

— Малой, разве тебе совсем не интересны наши мечи?

— Отчего же? Интересны. Просто я уже их видел, — похвастался темноволосый. — У меня будет меч с руной «исаз» и голубым лезвием, а у тебя с руной «кеназ» и рыжим лезвием.

Старший широко раздувал ноздри, словно взбешенный бык:

— Как?!

— Я же не такой тугодумный дылда, как ты. Я тот лаз лет сто назад нашел и все посмотрел.

Рыжий сжал кулаки и двинулся вперед:

— Ах ты, мелкий гаденьш! Думаешь, самый умный, да? Никогда тебе эту мозаику не собрать! Так и будешь всю жизнь у мамочки под крылом сидеть. Получай!

Рыжий раскидал узор одним ударом ноги и чуть не попал темноволосому по лицу. Младший мальчишка разъяренно взвизгнул и бросился на старшего с кулаками. Шипя, словно бродячие коты, подростки покатались по полу, избивая друг друга кулаками и ногами.

Нелепо.

Из противоположного конца зала послышались спешные шаги. Показался еще один мальчишка, по виду самый старший, крупный, плечистый и тоже темноволосый.

— Что вы творите? — грозно выкрикнул он. Схватил обоих за шкурки — силен! — и как следует встряхнул. — Вы же братья! Почему ни дня без драк прожить не можете?

— Он залез в отцовскую кузню, — пожаловался рыжий.

— Ябеда! — пнул его по ноге темноволосый.

— Гаденьш!

— Подлый дылда! Жирафа безголовый!

— Хватит! — рывкнул старший. — Мне теперь всю вечность вас разнимать? Повзрослейте, наконец!

Стыдно, так стыдно, словно Финист сам был одним из этих сварливых мальчишек.

Он обнаружил себя лежащим среди кабинета Охотника с порезанной ладонью. Поставив меч обратно, Финист опрометью выскочил за дверь. Сердце бешено грохотало в груди, но странное видение уже забывалось, как ночной кошмар. Привиделось и привиделось, чего от колдовских вещей не бывает? Гораздо важнее то, что удалось узнать о Герде.

Финист заглянул в комнату девушки, но никого не обнаружил. Наверное, Герда в библиотеке. А что если она не поверит? Наверняка снова начнет выгораживать Николая да еще обругает за то, что Финист чужие письма читал. Он понурился и пошел к себе. Как же доказать ей? Может, написать свое письмо в компанию, в котором будет вся правда о том, что здесь творится. Верно, за сокрытие отражающей Николая по головке не поглядят. Может, даже пришлют проверку. Тогда Герда точно увидит, чего стоит ее дорогой Охотник.

В спальне Финист нашел лист бумаги и написал свою версию отчета в компанию,

благодаря Герду за то, что она заставила его выучить грамоту.

Ненасытность Финиста порой пугала Майли. Нет, он не бывал с ней груб, не причинял боли и не неволил, но когда его глаза затмевала страсть, то он становился непохож на человека или даже зверя. Превращался в запредельное создание, названия для которого не существовало в человеческом языке. В эту ночь он был особенно яростным — терзал Майли почти до самой зари. Глаза удалось сомкнуть всего на пару часов, как кожу снова опалили горячие поцелуи. Умелые руки потянулись к потаенным местам, разжигая желание в расслабленных после сна чреслах. С губ сорвался слившийся с именем стон. Финист усадил ее сверху и подтолкнул в спину, чтобы она объездила его как дикого жеребца. Запрокинув голову, Майли понеслась навстречу гигантскому водопаду.

Заскрипела дверь. Раздалось громкое покашливание. Майли испуганно обернулась, прикрывая руками грудь.

— Извините, что отвлекаю, но у нас занятия, — без тени интонации сказал Никола с порога. — Жду через пять минут в гостиной.

Он вышел, захлопнув за собой дверь. Майли сидела в оцепенении, пока Финист не отпихнул ее в сторону и помчался за Охотником, на ходу натягивая штаны.

— Что стряслось? — окликнул его внизу Никола.

Финист призадумался, а потом выпалил:

— Ты спишь с моей ученицей!

Уголок брови Охотника пополз кверху.

— А ты спишь с моей. Будем считать, что мы квиты.

Финист зло скрипнул зубами:

— Я этого так не оставлю!

Николя присмотрелся к перевязанной порозовевшей тряпкой ладони.

— Надеюсь, ты не лазал в мой кабинет и не трогал мой меч, — он пронизательно сощурился.

Финист сглотнул:

— Вот еще!

— Я уже готова, — позвала Майли, желая прекратить свару до того, как она успеет перерасти в драку.

— Я могу стерпеть многое, но если сунешься к моему оружию — пеняй на себя, — бросил на прощание Никола и повел Майли на улицу.

Финист провожал его свирепым взглядом.

Уже во дворе Охотник вручил Майли сверток с булочкой и флягу с теплым отваром.

— Завтракать придется на ходу. У нас мало времени, — объяснил он, когда они вышли на дорогу к городу.

Она улыбнулась и украдкой откусила от булки, слизывая с губ сливовый джем. Финисту не хватало внимательности и деликатности Никола. Ни словом даже не упрекнул за то, что она проспала условленный час, и ему пришлось стать свидетелем интимной сцены. И все-таки Никола оставался загадкой. Он не был похож на знакомых ей мужчин. Ледяная инаковость настораживала и отталкивала, несмотря на привлекательную оболочку. Хорошо,

что Майли полюбила жаркое летнее солнце, а не эту ненастную зимнюю стужу. Всегда сдержанный и предельно вежливый, с застывшей улыбкой на устах, тем не менее, близко к себе Николая никого не подпускал, даже Герду, которая из кожи вон лезла ради этого. Словно единственный, кто может выбить из него живые эмоции — Финист. Хотя почему они постоянно вздорят? Вряд ли только из-за Герды. Говорят, если два пса хотят сцепиться, причины им не нужны.

Занимался теплый денек. По воздуху разливался хмельной аромат распускающихся листьев. Деловито гомонили птицы. Женщины, стуча коваными каблучками по брусчатой мостовой, с плетеными корзинками спешили на рынок, а мужчины на службу в ремесленные лавки или по другим делам. Николай с Майли вышли на узкую улочку, примыкавшую к главной площади, и постучались в один из старых богатых домов. Майли вопросительно глянула на своего учителя.

— Поможешь мне в одном дельце, — подмигнул Охотник. — Думаю, даже мертвеца вызовем.

Майли поежилась. За время обучения у Николая она немного обвыклась со своим даром, научилась не привлекать мертвецов и сдерживать страх, который жабой давил на грудь, мешая дышать. Получалось выполнять простые задания: угадать, жив человек или мертв, и указать, в какой стороне находится его могила, чувствовать места, где бродят неупокоенные или ютятся нежить. Но вызвать мертвеца не получалось. Охотник говорил, что в первый раз проще всего совершать обряд над свежим трупом. Но кто позволит измываться над душами своих близких? Поэтому вызов покойника откладывался. Майли надеялась, что навсегда, но, похоже, Охотник сдаваться не собирался.

Дверь открыла полноватая женщина среднего возраста с опухшим от слез лицом.

— Доброе утро, госпожа Ауд, — почтительно заговорил Николай. — Бургомистр очень обеспокоен пропажей вашего сына и попросил меня поучаствовать в его поисках. Не могли бы вы рассказать о нем подробнее?

Женщина поджала губы, вытирая лицо кружевным платочком.

— Да что вы можете? — срывающимся голосом ответила она. — Проповедник верно говорит, вы потеряли силу. Вот и демоны вас больше не слушаются. Заманили моего сыночка своими плясками под холмы и морят там, мучают, пока мое сердечко кровью обливается.

Николай шумно выдохнул и продолжил сочувственно улыбаться. Как у него скулы не сводит?

— Со всем уважением, но это не Дану. У них нет причины и...

— Да какие причины нужны остроухим тварям? Нелюди они. Спят и видят, чтобы нас всех по подземной реке отправить! — плечи Ауд затряслись от всхлипываний.

— Моя госпожа, уверяю вас, если ваш сын у Дану, то я отыщу его и покараю того, кто его похитил.

Женщина смягчилась:

— Вы думаете, он жив? Говорила я ему выбрать более спокойное ремесло, чем валить лес в Утгарде. Денег было бы меньше, но и опасности тоже. Ведь там столько злобных тварей бродит! А не послушал. Самостоятельности захотел. И чтобы жить отдельно. Да разве ж мы его со двора гнали? Или куском хлеба попрекали? Последним готовы были поделиться. А как иначе? Ведь он наша плоть и кровь. Вначале родители о детях заботятся, а в старости дети о нас — так испокон веков заведено. Только ежели он погиб, одним чахнуть придется.

Никого у нас не осталась.

Ауд расплакалась в голос.

— Одолжите его вещь, и мы сможем точно узнать, на том он берегу или на этом, — предложил Охотник.

Хозяйка поспешила в дом. Николая шепнул Майли на ухо:

— Если мертв — просто кивни.

Майли неуверенно повела плечами. Ауд принесла старую фигурку лошадки и белую рубашку.

— Это была его любимая игрушка в детстве. И одежда. Он частенько забегал к нам за едой и приносил грязное белье, чтобы я постирала.

Майли взяла вещи и повертела их в руках. Лошадка была довольно искусной, а рубашка из дорогой плотной ткани. Видно, деньги у этих людей водились.

— Мне еще нужны имя и возраст, — тихо попросила она.

— Орм, двадцать лет, — коротко ответила Ауд.

Майли достала из-за пазухи амулет — подвешенный на красном шнурке шар из ивовых веток, внутри которого лежал кусок янтаря с нацарапанной на одной стороне пентаграммой. Амулет смастерил Николая, чтобы защитить Майли от враждебных духов и помочь контролировать дар. Иногда амулет подсказывал ответы на вопросы.

Майли обернула лошадку рубашкой и прижала ее к груди правой рукой, а левой раскачала амулет, как маятник, иногда встряхивая его. Закрыв глаза, она покружилась на месте и замерла, переводя дыхание. Амулет еще качался из стороны в сторону, принимая вибрации с противоположного берега Сумеречной реки. Когда остановился, Майли подняла его над головой, вглядываясь, какой стороной лег камень внутри. Только не пентаграмма. Ну, пожалуйста!

Надежды не оправдались. Под тонкими ивовыми прутьями проглядывалась пятиконечная звезда, указывающая на землю. Майли испуганно глянула на Охотника.

— Вот видите, госпожа Ауд, еще есть надежда, — улыбка Николая стала шире. — Мы его найдем.

Щеки женщины порозовели. Глаза загорелись. Выражение лица смягчилось в ожидании чуда. Майли спрятала амулет, избегая взгляда Ауд. Как же неприятно лгать в таком деле. И еще неприятней будет, когда придется сказать правду. Хорошо, что делать это будет не она.

— Ауд, кто там? — на пороге показался седовласый мужчина, невысокий и сухощавый, с льдистыми, как у многих лапцев, голубыми глазами.

— Мастер Охотник пришел искать Орма, — поделилась радостной вестью жена. — Наш мальчик жив, слышишь?!

— Мастер Рауд, — Николая склонил голову.

— Ауд, ступай в дом. Что-то на печи горит, — мужчина кивнул на дверь.

— Ах, и правда! — всплеснула руками жена и умчалась.

— Он мертв? — спросил Рауд.

Николая выдержал его тяжелый взгляд и медленно кивнул.

— Ваша жена не готова к такому известию. Не стоит расстраивать ее, пока мы не нашли тело.

Рауд горестно вздохнул, на лбу залегли глубокие морщины. Но он хотя бы держал себя в руках.

— Ауд не отпускала Орма ни на шаг, вот он и ушел жить один, как только

представилась возможность. Люби она его чуть меньше, возможно, ничего бы не произошло.

— Ваша жена ни в чем не виновата. Несчастья случаются, — попытался смягчить его Охотник. — У вашего сына были враги?

Рауд неуверенно повел плечами:

— Моя жена сказала бы, что он был добрейшим человеком в Мидгарде и никто ему зла не желала. Но... он был молод и горяч. В этом возрасте немудрено надеть глупостей, особенно если ты отрываешься от корней. Но от своей плоти и крови я не отрекаюсь. Если его убили, я требую выкуп. И очень надеюсь, что вы не станете выгораживать своих друзей-демонов.

— Это не Дану, — ответил Николя твердым, но лишенным враждебности голосом. — Уверяю вас, если в гибели вашего сына замешан демон, то я сам буду ему судьей и палачом. И привезу его голову, как выкуп.

— Рад, что мы друг друга поняли, — Рауд почтительно склонил голову и ушел в дом.

— Я думала, вас здесь любят, — растерянно сказала Майли, когда они возвращались домой.

— Любили, пока я справлялся с ситуацией, но стоило дать слабину... — Николя глянул на высокое весеннее небо. — Впрочем, неважно. Лишь бы они глупостей не наделали. Вражда с Дану погубит все, что я так долго строил в этом городе.

Майли не знала, что ответить. Охотник часто бросал непонятные реплики в пустоту и не требовал поддерживать разговор, словно обращался к самому себе. Поначалу это немного смущало, но со временем Майли привыкла и перестала обращать внимание. В конце концов, каждый имеет право на маленькие чудачества, а раздражать Охотника расспросами совершенно не хотелось. Это ведь не Герда, которую можно задеть проходя, и она молча все проглотит, и не Финист, который побухтит, да тут же забудет.

Вернувшись домой, они наспех пообедали и отправились в конюшню. Николя поседлал своего вороного жеребца, а для Майли вывел коренастую саврасую кобылку с темной полосой вдоль гривы и по хребту. Судя по невозмутимому нраву на ней ездил Эглаборг, предпочитавший не сражаться с лошастью, а полностью на нее полагаться. Да и падать с такой тумбочки, должно быть, совсем не больно. Хотя чего с нее падать? Вряд ли с таким необъятным пузом она еще помнит, что такое быстро бегать и высаживать надоевшего всадника.

— Поедем в хижину лесоруба? — поинтересовалась Майли.

— Нет. Туда надо ехать с телегой, а ее привезут только завтра.

— Зачем?

— Чтобы забрать тело.

Майли передернула плечами. На покойника смотреть совсем не хотелось. А уж если придется душу вызывать...

Они вышли за ворота усадьбы. Николя любезно посадил Майли в седло. Кобыла была настолько низкорослая, что казалось, ноги волочатся по земле. Охотник затянул подпругу на своем жеребце и лихо вскочил ему на спину. Конь даже не шелохнулся. За последнее время он сильно осунулся и присмирел. Даже отливающая серебряным блеском черная шерсть не казалась уже такой яркой.

— Перестань хандрить, — укорил его Николя, набирая поводья. — Подожди немного. Весна на дворе. Скоро совсем тепло станет. Придет твоя зазноба в охоту, и будет тебе счастье. Только куда нам потом жеребенка девать прикажешь?

Не проникшись речью хозяина, конь покорно опустил голову и затрусил вперед неспешной рысью. Кобыла припустила следом, дробно перебирая короткими ногами. Седло вместе с пузом перекатывалось с одной стороны спины на другую. Майли крепко стиснула зубы. Жаловаться не решилась, опасаясь, что Николая предложит бежать следом пешком.

— Куда мы едем? — попыталась Майли заговорить о чем-нибудь нужном. С точки зрения Охотника.

— Искать зацепки. Надо найти тех, с кем Орм был откровенней, чем с родителями, и узнать, кто держал на него зуб.

— Вы думаете, что его убил не демон? — эти твари пугали Майли даже сильнее привидений.

— У демонов тоже должен быть мотив, — неопределенно ответил Николая.

На этом разговор закончился. Когда они объезжали город с северной стороны, под копыта жеребца кинулась полоумная девка. Николая резко одернул коня в сторону. От неожиданности тот взвился на дыбы и забил передними ногами по воздуху. Девка испуганно взвизгнула, упала на причинное место и закрыла глаза руками.

— Вот же дура безголовая!

Майли замахнулась на негодайку прутом, который выломала, чтобы подгонять медлительную скотину.

— Прекрати, — последовал бесстрастный приказ Николая

Охотник заставил коня поставить все копыта на землю. Прут надломился пополам и выпал из руки. Майли поджала губы, с негодованием разглядывая идиотку, из-за которой чуть не приключилось несчастье. У нее были белобрысые, как у Герды, волосы, только длинные и кудрявые, что указывало на скудный ум. Поняв, что все обошлось, девка широко распахнула глупые голубые глаза и несколько раз моргнула. Николая спешил и подал ей руку, хмурая лоб так, словно напряженно что-то вспоминал.

— Госпожа Палантина, с вами все в порядке? — вкрадчиво спросил он.

Майли вскинула брови. Охотник что знает всех бюргеров по именам?!

— Д-да, — пискнула она тонким мышинным голоском. — Я искала вас. Родители Орма сказали, что вы пытаетесь выяснить, что с ним приключилось. Я... я его невеста. Была ею.

— Мои соблезнования, — с участием ответил Николая и уже собрался лезть обратно в седло, как она схватила его за руку.

— Стойте! Я знаю... знаю, кто его убил, — глаза Палантины лихорадочно блестели.

Николя замер, ни единым мускулом не выдав сомнений:

— И кто же?

— Мельник Вагни. Он якшается с демонами. Об этом все знают!

— Хорошо, что не Дану, — Охотник все-таки съязвил, правда, поняла только Майли и фыркнула себе под нос. — А какие у него были мотивы, кроме того, что все мельники всегда и везде якшаются с демонами?

Сбитая с толку девка потупилась.

— Он спрашивает, зачем мельнику понадобилось убивать твоего жениха, — не скрывая превосходства, пояснила Майли.

— Так все из-за дочки его. Из-за проклятой Мелюзины, — ответила Палантина.

— Это уже больше похоже на истину, — удовлетворенно кивнул Николая. — Как говорят норкийцы, едва ли найдется свара, причиной которой не была бы женщина.

Девка растерянно открыла рот. И как Николая терпит этих невежд? Герда и та поумнее

будет.

— Так что с Мелюзинной? — снизошел до более простого вопроса Охотник.

— О, она моему Орму прохода не давала. Он никогда бы не обратил внимания на такую замухрышку. Она же тощая и плоская, как жердь. Еще и волос темный, и глаза совершенно невыразительные, и кожа ужасного желтоватого оттенка. Совсем как у нее, — Палантина указала на Майли.

Та разъяренно выдохнула. Да как эта кудрявая овца посмела назвать ее некрасивой? На себя бы посмотрела. Уродина! Даром, что коровье вымя прямо из выреза выскакивает. Даже одеться прилично не может, а туда же, замухрышкой обзывает!

— Силой хотела Орма на себе женить, ведь у нее-то и парня никогда не было, а как отказал, так она отцу нажаловалась. Мол, Орм ее соблазнил. Я сама слышала, как мельник после этого угрожал, что убьет его, если тот хоть на шаг подойдет к его дочери. Но это же глупость! Чтобы мой добрый, благородный Орм соблазнял убогую? Он даже со мной не хотел ложиться. Мол, а вдруг понесешь? Стыдно тогда перед знакомыми будет, а у нас свадьба уже на осень сговорена была.

Так это от того, что ты, овца такая, его совсем не возбуждала.

Майли перевела взгляд на Охотника. Он явно слушал заунывную речь вполуха, поглаживая своего коня по понурой черной морде и размышляя.

— С Ормом все ясно, но что же Вагни? — поспешил повернуть разговор в нужное русло Николая. — Люди порой ссорятся из-за пустяков и даже угрожают убить. Но я не могу осудить человека только за сказанные сгоряча слова.

— Но он же последним встречался с Ормом четыре дня назад. Я своими глазами видела. Орм зачем-то ходил на мельницу. И они снова поругались. Вагни его прогнал. Я после этого попыталась поговорить с ним, но Орм был сам не свой, напуган до смерти, нес окошечку про чудище из лужи, которое обещало покарать его на рассвете.

— Чудище из лужи? — оживился Охотник. — Это уже совсем хорошо!

Палантина недоуменно моргнула:

— Так вы накажете Вагни?

— Я все еще не уверен в его вине.

— Но он же видел Орма последним!

Майли не выдержала и рассмеялась в голос:

— А по твоим словам выходит, что последним его видела ты. Может, это ты его убила? На почве ревности к этой... как ее? Красавице Мелюзине, которой он явно уделял больше внимания, чем тебе. Даже к отцу ее бегал. Уж не руки ли ее просить? А тебя бросил.

— Нет! — завизжала Палантина, но Майли несло, и останавливаться она не собиралась.

— Ты его убила, а вину решила переложить на других.

— Я никогда... — невнятно оправдывалась она сквозь громкие всхлипывания.

— Это тебя нужно наказать, убийца!

— Перестань! — рявкнул Николай и зло сверкнул глазами.

Майли вжала голову в плечи. Если бы на ее месте был мужчина, то Охотник бы точно ударил.

— Госпожа Палантина, не пугайтесь. Моя ученица неудачно пошутила, — успокаивал он распутившую соплю девку и укоризненно поглядывал на Майли. — Вы очень правильно сделали, что поделились с нами своими подозрениями. Уверю, мы обязательно расспросим Вагни о случившемся. И если он действительно виновен — призовем к ответу. Ступайте

домой. Горе совсем расшатало ваши нервы.

Палантина согласно кивнула и, не переставая рыдать, поплелась к городу на негнущихся ногах.

— По-хорошему, ее надо было проводить, а то в таком состоянии она может надеть глупостей, — покачал головой Николя, вновь усаживаясь в седло, и принялся отчитывать Майли: — Тебе не следовало расстраивать ее еще больше. Ты уже не наследница графского замка, а одна из бюргеров, как и эта девушка. У тебя нет никакого права относиться к ней высокомерно или презрительно. Более того, это их город. Мы, даже я, здесь всего лишь гости. Если они захотят, то могут нас выгнать или передать в руки единоверцев.

Майли передернула плечами. Финист никогда ее не отчитывал. Ругался, обзывал дурой, но чтобы вот так, отповедью, самым голосом показать, как глупо она себя ведет. От этого было горше во стократ.

— В следующий раз думай, что говоришь, а лучше молчи.

— Простите. Язык мой — враг мой, — неловко извинилась Майли. — Но ей не следовало кидаться под копыта вашему коню и называть меня некрасивой. Я куда краше ее, ведь так?

Николя безразлично пожал плечами, погружаясь в свои мысли.

— А эта Мелюзина действительно такая страшная? — не унималась Майли.

— Обычная, — последовал безучастный ответ.

— Ну а Палантина тоже обычная?

— Тоже.

— А я?

— Мне нет дела до женской внешности. Я же говорил.

— Даже если эта женщина — Герда?

— Лучше бы не было, — невпопад ответил Николя и погнал своего жеребца галопом, словно стремился убежать от мучивших его мыслей.

Без прута Майли с трудом удалось растолкать медлительную кобылу, чтобы та не отставала. Неслись долго по широкой лесной дороге до деревянного моста с аркой, перекинутого через бездонное ущелье. Николя спешил и повел жеребца в поводу. Майли пришлось последовать его примеру, потому что непривыкшая к нагрузкам кобыла валилась от усталости. И надо было загонять коней в мыло, чтобы полдороги пешком идти? Не следовало раздражать Охотника. Вот ведь, правда, молчание — золото.

Так они и шли, пешком и молча, до поляны, на которой валила деревья шумная артель лесорубов. Это были сплошь молодые парни: высокие, плечистые, сильные. Майли невольно залюбовалась их раскрасневшимися от тяжелой работы лицами. Они как раз отдыхали, рассевшись на пнях, и весело переговаривались, доедая приготовленный заботливыми женами и матерями обед.

На прищельцев они посмотрели с деланным безразличием и продолжили перекидываться похабными шуточками.

— Добрый день. Приятного аппетита, — вежливо, но одновременно очень напористо начал Николя. — Извините, что отвлекаю, но мне нужно кое-что узнать о вашем товарище Орме. Сколько он уже не появлялся?

— Три дня. Четвертый пошел, — отрапортовал самый бойкий из лесорубов, скуластый рыжеволосый парень с густой курчавой бородой в пядь длинной. Остальные отмалчивались.

— Кто-нибудь его искал?

— А как же? Я живу по соседству. Орм всегда заглядывал ко мне по утрам, чтобы вместе идти на работу. Места глухие. Держаться здесь нужно сплоченно, иначе не выживешь. Когда три дня назад Орм не явился, я заподозрил неладное и отправился на поиски. Облазил все вокруг, даже в заповедное озеро Цуг сунулся, но не нашел. Тогда я предупредил родителей Орма и самого бургомистра Гарольда. Ведь это демоны Орма свели, не иначе. Дану проклятые. Странно только, что вы его поисками озаботились так поздно. Уж не приплачивают ли демоны, чтобы вы их покрывали?

Николя проглотил обвинения молча. Даже бровью не повел. Майли не уставала поражаться его выдержке.

— Были другие дела, — неопределенно ответил он. — Теперь же я полностью в вашем распоряжении. Рассказывайте.

— О чем? — нахмурился лесоруб, явно недовольный словами Охотника.

— С чего вы решили, что его похитили Дану? — любезно пояснил Николя, хотя Майли догадывалась, что ему очень хочется поколотить смутьяна, из-за которого поползли нелепые слухи.

— Так я своими глазами видел. Дверь в хижину открыта нараспашку, вещи разбросаны, а внутри следы борьбы: борозды от когтей на полу и стенах, вырванные волосы, разбитая посуда и мебель. Я должен был слышать шум ночью. Крики, удары. Хоть что-нибудь. Но ничего не было. Словно околдовал кто. А кто у нас колдует? Только Дану. Это даже дети знают.

— Ну да... — многозначительно изрек Охотник. — А другие враги у Орма были?

— Нет, — отрезал рыжий лесоруб. Остальные переглянулись, но перечить не стали. — Он был легким человеком и хорошим другом. Балагуром и весельчаком. Никогда ни с кем не ссорился. Никто из людей не мог желать ему зла.

Николя хмыкнул.

— А его невеста Палантина утверждает обратное. Она видела, как Орм ссорился с мельником Вагни. Вам про это что-нибудь известно?

— Бабы — дуры, — сплюнул рыжий. Майли лесорубы разонравились, хотя от нее не ускользнуло несколько встревоженных взглядов. — Палантине все привиделось. Умом она тронулась после пропажи жениха. Не имел он дел с мельником. И к дочери его и пальцем не прикасался.

— Я ничего не говорил про его дочь, — нахмурился Николя.

Рыжий смутился.

— Ну так Палантина и мне рассказывала, из-за чего Вагни с Ормом повздорили.

— Так они все-таки повздорили?

— Нет! — рявкнул рыжий, окончательно потеряв терпение. — В любом случае это не имеет никакого отношения к смерти Орма. И девку эту он не насиловал. Раз она сама пришла, это не насилие.

— Насилие?! — присвистнул Николя. — Я думал, речь шла о соблазнении. Видно, действительно придется расспросить Вагни и его дочь.

— Я же сказал, они тут ни при чем. У вас нет права судить нас. Займитесь лучше поиском Дану. Это они — убийцы. Они натравили на нас крыс, и теперь Упсале грозит голод. Если вы их не покараете, мы сделаем это сами. Правда, ребята?

Лесорубы промычали что-то не слишком внятное и потупились, боясь встречаться взглядом с Охотником. Но тот вовсе не выглядел разозленным и продолжал приветливо

улыбаться:

— Что бы вы сказали, если бы я начал указывать вам, как рубить деревья?

Парни испуганно переглянулись. От ласкового тона им стало куда страшнее, чем если бы он начал браниться.

— Мы бы сказали, чтобы вы не лезли туда, где ничего не понимаете, — робко предложил один из лесорубов, выглядевший самым младшим.

— Правильно, — улыбка Охотника стала почти угрожающей. Он невзначай положил руку на ствол высокой корабельной сосны. Послышался треск. Огромное дерево рухнуло, едва не задев лесорубов.

— Вот и вы не лезьте, — закончил Николя и, взяв коня под уздцы, зашагал прочь.

Майли поспешила следом.

— Ну и как к ним относиться после этого? — спросила она, забираясь в седло толстухи-кобылы.

— Они не все такие, — горько вздохнул Охотник.

— Еще есть те, которые трусят и поддакивают, — лягнула Майли, а потом снова сожалела.

Николя хмурился и молчал всю дорогу.

Герду угнетала мрачная обстановка в доме. Охватывало предчувствие, словно вскоре произойдет нечто, что положит конец спокойной жизни. Навсегда. Финист сделался угрюмым и ворчливым. Совсем несносным. На попытки заговорить огрызался, сидел в обиженном на весь мир одиночестве и лишь иногда отпускал ехидные замечания в адрес Охотника. Николя не обращал на него внимания, впрочем, и на Герду тоже. Будто и вовсе избегал. Подолгу не достаивал ее даже взгляда, а потом сам приходил в библиотеку, усаживался рядом и часами наблюдал, как Герда читает. Смотрел так, словно хотел что-то сказать, но как только собирался с духом, язык прилипал к небу. Что-то тяготило, грызло его изнутри. Если бы демонов телепатический дар подействовал, Герда бы узнала!

А так оставалось только помогать в борьбе с крысами. Герда забросила остальные дела ради этого, но так ничего путного и не разузнала. В книгах о крысах говорилось как о грызунах или компонентах для ворожбы, но никаких способов справиться с насланной разгневанным богом напастью не предлагалось. С другой стороны, чтобы избавиться от последствий, нужно вначале разобраться с причиной. Но тут тоже ждал тупик. С божествами не боролись — их задабривали большими, подчас кровавыми, жертвами. И чем более обозленным был бог, тем больший выкуп требовал. Страшно представить, что может попросить крысиный пастух, копивший ненависть к упсальцам целую тысячу лет.

Тысяча лет — столько времени даже вообразить сложно. Так долго жил, должно быть, только Шквал, да не тот, который исправно сваливал Охотнику под дверь дохлых крыс, а тот, который был ее лучшим другом и ушел навсегда. Вот он бы точно знал, что делать. В Дикой пуще они победили Хозяюку леса только благодаря Шквалу. Герда вздрогнула, вспоминая, как ведьма требовала убить обернувшегося соколом Финиста и съесть его. Это было похоже на жертвоприношение. Да и Шквал говорил о том, что ведьма бессмертна. Но Финисту же удалось ее убить.

Герда достала из тумбочки завернутый в тряпицу ритуальный кинжал, провела пальцем по орнаменту на клинке, повертела в руках. А что если и на крысиного пастуха подействует?

Герда постучалась в комнату Николая. Никто не ответил. Кабинет тоже пустовал. Пришлось снова плестись в библиотеку.

Вернулись достаточно поздно, поэтому снова ужинали вдвоем, но Эглаборг хотя бы оставил теплую еду на печи. Покончив с ней, Николай направился в библиотеку поискать что-нибудь про таинственное «чудище из лужи». Если, конечно, Орм не лишился разума. Чутье настойчиво подсказывало, что это не так. Не похожи лесорубы на людей, которые пугаются собственной тени. Значит, он действительно что-то видел. Вот только демоны редко предстают перед людьми в своем истинном облике. И тем более отсрочивают расправу, позволяя жертве рассказать о встрече.

Из-под двери сочился теплый свет свечи. Николай застыл на пороге. Герда увлеченно читала книжку, удобно расположившись в его любимом кресле. У ножек на полу покоились сброшенные башмаки. Из-под подола длинной темно-бордовой юбки выглядывали соблазнительные беленькие ступни. Отчаянно хотелось их погладить, ощутить под пальцами гладкую нежную кожу. Николай невольно облизнул губы.

— На что вы смотрите? — спросила Герда, оторвавшись от книги. Опустила взгляд на собственные босые ступни, недоуменно пожала плечами и спрятала их в башмаки.

Николай облегченно вздохнул.

— Ни на что. Просто задумался.

— Над моими ногами? — усмехнулась Герда.

Ух, какой же я жалкий!

— Нет, дело просто сложное попало, — покачала головой он.

— Расскажите — полегчает, — охотно предложила она.

— Не стоит. Оно слишком гнусное для твоих ушей. Скажи лучше, что ты знаешь о «чудище из лужи».

— Водяной демон? Их много. И все похожи на «чудищ».

— Может, есть какая-то легенда о местных водоемах? К примеру, о заповедном озере Цуг на южных отрогах Утгарда?

— Цуг? — Герда принялась искать что-то в потрепанной книге. — Где же я ее видела? Ах, вот! Тут говорится, что когда-то на реке, которая впадала в озеро Цуг, стояла водяная мельница. Но она пришла в упадок, потому что люди побаивались ездить в Утгард из-за демонов. Мельник обеднел. Его семья голодала. С горя он хотел утопиться в заповедном озере, но встретил на берегу никсу.

— Никсу? — вскинул бровь Николай.

— Демон с туловищем и головой прекрасной женщины и щупальцами вместо ног, — Герда показала картинку на следующей странице. Охотник кивнул. — Она пообещала помочь в обмен на его сына. От отчаяния мельник согласился. Демоны перестали нападать на едущих к мельнице людей, и дела пошли в гору. Минули года. Сын мельника вырос в статного парня, обзавелся невестой, но отец его не спешил отдавать свой долг никсе. Она затаила обиду.

Однажды вечером, когда сын мельника возвращался домой, то увидел на берегу озера прекрасную обнаженную женщину. Она сидела у воды, расчесывала длинные темные волосы белым гребнем и пела. Завороженный парень без памяти в нее влюбился. Он стал приходить каждый день, чтобы полюбоваться на нее. И даже бросил свою невесту. Несчастливая девушка поняла, что с ним что-то не так, и решила проследить, куда он ходит по ночам. И увидела, как он предается запретной любви с неизвестной женщиной. Девушка поняла, что его околдовали. В следующий раз, пока любовники были заняты друг другом, она украла гребень и сломала его. Чары развеялись. Ноги искусительницы обратились в щупальца. Сын мельника понял, что это никса, и зарубил ее топором.

— Топором? Бедную никсу, которая не дала им умереть с голода?! — притворно возмущаясь, воскликнул Николая. Впрочем, такие истории он слышал часто. Люди находили их... забавными.

Герда задумчиво повела плечами. Видно, взглянула на свою сказку с другой стороны.

— Сын мельника со своей смелой невестой вскоре сыграли свадьбу и жили долго и счастливо, — скороговоркой закончила она. — Но купаться в озере Цуг боятся до сих пор. И называют заповедным. Так вы охотитесь на никсу?

— Пока не знаю, но надо быть во всеоружии.

Николя собрался уходить, но Герда его остановила.

— Я тут подумала... — Герда запнулась и потупилась. Забавно покраснела. — Мне кажется, я нашла оружие против крысиного пастуха.

Николя заинтригованно выгнул бровь. Герда рассказала о том, как они победили Хозяйку Дикой пуши. Николая не мог сдержать раздражения каждый раз, когда она с восхищением говорила о своем коте. Знала бы она, что за коварная тварь скрывалась под безобидной личиной и манипулировала ею, ими всеми, ради своих загадочных целей.

Герда развернула тряпицу и показала кинжал:

— Он убил ведьму. Может, и против крысиного пастуха сработает?

Николя протянул руку и ощутил знакомое сопротивление. Как от собственного меча когда-то давно, в Храме Ветров на Островах Алого восхода. Вспомнились слова мудрого учителя Кадзумы: «Не трогай зачарованное оружие, пока она не покорится тебе, иначе погибнешь сам». Николая убрал руку.

— Он меня не принимает.

Герда потупилась.

— Я читала, что если положить его на ночь под подушку... — Герда начала тараторить, совсем как в детстве. Это заставило его улыбнуться.

— Ничего не выйдет.

— Но у Финиста получилось. И у меня.

Николя на мгновение задумался.

— Говоришь, кинжал принадлежал Хозяйке леса? Должно быть, она была связана со стихией земли. Как и дар Финиста — оборотничество. А ты женщина. Земля и вода всегда считались женскими стихиями. Огонь и воздух — мужскими, — Герда понурилась, едва не плача от досады. Переживала за Охоту даже больше его самого. Непривычно, приятно. И немного страшно. Николая не хотел, чтобы она участвовала в Охоте, видела гнусности или рисковала собой. Случись с ней что, он бы не вынес. — Не переживай. Думаю, у меня найдется, чем угостить строптивного бога. Прежде надо его найти. Но сейчас главное — «чудище из лужи», никса или кто там еще живет в озере Цуг.

Герда поежилась и обняла себя за плечи.

— Будьте осторожны. Никса и вас может приворожить.

— Ты же знаешь, на меня привороты не действуют.

Николя коснулся ее щеки, забывшись. Герда встала на цыпочки и приблизила свое лицо к его. Обдало запахом мяты с душицей. Опалило жаром, плавящим лед внутри.

— Чтобы никса не приворожила.

Она попыталась его поцеловать, но Охотник отгородился рукой.

— Не стоит. Я не принц из твоих сказок, — а коварный злодей из твоих кошмаров — захотелось добавить.

— Это как раз хорошо. Я ведь тоже не принцесса, — горько усмехнулась Герда, уселась в кресло и спряталась за книгу.

Николя еще немного постоял, рассеяно глядя на нее.

Нам не суждено. Мы дети врагов. Правда разведет нас по разные стороны.

Следующим утром Майли не стала валяться в постели с Финистом допоздна, боясь, что Охотник снова вломится в ее комнату. Да и от вчерашнего дела остался гадкий осадок.

Вставала Майли осторожно, стараясь не разбудить Финиста. Огненные кудри расплескались по подушке. Широкая грудь мерно вздымалась под одеялом. Черты расслабились, явив идеальное лицо. Не аристократа, не короля — бога. Заботливо укрыв его одеялом, Майли оделась, на цыпочках вышла в коридор и нос к носу столкнулась с Николя.

— Встала? — спросил он, прикрывая рот рукой, чтобы подавить зевету. Видно, тоже не выспался. — Хорошо. У нас сегодня много дел. Телегу привезут ближе к обеду. До этого надо заглянуть к мельнику и его дочери. Быть может, они тоже что-то знают.

Наскоро позавтракав, они выдвинулись в путь. У околицы их окликнул какой-то парень. Приглядевшись, Майли узнала робкого лесоруба, самого меньшего из артели. Он снял вязаную красную шапку и почтительно опустил голову.

— Я насчет Орма с Мелюзиной, — сбивчиво заговорил лесоруб, пряча глаза. — Торольв вчера не все сказал. Он не солгал, нет, просто он в артели главный. За порядком следит, чтоб работа шла и деньги в срок выплачивались. Нет у него времени на мелочи размениваться.

— А еще Орм был его лучшим другом, — проницательно добавил Николя. Лесоруб передернул плечами и потупился. — Если что-то знаешь, лучше скажи. Потому что если я покараю Дану по ложному обвинению, начнется война. Прольется много крови. Много невинной крови. И вся она будет на совести тех, кто промолчал.

Лесоруб вздрогнул и испуганно уставился на Охотника. Майли наблюдала за их разговором со смесью удивления и любопытства. Умеет же Николя людьми манипулировать. Сейчас этот простофиля все как на духу выложит! И действительно, лесоруб заговорил гораздо более стройно и искренне.

— Я немного знал Мелюзину в детстве. Она была особенной, не такой, как остальные девушки: чистой, доброй, искренней. Она мечтала, что однажды в наш порт зайдет корабль с алыми парусами, на борту которого окажется принц из далекого королевства и заберет ее отсюда в край вечного лета. Мелюзина ждала большой любви, а до наших парней ей и дела не было. Вагни поощрял ее мечты. Он относился к бюргерам с презрением и не желал

родниться ни с кем из нас. Орм его отношение бесило. Он захотел сбить с мельника спесь и поспорил с Торольвом, что соблазнит Мелюзину. Мы не верили, что у него получится. Мелюзина казалась такой недоступной. Орм долго ухаживал за ней, дарил цветы, пел песни, прохода не давал, но она даже не смотрела в его сторону. Он очень злился. А потом Мелюзина вдруг сдалась и сама пришла к Орму. По крайней мере, так он сам утверждал. А чтобы доказать свою победу Торольву, Орм привел ее на вырубку и у нас на глазах заставил делать то, о чем даже говорить стыдно.

Майли передернула плечами, представив, какой позор пришлось испытать несчастной девушке. Николая оставался все так же беспристрастен.

— Он ее изнасиловал?

Лесоруб пожал плечами.

— Мелюзина клялась, что все происходит по ее воле. Но было понятно, что Орм ее вынудил. Бедняжка очень страдала. Он мучил ее несколько месяцев, не послушав даже просьб Торольва оставить ее в покое. Потом, вроде, наигрался, отпустил. Даже за ум взялся, предложение Палантине сделал. Полгода все тихо было, а потом снова началось. Чуть больше двух недель назад. Орм такой раздражительный сделался. Ни слова ему поперек сказать нельзя было — сразу в драку лез. А последние дни вообще чернее тучи ходил. Да еще веревку с ножом везде за собой таскал. Мы уж побаивались, как бы чего не вышло. Даже следить за ним сговорились. Правда, он все равно нас обхитрил. Сделал вид, что к родителям идет, а на самом деле к мельнику побежал. Что там случилось, не знаю. Но после этого ни его, ни Мелюзину никто не видел.

Лесорубу все же удалось удивить. Николай нахмурился:

— Дочка мельника тоже пропала? Почему Вагни не сообщил?

— Гордый он. Наверняка решил, что разберется сам.

— Что ж, теперь разбираться придется мне, — Николай недовольно скривил губы. — Думаю, Мелюзина была бы благодарна, что у тебя хватило смелости сказать правду. Если это все, то ступай.

— А... мне... — замялся лесоруб.

— Никто не узнает, что ты с нами разговаривал, — оборвал несвязное бормотание Охотник.

— Я не об этом. Я... — возразил парень. — Вы думаете, Мелюзина жива?

— Я слишком мало знаю, чтобы что-то предполагать, но сделаю все возможное, если есть шанс ей помочь, — с большей приязнью ответил Николай.

Майли приветливо улыбнулась простоватому пареньку на прощание. Может, прав Охотник, и не все бюргеры такие уж ничтожные.

— А картинка-то становится все мрачнее и мрачнее, — вздохнул Николай.

Лесоруб скрылся за пригорком, а Майли с Николая направились к мельнице, которая находилась за южной окраиной города. Пешком идти пришлось не меньше получаса. К тому же Майли с трудом поспевала за размашистым шагом Охотника в своих красивых, но неудобных сапожках на каблучках, которые постоянно вязли в размокшей от распутицы почве. Тяжелым дыханием Майли напоминала себе кобылу Эглаборга. Неуклюжую и медлительную, как раскормленная свинья. Нужно было одолжить обувь у Герды. Вот уж кто всегда предпочитал удобство красоте и элегантности. Теперь впервые Майли ее понимала.

Облегчению не было предела, когда впереди показалось стройная башня мельницы из посеревшего дерева. Громадные крылья лениво ворочались на едва ощутимом ветру. Николай

поднялся на крыльцо, по традиции постоял минуту на пороге и постучал в дверь. Долго никто не отвечал, но Охотник терпеливо ждал, пока изнутри не донеслись шаги. Дверь отворилась, и на улицу выглянул высокий подтянутый мужчина среднего возраста с большими залысинами. Поверх невзрачной рабочей одежды из грубого сукна был одет белый фартук. На бледном осунувшемся лице хорошо проглядывались черные круги под глазами. Видно, он не спал несколько суток. Мельник отер об передник выпачканные в муке руки, хмурым видом показывая, что не рад гостям.

— Чего вам? У меня слишком много работы, чтобы тратить время на праздную болтовню. Убирайтесь!

Вагни попытался захлопнуть дверь перед носом Охотника, но она словно налетела на невидимую преграду и распахнулась шире.

— И что же у вас за работа в середине весны? — осведомился Николя и, бесцеремонно отодвинув мельника в сторонку, вошел внутрь. Майли поспешила следом, пока дверь не захлопнулась.

— Кто дал вам право вламываться ко мне в дом?! — опешив, закричал мельник.

Майли сжалась от его низкого командного голоса.

— Приказ бургомистра, — спокойно ответил Охотник, оббегая помещение цепким взглядом.

— Моя мельница стоит за чертой города. Бургомистр здесь не властен, — процедил сквозь зубы Вагни, враждебно сложив руки на груди.

— Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, — снова процитировал кого-то из ученых мужей Николя. Мельник нахмурился, силясь понять смысл высказывания.

Майли ухмыльнулась. Как же хорошо Николя умеет усмирять спесивых бюргеров, причем они сами, по-видимому, ничего не осознают.

Охотник подошел к одной из прибитых к стене полок, на которой между инструментов и глиняных горшков лежала большая белая раковина с частоколом длинных тонких шипов.

— Симпатичная вещица, — похвалил Николя.

— Да вот, нашел после шторма на берегу, — ответил Вагни, почесывая затылок.

— Не уступите ее мне? Могу хорошо заплатить. Хочу сделать подарок невесте на Бельтайн. Она тоже любит диковинные раковины, — предложил Николя.

Майли приоткрыла рот от удивления. Это он о Герде? Ну да, кому еще, кроме этой дурехи, нравятся такие безделицы? И все равно завидно. Финист ни разу Майли ничего не дарил. Она даже сомневалась, что он знает хоть что-нибудь о ее предпочтениях.

— Она не продается! — заволновался мельник, закрывая раковину собой.

— Даже за сто монет? — упорствовал Николя.

— Даже за все золото Мидгарда, — Вагни снял раковину с полки и спрятал себе за пазуху.

— Какая дорогая раковина! — хмыкнул Охотник.

— Надеюсь, вы потревожили меня не из-за этого? — подозрительно спросил Вагни.

— Кто знает, — добродушно улыбнулся Николя. — Мы хотели поговорить с вашей дочерью. Где она?

— Уехала к матери.

— Я думал, вы вдовец, — нахмурился Николя и кивнул Майли.

Поняв его без слов, она достала из-за пазухи амулет и начала его раскачивать. На давно умерших можно было гадать без вещей и даже без имени. Янтарь лег пентаграммой вниз.

— Мертва, — едва слышно прошептала Майли на самое ухо Охотнику.

Мельник шумно закашлялся, показывая, что ему не нравится, когда сговариваются прямо у него в доме.

— Думаете, что я убил демонова лесоруба? — спросил он, устав от намеков. — За выкупом пришли? Так это я выкуп требовать должен. Этот выродок убил мою дочь!

Вагни закрыл лицо руками.

— Так Мелюзина мертва? Когда это случилось? Вы видели ее тело? — завалил его вопросами Николая. Майли это показалось жестоким.

— Пять дней назад. Нет. Я... — с трудом борясь со всхлипываниями, говорил мельник.

Николя усадил его на лавку. Взяв со стола деревянную кружку, Охотник плеснул туда напитка из собственной фляги, вручил мельнику и устроился на табурете напротив.

— Расскажите все по порядку, — попросил Николая, не отрывая от Вагни взгляда.

Мельник одним глотком опустошил полкружки и громко закашлялся. Но, по крайней мере, немного пришел в себя и заговорил ровным голосом:

— Этот ублюдок изнасиловал ее. Я не знаю, как это вышло. Ничего не замечал, пока Мелюзина не сказала мне, что ждет ребенка. Хотела сохранить все в тайне. Я предлагал ей избавиться от него, уехать или хотя бы сказать мне, кто отец, чтобы я смог призвать его к ответу. Но она от всего отказывалась, плакала и молила меня ничего не предпринимать. А потом я заметил, как выродок-лесоруб следит за ней, и все понял. Я попытался его утихомирить, но он начал угрожать мне и дочери. Я ничего, совсем ничегошеньки не смог сделать.

Вагни глухо разрыдался.

— Почему вы не обратились к бургомистру или ко мне? Мы смогли бы вас защитить, — укорил его Николая.

Мельник опорожнил кружку залпом.

— Мы же не бюргеры — изгой. Мельник, который якшается с демонами, и его чудаковатая дочь. Поверили бы ему, этому ублюдку, а нас бы побили камнями за «клевету». И ни вы, ни ваш хваленый бургомистр ничего не смогли бы сделать. Вы даже сейчас город не контролируете. Того и гляди, как нас на задворки выкинут.

У Николая нервно дернулось левое веко. Он сам хорошенько приложился к фляге. Злился. Майли хохотнула себе в кулак. Все-таки есть у него с Финистом нечто общее.

— Ладно, к чему сейчас разговоры о том, что могло бы быть, — собравшись с мыслями, сказал он. — Лучше расскажите, что произошло пять дней назад.

Мельник с досадой глянул на пустое дно кружки, но все же заговорил:

— Мелюзина была уже на сносях. Утром ей сделалось дурно, и я отлучился к повитухе за травами. А когда вернулся, здесь был только лесоруб. Он сидел на земле, привалившись к моему забору и с сумасшедшим взглядом бормотал какую-то околесицу.

— Про «чудище из лужи»? — поинтересовался Николая.

Вагни передернул плечами.

— Совсем умом тронулся. Здесь даже луж нет. Весеннее солнце все высушило. Я прогнал его, опасаясь, что своими криками он напугает Мелюзину. Но когда вошел в дом, ее уже не было. На полу осталась кровь, вещи поломаны и разбросаны. Весь день и всю ночь я рыскал по округе, но не нашел и следа своей дочери.

Вагни в голос разрыдался. Николая не стал его успокаивать, слишком занятый размышлениями. Майли было так скучно наблюдать за ними, что она не знала, куда себя

дочь.

— Может, поищем тело еще раз? — робко предложила она.

Мельник и Николая одновременно подняли на нее глаза. В воспаленном взгляде первого отражалась усталая безнадежность. Второй хмурился, явно оценивая возможности своей ученицы.

— Думаю, для начала следует узнать, точно ли она мертва, — ответил Охотник.

Мельник ушел за вещами дочери. Майли пододвинулась поближе к Николаю и зашептала ему на ухо:

— Снова на всякий случай сказать, что девушка жива?

— Нет, скажи правду. Вагни кажется разумным человеком. Думаю, ему хватит мужества принять правду.

Мельник принес серое платье из грубого сукна, по виду которого Майли поняла, почему его дочку в городе называли дурнушкой. И тряпичную куклу, очень аккуратную, но дряхлую из-за старости. Интересно, почему все родители так бережно хранят игрушки своих давно выросших детей?

Майли взяла вещи в руку, а второй вынула кулон и потрясла им. Через мгновение янтарь внутри лег пентаграммой вверх.

— Жива! — радостно воскликнула Майли.

— Не стоит со мной так шутить! — насупился Вагни. — Я вытирал здесь кровь собственными руками.

— Может, у Мелюзины начались роды. Мы найдем ее, если вы все нам расскажете.

Мельник раздраженно прищурился и бескомпромиссно отрезал:

— Мне нечего добавить.

Николай скривился:

— Нечего, так нечего. Не будем больше тратить время, ни ваше, ни наше.

Встал и пошел к выходу. Майли побежала следом, боясь остаться с угрюмым Вагни наедине.

— Думаете, мельник лгал? — спросила она уже на улице, с трудом поспевая за размашистым шагом Охотника. — Это он убил лесоруба?

— Сомневаюсь, — задумчиво протянул Николай. — Убийцу обычно глаза выдают, особенно если преступление свежее. А мельник неподдельно за дочь беспокоится. Просто недоговаривает. И от обиденных вещей дергаться начинает. Подозрительно.

Майли пожала плечами.

— Скорее мерзко. Почему этот Орм так гнусно поступил с Мелюзиной и ее отцом? Зачем хотел убить собственное дитя? Никто его даже жениться не заставлял.

— От безнаказанности, — после долгой паузы заговорил Николай. — Почувствовал свою силу, уверился, что ему все сойдет с рук. А нежеланный ребенок... да еще от нелюбимой женщины, плод недобровольного союза — он как бельмо на глазу. Раздражает и не дает покоя. Напоминает о сотворенном злодействе и пробуждает совесть.

К тому же парня в городе любили, а тут такой позор. Прямое доказательство его лицемерия. От него отвернулись бы и родители, и невеста, и друзья. Поэтому Орм струхнул. Дальше все снежным комом покатилося. Вначале он наверняка воспользовался старым способом, чтобы принудить Мелюзину от ребенка избавиться. Не получилось. Орм перешел к угрозам. Когда не подействовали и они, решился на убийство. Дождался, когда мельник уйдет из дома, и напал.

Охотник замолчал, переводя дух. Майли нетерпеливо смотрела на него:

— А дальше что было?

— А дальше остается только гадать. Раз Мелюзины нет среди мертвых, то кто-то Орму явно помешал. Забрал девушку и напугал лесоруба.

— «Чудище из лужи»?

— Да. Вполне вероятно, что именно оно и есть наш убийца. Только ума не приложу, зачем ему это понадобилось.

Майли не представляла, что это за существо, а уж его мотивы и подавно не волновали. Мучило совершенно другое:

— Все равно не понимаю, зачем Орму понадобилось принуждать нелюбимую женщину к близости и рисковать честью из-за этого. Ведь у него все было: и семья, и ремесло, и даже невеста.

— Которую он тоже, скорее всего, не любил, — продолжил ее рассуждения Николая, а потом невесело усмехнулся. — Близость и жажда острых ощущений для мужчин сродни потребности в пище или сне. Заставляет чувствовать вкус жизни, притупляет боль от одиночества, отвлекает от повседневной рутины. А с нелюбимой всегда проще. Нет страха ошибиться или обидеть, не надо завоевывать интерес и потом мучительно его удерживать, не надо думать о будущем, о глупых обстоятельствах и условностях, что неизбежно встанут между вами. В таких отношениях нет душевной боли, что во стократ сильнее телесной. Если ты не отдаешь никому свое сердце, то его вряд ли разобьют.

Майли закрыла лицо руками и громко всхлипнула. Николай остановился и озадаченно глянул на нее:

— Что с тобой?

— Финист... он ведь так же ко мне относится. Как к игрушке, которая удовлетворяет его потребности, но стоит Герде его поманить, как он забывает обо мне. А если я забеременею? Вдруг он как Орм принудит меня избавиться от ребенка или даже...

Охотник ошалело вскинул брови:

— Я, конечно, не лучшего мнения о Финисте, но вряд ли он способен на такую низость. Тем более у тебя есть друзья, которые не бросят в беде.

— Вы бы, правда, за меня заступились? — Майли с восхищением разглядывала его внушительную фигуру.

— Конечно. Но лучше сама не позволяй пользоваться собой.

— Я... — Майли внутренне сжалась. Она не представляла, как отказать Финисту, когда он смотрит на нее голодным взглядом похотливого фавна.

— Имей хоть каплю гордости. Если ты себя не уважаешь, то и он не станет.

Майли совсем понурилась. До дома добрались молча. Пока Майли доедала обед, Николай успел принять у мастеровых новую телегу и впрячь в нее толстую кобылу целителя. Майли устроилась на обтянутых плотной материей козлах рядом с Николаем. Он направил лошадь к видневшимся вдали горным отрогам. Ехать пришлось долго, потому что широкая дорога, по которой могла пройти телега, петляла вдоль лесов, ущелий и скал. До хижины лесоруба добрались уже за полдень. Майли успела отбить себе бока. Тряску на каменистой дороге не смогло смягчить даже удобно сработанное сиденье. На этот раз она хотя бы додумалась одолжить у Герды теплую одежду и удобные башмаки. Удивительно, но размеры у них оказались одинаковые, хотя внешне Герда выглядела более тощей и тонкокостной. Может, это из-за светлых волос?

Одиноким деревянный домик с покатою травяной крышей располагался посреди живописного кедрового леса, густым частоколом обрамлявшего суровые северные предгорья. Покосившаяся дверь раскачивалась на ветру, противно скрипела и громко хлопала об притвор.

Николя вошел внутрь первым и, убедившись, что опасности нет, поманил за собой Майли. Как и говорил Торольв, по дому словно ураган прошелся: у стульев оторваны ножки, стол покосился и треснул, кровать прогнулась до самого пола и наверняка тоже треснула под матрацем. Сквозняк гонял по углам перья из разодранной в клочья подушки и лоскуты ткани. На полу и стенах виднелись тонкие длинные царапины. Николя приложил руку к одной из них:

— Это не от когтей, а от человеческих ногтей осталось. Но как же надо было постараться, чтобы такое сделать?

Майли поежилась, наблюдая, как Охотник подбирает с пола сломанные и порванные вещи и внимательно их изучает.

— Можно я выйду? — взмолилась она, прикрывая рот рукой. — Здесь пахнет отхожим местом. Мне дурно!

— Потерпи немного, — продолжая поиски, ответил Николя. — На улице может быть опасно.

Майли зажала нос пальцами, боясь настаивать. Сейчас она бы все отдала, чтобы вернуться к унылым занятиям вместе с Финистом. Они хотя бы не такие жуткие и мерзкие!

Подойдя к кровати, Николя обнаружил на матраце остатки засохшей белесой слизи и, отрезав ножом лоскут, поднес к глазам.

— Дрянь! — поморщился он и, завернув лоскут в платок, спрятал за пазуху. — Так я и думал. Все, можем уходить.

Майли рванулась к двери, но Охотник вдруг замешкался, услышав, как под ногой скрипнула половица.

— погоди!

Он несколько раз прошелся туда-сюда, проверяя, какая именно доска издает звук, и, сев на корточки, подцепил ее ножом. Половица легко вынулась, открыв неплохой тайничок для денег и ценностей. Николя достал оттуда большую белую раковину с длинными шипами. Точь-в-точь как ту, которую отказался продавать Вагни. Охотник присвистнул и почесал затылок. Майли негодуя уставилась на него. Нашел подарочек для своей ненаглядной простушки? Но Майли не обязана терпеть такие мучения только ради этого!

— Идемте, я больше не могу-у-у! — взвыла она и выскочила на улицу.

Охотник взял раковину подмышку и поспешил следом. Уже на улице у телеги с задумчивым видом спросил:

— Похоже на гребень?

И провел по своим волосам. Майли удивленно моргнула:

— Только если нет денег на что-нибудь более подходящее.

Охотник кивнул и спрятал раковину в соломе, которой было застелено дно телеги. Они немного побродили по двору в поисках следов, но ничего не нашли, кроме едва заметной тропы, которая вела к большому горному озеру с кристально чистой водой. Похоже, это и было заповедное озеро Цуг. Николя решил, что тело спрятано где-то тут.

Лесная тропа оказалось для телеги слишком узкой и пришлось еще с полчаса трястись по объездной дороге. Остановились на высоком обрывистом берегу.

— Самое время взять след. — Николая вынул из-за пазухи лоскут и протянул Майли. — Это должно помочь.

Майли брезгливо отодвинулась.

— Я не стану трогать эту дрянь! Ни за что!

Николя поморщился и покачал головой.

— Как же тяжело порой с избалованными дочками аристократов, — разочарованно пробормотал он, спрыгнул с козел, сбросил с плеч плащ и снял рубашку.

— Что вы делаете? — переполошилась Майли. Ведь было не так жарко.

— Собираюсь искать тело сам, раз ты помогать отказываешься. Посмотрим, насколько хватит моего запаса прочности, — сказал он, с отрешенным видом стаскивая сапоги.

Майли нервно кусала губы, не в силах отвести взгляд от подтянутого, играющего мускулами тела. До чего хорошо сложен! Пожалуй, даже лучше Финиста. Теперь понятно, на что Герда так запала. Жаль, если такая красота пропадет из-за разборок бюргеров!

— Ну, ладно-ладно! — сдалась Майли. — Давайте ваш лоскут.

Николя обаятельно улыбнулся и, вручив ей грязную тряпку, плотно запахнулся в плащ. Замерз. Явно представление затеял, чтобы принудить ее мертвеца искать. И умеет же, гад, людьми манипулировать!

Майли повертела лоскут в руках, пристально изучая. В голову закралась тошнотворная догадка, в какой именно пакости он перемазан, но Майли предпочла загнать эту мысль подальше. Иначе бы точно вытошнило.

— Может, стоило взять игрушку? — попыталась отступить в последний момент, но Николая отрицательно покачал головой.

Майли зажала лоскут в левой руке, а правой вытянула кулон и принялась раскачивать его, сосредотачиваясь на желтовато-коричневом камне внутри. Закрыла глаза. Перед мысленным взором с трудом, будто нехотя из янтаря прорастал золотистый ус. Он вел сквозь озерную гладь на дно глубокого омута, где покоилось безжизненное тело.

— Там, — Майли указала в центр заповедного озера.

Николя кивнул. Они спустились по крутому берегу к мосткам, у которых была привязана маленькая плоскодонка.

— Думаю, хозяин одолжит нам ее на время, — сказал Охотник, развязывая узел на веревке.

Майли залезла внутрь, опасливо переступая по качающемуся днищу. Вдруг хлипкая не просмоленная посуда даст течь? Плавать Майли не умеет. Может, стоит предупредить Николая? Но он уже сам запрыгнул внутрь и оттолкнул лодку от мостков рукой. Как он собирается управляться на воде без весел?

Николя устроился у кормы и окунул ладонь в воду. Пошли пузыри, и лодка быстро помчалась по плоской, как зеркало, озерной глади.

— Здесь! — крикнула Майли, когда ус от янтаря ушел вертикально вниз.

Николя вынул руку из воды, и лодка послушно замерла. Охотник скинул с себя плащ и сапоги, а следом и штаны, оставшись в одном исподнем.

— Что вы делаете? — переполошилась Майли.

— Нужно его достать, — бросил Николая и нырнул в воду.

Легко, как чайка. Даже лодку не раскачал.

— Стойте, я боюсь! — поздно спохватилась Майли.

Ждать в давящей на уши тишине пришлось долго. Вдруг Николая утонул, и Майли

придется сидеть посреди озера до окончания времен. Или пока она сама не утонет, или сойдет с ума, или умрет от голода. Так стало себя жалко!

— Кинь мне веревку, — позвал Николая откуда-то сбоку.

Майли вздрогнула и выглянула за борт. Охотник придерживался рукой за край лодки.

— Глубоко, аж уши в трубочку сворачиваются. И вода ледяная. Видно, кто-то специально здесь тело спрятал, чтобы наверняка не нашли, — делился он своими догадками, пока Майли дрожащими руками подавала ему веревку.

Вода вокруг Охотника вспенилась. Лодка закачалась, и он снова камнем ушел на дно. Интересно, как ему удастся держаться под водой так долго? Снова телекинез использует? Порой кажется, что его дар всемогущ. Люди не должны обладать такой силой. Иначе они слишком похожи на... на богов? Майли отругала себя за святотатственные мысли и принялось терпеливо ждать.

Прошло в два раза больше времени, но Николая все-таки вынырнул, бледный, покрытый пупырышками. Фиолетовые губы едва заметно подрагивали. Он забрался в лодку и привязал к корме веревку, на другом конце которой болтался утопленник. Майли изо всех сил старалась не смотреть на него. Николая выкручивал волосы и натягивал на себя сухую одежду, пытаясь согреться. Откупорил флягу и, опустошив ее до дна, потряс, с жадностью заглатывая последние капли.

— Ненавижу холод, — пояснил он, когда щеки слегка порозовели, а зубы перестали отбивать ритм чечетки. — Надеюсь, к водяным больше лезть не понадобится.

Николя снова устроился на корме и погнал лодку к берегу. Как только причалили, Охотник помог Майли выбраться на мостки и принялся вытягивать из воды огрузневшее тело. Пришлось волочь его на себе на крутой берег к телеге. Тяжело пыхтя, Николая взвалил труп на солому лицом вверх и принялся осматривать. Майли, не сдержав любопытства, выглянула из-за плеча Охотника. Мертвец был абсолютно нагой, разбухший, покрытый сморщенной восковой кожей. Уродство!

— Уф! Сомневаюсь, что он захлебнулся, — мрачно заключил Николая.

Майли скосила взгляд. Внизу живота расплылось большое бурое пятно, а между ног осталось лишь месиво из стертой плоти. Майли вскрикнула и зажмурилась.

— Это рыбы сделали? — спросила она.

— Нет там никаких рыб. Поэтому озеро и называется заповедным, — вздохнул Охотник и чем-то зашелестел. — Можешь открыть глаза. Будем пробовать вызвать дух. Он еще не упокоился и витает где-то рядом. К тому же явно жаждет мести — должен сотрудничать.

Майли недоверчиво приоткрыла один глаз. Николая накрыл тело холстиной, оставив видной лишь голову. Уже чертил на земле сигил призыва — невероятно сложный знак, который должен был помочь с временным возвращением духа в тело. Охотник заставил ее раз сто его скопировать, чтобы точно запомнить каждый штрих. Большой круг, в нем человек в полный рост с вытянутыми в стороны руками и ногами. В пустых секторах обозначения четырех стихий. Внизу между ногами знак смерти — перевернутый анк. Птица над головой — символ души. Медиумы прошлого придумали множество ритуалов, чтобы облегчить общение с мертвыми. Именно с них Охотник и начал обучать Майли. Приходилось зазубривать сотни сложных формул, причудливых схем и рецептов тошнотворных зелий, а также прочесть гору книг. Дар все еще пугал и отталкивал, но хотя бы что-то приобрело ясность.

Николя закончил сигил и уложил обернутое в холст тело в центр.

— В следующий раз рисовать будешь сама, — предупредил он, стряхивая с рук пыль. — А потом, надеюсь, научишься обходиться без вспомогательных средств.

Охотник подал Майли длинный ольховый посох, который сделал для этого ритуала. Она повязала наверх свой кулон, зажгла припасенную свечу и поставила ее возле головы мертвеца. Замерла. Николая протянул ей свой нож, но она отшатнулась, не в силах сделать то, что он хотел.

Охотник тяжело вздохнул и, опустившись на колени, вырезал на лбу у покойника пентаграмму.

— Действуй. Больше я ничем помочь не смогу, — в голосе Николая сквозили разочарование и упрек.

Неприятно. Майли подошла к телу, воздела посох... и от волнения забыла слова. Николая прикрыл лицо ладонью. Майли полезла в карман за скомканным листом с формулой вызова, долго ее разворачивала и перечитывала. Николая нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Светом и тьмой заклинаю, духа с той стороны призываю, в тело вселись, к нам воротись! — произнесла она и ударила посохом в пентаграмму на лбу. По руке словно искра прошла, оставляя в жилах огненную дорожку, запалила янтарь желтым светом. Он пронзил посох и зажег звезду на коже покойника.

Майли с замиранием сердца глянула на покойника. Ничего не происходило. Она разочарованно выдохнула и перевела взгляд на Охотника. Тот подбадривающе подмигнул и пихнул мертвеца носком сапога. Покойник дернулся и со сдавленным всхлипом забормотал:

— Не надо! Остановись! Мне больно! Я больше не хочу!

— Предсмертные слова, — пояснил Николая.

Покойник замолчал и разлепил веки. Из-под них х уставилась пара бледных мертвецких глаз:

— Вы пришли отомстить за меня? — гнусаво прохрипел он. Майли показалось, что в его безжизненном голосе мелькнула робкая тень надежды.

— Да, — задумчиво кивнул Николая. — Расскажи, что произошло.

— Оно пришло в полночь. Притворилось прекрасной девушкой. Сказало, что заблудилось в лесу и попросилось на ночлег. На меня словно морок навели. Знал же, что ночью в Утгарде только демоны рыщут. Знал, что оно обещало вернуться за мной. И все равно не удержался.пустил. Оно рубашку прямо на пороге сбросило и принялось соблазнять. О, как же оно было красиво! Что оно только ни вытворяло! Никого я так не желал. Оно ездило на мне до самого рассвета. Исушило досуха. Я опомнился, только когда остался совсем без сил. Взмолился о пощаде, но оно не слушало, продолжая терзать мою плоть, пока сердце не лопнуло от натуги.

Майли слушала его вполуха, сжимаясь от ужаса. Да, парень был подлецом, но такая смерть — слишком жестоко.

— Мда, чувство юмора у этого демона своеобразное, — Николая, наоборот, рассказ не впечатлил. Даже жалости особой Охотник не выказывал.

— Так вы отомстите? — с надеждой спросил утопленник.

— Если ты расскажешь нам все, — Охотник выделил интонацией последнее слово. — Что это за «чудище из лужи» и почему обещало за тобой вернуться?

— Не знаю я, ничего не знаю, — заскулил покойник.

— А мне сдается, что знаешь, — настаивал Николая. — Пойми, это в твоих же интересах. Нет убийцы — нет и мести.

Мертвец недовольно заскрежетал зубами, но все же заговорил:

— Оно явилось, когда я на мельницу к потаскушке ходил. Сколько раз просил ее от ублюдка избавиться, а она ни в какую. Как только ни принуждал, даже угрожать пытался, а она все заладила, мое дитя — никто меня его погубить не заставит. Такая же глупая, как папаша ее. Рожать ей, видите ли, захотелось. А что обо мне в городе скажут, как все вскрыется, она подумала?! Вот я и решил умыкнуть ее и сюда привезти, а когда родит, утопить приплод в озере, как котят топлю каждые полгода. Так она ж, дура, кричать стала, сопротивляться. На сносях-то. Видно, что-то себе повредила. Вначале вода по ногам полилась, мутная такая, слизкая, а следом кровь рекой. Упала без чувств. Мне так страшно сделалось. Коль умрет девка, так на меня ж всех собак навешают. А мельник вообще выкуп потребовать может за дочку-то за свою.

Я и рванул оттуда со всех ног, только на луже перед домом поскользнулся. Странная такая лужа. Не было ее до этого, точно помню. Поднимаюсь, гляжу, а из воды чудище вылезает. Сверху на бабищу грудастую похоже, а снизу зеленые осьминожки щупальца торчат. Я от страха прям обомлел, а оно как схватит меня за грудки и давай трясти. «Это ты, — кричит, — мое чадо обидел? Не будет тебе за это прощенья. Ночью приду, тогда и посмотрим, долгонько ль ты любиться сумеешь». И помчалось в дом за мельниковой дочкой, затащило ее в лужу и исчезло.

А я так и остался на земле сидеть. Все никак в себя прийти не мог. Потом мельник прибежал. Чуть душу не вытряс. На силу от него вырвался. Потом еще эта дура Палантина к мне привязалась со своей помощью. Из-за них только к вечеру домой удалось поспеть. По темноте ведь не сбежишь — чего доброго в ущелье свалиться можно, или к демону какому на зуб попасть. Ну вот я и попал. Так вы отомстите? Убьете эту гадину из лужи?

Николя дернул головой, изо всех сил пытаюсь сохранить хотя бы вид беспристрастности, но Майли понимала, что внутренне он хочет убить этого подлеца еще, наверное, раз двадцать.

— Я всем воздам по справедливости, — выдавил из себя Охотник. — Но ты не все сказал. Как тебе удалось принудить Мелюзину к близости?

— Ни к чему я ее не принуждал. По своей воле пришла! — попытался отговориться покойник, но Николя продолжал упорствовать.

— Говори, иначе я убийцу искать не стану.

— Хорошо, — согласился утопленник, явно уверенный, что справедливость все равно окажется на его стороне. — Прошлым летом я с Торольвом поспорил, что смогу соблазнить эту недотрогу. И так, и эдак пробовал подобраться, а ей и дела ни до чего не было, кроме бабьих сказок о принцах. Уже и сам пытался в принца переодеться, даже песни под окном пел, а она все равно отшила. Я уже совсем отчаялся. Начал деньги копить, чтобы Торольву проспоренное отдать. Но тут случайно подглядел, как она сидела у моря, где мельникова жена утопилась, и волосы свои белой раковиной расчесывала. Потом будто бы позвали ее из воды. Она скинула свое унылое платье, да такой красавицей оказалось, что нельзя было взгляд отвести. Такие прелести под убогой одеждой скрывала! Когда она нырнула в воду, я раковину себе забрал. Она как из воды выскочила, взмолилась, чтобы я раковину вернул. Обещала любое желание выполнить. Я и пожелал. Она каждую ночь приходила. Все, что я ни загадывал, делала. Такое, на что ни одна другая женщина бы не согласилась. Даже к ребятам из артели водил ее — они верить отказывались, пока своими глазами не увидели, как она меня ублажает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Николя закашлялся, ослабляя ворот рубахи:

— И она не пыталась сопротивляться?

— Ни разу. Должно быть, ей нравилось.

— Ну да, а раковину ты так ей и не вернул? — скептически хмыкнул Николя, но покойник иронии не заметил.

— Все случая не было. А потом родители за меня Палантину посватали. Уж и свадьбу назначили. Надо было с разгульной жизнью кончать. Вот я и сказал мельниковой дочке, чтобы больше не приходила.

— Но раковину не отдал?

— Заладили вы с этой раковиной! Нет, не отдал, иначе кто бы смог поручиться, что потаскуха бы не ославила меня на всю округу? Знаю я этих баб! Еще представила бы все, будто я ее насильничал. А так молчала. Делала, что говорю. Пока про ребенка не узнала. А там ее будто подменили. Сразу из послушной мышки в мегеру превратилась. Еще батю своего натравила. Предательское бабье племя!

— Мастер Николя, я больше не могу! — взмолилась Майли. По горлу уже тянулся кислый привкус дурноты. Малейшее шевеление могло разорвать желтую нить, связывающую янтарь с покойником. Но она же вытягивала из Майли все силы.

— Потерпи, последний вопрос, — попросил Николя и снова обратился к утопленнику: — Скажи, у тебя ни разу не возникало чувство, что ты делаешь что-то предосудительное?

— А что такого-то? Она ведь сама пришла. Сама! — остервенело оправдывался покойник. — Вы ведь отомстите? Отомстите! Вы должны! Я ведь человек!

Николя махнул Майли рукой, и та спешно разорвала нить. Покойник обмяк, потеряв связь с душой. Майли приложила руку к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

— Хорошо, а теперь разрушь сигил и упокой душу, — устало отдавал распоряжения Николя.

— Не могу. Я без сил! — чуть не плача, ответила Майли, с трудом справляясь с дыханием.

— Прости, но это я за тебя сделать не смогу, — настаивал Николя, не восприняв всерьез ее истерику. — Если не упокоишь его сейчас, он привяжется, и избавиться от него будет намного сложнее.

Майли собрала остатки воли в кулак, подняла посох и принялась вытирать символы внутри сигила: вначале стихийные, потом смерть, и, наконец, душу. Надо было произнести еще одну формулу, но Майли снова забыла слова и полезла в карман за подсказкой.

Николя безнадежно покачал головой:

— Ты должна относиться к учебе серьезней и посвящать ей больше времени. Кто знает, как жизнь повернется? Когда-нибудь ни Финиста, ни меня рядом не окажется. Только твой дар будет с тобой всегда. Он сможет тебя защитить, но для этого ты должна полностью им овладеть. Иначе из друга он превратится во врага. Ты же прекрасно это знаешь.

Майли повела плечами. Обидно. Он что ее совсем за дурочку держит? Да, наверное, так и есть. Даже Герда не стала бы так ныть и жаловаться. Майли развернула лист с формулой и зачитала, четко проговаривая каждое слово:

— Дух неупокоенный, странник стороны, вернись к себе, отчаянный, оковы разорви, — Майли второй раз ударила посохом в звезду на лбу покойника и принялась стирать остальную часть сигила, не переставая читать формулу: — Пройди путями тайными, обряды

соверши, от скверны отмищения свой Атман отдели. Ступай в чертоги времени и круг свой заверши...

Николя вскинул руку, приказывая остановиться. Тело покойника содрогнулось и издало утробный звук. Из рта вырвался столб желтого света и ударил в ставшее пасмурным небо.

— И в образе младенца обратно поспеши, — выдохнула Майли последнюю фразу.

— Не следовало открывать ему путь обратно, но... — Николя тяжело вздохнул. — В конце концов, кто мы такие, чтобы судить мертвых. Тут хотя бы с живыми разобраться.

Майли без сил распласталась на земле. Николя поднял покойника и отнес обратно в телегу, а потом вернулся.

— Выносливости у тебя еще меньше, чем у Герды, — заметил он, помогая подняться. — Сними обувь. Надо босыми ногами по земле походить — так быстрее восстановишься.

Майли нехотя послушалась: стянула сапоги и несмело поставила босые ступни на землю. Она была непривычно холодной и жестокой настолько, что каждый шаг причинял боль, особенно если под ноги подворачивались мелкие камушки. Через несколько минут мучений Майли решила надеть обувь обратно.

— Потерпи, — остановил ее Николя, сочувственно улыбаясь. — Надо просто привыкнуть, и станет легче.

Он снял собственные сапоги и, размяв пальцы на ногах, бодро пошел вдоль берега озера. Майли пришлось торопиться следом. Слишком боялась оставаться здесь одной, особенно после рассказа покойника.

— Не пора ли нам возвращаться? — спросила она, с трудом нагнав Охотника. — Иначе мы не успеем до темноты.

— Поэтому мы и не спешим, — усмехнулся Николя. — Не хочу, чтобы упсальцы видели тело в таком состоянии. Иначе они потребуют от меня поспешных действий, на которые я пойти не могу.

— Не уверены, что «чудище из лужи» заслужило наказание? — Майли его в этом поддерживала.

— По законам Стражей преступление против будущей матери и собственного ребенка считалось самым тяжким грехом. За это человека голым привязывали к столбу и оставляли медленно умирать от палящего зноя или холодного ветра. А с падением ордена люди, кажется, забыли, что хорошо, а что плохо.

— Знаете, а ведь у единоверцев материнство тоже считается священным. Человеку, взявшему на душу такой грех, уже никогда не заслужить прощение перед лицом Единого, — задумчиво сказала Майли. Она все время искала и не находила, что в ее вере было такого ужасного, из-за чего ее новые друзья так недолюбливают всех ее приверженцев.

— Это от того, что единоверцы во многом переняли Кодекс Стражей и продолжили исполнять основные положения, поменяв лишь имена некоторых вещей, чтобы в глазах людей их вера казалась более истинной.

— Вы хотите сказать, что они — воры? — возмутилась Майли.

— Чтобы управлять людьми, нужно создать ядро, которое не позволило бы обществу потонуть в анархии. Вера со своими строгими догматами и есть это ядро. Стражи ее утратили, а следом потеряли и власть, став в глазах людей тем самым злом, с которым Стражи сами сражались. Возможно, когда-нибудь Голубые Капюшоны совершат ту же ошибку, и тогда сжигать будут уже их. Это извечные законы бытия, суть которых должна оставаться неизменной, чтобы не наступил конец света. А имя лишь пустой звук, даже эхом

не отдающийся в вечности.

— Вы сейчас говорите прямо как наш священник из монастыря, — тепло улыбнулась Майли, впервые за долгое время чувствуя себя легко и непринужденно. Как будто снова вернулась домой, где все просто и понятно. И даже перестала замечать впивающиеся в ноги камни и промозглость выхоложенной за зиму земли. Мучительное ощущение пустоты внутри приглушалось и пропадало.

— Это еще раз доказывает, что между нами и единоверцами нет такой уж большой разницы, — усмехнулся Николая, как Майли показалось, с горьковатым привкусом.

— Ничего не слышишь? — насторожился Охотник.

Майли покачала головой, во все глаза глядя на него. Николая ускорил шаг. Она едва поспевала следом, снова напоминая себе коротконогую толстуху-кобылу, изо всех сил старающуюся угнаться за быстрым вороным жеребцом. Они прошли вдоль берега озера к убегающей в лес речке с петляющим в камнях руслом. Она упиралась в крохотный водопад, который спускался со скалы узким каскадом. На подходе к нему Майли тоже услышала. Невероятно печальную и вместе с тем чарующую мелодию одинокой скрипки. Для кого искусный музыкант играет посреди Утгардской глуши, куда заходить смеют лишь демоны?

Николая замер возле густых кустов можжевельника и приложил палец к губам. Майли выглянула в просвет и приглушенно ахнула. Наверху на камнях у водопада сидел невысокий стройный юноша со струящимися темными волосами. Он самозабвенно играл на скрипке. Из одежды на нем был лишь пышный венок из белых водяных лилий.

Вроде, не опасен. Николая выступил вперед. Майли поспешила следом. Услышав шевеление, парень широко распахнул черные без белков и радужки глаза и недобро покосился на пришельцев, не прекращая играть. Вблизи стало заметно, как на его шее из-под волос выглядывают жабры, а уши заканчиваются тонкими раздвоенными рожками. «Демон!» — запоздало спохватилась Майли и от испуга вскрикнула. Смычок сорвался. Скрипка издала неприятный скрежещущий звук.

— Ну вот, теперь все сначала придется начинать, — недовольно сощурился парень и сложил скрипку себе на колени. — Зачем пожаловал, Охотник? Неужто музыке моей поучиться хочешь?

— Это вряд ли. Времени и так ни на что не хватает. Да и желания тоже. К тому же, ты ответную услугу потребуешь, так ведь, нёкк?

— Всего-то обещание оставить меня и моих близких в покое, — хмуро ответил тот.

— Близких? Я думал, нёкки — отшельники. Ты ведь колыбельную только что играл? — напрягся Николая.

— Да что ты вообще знаешь, кроме того, что нашептывает ведьма из-под холмов и морской колдун-перебежчик? — пренебрежительно скривился нёкк, но тут же взмыл в воздух и рухнул к ногам Охотника, корчась, словно удавка сжималась вокруг его горла.

— Ну так расскажи, чего я не знаю, — сказал Николая так, что у Майли все внутри похолодело. Ух, не стоило демону повышать голос, а тем более дерзить!

Демон трепыхался, грозно шипя и посверкивая глазами на Охотника.

— Говори, где искать ту тварь, которая натравила на город крыс, — угрожающе сверкнул глазами Николая. Невидимая петля отпустила горло нёкка, но он все также не мог подняться, словно на него давил сам воздух.

— Ничего не видел, — демон прикрыл глаза гибкими музыкальными кистями, — ничего не слышал, — руки переползли на уши, — никому ничего не скажу, — шаловливо

хихикнув, положил ладони на рот. Но мрачный взгляд Охотника заставил демона посерьезнеть: — Откуда мне знать? Он из ваших, из небесных. Мы таких не чуем.

— Хорошо, — заключил Николая после небольшой паузы. Видимо, размышлял, насколько правдоподобно прозвучали слова нёкка. — Тогда расскажи про никсу из озера Цуг. Она одна из твоих близких?

Демон болезненно поморщился, отчего его черты стали похожи на рыбы.

— Знать не знаю никаких нис. Пусти, иначе я пожалуюсь холмовой ведьме. Посмотрим тогда, кому она благоволит больше.

— Мне, — с уверенностью произнес Охотник. — Никса убила лесоруба и затащила его на середину озера, а до этого ездила на нем всю ночь. Бюргерам это сильно не понравится, а обвинят они во всем Дану, которые живут по соседству с городом. Вряд ли Эйтайни придет в восторг, когда разъяренная толпа с факелами и вилами начнет вытаптывать ее холмы.

Нёкк заскрежетал зубами от досады и с ненавистью выкрикнул:

— Тот ублюдок заслужил свою кару!

— О, так ты все-таки кое-что знаешь, — хитро прищурился Николая. — Говори. Тогда я пощажу твоих близких.

— Я только видел, как никса несла к озеру окровавленную девушку, а на следующее утро унесла парня на дно. Я спросил, зачем она его убила. Никса ответила, что он совершил гнусное преступление. Она воздала ему по заслугам. Я пообещал сохранить все в тайне, но, как видишь, не смог.

Нёкк расслабился, размяк и отвернул голову. Николая отступил на шаг, позволяя ему подняться.

— Судить людей могут лишь сами люди. У нее не было права его карать.

— У нее гораздо больше прав, чем у тебя! — взревел нёкк и бросился на Николая, ощерив полную мелких акульих зубов пасть. Воздух сгустился в невидимую преграду на его пути. Нёкк ударился и снова сполз к ногам Охотника.

— Нет причин так горячиться, — недоуменно глядя на шипящего демона, изрек Николая.

— Ненавижу! — прохрипел нёкк, выпучивая чернильные глаза.

— Идем. Больше ничего вразумительного мы здесь не услышим.

Охотник взял оробевшую и перепуганную до смерти Майли под руку и повел прочь от изрыгавшего проклятья демона.

— Он казался таким милым, а потом вдруг превратился в чудище, — поежилась Майли. От страха начинало знобить. Ей еще не доводилось встречаться с демонами лицом к лицу, так близко, что можно все рассмотреть, услышать и даже потрогать. Был, конечно, Ходок, который забрался в ее разум и соблазнял несколько недель, но Майли его почти забыла. Лишь смутные ощущения тоски, желания быть любимой и позже омерзения и страха сохранились. С нёкком вышло совсем по-другому. Он был реальным. Живым. Но совершенно чуждым всему человеческому.

— Так часто бывает. И с людьми тоже, — печально вздохнул Николая.

Она задрожала, и он укрыл ее плечи собственным плащом. Майли отблагодарила ласковой улыбкой. Все-таки он слишком хорош. Слишком совершенен. И это пугает. Люди такими не бывают. Совершенство доступно лишь Единому и его небесным посланникам. По крайней мере, так говорили в монастыре.

— Они вас ненавидят. И демоны, и люди, — сочувственно сказала Майли.

Николая печально повел плечами:

— Все любят героев-спасителей и никто — судей, а уж тем более палачей.

Майли потупилась, не зная, что ответить. Да он и не требовал.

Вскоре они добрались до телеги и отправились в обратный путь. Медленно напоздали долгие весенние сумерки, словно по воздуху разливалось молоко и окрашивало все в тусклые тона. Неторопливо и осторожно мохнатая кобыла везла телегу по краю глубокого ущелья, петляя меж высоких круч. Майли пригрелась, укутанная в теплый плащ Охотника, и задремала, от усталости не замечая тряски и стука колес по каменистой дороге. Проснулась, только когда они остановились у большого дома на окраине города, за которым высились многочисленные холмы. Темнота едва-едва сменила сумерки, но огни в окнах не горели. Видно, была уже глубокая ночь, хоть и непривычно светлая после непроглядной зимней черноты.

— Мастер Николая, вы к нам? — послышался приятный женский голос.

Майли открыла глаза и пристально взгляделась в лицо пышной молоджавой женщины с длинной гривой кудрявых волос. В темноте возраст точно определить не получалось.

— Да, госпожа Уна. У меня дело к вашему мужу, — почтительно кивнул Охотник.

— Он сейчас подойдет. Подождите пока у нас, — гостеприимно предложила хозяйка дома.

Майли обрадовалась и уже собралась слезать с телеги, но тут заметила, что Николая задумчиво смотрит в сторону холмов.

— Я лучше останусь здесь и покараулю наш груз, — Охотник похлопал по укрытому холстом телу рукой. — Не хотелось бы, чтобы его увели у нас из-под носа. Но моя ученица Майли с удовольствием бы отужинала и передохнула у вас, если позволите. А то мы сегодня весь день на ногах.

— Конечно, — широко улыбнулась Уна. — Я хочу, чтобы вы знали: мы не верим ни единому слову проповедника. Вы до сих пор герой... хотя бы для нас.

Николя кивнул, избегая ее взгляда. Видно, он в своем героизме был далеко не так уверен. Уна подала руку застывшей у борта телеги Майли. Та спустилась, бросила последний заинтригованный взгляд на Охотника и пошла в дом.

— Эйтайни! — позвал Николая, забравшись на вершину Королевского холма.

Ворожея Дану не заставила себя ждать: появилась словно из ниоткуда в длинном плаще, неотличимом от светлой весенней ночи.

— Какая беда привела тебя ко мне в столь поздний час? — как всегда мягко спросила она, сняв с головы капюшон.

— Я не справляюсь с ситуацией. В городе ропщут, — угрюмо ответил Охотник. — Погиб человек. Похоже, его убила никса. Боюсь, все выйдет из-под контроля, когда бюргеры увидят, как она поглумилась над телом. Не могли бы вы скрыть повреждения? У меня сейчас нет в распоряжении иллюзиониста, поэтому приходится просить вас.

Дану смерила Охотника тяжелым взглядом, но все же последовала к оставленной у подножия телеге.

— Уф! Сильно он ее разозлил. Придется постараться, чтобы такое скрыть, — выдохнула Эйтайни, когда Николай убрал с тела холст.

Она принялась водить над багровыми подтеками руками. Охотник терпеливо дожидался результата у нее за спиной.

— Что будешь делать дальше? — поинтересовалась она, когда закончила ворожить. Все повреждения исчезли. Теперь Орм походил на обычного утопленника, пролежавшего пять дней на дне озера.

Николай молчал, перебирая в голове, как представить все так, чтобы вызвать поменьше возмущения. Не хватало еще от старого друга упрёки слушать. Но Эйтайни ответа не дождалась.

— Парень совершил злодейство и получил по заслугам. Надеюсь, ты понимаешь, что мы не позволим причинить никсе вред, — заявила королева Дану.

Николай напрягся. Так ей все известно? Хотя об этом можно было догадаться по дерзости нёкка. Не хотелось терять расположение немногочисленного, но гордого и опасного народа туатов де Данаан.

— Родители парня требуют выкуп. Если я не принесу им ее голову, будет бунт. Старые договоренности забудут, и вас поднимут на вилы. Я не смогу их удержать. Из-за истории с крысами я растерял весь авторитет в их глазах. А большинство ваших воинов сейчас в дозоре на границе Хельхейма. Вас некому защитить.

— Поэтому сейчас мы, как никогда, должны держаться вместе и стоять друг за друга. Если я позволю тебе покарать никсу, то люди поймут, что могут безнаказанно притеснять нас, — с жаром возражала Эйтайни. — А если мы попробуем ответить, то явишься ты, чтобы отрубить нам головы и бросить их к ногам наших гонителей. Нет, мы не будем молчаливым скотом, послушно идущим на бойню. Лучше умереть на поле брани, чем сложить голову от меча палача.

— Я сделаю все, чтобы до этого не дошло! — оборвал патетичную речь Николая. Как же все любят паниковать, когда еще ничего не случилось! — Нужно найти компромисс, который бы удовлетворил обе стороны.

— Вот ты его и ищи, — Эйтайни поднялась на цыпочки и, взяв его за ворот рубахи, пристально заглянула в глаза. — Но никса должна жить.

Королева Дану развернулась и, не прощаясь, зашагала вверх по склону холма, гордо

расправив плечи.

Николя устало вздохнул и обхватил голову руками. Это был один из самых долгих и напряженных дней в его жизни. Что-то подсказывало, что он далек от завершения.

Когда Николя вернулся к дому бургомистра, Гарольд поджидал у ворот.

— К ведьме своей ходил? Можешь не говорить, я и так понял, — вместо приветствия проворчал он. — Тело хоть нашел?

Охотник кивнул и отвернул холст.

— Утонул? А почему без одежды? — нахмурился бургомистр, внимательно разглядывая покойника.

— Зацепилась за корягу и порвалась, — соврал Николя.

— Тогда почему даже ошметков не осталось? — подозрительно спросил Гарольд. — Неважно. Одну что-нибудь из своего. Узнал, кто убийца? — приглядевшись к встревоженному лицу Охотника, бургомистр продолжил сам. — Кто-то из остроухих? Говори!

— Нет, но с ними могут быть проблемы, — нашел нужные слова Охотник и рассказал бургомистру обо всем за исключением того, в каком виде обнаружилось тело.

— Думаешь, убийца Вагни? — ошалело спросил Гарольд, когда тот закончил.

— Было бы очень удобно свалить все на него, — признался Николя. — Но нет, за Мелюзину заступился кое-кто другой. Вот только ума не приложу, зачем ей это понадобилось.

— Да, Вагни в городе любят едва ли больше остроухих, — согласился Гарольд. — С удовольствием пустили бы ему кровь, был бы повод.

— Не понимаю, откуда такая ненависть. Мельников нигде не любят, но это уж слишком. Нормальный же мужик, даром, что гордый.

— Так это из-за жены его покойной. На редкость склочная баба была, да еще и здоровьем слабая. Хворала постоянно. Никакой работы по дому не делала. Вагни при ней тише воды, ниже травы держался. Слова поперек сказать не мог. Такой забитый ходил, что аж жалко смотреть было, чисто по-человечески. Все надеялись, что хворь ее доконает, и Вагни женится на девушке помоложе и подобнее. Но твой дружок-целитель все вытаскивал и вытаскивал ее с того берега. Вагни не выдержал и завел себе любовницу. Жена узнала и ославилась на всю Упсалу — устроила скандал, надавала оплеух, а потом ночью, пока все спали, сиганула в море с утеса Белой чайки. Потом долго судачили, что мельник сам ее к краю подтолкнул, правда, никто этого не видел. Но все равно как душегуба чураться стали. До сих пор забыть не могут.

— Не похож Вагни на того, кто смог бы убить мать собственного ребенка, — Николя в задумчивости потер подбородок.

— Какого ребенка? Я ж говорю, хворала она. Постоянно. И дитя понести не могла. Вагни сам сколько жаловался, — недоумевал Гарольд.

— А как же Мелюзина? — удивился Охотник.

— Так она от любовницы. Как жена Вагни утопилась, в тот же день девочка у него и появилась. Кроха совсем, пару дней от роду. Вагни по всему городу кормилицу искал, правда, никто не согласился. Пришлось ее козьим молоком выкармливать.

Детали потихоньку складывались в упорядоченный узор. Закралась догадка. Но как? Зачем? С другой стороны, это бы все объяснило.

— А эту любовницу кто-нибудь видел?

— Кроме жены мельника? — Гарольд обескуражено моргнул. — Мы думали, что она все выдумала, пока ребенок не появился. Кто-то же должен был его родить. Из городских никто не сознался. Бабы ведь хитрые, умеют живот под одеждой скрывать. А может, она из пришлых была, кто скажет? После она ни разу не появлялась. Даже дочь не проводывала.

Николя сощурился. Слова бургомистра подтверждали подозрения, но с трудом верилось, что подобное возможно. А мельник-то не так прост, как показалось на первый взгляд.

— Думаю, что она не из пришлых, и не из местных, — изрек Охотник. — Просто соседка жалостливая. Слишком.

Гарольд устало отмахнулся:

— Ты главное убийцу найди, а то нас вместо него на вилы поднимут.

— Ни одни, так другие, — пробормотал себе под нос Николая и, распрощавшись с бургомистром, забрал из его дома прикорнувшую возле распаленного камина Майли.

Вязкая зыбь сна никак не отпускала. Ночной холод слегка разгонял дремоту, но и раздражал почти до боли.

— Скорей бы оказаться в теплой постели! — мечтательно заявила Майли, потягиваясь и зевая.

— Нам еще надо зайти в одно место, — разочаровал ее Охотник. — И вызвать душу...

— Что, опять?! — всполошилась Майли. — Но я же с ног валюсь от усталости! Нельзя ли завтра? А лучше через неделю или две!

— У нас нет времени. Действовать надо сейчас. Небольшая встряска пойдет тебе на пользу, раскроет дополнительные резервы. К тому же сегодня полная луна — она тебе поможет.

Майли подняла голову и нашла глазами белое блюдце луны посреди темно-серого неба. Так и не стемнело до конца. Наверное, это и есть «белые ночи», красотой которых так любили хвастаться местные жители. Правда, сейчас она не восхищала, а угнетала.

Телегу вместе с покойником пришлось оставить у дома бургомистра. Он обещал вернуть ее после похорон. Майли нехотя плелась за Охотником через весь город к мысу на юго-западной окраине города. Скалистые утесы врезались в темный ночной океан, который с грохотом хлестал по ненавистным камням пенистыми волнами.

Они взобрались на самый обрывистый утес и остановились на краю.

— Здесь восемнадцать лет назад бросилась в океан Хейда, жена Вагни. Ты должна вызвать ее дух, — объяснил задание Николая.

— Но зачем? Без тела вы не сможете ее увидеть или даже поговорить, — попыталась образумить его Майли.

— Говорить будешь ты, а я только подсказывать. Не трусь. Чем быстрее ты справишься, тем быстрее мы окажемся дома и сможем хоть немного выспаться перед завтрашним днем, — Николая подтолкнул ее к обрыву.

Майли передернула плечами, глядя на плещущиеся внизу в волнах камни. Так, должно быть, она и погибла, Хейда. Чувствовала ли она боль или ей уже было настолько гадко от загубленной жизни, что на страдания тела она не обращала внимания? Такая высота! Нет, ее смерть, наверняка, была быстрой. Лишь краешек угасающего сознания отметил удар.

Майли увлеклась, воображая ощущения Хейды перед смертью и не заметила, как Охотник всунул ей в руку посох и указал на начертанный на тонком слое песка сигил. Снова пришлось надевать на посох амулет и мучительно вспоминать формулу вызова. Хотя бы листочек с подсказкой не понадобился. Майли четко произнесла слова и принялась выстукивать посохом в центре сигила ритм сердца. Ничего не происходило, пока глаза Майли не закрылись сами собой. Полыхнуло серебристым лунным светом. От головы до пяток пронеслась искра, переползла в правую руку, пролилась в янтарь и ушла по дереву посоха в самую землю. Дыхание сперло. Ноги подогнулись. Майли дернула головой и открыла глаза, стараясь сохранить сознание. Ведь предупреждала, что сил не хватит!

— Ничего не вышло, — сокрушенно сказала она, когда оцепенение отпустило.

— Я так не думаю, — улыбнулся Николя и выпустил из ноздрей клуб белесого пара в ставший морозным воздух.

Майли поежилась, обнаружив на своей спине потусторонний взгляд. Обернулась. Над океаном у самого края утеса парила прозрачная фигура худосочной женщины в мешковатом потрепанном платье. Аура светилась бледно зеленым, источая могильный холод и затхлый запах. Она внушала гораздо больший ужас, чем говорящий утопленник. Тот хотя бы был осязаем.

— Не трясись. Всю силу, что у нее есть, даешь ты сама, — подбодрил Охотник. — Узнай, та ли она, кто нам нужен и спроси, как она погибла.

Майли кивнула и стукнула посохом о землю еще раз.

— Отвечай, ты дух Хейды, жены мельника Вагни? — начала она повелительным тоном, который переняла от отца еще в детстве.

Привидение поморщилось.

— Да, к сожалению, этот прелюбодей и изменник мой муж, — нехотя ответила она противным скрипучим голосом.

— Отвечай, как ты погибла? — продолжила допрос Майли.

Привидение жутко заскрежетало. Очень хотелось заскулить от ужаса.

— Не так грубо, — догадался об ее испуге Николя. — Не пытайся давить силой — у тебя ее при любом раскладе не хватит, лучше воспользуйся хитростью. Я знаю, ты умеешь.

Он лукаво усмехнулся, чуть скривив рот влево. Майли зарделась, припоминая случай с приворотным зельем. После этого она неделю не могла ему в глаза смотреть, хотя он ни словом не упрекнул. Зато на Финиста уловка подействовала как нельзя лучше... или это было что-то другое? Впрочем, какая сейчас разница?

— Пожалуйста, расскажите, как вы погибли. Быть может, у нас получится вам помочь... — Майли с трудом подбирала слова, которые бы подействовали на несговорчивого призрака. — Закончить незавершенное дело или... защитить вашу дочь? Она сейчас в большой опасности!

— Про дочь не стоило, — запоздало предупредил Охотник.

Призрак расвирепел и с леденящим душу воплем бросился на Майли. Тело пронзила вспышка боли, пробежав по всем мышцам жутким спазмом. Ноги задрожали и подогнулись. Вокруг все потемнело. В голове мелькнула лихорадочная мысль: все-таки ночи здесь черные! Дышать стало тяжело. Она упала. С пугающим безразличием Майли отметила, что ноги и руки мелко дергаются помимо ее воли. Теплое прикосновение к затылку облегчило приступ, уняло боль.

— Тише, — знакомый, исполненный спокойствия и достоинства, голос обволакивал

беснующееся тело. Мышцы дергались все медленнее, постепенно расслабляясь. — Прости, это моя вина. Я должен был сказать раньше. Но ты все еще можешь ее победить. Вспомни, она настолько сильна, насколько ты ей позволяешь. Возьми себя в руки и преодолей страх, тогда подчинишь ее себе.

Майли глотнула ртом воздух. Тело ответило новой болью. Хотелось кричать от бессилия, но из горла вырывался лишь жалкий сип.

— Хотя бы попытайся, — уговаривал Охотник, массируя ее затылок и виски. — Если я разорву связь насильно, с пробужденным призраком возиться придется еще долго. К тому же шанса узнать правду может больше и не представиться. Борись. Ты не можешь проиграть склочной бюргерше, которая даже одеться пристойно не умеет!

Майли зашипела и поморщилась, вспоминая уродливый балахон, напяленный на и без того тщедушное тело. Какое непростительное оскорбление для тонкого вкуса наследницы Будескайска, самой примерной послушницы Эгольского монастыря. «Я не могу проиграть мертвой старухе. Я красивее, умнее и лучше воспитана. Мой отец повелевал ордами подобных тварей, и все они были его послушными рабами. Он сошел с ума и сделал много дурного, но все же он остается моим отцом. Я его единственная наследница. Я не могу посрамить его память и честь нашего рода, уступив жалкому призраку».

Майли успокоилась и обмякла. Призрак вынырнул из ее тела и завис в нескольких саженях над землей.

— Вот и молодец, — похвалил Николая. Так приятно! — Теперь не шевелись — иначе лишишься последних сил. Спрашивай только то, что я скажу.

Майли моргнула, показывая, что согласна.

— Если Хейда расскажет, что произошло, мы сможем воздать по заслугам тем, кто мучил ее при жизни. Мы восстановим справедливость, как только узнаем всю правду.

Дрожащими губами Майли повторила слово в слово. Призрак вспыхнул малиновым светом и хотел снова ринуться на нее, но вдруг задумался.

— Вы покараете душегуба? — с недоверием спросила Хейда.

— Скажи, что мы воздадим ему по заслугам, — подсказал Николая. — Но никаких точных обещаний не давай.

— Хорошо, я расскажу вам про его бесстыдства, — сдался призрак. — Он был похотливым, мой Вагни, до жути. В постель вместе ложатся, только чтоб дитя на свет появилось, а коль нет дитя и быть не может, так и нечего демоновыми глупостями заниматься. Но Вагни меня не слушал. Постоянно приставал со своими непристойностями.

Когда Майли пересказывала историю Охотнику, тот не выдержал и в голос расхохотался. Майли тоже сделалось смешно. Финист приходил к ней каждую ночь, и она была уверена, что о детях он вообще никогда не думал. А если и думал, то только в ночных кошмарах.

Хейда продолжала говорить, воодушевившись собственной жалостливой речью:

— Вначале я молча терпела. Ведь учили всю жизнь, что мужчине надо уступать и угождать. Но потом совсем невмоготу стало. Я попыталась его отвадить. Он поныл месяц-другой, а потом вроде поутих. Я уж и вздохнула легче: думала, отучила его от сумасбродства. Ан, нет, через некоторое время странности за ним замечать начала: порой сидел сам с собой и улыбался хитро так, как кот на сметану, пропадал где-то подолгу, а на меня так и вовсе внимание обращать перестал. Даже шторы над нашими кроватями приладил. Где это видано, чтобы супруги друг от друга шторками закрывались? Тогда я поняла, что он завел

себе любовницу.

Они хорошо прятались. Я долго не могла их поймать, но однажды нашла в нашем сарае закопанную в сене раковину. Я забрала ее себе, и ночью у меня словно глаза открылись. Весь дом заволокло стылым туманом. И из него, из этого тумана, выползло нечто. Низ у него был как змеиные хвосты, а верх грудастой девки. Змеи обратились в человеческие ноги, и девка запрыгнула к мужу в кровать. Он обнял ее, и они принялись любиться, бесстыдно крича и постанывая. В нашем доме, на нашей кровати, прямо у меня на глазах! Я не выдержала и закричала: от ужаса, от обиды и несправедливости. Они опомнились и бросились ко мне. Видно, хотели убить, чтобы никто не узнал об их тайне.

Но я сбежала в город. Говорила им, каждому встреченному, что мой муж сношается с демоном и хочет меня убить, но все только смеялись и называли сумасшедшей. А потом подоспел Вагни. Уговаривал вернуться домой, но я знала, что как только переступлю порог, он свернет мне шею. Поэтому я помчалась прочь, не разбирая дороги. Ноги сами принесли меня к этому утесу. Вагни прибежал следом. Умолял не прыгать. Но я и не собиралась... Не собиралась! В моей голове прозвучал голос, тихий, певучий, самый прекрасный, из всех, что я слышала. Он верил и понимал меня. Он любил меня, но не грязной плотской любовью, а чистой и невинной. Он позвал меня за собой. И я прыгнула. А потом была лишь боль, темнота и пустота. Голос обманул меня! Он был в сговоре с тем демоном. Отомстите им! Отомстите им всем за меня!

— Скажи ей, что все получают по заслугам, — кивнул Николая, когда Майли передала ему рассказ Хейды. — И отпусти с миром.

Майли с трудом произнесла форму упокоения. Хейда исчезла, а выкачивавшая все силы золотая нить растворилась в воздухе. Голова кружилась, а внутри ощущалась сосущая пустота. Майли закрыла глаза от изнеможения. Николая поднял ее на руки и понес домой. Финист никогда не носил ее на руках. Пару раз помогал залезть и слезть с лошади, да и только потому что было совсем худо. Но до чего же приятно уткнуться носом в могучую грудь и ощущать терпкий мужской запах, согреваясь и успокаиваясь.

— Мастер Николая, вы бесподобны, — слабым бархатистым голосом мурлыкнула она. — Но нельзя же влюблять в себя всех девушек в округе. Они передерутся!

Его грудь затряслась от смеха.

— Это тебе сейчас так кажется. После опустошения всегда чувствуешь себя немного пьяным. Но завтра придет похмелье, и я превращусь в омерзительным негодяя и бессердечного мучителя.

— Не думаю, что хоть одна женщина сочла бы вас омерзительным или уж тем более негодяем, — продолжала шутить Майли.

— В моей жизни таких было достаточно, — непринужденно отвечал Николая, хотя чувствовалось, что продолжать ему совершенно не хочется.

Доля правды в словах Охотника была. Из-за опустошения развязался язык. И Майли начала радостно молоть чушь. Назавтра точно будет стыдно. Нужно молчать, чтобы не напороть еще больших глупостей. Когда они добрались до дома, Майли задремала. И проснулась, лишь когда услышала недовольный возглас Финиста:

— Что, довел очередную ученицу до изнеможения? Такими темпами у тебя никто долго не протянет.

Николая бережно уложил Майли на кровать, плотно укутал одеялом и только тогда удостоил оборотня ответом:

— Я не учу тебя, что делать с твоими учениками, а ты будь добр — не учи меня. Думаешь, я не вижу, что ты бросил Герду? Наигрался? Быстро же она тебе надоела.

Финист заскрежетал зубами и открыл рот, чтобы возмутиться, но Николая его опередил:

— Прибереги идиотские оправдания для кого-нибудь другого.

И стремительно вышел за дверь. Финист остался в спальне, верно, рассудив, что бежать следом, изрыгая проклятья, нет смысла. Майли была благодарно ему за это.

Майли проснулась от непрошенных ласк Финиста. Голова немного гудела, но хотя бы пустота в груди потихоньку заполнялась. Ничего не хотелось: ни говорить, ни отвечать на настойчивые попытки вовлечь ее в любовные игры, ни даже шевелиться. Поплыть бы по безмятежным водам реки мертвых и наслаждаться неподвижным спокойствием. Но Финист все настойчивей пыталась распалить страсть.

— Я не в настроении, извини, — буркнула Майли и отвернулась к стенке.

— Охотник тебя утомил? — игриво спросил Финист и принялся покусывать верхний кончик ее уха. — Ничего, скоро уже он престанет распоряжаться нами, как ему заблагорассудится.

Майли удивленно обернулась.

— Экзамены, — подсказал Финист. — После них он обязан будет отпустить нас.

Майли задумчиво покусала губу. Об экзаменах она не думала. Покидать гостеприимный дом совсем не хотелось. За это время Майли успела к нему привыкнуть и полюбить, ведь здесь было почти также уютно и безопасно, как в Эгольском монастыре. А за последние дни, когда они с Охотником разыскивали убийцу лесоруба, она впервые почувствовала, что занимается чем-то важным и нужным. Не только для нее самой, а для всех. Дар приносил пользу. Но что будет, когда закончится обучение и жизнью придется распоряжаться самой? Не бросят ли ее на произвол судьбы, несмотря на все уверения, и Николая, и даже Финист.

— Когда ты сделаешь мне предложение? — Майли всем телом развернулась к оборотню и пристально уставилась в глаза.

Финист оторопел и просто глотал ртом воздух.

— Я не... — промямлил он, да так и не нашелся, чем закончить фразу.

— Что ты не? Вот что не?! — вспыхнула Майли. — Как любить всю ночь без передышки, так это пожалуйста, а как до дела доходит — сразу в кусты! У меня тоже есть гордость. Я хочу нормальные отношения, красивую свадьбу и настоящую семью, в которой не страшно рожать детей.

— Деть... — Финист вытаращил глаза, поперхнулся и закашлялся.

— Да, я хочу детей! Хочу, чтобы на этих руках, — она пихнула ему под нос собственные запястья, — были обручальные браслеты. И чтобы не надо было больше бояться, что ты меня бросишь, как только Герда или любая другая женщина поманит тебя за собой.

— Обалдела что ли?! — обрел дар речи Финист и грубо оттолкнул ее ладони. — Какое замуж? Какие дети? Я ж тебе ничего не обещал. Мы просто развлекаемся. Разве тебе не нравится? Хорошо же было!

— Хорошо, — спокойно ответила она, чем выбила Финиста из колеи еще больше. Она перелезла через него, встала и собрала его разбросанную полу одежду.

— Что ты делаешь? — растерянно спросил он.

— Даю себе зарок, — скомкав одежду в охапку, она всучила ее Финисту. — Без обручального браслета порог этой комнаты ты больше не переступишь.

Майли тряхнула простыней, сгоняя его с кровати и подтолкнула к двери.

— Иди, чего ждешь? Можешь пожаловаться своей ненаглядной Герде. Посмотрим, как эта маленькая ханжа согласится на развлечения без обязательств.

Не слушая больше ничего, Майли выдворила его в коридор, захлопнула дверь и принялась перестилать постель. Раздался стук. Дверь со скрипом отворилась. Майли схватила подушку и, не глядя, швырнула ее в сторону вошедшего. Подушка замерла в ладони от цели и плавно опустилась в подставленные руки.

— Простите, я думала, это Финист, — Майли виновато заглянула во внимательные синие глаза.

Уши горели. Вокруг разгром. Как после драки. Ужас!

— Он ушел. Можешь не беспокоиться, — заверил ее Николя и подал продолжавшую висеть в воздухе подушку.

— Может, я погорячилась? Не стоило его так выгонять, — сокрушалась Майли. — Я просто хотела, чтобы он был более внимательным, чтобы понимал... как вы.

— Чтобы он что-то понял, боюсь, это придется вбить в его голову кувалдой, — усмехнулся Николя. Майли понурилась. — Но, думаю, встряска пойдет ему на пользу.

Майли вымученно улыбнулась.

— Хотел проверить, все ли у тебя в порядке. Вижу, ты в гораздо лучшей форме, чем можно было ожидать. Все равно, думаю, небольшая передышка пойдет тебе на пользу. Отдыхай.

Он уже собрался уходить, но Майли остановила:

— Вы в город? Возьмите меня с собой. Хочу узнать, чем все закончится.

— Я думал, бургеры тебе не слишком нравятся, — удивился Охотник.

— Не слишком, — согласилась Майли. — Но мне стало любопытно. Подождете, пока я оденусь?

Николя кивнул и спустился вниз. Через пятнадцать минут они уже седлали лошадей, чтобы отправиться к мельнице.

На стук никто не вышел, но и дверь оказалась не закрытой. Николя снова вошел без приглашения. Майли последовала за ним. Вагни сидел в углу за столом и замороженно смотрел в одну точку. Рядом стоял пустой кувшин, от которого за версту несло крепким элем. Или так пах сам мельник? Он не замечал гостей, пока Николя не подошел вплотную.

— Слышал, вы нашли тело. В городе панихида. Вряд ли мне там будут рады, — заговорил он невпопад, с трудом удерживая взгляд на Охотнике. — А как же моя Мелюзиночка? Никто-никто не придет на ее похороны!

Вагни закрыл лицо руками и глухо разрыдался.

— Похорон не будет. Ваша дочь жива. Я в этом уверен, — Николя встряхнул мельника за плечи и, когда тот пришел в себя, вывел его на улицу. Вскоре они вернулись. С головы Вагни потоками стекала грязная вода, но выглядел он намного бодрее.

— Если Мелюзина жива, то где же она? — спросил он, неуклюже устраиваясь на своем привычном месте.

— Вы же сами вчера сказали: уехала погостить к матери, — пожал плечами Охотник. Майли нахмурилась, не понимая, куда он клонит. Вагни, по всей видимости, тоже не

понимал. Но Николая продолжал говорить: — Теперь я хочу, чтобы вы рассказали правду. Всю правду о том, кто настоящая мать Мелюзины и что случилось в тот день, когда погибла ваша жена.

Вагни смотрел на него, оценивая.

— Тяжелая болезнь лишила мою жену рассудка. А мать Мелюзины — вдова из Готланда. Приезжала сюда на торг летом. У нас с ней была короткая интрижка — ничего серьезного, но она понесла и отдала ребенка мне, так как в ее краях плохо относятся к детям, рожденным вне брака.

— Перестаньте, — Николая смерил его тяжелым взглядом и достал из-за пазухи раковину. — Я нашел ее в хижине Орма. Кажется, она принадлежала вашей дочери. Как думаете, что будет, если я ее сломаю?

Охотник сжал ее.

— Нет! — вскричал Вагни и попытался отобрать. Николая оттолкнул его и спрятал раковину обратно.

— Я и так уже обо всем догадался, так что хватит изворачиваться и юлить.

— Клянитесь самым дорогим... жизнью вашей невесты и будущих детей, что никому не скажете! — Вагни набросился на него и вцепился в ворот рубахи.

Майли прикрыла рот рукой. Вот это он зря! Сейчас что-то будет.

— Вы не в том положении, чтобы что-то от меня требовать, — рыкнул на него Николая, отдирая от себя цепкие пальцы. — Мне нужны лишь детали, чтобы дополнить картину. Либо вы сами рассказываете все начистоту, либо я использую более болезненный способ узнать правду. Но так вашей дочери и любовнице придется намного хуже. Так что советую быть предельно откровенным и не распускать руки.

— Хорошо, — сдался мельник и уселся обратно на стул. Закрыв лицо руками, он принялся рассказывать: — Я не любил свою жену. Нас свели родители. Хотели, чтобы я унаследовал ремесло и мельницу ее отца. Я пытался быть хорошим мужем: терпел капризы и упреки, унижения и даже побои. Думал, после рождения детей она смягчится и все наладится. Но Эглаборг сказал, что ее тело слишком слабое, чтобы зачать. Она и без того долго не протянула бы. Тогда я смирился. Перестал настаивать на близости, не обращал внимания на истерики и просто ждал свободы. Но этого все никак не происходило, и каждый день становилось хуже. Однажды я ушел в город, чтобы напиться и хоть на несколько часов забыть о своем горе. В таверне в тот вечер выступал бродячий скрипач. Мне понравилось, как он играл, и я пригласил его составить мне компанию. За кружкой эля мы разговорились. Я сказал, что хотел бы как он путешествовать по городам, очаровывать людей игрой на скрипке и никогда, никогда не возвращаться к жене на опостылевшую мельницу, которая стала моей тюрьмой. Скрипач пожалел меня и посоветовал в полнолуние придти к заповедному озеру Цуг. На его берегу прекрасная дева будет расчесывать свои волосы. Если мне удастся умыкнуть ее гребень, то она явится ко мне на следующую ночь и исполнит любое желание.

Я не поверил, но, когда пришел домой и жена принялась обзывать «похотливым боровом», решил рискнуть. Не встречу деву, так хоть сам утоплюсь, чтобы ведьму эту не видеть. Но она там была. Дева. Самая красивая из всех, что я видел. Ни одна человеческая женщина не могла с ней сравниться. Я сделал, как сказал скрипач: когда она купалась, забрал ее раковину и вернулся домой. На следующую ночь она действительно пришла. А я... я не желал более ничего, кроме ее благосклонного взгляда. Она дала мне намного больше —

свою любовь. Страсть, негу, ласку, понимание и доброту. Все то, на что так скупа была моя женушка, с щедростью дарила мне дева из озера. Мы встречались тайком около года, а потом она пропала на несколько месяцев. Я стал сам не свой. Бегал на озеро, звал, раковину на берегу оставлял, но все без толку. Уж топиться решился, как она вновь появилась. Сказала, что у нее для меня подарок. От радости я последнюю осторожность потерял — жена нашла раковину и увидела, как мы обнимались. Был скандал. Она убежала в город. Я помчался следом. Боялся, что она сделает что-то с собой или еще хуже — навлечет на деву из озера беду. В городе Хейде никто не поверил, и она ринулась к утесу Белой чайки. Я пытался ее остановить, но не смог. Она прыгнула и... На следующее утро после похорон дева принесла мне сверток с ребенком. Сказала, что это и есть подарок — наша дочь Мелюзина. Хотя дева больше не приходила, я был счастлив с моей Мелюзиночкой, только уберечь не смог. Никогда я их не увижу: ни мать, ни дочь.

Вагни замолчал и отвернулся. На лбу у Николя залегла тревожная морщинка. Он о чем-то напряженно раздумывал.

— Вы знали, что ваша любовница не человек? — нарушил тишину Охотник.

Мельник кивнул, не поворачиваясь.

— Вы знали, что она заставила вашу жену прыгнуть с утеса?

Вагни повернул голову и пристально глянул на Николя. Было видно, что мельнику все равно.

— Вы знали, что она забрала вашу дочь и убила лесоруба? — последний вопрос был задан с таким нажимом, что отмалчиваться дольше стало невозможно.

— Я догадывался. Надеюсь только, что у них все хорошо. И внуки живы.

— Внуки? — удивилась Майли.

— Повитуха сказала, что должна быть двойня, — пожал плечами Вагни.

— Двойня, — задумчиво повторил Николя и забарабанил пальцами по столешнице, снова погружаясь в размышления. — Никса-никса, где же тебя искать? — он достал из-за пазухи раковину и принялся внимательно ее изучать. — Ты сделаешь все, что пожелает обладатель раковины. Но откуда об этом знать бродячему скрипачу? Или этот скрипач тоже не так прост, как кажется.

Вагни с Майли уставились на Охотника, не улавливая смысла.

— Скажите, тот скрипач не носил шарф и шляпу, закрывающие шею и уши? — обратился он к мельнику.

— Да, я еще удивился, ведь тогда было совсем не холодно. И со скрипкой, поди, не очень удобно, — развел руками Вагни.

— Похоже, придется снова нёкка за жабры трясти. Будь он неладен, — поморщился Николя.

Майли передернула плечами. Может, стоит вернуться домой? В конце концов, она не Герда, чтобы в пасть к демону лезть из-за всяких глупостей. Но с другой стороны, не посчитает ли Николя ее трусихой, если она сбежит сейчас? Не хотелось бы.

— Что вы собираетесь делать? — переполошился Вагни. — Надеюсь, вы их не тронете? Разве не видите, они и так достаточно пострадали! Если родителям этого ублюдка нужен выкуп, то лучше отнесите мою голову, — мельник лег на стол и вытянул шею. — Рубите!

Николя закатил глаза.

— Так легко вы не отделаетесь. Одиночество станет вашим выкупом и за Хейду, и за Орма. Ни любовницы, ни дочери вы больше не увидите, — с холодной беспощадностью

ответил Охотник и бросил Майли: — Идем, нам здесь больше делать нечего.

Она первой выскочила за порог. Вагни выглядел так, словно готовился к чему-то отчаянному. Николая вышел следом и затворил дверь. Изнутри донесся громкий стук. Должно быть, Вагни колотил в дверь кулаками, но она не поддавалась, словно ее подперли со стороны улицы.

— На случай, чтоб он не наделал глупостей, — сказал Николай, посадил Майли в седло и, забравшись на своего жеребца, направился к заповедному озеру Цуг.

Без телеги путь оказался короче и приятней, хотя и более опасный, ведь Николай вел их по крутой горной дороге. Порой лошадям приходилось взбираться по сыпучему гравию на такие кручи, что Майли казалось, они вот-вот кубарем покатятся вниз. Но вороной жеребец карабкался в гору по острым камням также легко, как по ровной земле, толстуха-кобыла слишком боялась отстать и, превозмогая усталость, тащила следом.

Через полтора часа они уже промчались вдоль хрустальных вод заповедного озера. Когда ветви деревьев над тропой опустились так низко, что под ними верхом было не проехать, пришлось спешиться. Немного прогулялись по тенистому лесу предгорий и вышли к приметному водопаду. Правда, таинственного скрипача здесь уже не было, а тишину гор нарушал лишь грохот низвергающихся со скал вод. Николай велел Майли подождать с лошадьми у тропы, но быть на виду, чтобы он смог ее защитить, если что-то пойдет не так.

Сам направился к водопаду.

— Эй, нёкк, выходи! Научи меня своей музыке! — зычным голосом прокричал он, но ответило лишь гулкое эхо. Николай упер руки в бока и покачал головой. — Выходи лучше по-хорошему, иначе я тут камня на камне не оставлю!

Охотник терпеливо подождал несколько минут, но ничего не происходило.

— Что ж, придется по-плохому, — Николай расставил руки в стороны и волчком закружился по воде.

Поднялся ветер и закрутился вихрем вокруг Охотника. Ручей, захваченный воздушным потоком, тоже заворачивался воронкой. Течение шло вспять. Вместо того, чтобы бурливым каскадом падать вниз, вода вертикальной стеной вздымалась вверх. Все вокруг завывало, ревело и гроыхало, словно где-то прорвало плотину и река пробивала себе новое русло. Сверху летели камни.

— Хватит! — донесся снизу сварливый выкрик, перекрывший шум разбушевавшейся стихии.

Николай замер и опустил руки. Водопад расступился, и из открывшейся за ним пещеры выступил разъяренный нёкк. Черные глаза гневно посверкивали. Плечи укрывал ветхий плащ из бурых водорослей, совсем не прятавший наготу. По крайней мере, спереди.

— Что тебе опять нужно? — обреченно спросил он.

— Мельник Вагни сказал, это ты свел его с никсой девятнадцать лет назад, — не стал испытывать его терпение Николай.

— Знать не знаю никакого Вагни, — отмахнулся нёкк. — Если это все, я пошел. Дел по горло. Семейные хлопоты очень приятные, но отнимают много времени.

Демон развернулся и зашагал обратно к водопаду. Николай достал из-за пазухи белую раковину и вытянул ее к солнцу.

— Что ж, придется ломать, — произнес он.

Нёкк громогласно возопил и бросился на него, но ударился о невидимую стену и снова распластался на земле, шипя от ненависти и бессилия.

— Пусти! Я все скажу, только раковину отдай, — сдался он и затих.

Николя нарочито медленно спрятал раковину за пазуху и кивнул:

— Хорошо. Только без фокусов.

Майли испуганно сжалась. Как только демону позволили подняться, он подскочил и оскалил акулю пасть.

— Ненавижу тебя, Охотник, — с жаром выпалил он, но подходить ближе не стал. — Ты создал здесь свой маленький мирок, установил правила и чувствуешь себя богом. Но ты и сам знаешь, что так не может продолжаться вечно. Прямо сейчас ты чувствуешь, как власть ускользает из твоих рук. Неприятель уже на пороге, стучится в двери. Ты слышишь его тяжелую поступь и знаешь, что будет дальше, но всеми силами закрываешься. Рвешь себя на части, только чтобы сделать вид, что ничего не понимаешь, что тебя это не касается. Но как бы ты не отгораживался, где бы ни прятался, он настигнет тебя и вырвет сердце. И когда все, что тебе дорого, будет втоптанно в грязь и уничтожено, ты познаешь глубину моего отчаяния. Жаль только, тогда и мира этого не станет. Очень жаль, что Небесный повелитель возложил свой венец на голову слабака и труса, который даже собственную суть признать боится.

Жуть ползла по телу волнами, пеленала разум. Майли не поняла и половины из слов демона, но прекрасно видела, как они подействовали на Охотника. Он словно стал выше ростом, черты лица заострились, в глазах полыхала всепоглощающая ярость. Как будто его место занял кто-то другой, чуждый как людям, так и демонам. И этот кто-то был намного страшнее в своем потустороннем могуществе.

Нёкка оторвало от земли и понесло к Охотнику. Николя вытянул руку и сдавил его горло.

— Еще одно слово, и я сломаю тебе хребет! — процедил он сквозь зубы. Синева в его глазах стала настолько яркой, что было больно смотреть. — Эйтайни заступилась только за никсу.

— Но все же заступилась, — ухмыльнулся нёкк.

Его тело изменилось. Отрастали густые черные волосы, фигура приобретала соблазнительные женские изгибы, ноги покрывались темно-зеленой змеиной кожей и расслаивались. Через мгновение на месте тщедушного мальчишки стояла красивая зрелая женщина с семью змеиными хвостами вместо ног. Понятно, чем она так привлекла мельника.

— Али не любя? — игриво сощутив выразительные темные глаза, она тряхнула высокой полной грудью. Николя изумленно вытаращился, но быстро взял себя в руки, крепче сжимая пальцы на горле демона.

— Может, так я тебе больше понравлюсь? — продолжала издеваться никса. Ее черты снова преобразились. Змеи превратились в ноги, фигура стала более тонкой и изящной, кожа бледной, лицо овальным и плоским, глаза узкими и чуть раскосыми.

— Все еще не любя? — прощбетала она тонким мелодичным голоском. Николя поморщился, словно никса разбередила незаживающую рану.

— Ох, и сильно тебя Снежная сестра приморозила, — глумился демон. — Но было же что-то, что не смогла тронуть даже она? Что если...

Глаза Николя стали похожи на блюдца. Волосы никсы светлели и укорачивались, лицо вытягивалось и приобретало подозрительно знакомые черты.

— Только попробуй, тварь! — взбешенно взревел Николя. — Я разорву и тебя, и всю твою демонову семейку на части, и никакая ворожея меня не остановит.

Поняв, что хватанула лишнего, никса вернулась к изначальному облику полногрудой женщины и судорожно глотала ртом воздух. Николя по одному разжал пальцы и, отступив на шаг, стиснул голову руками. Губы шевелились, словно он говорил сам с собой, веки смежились. Грудь высоко поднялась от глубоко вздоха. Когда Николя вновь взглянул на никсу, то был уже самим собой, холодным и сдержанным.

— Не дразни смерч, — сказал он, пристально вглядываясь в черные глаза демона. — Насколько я вижу, про то, где искать никсу, можно больше не спрашивать. Объясни только одно, зачем тебе понадобилось соблазнять мельника.

Уголки губ никсы дернулись. Она смущенно отвернулась.

— Есть такое чувство — жалость. Людям оно неведомо. Как, впрочем, и тебе. Именно это я испытала к Вагни, когда увидела его в таверне. Думала, моя музыка облегчит его страдания. Но он не захотел музыки. Единственным его желанием было хотя бы изредка любоваться мной. Мной! Демоном со змеями вместо ног. Мое сердце не устояло. Ты еще помнишь, Охотник, для чего оно — сердце? Мы любили друг друга жаркими летними ночами, страстно, безумно, так, как бывает лишь раз в жизни. Но всему наступает конец. Когда в моем чреве зародилась новая жизнь, Вагни пришлось оставить. Его страдания разрывали мое сердце, но я не могла появиться перед ним, пока ребенок рос внутри меня. Только после родов я покинула свой дом за водопадом, чтобы хоть немного утешить его. Но нам помешала его жена.

— Ты убила ее, — укорил Охотник.

Никса печально склонила набок голову.

— Я избавила моего Вагни от обузы. Взамен я отдала ему самое дорогое, что у меня было — наше дитя. Я думала, среди людей ей будет легче, чем здесь, в одиночестве. Я думала, она вырастет и найдет любовь, с которой сможет завести собственных детей и жить душа в душу, как человек. Но таких, как мой Вагни, больше не нашлось. Никто не пожалел ее и не заступился, когда этот ублюдок издевался и насиловал ее. Никто не защитил, когда он напал и попытался убить ее дитя. Знаешь, что для матери значит ее дитя? Хотя что ты можешь знать — на тебе ведь печать мар.

Николя болезненно скривился. Майли испугалась, что он опять разозлится и начнет бушевать, но ничего не произошло. Едва заметно нахмурившись, Охотник ответил:

— Ее защитила ты. И с детьми, судя по тому, что в прошлый раз ты играла колыбельную, тоже все в порядке. Можно было не убивать лесоруба столь жестоким способом. Он и так был достаточно напуган.

— Я видела его гнилую душонку насквозь. Он похитил раковину моей дочери и не собирався ее отдавать. Как только испуг прошел, он бы принялся за старое.

— Вы могли обратиться ко мне. Я бы разобрался без всяких убийств. И ни у кого не было бы проблем.

— Ну да. Ты даже со своей-то головой разобраться не можешь. Бюргеры тебя уже едва ли меньше нас ненавидят. А дальше будет только хуже.

— Может, хватит оскорблений? Этим ты себе не поможешь, — Николя говорил тихо, без тени выражения, но никсу это впечатлило гораздо больше, чем когда он злился и кричал. Она сникла и замолчала. — Родители лесоруба требуют выкуп за своего сына. Если его не принесу я, то бюргеры попытаются добиться справедливости сами. Прольется много невинной крови. Я готов на все, чтобы этого избежать.

— Ну да, а кровь вшивых водяных демонов для тебя недостаточно невинна. Что ж,

руби! — никса опустила на землю и склонила голову на высокий валун. — Только семью мою пощади.

— Я бы с радостью, только Эйтайни запретила, — развел руками Охотник. — Но у меня есть идея получше. Твоя дочь родила двойню, верно? Отдай мне одного. Он и станет твоим выкупом.

— Никогда больше я не пушу свою плоть и кровь жить среди людей. Никогда! — взъярилась никса.

— Хорошо, — согласился Николя. Никса выпучила глаза от неожиданности. Он снова вынул раковину из-за пазухи. — Тогда я попрошу об этом твою дочь. Вряд ли она сможет мне отказать.

Никса безнадежно глянула на гребень своей дочери. Знала, что Охотник переиграл ее, и все равно не могла смириться. Слишком больно, видно, было расставаться с внуком, больнее даже, чем с головой.

— Что ж, твоя взяла. Силой я победить не смогу, а чары на тебя не действуют. Выбирай, кого возьмешь: мальчика или девочку.

Николя задумался, хотя его ответ был очевиден даже для Майли.

— Мальчика.

Никса злорадно ухмыльнулась.

— И все-таки я перехитрила тебя, Охотник. Оба ребенка — девочки. Я не отдам тебе ни одну из них. Возвращай раковину!

— Справедливо, — смиренно кивнул Николя. — Я верну ее, как только ты покажешь мне детей. Хочу убедиться в правдивости твоих слов.

Никса протяжно глянула ему в глаза. Искала, в чем подвох? Наконец она кивнула и уползла в пещеру за водопадом. Майли переминалась с ноги на ногу от нетерпения и любопытства. Вскоре никса вынесла корзину из ивовых прутьев, внутри которой на перине из листьев водяных лилий лежали два одинаковых младенца. Кожа их была ровного белого цвета, а макушки покрывал темный пушок. Николя склонился над ними и, зашептав что-то ласковое, протянул к одному руку. Малыш задорно улыбнулся беззубым ртом и шаловливо дрыгнул розовенькими пяточками.

— Ты ошиблась, — ликующе объявил Николя и, взяв ребенка на руки, повернул его личиком к никсе. — Этот очень похож на мальчика.

Майли пригляделась и заметила крохотный кожаный мешочек между ног малыша, хотя могла поклясться, что мгновение назад это была девочка.

— Что? Ах ты! — взревела никса, поняв, что ее провели.

Николя прижал к себе ребенка и отступил на шаг, ехидно посмеиваясь.

— Но-но! Ты же сама обещала, что мальчика отдашь. А станешь дурить, так я и второго... — Николя заглянул в корзину и рассмеялся уже в голос: — мальчика заберу.

— Ненавижу! — с горечью выкрикнула никса. — Прокляла бы всю твою демонову семейку, да они и так прокляты, только потому что злой рок связал их с тобой!

Николя не стал слушать ее брань и направился к Майли.

— Если малыша обидят, я все равно его заберу! — бросила никса на прощание.

— Нет, в этом случае я верну его тебе сам, — заверил ее Охотник.

Вместе с Майли они двинулся в обратный путь. Ребенок на его руках быстро затих и уснул.

— Эта никса говорила странные вещи, — задумчиво пробормотала Майли, когда они

уши достаточно далеко от злосчастливого водопада.

— Демоны всегда так говорят. Не обращай внимания, — отмахнулся Николая.

Майли видела, что слова никсы задели гораздо сильнее, чем он стремился показать. Впрочем, кто она такая, чтобы лезть к нему в душу? Пусть молчит, если ему так легче.

Добравшись до лошадей, Николая снял с себя рубашку и, запеленав в нее малыша, передал Майли. Она приняла сверток дрожащими руками, опасаясь, что неловким движением навредит крохотному курносому чуду.

— Не бойся. Он не кусается. По крайней мере, я надеюсь, — пошутил Николая, заметив ее смущение, и, ловко вскочив в седло, принял ребенка обратно.

— У вас так хорошо получается с детьми, — восхитилась Майли, забираясь на толстуху-кобылу, с которой уже успела сродниться.

— Да что тут может не получаться? В этом возрасте они милые, а чем старше, тем страшнее становятся, — продолжил шутить Охотник. — Мне как-то приходилось помогать Эглаборгу принимать роды у эламских кочевников в пустыне во время песчаной бури. Вот это было страшно. Уж лучше сразиться с ордой демонов, чем пережить такое во второй раз.

Майли улыбнулась и, прижав пятки к лоснящимся конским бокам, поскакала вперед. Вороной жеребец непринужденной летящей рысью последовал за ней. На подъезде к городу малыш проснулся и, не узнав никого из находившихся рядом людей, расплакался. Николая принялся его качать, тихим голосом напевая колыбельную на непонятном наречии.

— Проголодался, видно, — поделился догадкой Охотник. — Потерпи, скоро все закончится. У тебя будет новый теплый дом и много-много молока.

— Вы думаете, он сможет жить среди людей? — спросила Майли, подъехав ближе к Николаю.

— Его мать смогла, а она была человеком лишь наполовину. Его способности скроют, и он ничем не будет отличаться от других детей. Разве что окружающий мир будет ощущать острее, да по воде тосковать иногда.

— А если родители лесоруба его не примут? — непонятно зачем переживала Майли. Ведь это противный сути Единого демон. Так почему его так жалко и хочется защитить?

— Примут, ведь ему предалась часть очарования никсы. Думаю, со временем он станет тем, кто примирит людей с обитателями вод.

Убаюканный беседой малыш успокоился. Вдали показался дом бургомистра. Николая спешил и попросил Майли подождать его с лошадьми, а сам понес ребенка к покрытым вечнозеленым вереском холмам.

Эйтайни вышла, как только Охотник поднялся на вершину Королевского холма, словно ждала его.

— Ты все-таки нашел способ? — счастливо улыбнулась она, разглядывая младенца на руках Николая.

— Жизнь всегда лучше смерти, — улыбнулся в ответ Николая, не желая признаваться, что уже думал отрубить никсе голову, наплевав на запрет. Слишком больно били ее слова по его самолюбию и старым незаживающим ранам. Но все же не поддался, выстоял. Ведь что значит самолюбие по сравнению с жизнями людей, пусть даже не самых умных? Он и без

того уже один раз всех подвел, во второй он бы себе не простил.

— Сделай его человеком, — попросил Охотник.

Эйтайни кивнула и забрала ребенка. Нежной вязью звуков полились заклинания туатов. Эйтайни вынула малыша из рубашки, подставила его солнцу и закружилась по холму. Подкрашенные сиреневой краской пальцы выплетали в воздухе узоры. Вскоре она остановилась, с трудом справляясь с тяжелым дыханием, и вернула младенца Охотнику.

— Я подправила внешность, чтобы людям было легче его принять, — она указала на светлые кудряшки на макушке ребенка.

— У него все будет хорошо, — заверил Николая, укутывая ребенка обратно в рубашку.

— Мы все на это надеемся, — бросила на прощание королева Дану и исчезла за холмом.

К жилищу родителей Орма они подъехали, когда лавки в городе уже закрывались, а люди расходились по домам, чтобы отужинать и лечь спать. Майли волновалась, а вот Николая выглядел безмятежным. Едва заметно подмигнул ей, когда стучался во входную дверь богатого дома.

На порог вышел Рауд в черной траурной одежде и хмуро глянул на них.

— Ваш выкуп, — Охотник протянул ему ребенка.

Рауд удивленно вскинул брови, всматриваясь в лицо Николая, будто силился его разгадать.

— Что происходит? — следом вышла его заплаканная жена, тоже в траурном платье.

В отличие от мужа она сразу заинтересовалась ребенком. Смотрела во все глаза. Будто бы с жадностью.

— Это ваш внук. Берите, — Николая вложил его в руки Ауд. — Вы же хотели, чтобы кто-то позаботился о вас в старости. Вырастите его хорошим человеком, тогда он будет помогать вам во всем и никогда не оставит.

От шума малыш проснулся. Испуганные небесно-голубые глаза уставились на склонившуюся над ним женщину. Он снова расплакался.

— Гляди, вылитый Орм! — восхищенно воскликнула Ауд и принялась его качать. — И глазки, и носик, и ротик, даже кудряшки такие же. Да ты, должно быть, голоден. Рауд, ну что стал? Беги в город искать кормилицу, а я попробую его козьим молоком напоить. Детям оно больше коровьего нравится.

Рауд замер, ошеломленно глядя на вмиг помолодевшую жену, махнул рукой и помчался вверх по улице.

— Я же говорил, все у этого малыша будет в порядке, — подмигнул Николая.

Майли коротко улыбнулась в ответ, размышляя о собственном даре, который помог совершить это чудо.

Глава 34. Испытание первое: последний танец

Приближался Бельтайн. Чтобы поднять настроение горожанам, отвлечь от гнусных речей проповедника и проблем с крысами, бургомистр устроил пиршество. Потратил больше своего годового дохода на покупку в соседних городах крупы, муки, квашеной капусты, сала, колбас и вяленого мяса, пива и эля. Заставил охотников и рыбаков трудиться без передыха, благо, на их добычу крысы никак повлиять не могли. Дети собирали хворост для праздничных костров, наряжали кусты цветами, пестрыми лоскутами и лентами, гирляндами, раскрашенными ракушками, соломенными куклами и всем ярким, что попадалось под руку. Девушки плели венки из веток рябины и боярышника, украшая их желтыми цветами первоцвета, орешника и болотной калужницы, развешивали на дверях, калитках и ставнях. Город очищался после весенней распутицы. Все лишнее, испорченное, ненужное сжигалось вместе с прошлогодней листвой и мусором. Упсала приветствовала приближающееся лето с учтивостью и трепетом, надеясь, что благостная пора смилостивится над ними, и несчастья пройдут сами собой.

Гарольд позаботился не только об угощении, но и об увеселениях. Ни один хороший праздник без них не обходится. Пригласили бродячих музыкантов, актеров и жрецов из Огнегарда — храма огня, расположенного у подножья вулкана на северо-востоке Лапии — чтобы они освятили праздничные костры и, как встарь, устроили огненное представление. Все с нетерпением ждали, когда закончатся последние приготовления и можно будет повеселиться всласть.

Герда готовилась к Бельтайну по-своему. Ведь это был ее день рождения. Девятнадцать. Уж три года как взрослая. Одногодки в Дрисвятах уже давно замуж выскочили и с детишками сидят. Одна она сама как ребенок. Не женщина еще.

Подарков не хотелось, дежурных пожеланий тоже. Герда бы вообще предпочла, чтобы никто не вспомнил об этом дне. А вот для Николая подарок сделать стоило. Чтобы у него осталось что-то на память, когда им придется расстаться после экзамена. Герда тайком позаимствовала одну из его рубашек. Повезло, что у него было много одинаковых — пропажу одной вряд ли заметит. Герда решила украсить ее вышивкой. Она не была особо искусной в рукоделии, да и желания им заниматься никогда не хватало, но ради Николая стоило постараться.

В лавке Герда купила пяльцы, иголки и много ярких разноцветных ниток. Подходящий узор нашелся на эстампе в одной из книг в библиотеке. Стежки ложились на обрисованный мылом контур очень медленно. Аккуратно. Тщательно. Тренировка терпения и концентрации похлеще, чем то, что придумывал для нее Николай. Чтобы успеть к празднику, пришлось забросить чтение и занятия с даром. Впрочем, последнее не оправдало надежд. Герда так ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы прочитать мысли Николая. Самая пора бросить бесполезное дело.

Рубашка оказалась готова за пару дней до праздника.

После встречи с никсой в городе стало подозрительно тихо, словно демоническая жизнь

замерла в ожидании чего-то грандиозного и вместе с тем жуткого. Дни стояли погожие, солнечные и безветренные. Даже бурливые воды океана притихли, накатывая едва заметной рябью лишь у самого берега.

Николя рыскал по городу в поисках крысиного пастуха, но и следа не находил. Бессилие бесило. От отчаяния он истязал себя проповедями единоверца. С каждым днем сторонников у того становится все больше. А на Николя, множество раз спасавшего город, смотрели с неприязнью и разочарованием. Он и сам разочаровался. Не понимал, зачем продолжает бороться, зачем слушает гнусь. Надеялся понять, почему проиграл, так и не дав боя, и как быть дальше, когда в городе почти не осталось тех, кто в него верит. Может, тихо уйти, уступив новому кумиру свое место? Для Николя оно никогда не было важным. Но чутье подсказывало, что молитвы проповедника не остановят нашествие, утихомят тысячелетнюю ярость, которую он, Охотник, имел глупость пробудить. Люди погибнут по его вине, потому что он не справился со своими обязанностями и всех подвел. Они правы. Он заслужил их гнев. И станет предателем в собственных глазах, если бросит их сейчас.

Николя стоял в переднем ряду разношерстной толпы, собравшейся перед помостом, с которого вещал о спасении души пилигрим. Охотник уже не слушал его. Отчаянно тер виски. Что он мог упустить, где еще не искал логово проклятого божества? Хорошо бы попытаться уладить все мирным путем. Оставить большую жертву из лучших животных или отдать то, что он попросит. Что бы ни попросил. Лишь бы обойтись без драки, в которой у Николя вряд ли достанет сил победить. Все-таки пастух — бессмертный бог, а не демоническая мелкота, которую Николя гонял по долам и весям сызмальства. То, что пастуха так сложно обнаружить, уже доказывает, насколько он силен и умен. Нет, придется дать бой. Что можно противопоставить тысячелетнему гневу, всепоглощающей жажде мести?

Николя коснулся эфеса собственного меча. По руке привычно прошла волна возмущения, почти такая, какую он испытывал, когда касался кинжала Герды. Проклятое оружие. Четыре долгих года ушло на то, чтобы меч, обладавший собственной волей и разумом, откликнулся, заговорил человеческим языком. Тогда меч предпочел покориться презренному человечешке, только бы не попасть в руки Ловца. Такого же, который едва не прикончил Николя в Дрисвятах. Предвестники мрака, кажется, так меч называл этих демонов. Они были его врагами еще в те времена, когда оружием владел сам Небесный повелитель. Заключив союз, Николя с мечом победили демона. Но согласится ли божественное оружие сражаться против того, кто гораздо более достоин быть его хозяином?

Охотник наполовину достал меч из ножен. На клинке у эфеса вспыхнула фиолетовым руна «перт».

«Начистим перья наглому оборотню или снесем башку пустомеле-пилигриму?» — прозвучал в голове металлический голос.

«Нет, — отрезал Николя, хотя оба предложения казались очень заманчивыми. — Я хотел спросить, сможешь ли ты победить бога?»

«Если он такой же патлатый и дурной, как тот оборотень, то естественно. Готов к сражению хоть прямо сейчас», — любезно объявил меч. Все бы ему шутки шутить.

«А если серьезно?»

«Если серьезно, то все от тебя зависит. Я был выкован в небесной кузне, на небесном огне, из звездного металла на заре времен самым высоким Тенгри. Что мне какой-то рыжий самовлюбленный болван, а тем более растерявший скот пастух? В былые времена я с самим Повелителем морей схлестывался. Но тогда меня держала уверенная рука моего создателя. А

справишься ли ты, мне неведомо».

«Ясно», — Николя спрятал меч в ножны. Хотя бы слабенькую надежду он получил. Правда, можно было попросить помощи еще кое у кого.

«Безликий, ты здесь?» — позвал Николя, проверяя, настроен ли бог его слушать.

«Я всегда здесь, если ты об этом, — послышался сварливый голос. — Зачем ты тратишь время на этого пустозвона, вместо того, чтобы провести его с той, кто действительно жаждет твоего общества?»

«Давай не будем. Я хотел спросить...»

«Не одолжу ли я тебе свою силу, чтобы победить крысиного пастуха? Да, конечно, она всегда в твоём распоряжении».

«Вот так легко? И ты не потребуешь никакой жертвы взамен?»

«Даже если потребую, ты ее принесешь?» — Безликий коротко хохотнул.

«Смотря какую... Что? Да ты совсем обалдел?!»

«Неужели то, что я прошу, настолько ужасно? Ты же сам, умираешь, как этого хочешь. Я все чувствую».

«Важно, что она этого не хочет».

— А ты ее спрашивал?

— Как бы это по-твоему выглядело?! — Николя так увлекся перепалкой с Безликим, что не заметил, как с шепота перешел на крик.

— Что выглядело? — спросил проповедник. Он стоял рядом. Николя даже не заметил, когда он подошел! И прежде, чем Охотник успел ответить, заорал во всю глотку: — Люди, вы слышали? Он же с самим собой разговаривает. Это первичный признак одержимости. Все нечестивцы одержимы, а этот в особенности. Это он наслал на город крыс!

Николя закрыл лицо рукой, не желая отвечать на бредовые обвинения. По толпе волнами ходил едва различимый шепот. Решали, верить проповеднику или нет. И если да, то что делать с опасным одержимым.

— Да вы что, совсем белены объелись? — загремел над площадью зычный голос бургомистра. — У мальчика голова кругом от ваших бредней. Да и у меня, честно признаюсь, тоже.

Что-то больно чиркнуло Николя по лбу. Острый камень? Почему дар его не отклонил? С рассеченной брови на глаз капала кровь, мешая смотреть. Но следующий камень, летевший в голову Гарольду, Николя успел перехватить телекинезом. Камень упал, не добравшись до цели.

— Кто это бросил?! — взбешенно взревел бургомистр. — Узнаю — руки оторву! Стража! Кто, по-вашему, здесь порядок наводить должен?!

Гарольд удивительно шустро для своего веса подбежал и схватил зарвавшегося проповедника за грудки:

— Я терпел ваши выступления только из-за нашей репутации самого свободного и справедливого города Лапии. Но если вы еще раз посмеете кого-то беспочвенно обвинять, клянусь своим постом бургомистра, вы сгниете на позорном столбе, медленно и мучительно. И те, кто бросает камни, последуют за вами. А теперь проваливайте. Чтоб и духу вашего во время праздника здесь не было!

Николя ошалело крутил головой по сторонам, боясь пропустить следующую атаку, но ее не последовало.

— Я уйду! — завопил проповедник, вырываясь из цепких рук бургомистра. — На время.

Дабы не запятнать свою веру и душу, глядя на несправедное веселье во время нечестивого праздника. Но я вернусь, ибо мой долг перед Единым спасти всех заблудших овец, которых только можно.

Проповедник с полным достоинства видом удалился. Вскоре подоспели стражники и принялись разгонять зевак по домам.

— Не стоило горячиться, — измученно сказал Николя, когда с ним поравнялся мрачный, как грозовая туча, Гарольд. — Мы так только слабость свою показали. И ему, и всему городу.

— Но он же перешел все границы. Я не мог молчать, — беспомощно развел руками бургомистр. — Надеюсь, за праздники все отдохнут и успокоятся, иначе нас ждет бунт.

— Не думаю. Их отваги только на то, чтобы камни кидать исподтишка, хватает, — Николя отер рукавом кровь с глаза.

— Ты-то сам как? До дома дойдешь?

Николя кивнул. Они распрощались, видя, что последние из толпы покинули площадь, и тоже зашагали в разные стороны.

Охотник уже стоял на пороге собственной комнаты, когда рядом хлопнула дверь и послышались спешные шаги.

— Мастер Николя, можно вас на минуточку, — раздражающе робко начала Герда. Как она некстати. — Я просто хотела...

Отослать ее не выйдет. Николя медленно повернулся. Герда стояла в двух шагах от него и прижимала к груди сверток.

— Да у вас кровь! — ахнула она, придвигаясь ближе. — Это вас на проповеди так? Не ходите туда больше!

— Пустяк. Царапина, — отмахнулся Николя, силясь понять, что Герда так отчаянно теревит в руках. — Так что ты хотела?

— Рану надо обработать! — упорствовала девушка.

— Я же сказал, не стоит беспокоиться, — резче, чем хотелось, ответил Николя. Герда обиженно поджала губы.

— Тогда я позову мастера Эглаборга, — заявила она и сделала несколько шагов к лестнице.

— Нет, стой! — перехватил ее Николя. Только кудахтанья старого целителя не хватало! — Хорошо, можешь обработать демонову рану сама, только живой.

Герда улыбнулась и убежала вниз за мазью. Николя вошел в свою комнату и уселся на кровать, сдавив гудевшую голову ладонями. Дверь распахнулась. На пороге показалась запыхавшаяся Герда с чайником, лоскутом белой материи и туюском с мазью. Таинственный сверток был зажат подмышкой, а потом перекочевал на стул. В стоявший на столике для умывания таз полилась кипяченая вода. Герда смочила в ней лоскут и принялась стирать кровь с разбитой брови. Ласковые прикосновения нежных пальчиков унимали боль даже больше заживляющей мази, от которой кожу неприятно саднило. Николя корил себя за то, что наслаждается близостью, но ничего поделать с собой не мог. Он поймал ее ладонь и приложил к губам.

— Так что ты хотела? — настойчиво спросил Николя.

— Я... — зарделась от смущения и замялась она. Глаза забегали, пока не уперлись в оставленный на тумбе сверток. Она с шумом выдохнула, словно перед прыжком в воду: — Я хотела, чтобы вы пригласили меня на праздник.

Николя вскинул бровь:

— Нет времени. Нужно искать пастуха, ты же знаешь.

— Хотя бы один танец. Это не займет больше пяти минут, — она широко распахнула и без того слишком большие глаза и просяще уставилась на него.

Вот-вот расплачется. Николя понурился. Он не переносил вида женских слез, особенно когда сам был их причиной. Но сейчас эту порочную двусмысленную связь следовало разорвать. Окончательно и бесповоротно. Все уже и так вышло из-под контроля.

— Нет. Нам не стоит сближаться. Из этого ничего не выйдет. Слишком многое стоит между нами.

— Но я ни о чем серьезном не прошу. Всего один танец — хорошее воспоминание, которое останется со мной, когда... — она тоскливо вздохнула и отвернулась, украдкой смахивая слезы. — Когда нам придется расстаться.

— Расстаться? — моргнул Николя. От дурацкого слова сердце болезненно защемило.

— Скоро экзамен, вы забыли? После него все отправятся по местам назначения: в Дюарль или...

Николя поморщился. Из-за суматохи с проповедником он действительно забыл о том, что все сроки ученичества уже вышли. Придется принимать какое-то решение, хотя никаких идей на этот счет так и не появилось. Письмо Ноэля только все усложнило. Те варианты, которые удалось придумать раньше, теперь казались одинаково плохими.

— Уверен, у тебя еще будет много хороших воспоминаний. Ты этого достойна. Просто не со мной.

Николя протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но Герда отшатнулась.

— Финист был прав. Вы лицемер и трус. Просто скажите прямо, — попросила она тихо, почти умоляюще.

— Сказать что? — Николя уже давно упустил направление беседы и не представлял, куда она клонится.

— Правду! — от отчаянного крика Николя вздрогнул.

Прочитала мысли? Догадалась? Нет, не может быть.

— Герда, я не...

— Я и так все знаю.

Она права. Ему до одури страшно, что придется объясняться. Он ведь и сам не решил, как к этому относиться. Почему все так сошлось?!

Герда продолжала свою обличительную речь:

— Я недостаточно красива для вас. Недостаточно умна и образована. Дар, и тот слабый достался. Куда мне до дюарлийских знатных дам, а уже тем более до вашей ненаглядной жрицы? Я никогда не надеялась даже сравниться с ними. Просто хотелось хоть на мгновение поверить в сказку.

— Но причем здесь?.. — вырвалось у Николя. От этих несуразностей голова шла кругом.

— Ни при чем. Забудьте! У вас прекрасно это получается, — всплеснула руками Герда и, схватив свой сверток, побежала к двери. Уже с порога, глотая слезы, бросила: — Простите. Я больше не буду доносить вас своими глупостями.

— Герда... — едва слышно простонал Николя, но она уже закрыла за собой дверь.

Он обессилено опустился на кровать и снова сжал голову руками.

«Что ты натворил, болван! — по ушам барабанным боем прошелся разгневанный голос Безликого. — Ты же разбил ей сердце. Почему ты лежишь? Беги за ней. Попроси прощения.

Сходи с ней на этот демонов праздник. Станцуй все танцы, которые там будут. Стань самим очарованием. Ты же можешь. Это куда полезней, чем до бесконечности жалеть себя и заниматься самобичеванием».

«Нет. Все так, как и должно быть, — после ссоры чувства притупились и накатила апатия. — Она разочаровалась и теперь сможет меня отпустить, чтобы жить дальше и быть счастливой. А со мной ее бы ждали только невзгоды и боль».

«Ну-ну. И где же по-твоему она будет жить дальше? В заложниках у компании Норн? Или может у тебя достанет мужества передать ее Голубым Капюшонам? Там она хотя бы будет среди своих».

«Замолчи! Если так хочется, бери мое тело и делай с ним все, что заблагорассудится: проси прощения, танцуй на празднике, признавайся в любви. Ты же можешь. Только меня оставь в покое. Я больше не хочу разрываться от этой боли!»

«Да что ты вообще знаешь о боли, щенок? Боль — это когда на твоих руках умирают братья, которых ты обещал защищать. Боль — это когда тебе приходится поднимать меч против собственной крови. Боль — это когда отец, которому ты никогда не был достойным сыном, отдает за тебя жизнь и оставляет в наследство мир, который ты не можешь удержать от разрушения. Боль — это когда ты уступаешь самое дорогое, что у тебя есть, глупцу, который даже оценить твой дар не в состоянии. Он втаптывает его в грязь, глумясь и издеваясь, а ты можешь лишь безучастно смотреть, не в силах защитить то, что так любишь».

Николя пораженно выдохнул. Неужели?.. Это бы многое объяснило.

«Думаешь, если бы я мог, то не воспользовался твоим телом до этого? Позволил бы тебе повторять одни и те же ошибки до бесконечности? Это не я подарил девочке брошь ворожеи, не я десять лет тайком рисовал ее портреты, не я посреди ночи бросился прочесывать плато, услышав в голове призрачный голос, не я затягивал экзамен до последнего, боясь даже думать о разлуке, не я при каждой встрече старался ненароком ее коснуться, не я целовал ее на лесной поляне, не я долгими ночами прислушивался, ловя каждый звук за стенкой. Не я отчаянно надеюсь, что каким-нибудь чудом она все равно всегда будет рядом».

«Чего ты добиваешься?» — обреченно спросил Охотник. Безликий прав. Никола давно запутался в своих поступках. И точно знал теперь лишь одно: если с Гердой что-то случится, он себе этого не простит. А оно случится, если она останется рядом с ним. Он всем приносит несчастья.

«Уже ничего. Если она тебе не нужна, то, пожалуй, я заберу ее. Не могу смотреть, как ты ее мучаешь».

«Что значит заберешь?» — переполошился Никола. Как мертвец, чье тело заковано в лед на краю света, может кого-то забрать? Тем более, Герда не вещь. У нее есть своя воля и свое мнение.

«Как дал, так и заберу. Больше никто не станет тебя уговаривать обратить на нее внимание. Сам будешь доказывать, что достоин. Я назначаю тебе три испытания. Провалишь хоть одно, и больше не увидишь ее никогда. Твое желание сбудется — отступи, как ты всегда делаешь. И твой покой уже больше никто не потревожит».

Безликий замолчал. Не отзывался, не желал больше ничего объяснять.

Отчаявшись, Охотник встал и оделся потеплее. Хотел проветриться, еще раз проверить все места, где мог прятаться крысиный пастух. Занять себя чем угодно, лишь бы тревожное предчувствие не глодало душу. Не стоило, ох не стоило злить строптивного бога! Остается надеяться, что Герде он вредить не станет.

За дверью поджидал Финист.

— С кем ты там говорил? — подозрительно сузил глаза оборотень и с любопытством заглянул в пустую комнату.

Николя попытался отмахнуться, но Финист следовал за ним по пятам до самой прихожей:

— Что ты наговорил Герде? Она вылетела от тебя в слезах!

— Отвали, а?! — выверился Охотник, растеряв остатки самообладания. — Что ты все время вынюхиваешь и подслушиваешь? Нечем заняться? Так окучь еще пару наивных девок. Или тебе денег на бордель не хватает?

Он сорвал с пояса увесистый кошель и швырнул оторопевшему Финисту.

— За мое здоровье можешь не пить. Только в покое оставь!

Оборотень стоял на пороге с отвисшей челюстью. Что ж, хотя бы заткнулся.

Передохнуть. Побить одному. Подумать.

После ссоры с Николя, Герда опрометью бросилась в свою комнату и зашвырнула ненавистный подарок под кровать. О чем она думала? Николя же каждый раз красноречиво давал понять, как к ней относится. А этот подарок? В самом деле, глупость. Какая из нее рукодельница? И рисунок «бабский», для воина совершенно не подходящий. Стыдно показывать даже.

Успокоиться не получалось. Герда пошла на конюшню и принялась остервенело счищать с Яшки остатки линялой шерсти. Ключья летели во все стороны, забивали ноздри, рот, глаза. Герда закашлялась. Железная скребница безвольно упала в солому. Душили рыдания. Герда прижалась к лошади, отчаянно пытаюсь найти утешение у животного, которое в отличие от человека могло без упреков выслушать, обнять шей и искренне пожалеть.

— Герда, ты здесь? — донесся с прохода голос Финиста. Дверь денника отворилась, и на пороге показался он сам. — Не плачь. Этот болван не стоит ни одной твоей слезинки.

— Нет, — отмахнулась она. — Сама виновата. Не нужно было на него набрасываться. Ты был прав. Нельзя жить детскими мечтами, которым не суждено сбыться. И плакать тоже нельзя — я уже не маленькая девочка.

Финист порывисто обнял ее и принялся гладить по волосам. Она спрятала голову у него на груди:

— Не надо так говорить. Мечтай, плачь, если хочешь, только не становись такой же сушеной воблой, как этот хлыщ.

— Пожалуйста, не оскорбляй его, — попросила Герда, подняв на оборотня затравленный взгляд.

— Не буду. Прости, — мягко улыбнулся Финист. Странное дело, но ни поцеловать, ни даже сделать объятия менее дружескими он не пытался. Это радовало и настораживало одновременно.

— За что? — осторожно спросила Герда.

— Мы повздорили. Я не хотел тебя расстраивать, — Финист замолчал. Ковырял носком пол.

Герда нахмурилась. Он явно что-то скрывал. С помощью телепатии так глубоко залезть в его мысли не получалось.

— Прощаю, — после небольшой паузы ответила она.

Какой смысл обижаться на то, о чем не знаешь? Вот узнает, и все равно простит. Такова, наверное, женская доля.

— Хочешь, позанимаемся немного? — предложил он.

Герда широко улыбнулась и стала вычищать щетку от шерсти. Финист вывел из денника Золотинку и отвел к самому выходу из конюшни. Герда подошла к ним. Финист взял ее за руку и подбадривающе кивнул.

— Помни, не уговаривай, а повелевай. Представь себя королевой, которая раздает указания своим подданным, — посоветовал он, словно знал одну из тех сказок, которыми она зачитывалась.

Герда закрыла глаза, набрала в грудь побольше воздуха и положила ладонь на лоб кобылы. С минуту ничего не происходило, а потом Золотинка медленно попятилась. Герда шла следом, не отрывая руки от ее головы до самого денника. Кобыла покорно вошла внутрь, и Герда задвинула засов.

— Молодец! — похвалил Финист. — Всего-то надо было взять маленькую передышку. Теперь ты обязательно сдашь свой экзамен.

— Ты действительно так думаешь? — Герда заставила себя улыбнуться, отгоняя прочь мрачные мысли. Отныне несбыточные мечты больше не имеют над ней власти.

— Уверен, — усмехнулся оборотень.

«И пусть только демонов интриган попробует ее завалить. Теперь у меня точно есть, чем ему ответить».

Герда закусила нижнюю губу в задумчивости. Почему мастер Николя должен ее завалить? Он же наоборот мечтает поскорей от нее избавиться. Финист снова заболел мнительностью?

— А я еще одному трюку научилась, — похвасталась Герда, желая перевести мысли оборотня в мирное русло. — Показать?

— Обязательно!

После ссоры Николя дома почти не появлялся. Приходил только поздней ночью. Герда сквозь сон слышала, как скрипела дверь в его комнате. И уходил до первых петухов, не желая ни с кем видаться или разговаривать. Герда тосковала и переживала, что обидела его глупыми претензиями. Очень хотелось попросить прощения, вернуть все, как было и никогда не заикаться о чем-то большем. Остаться друзьями, пусть и не близкими.

В день Бельтайна все, не сговариваясь, проснулись поздно. Завтрак походил на ранний обед. Герда предложила устроить Эглаборгу праздник, ведь он все время возился по дому, за всем ухаживал и никогда не отдыхал.

— Что я там забыл? Никогда не любил праздники. Гам, пляски, толпа народу — скукота! — сопротивлялся целитель, когда Герда с Финистом силой выталкивали его на улицу.

— Тогда не идите на праздник, просто прогуляйтесь, развейтесь. Ведь должно же у вас

быть что-то, что вы всегда мечтали сделать, но не находили времени из-за домашних хлопот, — предложила Герда.

Эглаборг задумчиво почесал затылок.

— А как же посуда? Уборка? — упорствовал он.

— Мы все сделаем, — заверил его Финист.

Видя, что ему не отвертеться, целитель сдался.

— Только ничего не разбейте и не передвигайте мои вещи! — бросил он на прощание и направился за околицу.

Герда, Финист и Вожык втроем быстро управились и с посудой, и с уборкой. Вычистили конюшню и голубятню. Накормили птиц и выпустили лошадей гулять в загон.

Ближе к вечеру к Финисту подошла скучавшая в одиночестве Майли. Разоделась в свое лучшее бордовое платье и нарядные парчовые туфельки.

— Сходи со мной на танцы, — попросила она, не глядя ему в глаза и заламывая руки.

— Нет. Ты же сама меня прогнала, забыла? — хмуро ответил оборотень.

— Правда, сходи. Мы с Вожыком позже присоединимся, — поддержала ее Герда. Совестно сделалось, что она так и не помогла Майли сблизиться с оборотнем. Бедняжка страдает, по всему видно. Николя хотя бы надежды никакой не давал, а Финист то поманит, то бросит. И упрекать его бесполезно — упреки не действуют.

— Нет, Герда, ты моя ученица и я не намерен больше тебя бросать, — Финист сложил руки на груди, показывая, что упрашивать бесполезно.

— Ну и ладно, — топнула Майли каблучками своих нарядных туфелек. — Я пойду одна и найду себе другого кавалера. Это будет легко. Кто угодно лучше полуграмотного голодранца с амбициями короля!

Финист фыркнул и помахал рукой. Она ушла, хлопнув дверью так, что стены ходуном заходили. Герда от досады поджала губы. Зря Майли так. Ведь видно, что любит. И никто другой ей не нужен.

Как и Герде.

— Так что ты хотела показать? — спросил Финист, отвлекая от мрачных мыслей.

— Взаимодействие. С Вожыком, — тут же развеселилась она и взяла стоявшего рядом мальчика за руку.

Финист вскинул брови.

— Тогда я принесу воды. На всякий случай.

Он натаскал в гостиную несколько ведер. Герда с Вожыком уселись друг напротив друга на полу. Обменялись подмигиваниями, они начали представление. Вожык создал небольшой огненный шар и бросил Герде. Она легко, словно пламя совсем не обжигало, поймала его и вернула Вожыку. Он кинул ей второй, точно такой же шар. Вот их стало уже три, четыре... шесть. Они увлеченно жонглировали, уловив единый ритм. Шары в руках не гасли, подчиняясь воле Герды, словно она тоже была пирокинетиком. Играючи, подражала движениям Вожыка, предугадывала и подстраивалась под них, даже когда мальчик сбивался. Видел бы ее успехи Николя! Почему все, что было с ним невероятно сложно, так просто со всеми остальными?

Финист встревожено сглатывал, наблюдая за опасными играми с огненными шарами. Удивительно. Когда-нибудь Герда будет сильным бойцом. Понятно, почему Николая хочет оставить ее при себе.

В дверь постучали. Герда с Вожьком слишком увлеклись и ничего не услышали. Финист тихо поднялся и вышел в коридор. Кто бы это мог быть? Охотник не заявится до вечера. В последние дни ему будто вожжа под хвост попала. Они как-то столкнулись в городе, но Николая его не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Совсем, должно быть, рехнулся от своей работы. Финист и сам не понимал, почему его вдруг озаботило душевное здоровье этого хлыща. Но от назойливого мрачного предчувствия избавиться не получалось.

Стук не прекращался. Финист прибавил шагу. Может, Эглаборг? Но ему на прощание таких речей выдали, что он тоже не решится вернуться так быстро. Майли заскучала? Наверняка она. Сейчас опять ныть будет.

Финист открыл дверь, собираясь сказать что-то ехидное, но осекся. На пороге стоял неизвестный мужчина. Крупный, высокий, выше даже самого Финиста, с широченными плечами. На удлинённом лице тяжелые скулы и глубоко посаженные черные глаза. Темные волосы острижены очень коротко, левую бровь и щеку перечеркивает застарелый белесый шрам. Одет в строгую, застегнутую под самый ворот военную форму. Ревизор из компании? Как им удалось отреагировать так быстро? Письмо же только-только должно было придти.

— Ноэль Пареда, помощник главнокомандующего компании Норн, — представился гигант и, щуря глаза в широкой обезоруживающей улыбке, протянул руку. — Финист Ясеньский, полагаю?

— Да, — он протянул свою, и ее стиснули так, что хрустнули кости. Уголки рта Финиста невольно поползли в стороны в восхищенной улыбке. Сразу видно, что перед ним могучий воин и человек хороший, простой, без всякой хитрости. Вот под его началом можно и послужить. Такой не подведет, и не обманет, и воевать станет только за правое дело. Видно, не зря высокую должность занимает. Должно быть, все ответственные решения принимает именно он, ведь главнокомандующий уже стар.

— Много наслышан о ваших успехах, — продолжил Ноэль нарочито учтивым тоном.

— Издеваетесь? — насупился Финист. Конечно, Охотник наверняка успел «ославить» его перед начальством.

— Отнюдь. Меня весьма впечатлил отчет о вашем путешествии из Веломовии. Вы смогли целыми и невредимыми провести своих учеников через столько опасностей, очень сносно подготовить их к будущей службе, а также обнаружить несколько перспективных новобранцев. Такое рвение похвально. Как и ваша неусыпная забота о благополучии вверенных вам людей и непререкаемая верность компании.

Финист удивленно моргнул. Ни во взгляде, ни в голосе Ноэля не было и тени лукавства.

— Даже мастер Николая весьма лестно отзывался о ваших способностях, а он один из лучших воинов компании. Подобный отзыв от него получить далеко не просто.

Финист поморщился. Неуютно. Но почему? Он ведь все сделал правильно. Все, чтобы защитить Герду. Только за этим.

— Сожалею, что прежде вас не оценили по достоинству, — голос Ноэля сделался более грозным, отчего захотелось вжать голову в плечи, словно его отчитывал старший брат. — Но теперь я лично прослежу, чтобы вам воздали по заслугам.

— Спасибо, — стусевавшись, с трудом выдавил из себя Финист. Его никогда в жизни так не хвалили. — Вы... вы получили мое письмо?

— Именно оно меня сюда привело. Я хотел бы сам разобраться прежде, чем предавать дело огласке. Мастер Николя — уважаемый человек и очень опасный. Не хотелось бы портить с ним отношения из-за небольшого недоразумения, которое послужило причиной вашей тревоги.

Финист стиснул зубы и опустил голову. Ему не поверили. Что ж, он хотя бы попытался.

— Я просто хотел удостовериться, что с моей ученицей все будет в порядке.

— Обещаю. Но мне бы хотелось взглянуть на нее своими глазами, раз уж я здесь. Можно? Отражающая — такая редкость.

— Конечно, — Финист отошел в сторону, пропуская Ноэля в дом. — А можно вопрос? Как вы оказались здесь так быстро? Я ведь письмо всего неделю назад отправил.

— Телепортивался, — подмигнул офицер и, разувшись, вошел в гостиную, где Герда с Вожыком самозабвенно жонглировали огненными шарами.

— Bravo! — воскликнул Ноэль и захлопал в ладоши. Герда с Вожыком вздрогнули, и все шары погасли. — Ну что же вы, — начал сокрушаться Ноэль и назидательным тоном, выдавшем многолетний наставнический опыт, добавил: — Вы должны уметь держать концентрацию, что бы ни происходило вокруг.

Герда с Вожыком переглянулись и вопросительно уставились на Финиста.

— Это мастер Ноэль из Дюарля, — спохватился он и спешно представил гостя. — Он...

— Приехал проведать любимых учеников компании, — перебил офицер и одарил всех той самой широкой улыбкой, которая так впечатлила Финиста. — Как вам здесь живется?

— Хорошо... вроде, — после затянувшейся паузы ответил Вожык.

Герда испуганно таращила глаза на пришельца.

— А почему вы не на празднике? — непринужденно поинтересовался Ноэль. — В Дюарле уже всю гуляют. Учеба, конечно, хорошо, но иногда нужно позволять себе расслабиться.

— Так Герда хотела пойти с мастером Николя, но у него не нашлось времени. Поэтому мы все сидим дома, чтобы ей не было тоскливо, — с детской непосредственностью заявил Вожык.

Герда побелела, позеленела, а потом залилась пунцовой краской и спрятала лицо в ладонях.

— Какой он, однако, противный, наш мастер Николя, — хохотнул Ноэль. — Ничего, я еще проведу с ним воспитательную беседу. А вы живо собирайтесь. Чтоб через пять минут были готовы идти на праздник, — заметив, что Герда открыла рот, командным голосом добавил: — Возражения не принимаются. Это приказ. И поживее!

Перечить никто не осмелился. Все дружно отправились наверх переодеваться.

Какой же наряд выбрать? Можно надеть шикарное платье королевы Дану, если точно знать, что там будет Николя. Или взять неброское, может даже, повседневное серое, чтобы поменьше выделяться? Уж очень подозрительный этот мастер Ноэль. Зачем он приехал? Уж явно не для того, чтобы сводить недоучек на праздник. Он так странно смотрел, словно оценивал, но не внешность, как обычно оценивают мужчины незнакомых девушек, а что-то другое, что-то глубоко внутри. Ауру? Способности? А еще Герда не смогла его прочитать.

Глухо. Совсем как с Николая. И Финист странно себя ведет. Он явно знает больше, чем говорит. Надо залезть поглубже в его мысли. Как раз будет повод испробовать что-то новенькое. Лишь бы никто не догадался.

— Герда, живее! — прикрикнул на нее Финист из коридора, за один разговор нахватавшись командирских замашек от офицера из штаба.

Герда выбрала промежуточный вариант — синее платье Анки. По крайней мере, будет похоже, что она пыталась принарядиться, просто ничего красивей не нашлось. Быстро оделась, пригладила волосы, приколола на ворот брошь и спустилась в гостиную.

— Выглядите просто очаровательно, — одарил ее комплиментом Ноэль.

— Спасибо, — слабым голосом ответила Герда и метнулась к Финисту в поисках защиты. Оборотень хотел взять ее под руку, но поймав на себе красноречивый взгляд Ноэля, уступил ему. Гость деликатно взял ее под локоток и повел на улицу. Следом бодро вышагивали Вожык с Финистом.

Герда украдкой поднимала взгляд на своего спутника и тут же отворачивалась. Он возвышался над ней чуть ли не на две головы, подавлял огромным ростом и могучим телосложением. Вырваться бесполезно. Он легко удержит ее своими великанскими ручищами. Даже Финист его боится. Интересно, Николая бы вел себя в его присутствии также или хотя бы попытался ее защитить?

— Вы так и не ответили, как вам нравится ваше обучение, — вкрадчивым голосом заговорил Ноэль.

— Меня все устраивает, — заверила его Герда.

— Тогда почему вы такая напряженная?

— Я всегда такая. Спросите кого угодно. Хоть мастера Николая. Он меня за это постоянно ругает, — от страха она начала тараторить, плохо понимая, о чем говорит.

— Ругает? — Ноэль сдвинул густые брови. — Надо же, совсем на него не похоже.

Герда смутилась. Зачем она это сказала? Теперь он решит, что она жалуется.

— Я не это имела в виду. Мастер Николая замечательный учитель. Самый лучший.

— Я думал, ваш учитель — Финист, — снова удивился офицер.

Герда прикусила губу. Вот как всегда, сейчас наговорит что-нибудь не то, а потом у всех неприятности будут. И больше всего у Николая, а ему и без того забот хватает.

— Конечно, Финист. Просто мастер Николая очень обо всех печется, как будто мы его собственные ученики.

— А Финист такой же замечательный учитель, самый лучший? — продолжал с невозмутимым видом интересоваться Ноэль. Герда бросила затравленный взгляд на вышагивающего позади оборотня. Он смотрел себе под ноги.

— Да, такой же, — печально ответила она.

— Как замечательно, что все наши учителя самые лучшие! — воскликнул офицер.

Герда заставила себя взглянуть ему в лицо. Он смеялся. Сейчас, небось, подумает, что она полная идиотка. И будет недалек от истины.

Дорога до главной площади никогда еще не казалась такой длинной. Финист, как назло, останавливался возле каждого дома, показывая местные «достопримечательности». Она никогда не думала, что их может быть так много. Когда впереди замаячили отсветы зажженных у ратуши костров, Герда уже хотела упасть в обморок, как это делали нежные и ранимые героини рыцарских романов. Жаль, что она не героиня. С ее удачей, она точно разобьет себе лоб и пока будет валяться без чувств, прилетит недобитый дракон и всех съест.

Видно, правильно мастер Николя ее трусихой называет. Надо быть рыцарем, а не кисейной барышней и встречать врагов с открытым забралом. Герда еще раз посмотрела на старательно изучавшего вечернее небо Финиста. Похоже, никто кроме нее этим заниматься не собирается.

— Смотрите, там танцуют, — махнул Ноэль в сторону костров. — Не хотите присоединиться?

Герда, Финист и Вожык настороженно переглянулись.

— Да что вы такие забитые? Неужели Николя настолько вас запугал? — развел руками офицер.

— Да! Нет! — одновременно ответили Финист и Герда. Она испытующе глянула на оборотня и тот потупился.

— Мастер Николя никого не запугивал. Он очень хороший человек, — уверенно отчеканила Герда, чтобы даже у поджавшего губы Финиста не осталось сомнений.

— Никто его ни в чем не обвиняет, — успокоил Ноэль, призадумался, а потом в своей обычной куртуазной манере спросил: — Не будете ли вы столь любезны и подарите мне следующий танец?

— Кто, я? — Герда посмотрела по сторонам в поисках подмоги, но Ноэль уже тащил ее туда, где играла музыка и танцевали нарядно одетые парочки. — Но я не умею! — Герда суматошно пыталась придумать вескую причину отказаться.

— Я тоже. Какая разница? Это же не королевский дворец в Дюарле, — с деланным легкомыслием ответил Ноэль, приобняв Герду за талию. Они закружились в танце вместе с остальными парами. — Вы настолько восхитительны в этом платье, что даже там на такой пустяк, как неумение танцевать, никто бы не обратил внимания.

— Но это же неправда, — возразила Герда с несчастным видом. Нелепые комплименты раздражали даже больше обычного.

Ноэль снова звонко рассмеялся, словно она сказала что-то забавное. Двигался он очень тяжело, совсем не так, как Финист, и постоянно не попадал в такт. Герда едва успевала увертываться, чтобы он не наступал на ноги.

— Ваше полное имя Альгерда Мрия? — продолжил разговор Ноэль, когда музыка стала чуть медленней.

— Да, — ответила она, пытаясь унять дрожь.

— Вы родились в северо-западном крае Веломовии?

— Да, в Дрисвятах.

Зачем он спрашивает? Неужели этого не было в отчетах? Какое кому дело, кто она и откуда? Прошлая жизнь давно бурьяном поросла вместе со всем, что осталось в Дрисвятах.

— Я бывал там проездом. Красивые у вас места. Волшебные, — Ноэль неловко пытался объяснить свой интерес, но Герда не верила. Тогда он продолжил осаждать вопросами: — Гед — полное имя вашего отца?

— Гедымин. Он был лесником.

— Слишком затейливое имя для лесника, да и ваше не из простых, не находите?

— Я не знаю, — его вопрос поставил в тупик. Больше ни у кого в округе похожих имен не было. Но что в этом такого? — Думаю, отец назвал меня в честь кого-то из своих родственников. Я о них ничего не знаю.

Герда надеялась, что допрос закончился, но не тут-то было.

— А вы догадывались, что обладаете необычными способностями до того, как Финист

вам об этом сказал?

— Мне сказал не Финист, а мастер Николая. Нет, я ни о чем не догадывалась. Честно говоря, мне до сих пор трудно поверить, что это не сон и я действительно здесь. В компании. Конечно, мой дар очень слабый и я не самая смышленная ученица, но я очень стараюсь. Финист сегодня сказал, что у меня обязательно все получится.

— Раз сказал, значит, так и будет, — обезоруживающе улыбаясь, кивнул Ноэль. — Так вы ничего не знали, пока не добрались до Упсалы? Согласитесь, от Веломовии до Лапии путь неблизкий. Зачем вы отправились в такую даль, зная, что здесь вас ничего не ждет?

— Я не знаю. Я надеялась...

— На что? — не унимался Ноэль.

Герда затравленно посмотрела на него и взмолилась про себя: «Я больше не могу. Он не заставит меня произнести это вслух!». Отвела взгляд. В толпе появилась знакомая фигура. Из груди вырвался иступленный крик:

— Мастер Николая!

У Николая опустились руки. В последние дни он даже не пытался искать пастуха или заниматься с учениками. Апатия парализовала волю. Шевеление мысли в голове и то доставляло нестерпимую боль. Единственное, на что хватало сил — добраться до одинокого утеса и бездумно таращиться на то появляющийся, то исчезающий в белой дымке берег родного острова. Перед глазами проносились картины из детства, щемяще яркие, насыщенные запахами и звуками. Как же легко тогда было: весь мир не давил мертвым грузом на плечи, а голова не разрывалась от бесконечных забот и обязательств. Все только начиналось, манило тайнами и загадками, дарило надежду на что-то светлое впереди. А ныне обратилось в пепел и тлен: семья, любовь, мечты — он все потерял. Даже свобода, и та стала заложником демоновой компании и опостылевшего ремесла. Вот уже и дар начал подводить. Время уходит безвозвратно, и на плече уже ощущается смрадное дыхание смерти, а ведь он так почти и не жил по-настоящему. Не был, не сделал, не смог. Уже и не хочется. Стремиться не к чему: куда ни ткнешься — всюду тупики. Почему в двадцать пять он чувствует себя столетним стариком, жалким и немощным? Нет, надо взять себя в руки, найти демонова пастуха и будь, что будет.

К вечеру Бельтайна Николая заставил себя пойти на праздник. Не стоило еще больше показывать бюргерам собственную слабость. К тому же его ждал Гарольд. Николая нашел его у центрального костра на рыночной площади, откуда бургомистр задумчиво наблюдал за веселящейся толпой.

— Неважно выглядишь, мой мальчик, — вместо приветствия сказал он.

Николая повел плечами. Наверное, следовало заглянуть домой: умыться и переодеться, но он слишком боялся встретить Герду. Последний разговор с ней выбил почву из-под ног.

— Я собираюсь отправить Уну с сыновьями к родственникам в Готланд через пару дней, — не дождавшись ответа, продолжил Гарольд. — Не хочешь их проводить?

— Свейн уже достаточно взрослый, чтобы присмотреть за матерью и братом, — покачал головой Николая.

— Я не об этом. Думаю, тебе стоит на время уехать из города. Просто чтоб глаза не

мозолить. А когда все уляжется — вернешься.

— Это называется трусостью, — хмуро заметил Николя, не соглашаясь, но и не отказываясь.

— Это называется благоразумием. Ты и так много сделал. Больше, чем мы могли просить. Но сейчас уже все бесполезно. Так какой толк подставляться под удар? — Гарольд замолчал, пристально вглядываясь в его лицо. — Ты всегда был мне как сын. А для сына я не желаю большего счастья, чем жениться на любимой женщине, обзавестись кучкой детишек и спокойно дожить до глубокой старости. Знаю, в глубине души тебе хочется того же. Это мелькает в твоих глазах каждый раз, когда ты смотришь на нее. Боишься, что не сможешь быть с ней из-за своего ремесла? Так брось его. Смотри, ведь оно уже никому не нужно. Поживи хоть немного для себя. Пригласи девушку на танец, пока еще не слишком поздно.

Гарольд указал рукой в сторону толпы. Николя поморщился и даже не соизволил повернуться. Что им так нейдет-то? Он уже все решил. Ничто и никто этого решения не переменит!

«Пожалуй, приступим, — послышался в голове ненавистный голос. Неужели их божественное сиятельство снизошло до беседы? Это после того, как Николя три дня умолял его хоть словом обмолвиться! Охотник уже проговаривал про себя ответ, как мысли заглушила полная ехидства фраза: — Первое испытание началось!»

— Мастер Николя! — донесся до обострившегося слуха испуганный вскрик.

Сердце ухнуло в пятки. Охотник повернул голову в сторону танцующих. Глаза без труда выискали в толпе глядевшую на него пару. Забыв о Гарольде и Безликом разом, Николя сделал несколько шагов навстречу Герде.

Он обознался. Привиделось от изнеможения и недосыпа.

И все-таки это был Ноэль. Неужели все вскрылось? Но как? В компании не могли ни с чем догадаться из-за того скудного письма, а больше ничто не могло выдать тайну Герды.

Николя сорвался на бег и через мгновение встал между ними. Он разнял их руки и закрыл Герду спиной. Хищный взгляд лучшего друга теперь рыскал по его лицу. Так было легче. За себя Николя бояться не умел.

— Каким ветром, Ноэль? — стараясь, чтобы натянутая улыбка не походила на оскал, спросил Николя.

— Северным. Развеяться на праздники решил и заодно тебя проведать, — дружелюбно ответил Ноэль, но Охотник явственно ощущал исходивший от Герды страх.

Вытянувшись по струнке, Николя готовился в любое мгновение отразить удар. Но его не последовало. Ноэль лишь снисходительно улыбнулся:

— У тебя очень милая ученица. Она очень хочет, чтобы ты подарил ей последний танец.

Он подмигнул выглянувшей из-за своего укрытия Герде и с серьезным видом добавил:

— Это приказ.

Николя кивнул. Какая-то мудреная проверка? Что ж, лучше послушаться и не провоцировать противника заранее. Нужно до последнего делать вид, что все в порядке. А заодно узнать, что Ноэль успел рассказать Герде.

Охотник мягко приобнял девушку и увлек за собой в центр танцующих пар подальше от бывшего лучшего друга, которого он сам предал.

Герда была счастлива просто от того, что Николая спас ее от неловкого разговора. Танцевать было уже совершенно лишним. И все же... Она так долго об этом мечтала. Но реальность снова оказалась настолько далека от сказки, насколько это было возможно. Хотелось сказать, что незачем так крепко прижимать ее к себе. Из-за этого все движения выходили скованными. Николай вел совсем не в такт, словно не слышал музыки. К тому же его ощутимо колотило. Герда не могла понять, от чего. Но заговорить первой не осмелилась. Что ж, по крайней мере, на ноги не наступает — уже достижение за сегодня!

— Извини, — пробормотал Николай, печально заглянув ей в глаза.

— Вы извиняетесь, что танцуете со мной? — Герда внутренне сжалась, как от пощечины. Зачем он все портит?! Почему не позволяет хоть на мгновение поверить в мечту? Без этого жизнь — сплошная пытка.

— Нет, я не об этом, я... — начал оправдываться Николай, но запутался в словах и замолчал. — Извини, что так вышло с Ноэлем. Он тебя напугал.

Герда повела плечами. Ему не за что извиняться. Он не знал, а она не должна была показывать страх. Ноэль просто офицер из компании и не причинил бы ей вреда.

— Он оттоптал мне все ноги, — усмехнулась Герда собственным мыслям.

Глядя на ее улыбку, Николай немного посветлел и расслабился. Правда, из стальной хватки не выпустил.

— Ни разу не видел, чтобы он танцевал, — изрек он, бросив мрачный взгляд на Ноэля, который наблюдал за ними в стороне. — Что он говорил?

— Спрашивал обо мне... и о вас, — призналась Герда. — Я наговорила лишнего. У вас будут неприятности?

Николай недоуменно нахмурился.

— Разберусь, не переживай. Чем он тебя напугал?

Герда вздохнула:

— Вы же сами говорили, я трусиха. Просто он задавал странные вопросы.

— Какие? — Николай вздрогнул и повернул ее резче, чем требовалось. Они едва не налетели на танцующую рядом пару. Что с ним творится?!

— Почему у меня и моего отца такие необычные имена, не догадывалась ли я о своем даре до того, как вы мне об этом сказали и... зачем я проделала весь этот путь, если знала, что в конце меня ничего не ждет.

— И зачем? — не сдержал любопытства Николай.

Герда вытаращилась, готовая в любой момент расплакаться. Он быстро поправился:

— Извини, можешь не отвечать. Он еще что-нибудь говорил?

— Не-е-ет, — протянула Герда. Что его тревожит? Или ее беспричинный страх настолько заразный?

— Хорошо, — с облегчением выдохнул Николай. — Не бойся, я все улажу.

Музыка уже давно стихла, а он все продолжал кружить ее, не замечая ничего вокруг. Люди вовсю оборачивались на них, не скрывая любопытных взглядов. Охотник замер, лишь когда на его плечо легла рука Ноэля.

— Похоже, горный воздух и вправду обладает удивительными свойствами, — весело хохотнул он. — В первый раз вижу, чтобы ты с таким рвением исполнял мои приказы. Но все приятное когда-нибудь заканчивается. Госпожа Герда, — Ноэль галантно поцеловал ее руку. — Ступайте к остальным. Нам с Николаем надо обсудить дела компании. Вам будет скучно.

Герда вопросительно глянула на Охотника. Тот продолжал держать ее за талию.

— Иди. Все будет в порядке, — подбадривающе кивнул он и, склонившись над самым ее ухом, прошептал: — Ты самая красивая.

Герда открыла рот. Слова прозвучали настолько отчаянно искренне, что она даже не нашлась, что ответить. На лице Николая не промелькнуло и тени улыбки, а в сверкающих в отблесках костров глазах продолжала клубиться непонятная тревога пополам с ожесточенной решимостью. И ведь ничегошеньки больше не скажет, хоть каленым железом выжигай. Герда понурилась и пошла туда, где толпились люди в ожидании огненного представления.

— Так зачем ты приехал? — спросил Николай, когда Герда отошла от них настолько, что не могла слышать разговора.

— Уже нельзя проведать старого друга? — продолжал свою игру Ноэль. — Давно хотел посмотреть, как ты тут быт обустроил. Ученики у тебя интересные. И учитель, который так переживает за их благополучие. Герда так вообще само очарование и непосредственность. Влюблена в тебя по уши. Надо было видеть, как она твою репутацию защищала. Впрочем, в этом как раз ничего удивительного нет, учитывая, как ты кружил головы красавицам в Дюарле. Сам-то к ней что чувствуешь?

Николай отвел взгляд и вздохнул:

— Она особенная. Ты ведь из-за этого приехал?

Ноэль протянул ему мятый лист бумаги. Николай подошел к костру и нахмурился, внимательно вчитываясь в неровные строки.

— Это донос?! — ахнул он, как только до него дошел смысл послания. — Его тотем должен быть гадюкой, а не соколом!

— Финист просто за девушку беспокоился и небезосновательно, учитывая обстоятельства, — легкомысленно отшучивался Ноэль. — Можешь представить, какая это удача для компании? Он же сын самого Кыма Ясеньского, героя Зареченского восстания. Как мои остолопы его проморгали? Из него ведь такого героя можно вылепить.

— Не то, что из внука авалорского предателя, — брезгливо скривился Николай и вернул письмо. — Давай без длинных преамбул. Ты же знаешь, как они меня бесят.

— Похоже, вольная жизнь терпения тебе не прибавила. Что ж, будь по-твоему, — Ноэль снова улыбнулся, слегка остудив пыл Охотника. И все же не до конца. Николай слишком хорошо знал его приемы. — Честно говоря, гораздо больше письма оборотня меня встревожило твое собственное. Многие из наших и из Защитников тридцать лет искали пропавшую в Белоземье кровь Архимагистра Веломри. Говорили даже, что сами боги укрыли ее от посторонних глаз. И надо же, она пришла сама, пришла к тому, у кого больше всех причин ее ненавидеть. Ты ведь знаешь, кто отдал приказ казнить твою семью?

Николай кивнул и закрыл лицо руками. Перед глазами вставали тени воспоминаний. Грязная подворотня, узкая щелка между домами, через которую видны укутанные в голубые с золотой окантовкой плащи Магистров Защитников Паствы. Рокошующий сталью голос объявляет уже исполненный приговор. В тот день Николай узнал, что за холодное прощание попросить прощения у отца уже не удастся. Никогда.

— Когда я это понял, то испугался, что в пылу мести ты задумал безумство, — голос Ноэля вернул к реальности. — Рад, что ошибся. Я ведь ошибся?

Николя поморщился. Мысль о мести не посещала его никогда. Наверное, он и впрямь был ужасным сыном.

— Я мог выстрелить в спину Архимагистру, когда был в Эскендерии. Это было бы куда проще. А пользоваться наивностью девчонки, повинной лишь в том, что ее дед чудовище, не в моих правилах.

Ноэль скептически прищурился:

— Тогда почему ты не сообщил о ней?

— Хотел вначале убедиться, что она не пустышка, — Николя отвел взгляд.

Ноэль шумно рассмеялся.

— Тебе понадобилось на это полгода? А мне одного взгляда хватило. И оборотню, судя по всему, тоже. Так с чем связан твой неожиданный приступ близорукости?

— Я просто хотел ее получше подготовить, — терпение лопнуло, как мыльный пузырь. Нет сил юлить и ждать, кто сдастся первым: — Ее сделают заложницей компании?

Теперь морщился Ноэль.

— Такие дела вне моей компетенции, — он потупился. — Но очень сомневаюсь, что главнокомандующий отдаст ее Защитникам. Все-таки ее бабка была третьей Норной. Думаю, он захочет, чтобы Герда заняла ее место в круге.

Николя с шумом выдохнул. Это во стократ хуже, чем вариант с заложником. О круге Норн никто ничего подлинно не знал, но ходили слухи, что только благодаря ему старовером удалось закрепиться в Норикии и вывезти беженцев из единоверческих стран. Говорили даже, что главнокомандующий до сих пор руководствуется предсказаниями круга, которые передают ему белоглазые вельвы. Они единственные могут встречаться с Норнами.

«Так вот что это за испытание! Если Ноэль увезет Герду в компанию, я больше ее не увижу. Ее больше вообще никто не увидит. Но так нельзя. Она ведь живая, теплая, со своими дурацкими мечтами о сказочном принце и вечной любви. Я не могу позволить похоронить ее заживо из-за глупых амбиций компании. Слышишь, Безликий, я не отдам ее тебе. Только не таким способом».

— В любом случае решение примет сам главнокомандующий, когда ее увидит. Сейчас я просто заберу ее в Дюарль, — ворвался в мысли Охотника голос Ноэля.

— Сейчас? — Нет, надо выиграть время. Хотя бы чуть-чуть. — Но ее обучение еще не закончено. И о компании я ей ничего не говорил.

— Я сам расскажу, — пожал плечами Ноэль. — Это не должно занять много времени.

— Нет, ты и так ее до смерти напугал. Она решит, что ее все предали, а для сильного колдовства нужна добрая воля. Дай мне еще две недели. За это время я подготовлю ее так, что она примет любое повеление компании.

Ноэль долго смотрел на него, словно пытался прочесть, но, к счастью, это было ему не под силу. Оставалось надеяться, что за пять лет службы в компании Николя смог завоевать его доверие. Ноэль медлил. Сомневался. Нужно предложить ему еще что-то. Что-то, что заинтересует его больше Герды.

— Дай мне две демоновы недели, и я откажусь от ремесла охотника, вернусь в штаб и беспрекословно буду исполнять любые ваши приказы.

Глаза Ноэля широко распахнулись. Он заговорщическим шепотом спросил:

— Так ты ее любишь?

— Причем здесь это? — отмахнулся Николя. — Я просто хочу сделать все правильно.

Хотя бы в этот раз.

— Надеюсь, ты понимаешь, что даже в Дюарле не сможешь ее видеть.

Николя выдержал его испытующий взгляд и кивнул.

— Хорошо, — согласился Ноэль. — Но ты сам представишь ее главнокомандующему, смиришься с любым его решением и не станешь ввязываться в опасные авантюры, только чтобы побыстрее расстаться с жизнью.

Охотник заставил себя усмехнуться и пожал протянутую руку.

Герда обнаружила своих товарищей у помоста, на котором уже началось выступление жрецов огня. Здесь были все: Эглаборг, Вожык, Финист и даже Майли, которая так и не нашла себе кавалера на вечер. Жрецы исполняли ритуальный танец со стальными прутьями. Их концы были обмотаны горячей материей. Жрецы крутили ими в разные стороны под бой барабанов, вырисовывали в воздухе замысловатые фигуры и ртом выдували из прутьев снопы искр.

— Я тоже так смогу... когда-нибудь, — воодушевленно заявил Вожык.

— Обязательно, — поддержала его Герда.

Ткань на прутьях прогорела. Жрецы перешли к самому большому костру в центре. Они надели заготовленные заранее маски и затанцевали вокруг пламени, ритмично произнося длинные речи на неизвестном языке.

— Что они делают? Ничего не понятно, — расстроился Вожык.

— На то они и жрецы, чтобы непонятные ритуалы проводить, — с видом знатока заявил Финист.

Герда прыснула в кулак:

— Они историю рассказывают. Смотрите, большой костер, которому они кланяются — это бог Вулкан.

— Про которого мама рассказывала? — оживился пирокинетик.

— Нет, это другой. В Мидгарде же много разных вулканов. Так вот, этот Вулкан породил близнецов: златокудрого мальчика Солнце и седовласую девочку Луну. И были они неразлучны. Смотрите, как за руки держатся. От их любви родились День и Ночь, Свет и Тьма, Приливы и Отливы, Жара и Дождь. И еще люди, в чьих жилах текла не кровь, а жидкий огонь.

— А разве можно жениться брату с сестрой? — подала голос Майли.

— Тем более близнецам, — присоединился к ее вопросу Вожык.

— Богам все можно, — усмехнулся Финист.

— Цыц, слушайте дальше, — призвала их к порядку Герда. — Жили они в мире и благоденствии, по очереди передавая власть над Мидгардом от одного к другому. Но тут появился коварный волк Фенрир — вон тот в сером плаще. Он заманил Солнце в ловушку и сбросил в жерло породившего его Вулкана. Подвластные Луне птицы-звезды все видели и рассказали своей хозяйке о беде. Безутешная Луна решила спуститься в жерло Вулкана, в царство ужасной Хель, властительницы мира мертвых, чтобы найти своего мужа. Люди не хотели отпускать ее одну — слишком боялись, что она сгинет, как Солнце. Выбрали ей в

спутники самую красивую и хозяйственную девушку и самого сильного и смелого парня. Много тягот выпало им на пути в царство мертвых и еще больше, когда они встретились с самой Хель, которая не собиралась так просто отказываться от своей добычи. Но в конце концов она согласилась отпустить Солнце на землю на полгода, но только если Луна останется у нее в заложниках на это время. На том и порешили: полгода землю озаряет свет Солнца, а полгода Луны. А чтобы они не скучали во время своего заключения в царстве Хель, каждый год с помощью костра, олицетворяющего Вулкан, туда отправляют достигших совершеннолетия парня и девушку.

Несколько жрецов облили себя жидкостью из стоявших рядом ведер, с разбегу прыгнули в костер, сделали в пламени кульбит и выпрыгнули с другой стороны под дружные хлопки зрителей. Эглаборг незаметно прокрался к ведрам и утащил одно.

— Так они сжигали людей на костре в угоду богам? — ахнула Майли. — Как жестоко!

— Огонь не причинял им вреда, ведь он тек у них в жилах, — пояснила Герда. — Через год они возвращались назад в племя. Никто не погибал.

— Интересно, что они делали там целый год, — задумчиво спросил Вожык.

— Развлекали богов, — ответил Финист.

— Как? — продолжал любопытствовать пирокинетик.

— Ну как обычно, — Финист издал чпокающий звук. Герда и Майли с противоположных сторон вlepили ему по подзатыльнику. — За что? Я же правду сказал. Если бы я был бессмертным богом, то только этим и занимался.

— Не сомневаюсь, — прошипела Майли.

— Ну не перед ребенком же! — устыдила его Герда.

— А кто еще его жизни научит? Ты же кроме сказок своих ничего не знаешь, а эта, — он кивнул на Майли, — только о тряпках лопочет и нудные изречения единоверческих пастырей цитирует.

— Жизни он научит, уж конечно. Кто б тебя уму разуму научил, дубина ты стоеросовая. Кроме своего чпока ни на что не способен! — взъярилась Майли.

— О, боги! — Герда закрыла Вожыку уши и потянула подальше от ругающейся парочки.

— Как они богов развлекали? Я ничего не понял, — спросил Вожык, когда они с Гердой остановились у дальнего края помоста для выступлений. Эглаборг сидел рядом на земле и самозабвенно изучал содержимое позаимствованного у огненных жрецов ведра.

— Финист пошутил. Они просто учились, выросли, проходили церемонию инициации, — сбивчиво объясняла она.

— Совсем как мы, — хмыкнул мальчик.

— Да, только не так бурно, а то ни у каких богов нервов бы не хватило, — засмеялась Герда.

Вся площадь притихла. На верхушку позорного столба жрецы подвесили несколько мешочков, подожгли торчащие из них веревки и спешно слезли.

— О, да это никак «чудесный огонь» из Поднебесной! — восхищенно воскликнул Эглаборг. — Откуда только взяли?

Веревки догорели. Мешки с шипением устремились в воздух, осыпая все вокруг разноцветными искрами. Вспыхнули и с громким хлопком раскрылись радужными цветами.

— Ого! — выдохнул Вожык и захлопал в ладоши.

— Настоящее чудо! Мастер Эглаборг, вы такое уже видели? — спросила Герда.

— Больше и лучше, — улыбнулся старик. — Когда путешествуешь с Охотником, будь

готов ко встрече с таким, о чем не мог и помыслить.

— Хотелось бы и мне с ним попутешествовать, — вздохнула Герда.

Вскоре к ним подошли истощившие весь запас ругательств Финист и Майли. Впятером они отправились домой. Николая с Ноэлем нигде видно не было. Дойдя до усадьбы, Герда незаметно отозвала Финиста в сторонку. Когда они остались на улице одни, она осторожно поинтересовалась:

— Ты не знаешь, зачем приехал мастер Ноэль?

— Чтобы проверить наши дела.

Герда внимательно вглядывалась в его мерцающие в ночной тьме глаза.

«Почему она спрашивает? Должно быть, Николай ей что-то сказал».

Герда уцепилась за эту мысль и попыталась проникнуть глубже.

— Сомневаюсь, что такой важный человек проделал бы путь от Дюарля до Упсалы ради простого визита вежливости. Ты точно ничего не знаешь?

— Нет. Мы наедине даже парой слов не перекинулись. Я знаю не больше, чем ты.

«Демоны, точно пожаловался! Но почему мне должно быть стыдно? Тем более Ноэль сказал, что Николай даже не пожурят».

Герда напряглась еще сильнее. Подташнивало. Она слишком близко подошла к пределу. Но отступать не собиралась. Он вот-вот расколется!

— У тебя нет никаких догадок? Мне показалось, что мастер Ноэль сильно мастером Николай недоволен. Как думаешь, из-за чего?

— Может, он плохо справляется с работой? Честно, не хочу лезть в чужие дела. Пусть сам разбирается.

«Ого! Неужели, у этого выскочки все-таки будут неприятности? Как же хорошо, что я нашел у него то письмо».

— Ты читал письма мастера Николая?! — ахнула Герда, не сдержав возмущения.

Глаза Финиста стали размером с яйцо.

— Как ты?.. — на его лице отразилось понимание. — Ты читала мои мысли?!

Герда потупилась. Не знала даже, оправдываться или просить прощения.

Финист поднял глаза и встрепенулся, заметив кого-то за ее спиной.

— Ты знал? — взбешенно спросил оборотень.

— Естественно, знал. Только такой идиот, как ты, мог этого не заметить, — прозвучал над самым ухом Герды язвительно-насмешливый голос Николая.

Она резко обернулась. Как ему удастся двигаться настолько незаметно?

— Конечно! — Финист хлопнул себя по лбу. — Именно поэтому ты спровадил ее ко мне — чтобы она твои мысли не читала!

— Поистине достойное твоего идиотизма умозаключение, — продолжал издеваться Охотник.

В его тоне сквозила преднамеренность, словно он нарочно злил Финиста. Герда бы никогда не подумала, что честный и справедливый мастер Николай может вести себя так грубо.

Вдалеке послышалось завывание ветра и раскаты грома. Будет гроза? Но ведь вечер был такой ясный. Стало намного страшнее, чем когда Герда танцевала с Ноэлем.

— Ах ты поганая хитрая сволочь! — поддался на провокацию и без того раздраженный до предела Финист.

— Уж кто бы говорил. По крайней мере, я за чужой спиной доносы не строчу, —

выплюнул ему в лицо обвинение Николая.

Герда прижала руки ко рту.

— Финист, скажи, что это неправда. Скажи, что ты этого не делал! — взмолилась она.

— Я сделал это ради твоего же блага, — отчаянно выкрикнул он.

— Моего? — она уже совсем ничего не понимала.

— Какого блага, идиот? — ярился Николая. — Ты же нас всех к эшафоту подвел. Ее в первую очередь. Ты хоть иногда думаешь своими птичьими мозгами?

— Мастер Николая, о чем вы? — попыталась перекричать их Герда. Но ее вмешательство только подкинуло дров в огонь.

— Да, о чем вы, мастер Николая? — зло перекивлял ее Финист. — Давай, скажи ей, какой ты на самом деле лицемер и обманщик. Скажи про то, что ты писал или не писал в отчетах. И про портреты. Сколько их там было: дюжина, две или даже три? Да он одержимый!

Небо перечертило вспышками молний. Гром ударил над головами с такой силой, что заложило уши.

— На себя лучше посмотри, праведник демонов! — глаза Охотника сделались бешеными и неистово сверкали в сполохах молний. — Говоришь о ее благе, а на самом деле только о себе печешься. Выслужился перед компанией, а, сын героя? Конечно, ты ведь куда праведней внуков предателей. Кичишься своим папашкой, на всех свысока смотришь, а сам даже мизинца его не стоишь! Тупая. Завистливая. Подлая. Мразь!

Герда затряслась, столько в его словах было ярости.

— Да как ты?!. — взревел Финист.

Его кулак врезался Охотнику в челюсть.

Герда заскулила от ужаса.

Николя не шелохнулся. С разбитой губы по подбородку побежала тоненькая струйка крови. Охотник слизнул ее и сплюнул, гипнотизируя Финиста презрительным взглядом. Оборотень растерянно замер, словно не ожидал от себя такой реакции. И не знал, что делать дальше.

Николя оскалился и неуправляемым движением подсек Финисту ноги. Оборотень неловко взмахнул руками и рухнул. Охотник навалился сверху и принялся вколачивать его в грязь. Финист пришел в себя и стал отбиваться. Они клубком покатались по земле, нещадно молотя друг друга руками и ногами. В живот, в голову, в пах, без разбора. Совсем как дикие звери!

С неба полило как из ведра. Началась первая в этом году гроза.

— Финист! Мастер Николая! Остановитесь, — истошно закричала Герда.

В пылу схватки они ничего не слышали, занятые лишь тем, как бы сильнее ударить противника. Как будто внутри них осталось всего одно желание — разорвать друг друга в клочья.

— Помогите, кто-нибудь! — в отчаянии позвала Герда и обернулась к дому.

В окнах не горел свет. Даже если бы остальные не спали, то вряд ли бы у старика, маленького мальчика и хрупкой девушки хватило сил разнять двух ополоумевших от ярости мужчин. Надо бежать в город за подмогой!

Оскальзываясь на размокшей почве, Герда выбежала за забор и врезалась в широкую спину.

— Что за шум? Я даже сосредоточиться не могу! — проворчал Ноэль.

— Помогите, пожалуйста, — вцепилась в его локоть Герда, напрочь забыв о страхе. С нее потоками текла вода. Ливень хлестал нещадный. — Финист... мастер Николая... они убьют друг друга!

Ноэль с досадой вплеснул руками:

— Я же велел ему не лезть в драку!

И помчался в усадьбу следом за Гердой.

Николя с Финистом продолжали валяться на земле. Пытались придушить друг друга и одновременно увернуться от лягающихся ног противника. Ноэль, не раздумывая, кинулся в гущу схватки, схватил обоих за шиворот и хорошенько встряхнул.

«Вот это сила!» — невольно восхитилась Герда.

— Отставить драку! — командирским тоном приказал он.

Противники никак не отреагировали. Финист рычал, Николая шипел. И оба пытались добраться друг до друга, минуя Ноэля.

— Да что же это такое! — возмутился офицер. — Остыньте, наконец!

Он швырнул обоих в большое корыто возле конюшни. Отплевываясь от воды с песком, они одновременно вылезли наружу, посылая друг другу испепеляющие взгляды. С одежды ручьями лилась грязь вперемешку с дождевой водой.

— Прямо как дети! Сколько вам лет?! — усюветил их Ноэль.

— Он оскорбил память моего отца! — наябедничал Финист.

Ноэль закрыл лицо руками, не желая ни слышать, ни видеть этого позора. Николая дернулся, чтобы врезать оборотню ногой. Офицеру снова пришлось вклиниться между ними.

— Я сказал, хватит! — заорал Ноэль так, что заглушил бурю. — А ну как марш по разным углам. Ты в дом, — он подтолкнул Финиста к порогу. — А ты за мной, — схватил Николая за ворот рубахи и потянул за калитку.

Ветер стихал, а следом поредел и дождь.

— Сволочь, — бросил оборотень, злорадно глядя на попавшего в переплет соперника.

— Мразь, — плюнул в него Николая и тут же получил от Ноэля отрезвляющий подзатыльник.

— Еще одно слово и я заберу вас в военный корпус на гауптвахту. И посажу обоих в один карцер лет на десять. Может, тогда вы успокоитесь? — пригрозил он.

Финист отвернулся и уставился на Герду.

Она промокла до нитки. Страх отступал. Оставался лишь леденящий озноб. Была крупная дрожь. По лицу струилась соленая, явно не дождевая вода.

— Прости, я... — виновато начал Финист.

Герда, не слушая, убежала в дом.

Глава 35. Испытание второе: будь с ней до конца

После драки пришло болезненное опустошение, словно огонь ярости выжег внутренности дотла и оставил после себя всепоглощающее ничто. Чувства притупились: саднящая губа, ноющее плечо и вот уже полгода не отпускавшая головная боль отделились за грань сознания. Мысли шевелились едва-едва, а место клокочущих эмоций заняло тупое раскаяние. Зачем он затеял драку? Ведь знал же, что сейчас нельзя вызывать новых подозрений, надо сидеть тихо и делать вид, что все в порядке. По крайней мере, до отъезда Ноэля. И все равно сорвался, когда увидел, как двуличный мерзавец запросто смотрит Герде в глаза и еще смеет предъявлять претензии. Он же практически передал ее в руки палачей! Нет, все-таки злился Николая вовсе не на Финиста — на себя. Потому что в отличие от этого болвана знал, какой опасности подвергается Герда, оставаясь здесь. Знал, но медлил, боясь открыть ей правду и принять решение. Не хотел предавать своих. Не хотел становиться предателем в ее глазах. Не мог найти место, в котором она будет в безопасности, хотя прекрасно знал, где оно. Не решался порвать с ненужным и опостылевшим, чтобы спасти то, что действительно важно. Смалодушничал. Все-таки он намного хуже Финиста.

Ноэль шагал следом. Они неспешно прогуливались вокруг усадьбы, чтобы Николая немного остудил пыл. Накрапывал мелкий дождик, впрочем, это было даже кстати, учитывая, что все тело горело как от пожара. Через полчаса они вернулись к дому, не перекинувшись и словом, поднялись на второй этаж и закрылись в кабинете Николая. Место за столом пришлось уступить Ноэлю, как старшему по званию. Сам Охотник устроился на колченогом стуле в углу комнаты и принялся задумчиво изучать древесный рисунок на стене.

— Может, поговорим? — не выдержал Ноэль.

Николя, не оборачиваясь, пожал плечами.

— Скажи честно, ты ведь не собирался представлять Герду в компании? — Ноэль пристально уставился на него. Николая продолжал сверлить взглядом стенку. Да и что он мог ответить? — Думал сбежать с ней за эти две недели? Только ты забыл, что руки у нас длинные. Везде достанем.

Николя встал и подошел к окну:

— Я бы все равно попытался.

— Я думал, тебе нравится этот город. Ведь ты так упорно добивался разрешения поселиться здесь, — пытался разговорить его Ноэль.

— Уже разонравился, — отстранился он очередной короткой репликой.

— Ты понимаешь, что это предательство и по законам военного времени я обязан вздернуть тебя на ближайшем суку? — видно, Ноэль совсем отчаялся, раз решил перейти к пустым угрозам.

Николя безучастно обронил:

— Попробуй.

— И ты не будешь сопротивляться?

— Не надейся.

— Тогда нам придется драться. До конца, а не до первой крови. Готов проткнуть кликом мое сердце, если победишь?

— Сделаю в лучшем виде, не беспокойся.

— Давай без твоего сарказма.

— Давай без твоего фарса. Если бы ты сразу не догадался, что я задумал, то вряд ли бы пришел сюда один и тем более не стал показывать мне донос, — Николя обернулся и в упор посмотрел на Ноэля.

Тот грустно улыбался:

— Хорошо, я выкладываю свои карты, ты — свои. Идет?

Охотник помедлил несколько мгновений, раздумывая, и кивнул.

— Мне не нравится, что главнокомандующий так слепо доверяет белоглазым ведьмам, — зычным голосом, которым обычно выкрикивал лозунги и приказы, заговорил Ноэль. — Их влияние усиливается с каждым годом. Скоро они начнут диктовать нам, что есть и как одеваться. Норны, спящие боги, источник мироздания — бабьи сказки, подкрепленные лишь нелепыми слухами и зловещей репутацией вэльв. Чтобы победить единоверческую заразу, мы должны полагаться на нечто более реальное: армию, вооружение, поддержку народа. В военном корпусе при штабе мы ежегодно подготавливаем по тысяче элитных солдат из новобранцев с даром. Несколько лет назад после победы единоверцев в Поднебесной, нам удалось вывезти оттуда сотню жрецов, знавших секрет изготовления огненного порошка. В Дюарле мы организовали гильдию алхимиков, которые перенимают их ремесло и создают на основе порошка оружие, которое по силе разрушения сравняется с истинным пирокинетическим даром. Владеть им будет куда проще, чем мечом или луком. Еще пару лет, и мы сможем противопоставить тварям в голубых плащах нечто более веское, чем туманные пророчества слепых старух. Мы вернем Авалор!

Ноэль никогда не жил в осажденной стране. Не приближался к Защитникам на расстояние вытянутой руки. Не нюхал войны, а только играл в солдатики. Штабная крыса.

Николя перестал верить в победу, когда впервые увидел костер, на котором сжигали колдунов на главной площади Ловонида. На таком же костре погибла вся его семья. Нищие провинции Норикии стонали под гнетом непосильных налогов, необходимых для усиления армии и безостановочного ведения войны. Иногда даже хотелось, чтобы остатки Стражей сдались и перестали раздирать многострадальную Мидгардскую землю на части. Время славного рыцарского ордена минуло, пора бы уже смириться и приспособиться к жизни среди единоверцев.

Впрочем, стоило вспомнить нечеловеческие глаза Магистров, как приходило понимание, что жить потомкам Стражей не позволят. Предвестники мрака, Ловцы желаний, самые худшие из демонов — вот кого на самом деле выбрали себе в Защитники единоверцы. Если бы возможно было вызвать Архимагистра на поединок, то Николя сражался бы с ним до последней капли крови. Но использовать Герду в качестве приманки? Нет, нет, никогда! Тогда он сам будет ничем не лучше. Да и шансы на победу настолько ничтожны, что не стоит и думать. Пускай она живет. У нее на это прав больше.

— Ты мечтатель, — вздохнул Николя. — В Поднебесной я уже видел твое чудо-оружие: длинные железные трубки, которые плюются кусками свинца, и пузатые медные цилиндры, которые с жутким грохотом изрыгают огромные железные ядра. Голубые Капюшоны с помощью них взяли Эскендерию и всю используют для войны в Эламе. Против них даже наш дар как муха против лошади. Нам бы самим отбиться, а о возвращении Авалора и говорить не стоит.

— А ты прагматик до мозга костей, — ничуть не смутившись, усмехнулся Ноэль. — Дар Защитников точно также бессилен против этого оружия, как и наш. Просто у нас больше

возможностей. Но я хотел поговорить не об этом. Пока нет распоряжений от вельв, все ресурсы компании идут на военные нужды. Но если появится третья Норна, источник снова заговорит. И главнокомандующий очертя голову кинется исполнять его волю. А мне совершенно не хочется тратить людей и золото на бессмысленные авантюры. Через пару лет главнокомандующий должен будет отойти от дел. Он и так уже слишком стар, чтобы тянуть на себе такую ношу. Власть в компании перейдет ко мне, и чтобы отгородиться от влияния белоглазых ведьм, мне понадобятся поддержка влиятельных людей. Таких, чье мнение бы что-то значило в глазах людей. Народных героев, как ты.

— По-моему, ты меня с кем-то спутал: рыжим, патлатым и дурным, — Николая прищурился и взмахнул рукой. Входная дверь с грохотом распахнулась и врезалась в притаившегося за ней соглядатая.

— Ай! — послышался недовольный возглас.

Николя зло оскалился. Ноэль закатил глаза, всем видом показывая, как его достала их вражда. На пороге комнаты робко мялся Финист, прижимавший к разбитому носу порозовевший от крови платок.

— Я хотел узнать, что будет с Гердой. Она моя ученица, и я за нее отвечаю, — выпалил он на одном дыхании.

Николя в голос фыркнул:

— Жаль только, что ты так поздно об этом вспомнил.

Финист презрительно скривился и прошипел сквозь зубы:

— Она заперлась в своей камерке и плачет. Она даже в самые тяжелые времена не плакала. Это ты ее мучаешь. Пользуешься ее наивностью — то поманишь, то оттолкнешь. Она не одна из дюарлийских придворных дам, не понимает, что для тебя это лишь игра. Лекарство от скуки. Такие как ты ни на какие чувства не способны!

— О, какие страсти! — прервал патетичную речь Ноэль и перевел заинтересованный взгляд на Николая. Он сверкал на оборотня глазами и продолжал скалиться. Нестерпимо хотелось снова его поколотить! — Давайте так: вы сейчас сядете и все друг другу выскажете без утайки. Посмотрим, можно ли здесь достигнуть понимания мирным путем. А если нет, то у меня еще остается вариант с уютным карцером на двоих.

Первым сдался Финист.

— Я полюбил ее с первого взгляда еще там, в Дрисвятах. Я готов был пойти ради нее на все: взять с собой в это невероятно трудное путешествие, выучиться демоновой грамоте, спасти всех обездоленных, мимо которых она никогда не могла пройти, бросить службу, даже остепениться и завести семью. Только ей и дела до этого не было. В ее сердце всегда был только ты. Как же я ненавидел безымянного, безликого Охотника, о котором она восхищенно рассказывала во время ночевки у костра. И мечтал, что однажды она встретит его и поймет, что детские мечты были обманом. Но произошло обратное. Это я понял, что никогда не смогу сравниться с тобой ни в силе, ни в уме, ни уж тем более в благородстве. Ты богат, тебя все любят и уважают, а мне приходится на коленях корячиться, чтобы просто выжить. Если бы ты только знал, как я тебе завидую!

Николя вскинул брови и горько рассмеялся:

— Чему тут завидовать, идиот?! Пока ты напиваешься с приятелями в кабаках и барахтаешься в простынях с очередной девкой, я рискую собой, пытаюсь спасти всех и каждого. Стоит на мгновение расслабиться и показать слабинку, как народная любовь оборачивается гневом и в меня летят камни. А ведь я всего лишь человек, я тоже могу

ошибиться. Иногда мне хочется сбежать ото всех на край света.

— Даже от Герды? — вырвалось у Финиста.

Ноэль подался вперед от любопытства.

— От нее в первую очередь. Каждый раз, глядя на нее, я вижу все то, что есть у обычных людей и чего так хочется мне, но права на это у меня никогда не будет.

Финист с шумом выдохнул. Ноэль, напротив, громко рассмеялся:

— Права, обязанности... Странно слышать такие рассуждения от того, кто всегда сам устанавливает правила. Ты ведь даже приказы компании с поправкой на собственные нужды исполняешь. Так что мешает тебе сделать все так, как ты хочешь, теперь?

Николя поджал губы и задумчиво хмыкнул:

— Совесть.

— Да брось ты, — отмахнулся Ноэль. — Надеюсь, теперь вы друг друга поняли? — Он красноречиво глянул на Николая, а потом на Финиста: — Пожмите друг другу руки и забудьте уже о вражде. Это приказ!

Оборотень скрипнул зубами, но руку все же протянул. Николай долго ее изучал, ища скрытую угрозу, но под пристальным взглядом Ноэля сдался и пожал подставленную ладонь.

— Вот и хорошо. Надеюсь, на этом конфликт исчерпан, — радостно заключил офицер.

— Нет! — встрепенулся Финист. — Вы не сказали, что будет с Гердой. Вы же видели, она самый добрый и светлый человек во всем Мидгарде. Ручаюсь, она не причинит никому вреда. Если надо, я буду за ней приглядывать и охранять, пусть даже это не принесет больших чинов в компании.

Ноэль грустно рассмеялся. Николай послал оборотню уничижительный взгляд. Финист продолжал смотреть на них. Кажется, до него только-только начало доходить, что своим доносом он навредил больше всего Герде. Сдал ее, предал, хотя сам клялся, что любит и будет защищать. Птичьи глаза горели сухими слезами. На лице наливались синяки. Тонкие губы подрагивали. Дыхание выходило с натужными хрипами. Ладони бессильно сжимались и разжимались в кулаки, словно он готовился к очередной схватке.

— Сомневаюсь, что из этого выйдет что-то путное, — не моргнув, вынес приговор Ноэль. — Знаешь, отчего всеильные Стражи проиграли горстке религиозных фанатиков?

— Потому что орден был недостаточно сплочен и потерял поддержку народа? — сказал первое, что пришло в голову, Финист.

Николя фыркнул. Вот, даже болван понимает. Только Ноэля такой ответ вряд ли устроит. Он полностью развернулся к Николаю и заглянул в глаза, словно отвечал ему, а не Финисту:

— Нет. Стражей предали их братья по оружию. Телепаты. Рядовые и генералы, выходцы из старинных родов и народные любимцы — все до одного перешли на сторону единоверцев, когда запахло жареным. Они образовали свой собственный орден. Знаешь, как их теперь называют?

Естественно, оборотень знал. Не мог не знать, кто казнил его знаменитого папашку. Финист процедил сквозь зубы:

— Защитники Паствы.

— Они самые, — удовлетворенно кивнул Ноэль. — Они воткнули нам нож в спину, когда ничего не предвещало раскола. Зная это, как ты можешь с такой уверенностью утверждать, что девушка не переметнется к врагу в самый ответственный момент, как все телепаты до нее? Мы не можем позволить себе преподнести Голубым Капюшонам такой

подарок.

Финист упрямо промычал:

— Я буду следить очень внимательно.

— Ты даже не заметил, как она читала тебя все это время, — осадил его Николая. — Как только ее дар раскроется в полную силу, ты и глазом моргнуть не успеешь, как она начнет тобой вертеть по своему желанию.

Финист продолжал упорствовать:

— Если все объяснить, она поймет, даст клятву Стражей и не станет этого делать.

Ноэль скептически хмыкнул.

Николя прикидывал в уме сцену объяснения с Гердой уже раз, наверное, сто. Дорогая, мы забыли тебе сказать, в компании ненавидят телепатов. А пуще всех твоего деда, который руководит всей этой шайкой единоверческих демонов. Кстати, он убил всю мою семью. И семью этого идиота-оборотня тоже. А из тебя теперь либо сделают заложника, либо запрут в подземном склепе навсегда. Да, Николая пытался ей это сказать, мягче, без злой иронии, что глодала сердце изнутри. Только каждый раз слова умирали прямо на губах.

Видно, лицо от этих мыслей сделалось совсем гадким. Финист гневно закричал:

— Неужели ты позволишь ее убить? Зачем тогда было нужно все это поганое обучение?! Не проще ли было покончить со всем сразу?

Николя дернулся, как от пощечины, и зло прищурился:

— Как же ты любишь перекидывать ответственность за собственные промахи на других. Если бы не ты, никто бы ни о чем не узнал. И у меня было бы время что-нибудь придумать. А теперь...

Он махнул рукой и принялся мерить шагами комнату.

— А я рад, что меня посвятили в ваши интриги, — ухмыльнулся Ноэль, внимательно наблюдая обоими. — Думаю, втроем мы быстрее найдем выход, чем каждый из вас по отдельности. Тем более ты сейчас не в состоянии даже самые простые задачи решать.

Николя остановился и одарил его тяжелым взглядом, не разделяя шутливый настрой.

— Давайте растопим лед, — Ноэль достал из-за пазухи два письма. — Для начала акт доброй воли.

Первое письмо он вручил Николая, второе — Финисту, а потом подпалил стоявшую на столе свечу.

— Сожгите их, и я сделаю вид, что никогда их не видел.

Финист с готовностью поднес свое письмо к огню. Бумагу объяло яркое пламя и обратило в пепел. Николая наоборот очень долго смотрел на Ноэля. Не врет ли? Со старым другом никогда не скажешь. Скрывается за улыбкой не хуже, чем Николая за отчужденностью. Он все же сдался и подпалил край бумаги. Хуже явно не станет.

Комната наполнилась запахом гари. Николая поспешил открыть окно.

— Замечательно, — удовлетворенно кивнул Ноэль, когда ветер унес с собой последнее напоминание о злосчастном доносе. — А теперь нужно покончить с недоверием. Думаю, тут подойдет один старинный способ.

Он вынул из кармана нож с коротким, но очень острым лезвием и полоснул им собственную ладонь. Ноэль несколько раз сжал и разжал пальцы, чтобы из раны обильно засочилась кровь.

— Клянусь, что буду верен людям, присутствующим в этой комнате: ни словом, ни делом не предаю их, не подниму оружия, не солгу и не оставлю в трудную минуту.

Ноэль протянул нож Финисту. Тот недоуменно глянул на него.

— Клятва верности. Сейчас мы все должны ее принести, чтобы доверять друг другу. Докажи, что тот донос был ошибкой, которую ты больше не повторишь.

Решительно надрезав свою ладонь, Финист возложил ее на руку Ноэля и слово в слово повторил клятву. Николая повернулся к ним спиной, задумчиво глядя в окно на бледно-лиловое ночное небо. Сейчас очень не хватало беспроглядной зимней мглы и стужи. Она нравилась Николаю гораздо больше, чем жидкие летние сумерки, никогда не оборачивающиеся безмятежной тьмой.

— Твоя очередь, — позвал Ноэль.

Николая не поворачивался. Чего-то ждал. Чуда? Знака? Он и сам не знал. Просто чувствовал, что вместе с этой клятвой придется признать нечто такое, чего ему признавать очень не хотелось, к чему он не был еще готов. Из-за облаков выглянула белесая луна. Едва отличимой тенью на ней мелькнул силуэт огромной птицы. Одарила укоризненным взглядом, махнула крыльями и исчезла. Стало не по себе. Николай передернул плечами, отгоняя странное видение.

— Не хочешь сделать это для нас — сделай для нее, — веско сказал Ноэль. — Или крови боишься?

Шутка была неуместной. Николай с тяжелым сердцем обернулся, забрал у примолкшего оборотня нож и, надрезав ладонь, прижал ее по очереди к рукам остальных.

Они втроем возложили руки пирамидой: Ноэль, Финист, Николай.

— Клянусь, что буду верен людям, присутствующим в этой комнате: ни словом, ни делом не предаю их, не подниму на них оружия, не солгу и не оставлю в трудную минуту.

Слова ранили душу гораздо сильнее, чем лезвие кожу. Возникло чувство, что он приговаривает их к участи страшнее смерти. Изнутри скрутило так болезненно, что Николай не выдержал и добавил к предложенной Ноэлем клятве собственное условие:

— Если от этого не будут зависеть их жизни.

Финист удивленно уставился на него. Ноэль равнодушно хмыкнул:

— Пусть будет так.

Он первый убрал руку. Остальные тут же последовали его примеру.

— Теперь мы братья по крови. Беда для одного — беда для всех. Враг для одного — враг для всех.

— Надеюсь, девушек на всех мы делить не будем? — попытался отшутиться Финист.

Николай нахмурился. Еще один шутник нашелся.

— А я надеюсь, что сегодняшняя потасовка больше не повторится, — ответил Ноэль.

— Я согласен забыть все, если это поможет Герде. Но из ваших слов получается, что выхода нет. Я не смогу приглядывать за ней, потому что она может управлять мной, — напомнил о главной проблеме Финист.

Николая вернулся к окну, надеясь вновь увидеть белую птицу, но луна уже скрылась за облаками.

— Самое главное, я хочу, чтобы вы поняли: выход найдется всегда, если мы будем искать его вместе, — назидательным тоном продолжил Ноэль. — Есть один человек, кем управлять и даже читать она никогда не сможет.

Николая ссутулил плечи. Вечно пафосный тон друга раздражал, как никогда раньше.

— И где же он? Я привезу его хоть с края Мидгарда! — простодушно обрадовался Финист.

Николя закрыл лицо ладонью. Ну как этот болван может не чувствовать, что его водят за нос?!

— Зачем так далеко? — хитро прищурился Ноэль. — Он гораздо ближе, чем ты думаешь.

— Он в компании? В Дюарле? — глаза Финиста лихорадочно блестели. — Я сделаю что угодно, если он согласится помочь Герде. Когда мы едем?

— Что угодно, говоришь? — улыбка Ноэля стала шире. — Ехать никуда не надо. Он здесь.

— В Упсале? — глаза Финиста округлились. — Почему я никогда о нем не слышал? Это какой-то демон?

— Может, хватит? — Николя больше не мог выносить этот абсурд. — Разве ты не видишь, что он не понимает намеков? Он же туп, как бочка.

Финист с потерянными глазами уставился на Охотника.

— Он говорит обо мне, болван. У истинных телекинетиков врожденный блок против воздействий на разум. Именно поэтому во время войны их уничтожали первыми. Герда не может читать мои мысли. Чтобы хоть как-то с ней взаимодействовать, мне приходилось ослаблять себя до предела. Из-за этого я не мог сражаться в полную силу и подставлял весь город под удар. Появись здесь демоны чуть сильнее, чем Ходоки с троллями, катастрофа была бы неизбежна. Но даже так я не смог заставить Герду раскрыться. Должно быть, она всю жизнь неосознанно читала окружающих. Не мысли, скорее чувства, едва уловимые эмоции. Они подсказывали ей, кому можно доверять, а с кем стоит вести себя осмотрительно. Со мной так не получалось. Наши занятия сводились к разговору глухого с немым. Поэтому я поменялся с тобой. Думал, у вас все пойдет легче, но тебе куда важнее было подставить меня и выслужиться перед компанией. Что ж, тебе это удалось. Меня посадили на цепь. И не тешь себя, что твои жертвенные речи помогли Герде. Ты просто затянул мой ошейник так, чтобы я наверняка не смог сделать и вдоха.

— Николя! — оборвал его Ноэль, впервые за время разговора встал из-за стола и подошел к двери.

— Я не хотел этого! Если бы ты сказал все прямо, — принялся оправдываться Финист, но под испепеляющим взглядом Охотника осекся.

— Надеюсь, насчет девушки мы все вопросы решили, — пристально глядя на Николя, сказал Ноэль, потом перевел взгляд на оборотня и приоткрыл дверь в коридор. — Больше ей ничего не угрожает. Можешь идти. Нам с Николя нужно перекинуться еще парой слов.

Финист понурился и нерешительно вышел из комнаты. Ноэль захлопнул за ним дверь.

— Почему ты злишься? — он непонимающе развел руками. — Я же сделал, как ты хотел. О Герде никто не узнает. Она останется с тобой. И оборотень больше не будет дышать в спину.

— Пока это будет выгодно тебе, — хмуро ответил Николя, разглядывая рану на руке. Лезвие глубоко порезало кожу. Шрам останется заметный. Ноэль прекрасно все рассчитал.

— Но я тоже произнес клятву, — с упреком напомнил он, точно также разглядывая собственную ладонь. — Помнишь, как я привел тебя в компанию?

— Имеешь в виду, когда ты притащил меня к своему деду полумертвого от усталости? Если бы мне до этого не пришлось бежать из Эскендерии и спасти ваших желторотиков от Дикой Охоты, ты бы со мной так легко не справился.

— Я догадался, — грустно улыбнулся Ноэль. — Но все же рад, что нам так и не выпало

скрестить оружие в настоящем бою. Скажи, неужели тебе в компании было так плохо?

Николя фыркнул. Ноэль был последним человеком, с которым ему хотелось драться. Почти как погибший на Авалоре старший брат. Хотя нет, с братом он никогда близок не был. А вот Ноэль легким нравом, мудрой хитринкой и простецкими повадками внушал симпатию и уважение.

— Я не умею работать в команде, жить общими интересами. Одному мне всегда было проще. А то, что меня заставлял делать твой дед... Я не ты, я не умею прогибаться, могу лишь сломаться, если надавить слишком сильно. В Дюарле почти так и случилось. Я не жил, я искал смерти: в пьяных драках в кабаках, объезжая самых норовистых лошадей на ристалище, в будуарах замужних дам. Везде, где только мог. Я даже себе стал омерзителен.

— Да уж. Сколько ты моей крови тогда выпил! Это я тебя от всех неприятностей отмазывал да еще по шее от главнокомандующего получал. И жалко смотреть было, как ты сам себя пожираешь. Поэтому и выторговал для тебя это назначение. Знаешь, во что мне это обошлось? Я ведь тоже не прогнулся.

Николя сдавленно вздохнул. К лицу прилила краска. Стало стыдно. Какая же он эгоистичная зараза! И не переделаешь себя, как ни пытайся. Как в детстве ни о ком кроме себя не думал, так и сейчас. Нет, не тянет он на героя. Даже с жалкими грызунами и то справиться не смог. Единственный подлинный герой, способный на самопожертвование ради высоких идеалов, здесь Ноэль. Жаль только, в компании этого не понимают.

— Я сожалею...

— Не стоит. Пустое, — по обыкновению добродушно улыбнулся офицер. — Я надеялся, вдали от компании ты обретешь мир с собой, но ты продолжаешь лезть на рожон и искать смерть. Хотя, признаюсь, сегодня на миг мне показалось, что я увидел тебя настоящего.

Николя удивленно выгнул бровь.

— Когда ты танцевал с Гердой, — подмигнул Ноэль. — Если она именно то, что удерживает тебя от безумия... Будь с ней до конца. Даже дам совет: женись на ней как можно быстрее, по всем правилам. Тогда ни компания, ни Голубые Капюшоны, ни даже сами боги не смогут вас разлучить. Только какой это будет такой мезальянс!

Ноэль с вызовом глянул на Охотника. Совет был вполне очевидным. Николя деланно равнодушно пожал плечами:

— О каком мезальянсе речь? Я происхожу из древнейшего рода Стражей. И она. Я обладаю уникальным даром. И она. Моего деда проклинаят. И ее. Да и вряд ли капитуляция Авалора считается меньшим предательством, чем убийство одной из Норн.

— Николя! — запротестовал Ноэль. — Когда я получу власть, все изменится. Я смогу переломить костные предрассудки и заставить всех забыть прошлое. Тогда у нас, у людей с даром, появится шанс на будущее.

— Уверен, из тебя выйдет замечательный главнокомандующий, — Николя примирительно улыбнулся и крепко обнял старого друга напоследок. — Ступай. Уже поздно. Я все понял. Когда придет время, я сделаю, что скажешь.

Ноэль кивнул и направился к выходу, но стоило ему приоткрыть дверь, как из-за нее вновь вывалился Финист. Ноэль хохотнул в голос. Николя измученно поднял глаза к потолку. Этот идиот неисправим.

— Я хотел объясниться, — замялся оборотень и, набрав полную грудь воздуха как перед прыжком в прорубь, выпалили: — Извини меня!

— Засунь свои извинения себе в задницу! — рыкнул Николя.

Теперь глаза к потолку поднял Ноэль, схватил оторопевшего Финиста за локоть и вытолкал в коридор.

— Но я же просто хотел попросить прощения! — принялся возмущаться оборотень, как только отошел от шока.

— Оставь Николая в покое, — приказным тоном осадил его Ноэль. — Его сложно вывести из себя, но еще сложнее утихомирить. Думаю, через пару дней он остынет и сам пойдет на мировую.

Финист повел плечами и понурил голову.

— Зря ты нас разнял. Может, если бы я навалял ему хорошенько, то выбил бы из тупой башки всю дурь.

— Ох! — присвистнул Ноэль. — Восхищаюсь твоей отвагой. Сам-то я всего раз видел, как Николая в полную силу дерется. Мы тогда как раз заговор в одной из южных провинций Норикии раскрыли. А руководил им, как выяснилось, демон. Вот с ним Николая и сцепился. Они в два стальных вихря превратились. Мы даже близко подойти боялись — задеть могло так, что с руками-ногами распрощаться пришлось бы, а то и с головой. Долго они бились. Целую вечность. Аж сил смотреть ни у кого не осталось. Демон себя собственным коварством не погубил. А Николая очухался через пару дней без единой царапины. Как будто и не сражался вовсе. Не хотел бы я с ним так биться. И тебе не советую. Если бы я его не остановил, он бы разорвал тебя на части. Не как человек он сражается, и даже не как Страж.

Финист сглотнул подступивший к горлу ком и вжал голову в плечи. Хотелось возразить, что не такой уж он и слабак. Да и видел сам, как Охотник с демонами дерется. Даже сражался с ним плечом к плечу. На равных. И потом еще раненого домой тащил. Тогда Николая казался обычным человеком с чересчур болезненной гордостью. Неужели он действительно ослаблял себя до предела для занятий с Гердой?

Финист проводил Ноэля в коридор и подал плащ. Неучтиво бросать гостя посреди чужого дома. Хотелось что-то сказать, но ничего путного в голову не шло.

Когда Ноэль уже открыл входную дверь, впуская в дом прохладный ночной воздух, Финист нерешительно протянул ему руку. Все-таки они обменялись кровью. Значит, признали друг друга равными. Братьями. Хотя какой из деревенщины брат для будущего главнокомандующего компании? Ноэль задумчиво покосился на его грубую мозолистую ладонь и обнял, почти как Охотника. Так крепко хлопнул по спине, что едва дух не выбил.

— Береги себя, — сказал на прощание. — После экзаменов сразу в Дюарль поезжай. Найдется для тебя работенка более подходящая, чем с желторотиками нянчиться. А про девушку забудь. Не потому, что я за Николая и не из-за ее дара. Не любит она тебя, не как мужчину. Если хочешь друзьями с ней остаться, дай самой во всем разобраться. Бывай.

Финист кивнул. Слова застряли в горле. Он вышел на порог и смотрел, как удаляется широкоплечая фигура. Со скрипом затворилась калитка. Грянул гром. Землю ощутимо трянуло. Ноэль исчез в яркой вспышке. Телепортатор! Невероятно. Финист поспешил обратно в дом. Все же компания — не до конца пропащее место, раз в ней есть такие люди, как Ноэль... И Николая.

«Мда, — хмыкнул в голове язвительный голос Безликого, как только Николая остался один. — Это был самый бездарный танец в истории Мидгарда. Но ты хотя бы попытался. Будем считать, что первое испытание пройдено».

Николая твердо решил его игнорировать. Может, отцепится? Он устроился за освободившимся столом и достал из ящика альбом в кожаном переплете. Что угодно, лишь бы унять клещами вцепившуюся в разум тревогу. Эскиз ложился на бумагу корявыми штрихами. Николая плюнул и принялся листать альбом. Портреты Герды попадались через каждые два-три листа. «Действительно, одержимый», — хмыкнул про себя Охотник, засовывая альбом обратно в ящик. Вместо него разложил на столе самим же сделанную карту Мидгарда. Взгляд пробежал от большого острова на западе, к выглядывающим из левого нижнего угла берегам Муспельсхейма, метнулся к крохотной точке с подписью Упсала на севере, заскользил на восток через Кундию к Дрисвятам на самой границе Веломовии и дальше к жирной кляксе, обозначавшей Священную долину Агарты. Николая ткнул в нее пальцем и задумчиво постучал по столу. Путь неблизкий. Но Герда ведь всегда хотела попутешествовать, верно? Один раз он уже ехал этой дорогой. Второй будет легче. А там ни компания, ни Голубые Капюшоны, ни даже демоны не достанут.

Николая измученно закрыл глаза и принялся раскачиваться на стуле, напевая колыбельную на непонятном даже самому языке. Странно. Он не помнил ни одной колыбельной, которые ему пела мать на Авалоре. Да и не любил их никогда. А эта, услышанная однажды от тысячелетней старухи Умай, запала в душу навсегда. И жгла неизбывной тоской, словно молила вернуться. Живым. Обещала, что укроет и сохранит, пока будут силы, пока последняя капля крови не покинет ее жилы.

«Что, задумал у матушки под крылом отсидеться, трус несчастный?! — прогремел, оглушая, голос разгневанного Безликого. — Не выйдет. Тьма повсюду достанет, нигде спасения не найдешь. А за малодушие ни пощады, ни передышки не получишь. Второе испытание пошло!»

«Нет! Нет! Не надо!» — Николая подскочил, как ошпаренный. Ноги сами понесли в конец коридора к двери в каморку.

— Герда, открой! — позвал он, молотя руками по дереву. Никто не отвечал. — Открой! Я понимаю, что вел себя как последняя скотина и очень тебя обидел, но я все исправлю. Обещаю. Только открой!

Снова молчание. И сквозь него едва слышный всхлип.

— Герда! Открой демонову дверь, иначе я ее выбью!

Николая сдвинул щеколду телекинезом. Дверь распахнулась сама. Неровный сумеречный свет из занавешенного окна падал на кровать. Герда металась по скомканным простыням в мокрой от пота рубахе и тихо стонала. В два прыжка Николая оказался рядом и принялся колотить девушку по щекам.

— Что происходит? — влетел в комнату привлеченный криками Финист.

Николя пытался привести Герду в чувства и не обращал на него внимания.

— Я позову Эглаборга, — Финист бросился обратно в коридор и привел заспанного целителя.

— Она промокла во время грозы. Замерзла. Простудилась. Еще расстроилась, что мы с Николя подрались... — сбивчиво объяснял оборотень.

— Подрались?! — Эглаборг ошалело распахнул глаза, переводя взгляд с одного помятого лица на другое, но потом все же вернулся к Герде.

Почему ей всегда достается сильнее всех, хотя она ни в чем не виновата?

— Давно она так? — спросил целитель, тронув Николя за плечо.

Он не ответил, даже не повернулся, словно оглох. Застыл, сжимая восковую руку девушки и вглядываясь в болезненные черты. Эглаборг печально вздохнул, не особо удивившись. Видно, ему уже доводилось наблюдать у Николя подобное состояние. Целитель принялся за работу.

Последующие три дня промелькнули в беспрестанных хлопотах. Эглаборг без конца готовил в своей «лаборатории» — так он называл свою спальню — снадобья и притирки, проверял состояние больной и отдавал распоряжения остальным. Майли с Вожыком по очереди то обкладывали Герду грелками и растирали, чтобы согреть, когда был озноб, то наоборот пытались сбить жар с помощью зелий.

Финист таскал воду и рыскал по округе в поисках трав, которые просил целитель. И только Николя неподвижной статуей сидел на коленях у постели Герды. Финист был уверен, что Охотник за это время даже глаз ни разу не сомкнул. Он молча держал Герду за руку и расходовал собственный дар непонятно на что. Хотелось наорать и огреть по голове чем-нибудь тяжелым, чтобы не вел себя как слабак. Того и гляди, расплачется и запричитает, как баба. Нет, тогда Финист точно не сдержится. Хотя драться в комнате Герды было бы верхом глупости. Она так и не просыпалась. Билась в бреду, шевелила губами в немом крике, затихала, а потом снова начинала беспокойно ворочаться. Жар переходил в озноб, озноб в жар. И до бесконечности.

К исходу третьего дня все выдохлись, а лучше Герде не стало. Эглаборг отправил Вожыка и Майли отсыпаться, а сам в последний раз проверил состояние девушки. Финист стоял у него за спиной, нетерпеливо дожидаясь новых указаний. Целитель потерянно провел по своему вспотевшему лицу руками и деликатно коснулся плеча Охотника:

— Я уже все перепробовал. Ничего не помогает.словно это злой дух немочь наслал и тянет из нее жизненные соки. Только не чувствуется в ней, да и во всем доме, ничего чужеродного.

Николя не отзывался.словно ему и дела нет до назойливой мухи, жужжащей над ухом. Но Эглаборг не сдался:

— Она очень слаба. Лихорадка уже почти выжгла ее изнутри. Боюсь, к утру все будет кончено.

— Но ведь можно еще что-то сделать! — переполошился Финист. Он не мог позволить ей вот так уйти. Он ведь даже прощения не успел попросить. Сказать, что он все, наконец, понял, что... Нет! Финист развернул Эглаборга к себе и схватил за ворот рубахи: — Какой-нибудь диковинный цветок, птицу или рыбу. Что угодно! Я все достану — только скажи. Пока она жива, еще можно что-то сделать!

— Вы меня не слышали? — вырываясь от него, заговорил целитель. — Я не знаю, что с ней. Это не болезнь. Была бы болезнь, одно из моих средств подействовало. Она угасает. И

так продержалась удивительно долго. Но продлить агонию дольше мы не сможем. Герда не доживет до утра.

Финист открыл рот, чтобы ответить, но тут сбоку донеслось едва слышное:

— Вон.

Финист удивленно обернулся.

— Вон, — голос Николая скрипел, словно ржавые дверные петли.

— Ма... — попытался возразить целитель, но Охотник поднялся и возвысился над ним чуть ли не на голову.

— Пошли вон, я сказал! — заорал он так, что весь дом дрогнул до основания.

Финиста тоже ощутимо потрянуло. Аура Николая начала расти, темнеть и сгущаться, превращаясь в близнеца той страшной силы, что он ощутил в пещере Истины.

Глаза Николая налились чернотой. Финист припомнил предупреждение Ноэля. Точно разорвет. И глазом моргнуть не успеешь. Оборотень схватил оторопевшего целителя за руку и выволок из каморки. Дверь с грохотом захлопнулась. Что Николая собрался делать там один? Видно, последнего разума лишился. Ничего, к утру охолонет. К утру они все успокоятся. Жаль, что для Герды будет уже слишком поздно.

Защелкнув щеколду на двери, Николая принялся остервенело стаскивать с себя штаны и рубаху. Оставленная одна, Герда заворочалась на кровати и тихо всхлипнула.

— Погоди. Я сейчас, — отозвался он, избавляясь от остатков одежды и вернулся к ней. Сел рядом на кровати и стащил с девушки через голову мешковатую ночную сорочку. Взял худенькое, легкое, как пушинка, тело на руки и прижал к себе. Снова начинался озноб. От бледной, покрытой пупырышками кожи веяло могильным холодом. Как же Николая ненавидел этот демонов холод! Он с трудом устроился на слишком тесной даже для него одного кровати, уложил Герду сверху и натянул пуховое одеяло почти до самого носа. Нужно ее согреть. У него тепла всегда было немного. Умудрялся мерзнуть даже в летний зной. Живой мертвец.

Николя обнял Герду за плечи. Она доверчиво вытянулась у него на груди и затихла. — Вот так хорошо. А теперь бери. Бери все, что есть! Он медленно вливал в нее собственные силы, каждой порой кожи, которой они соприкасались. Боялся упустить хоть частичку. Быть может, именно она перетянет Герду на этот берег.

То, что так удивило Эглаборга, то, что удерживало Герду на краю был дар Николая. Она впитывала его силу словно губка. Немочь отступала, но через некоторое время принималась терзать ее тело с новой силой. Когда Эглаборг расписался в бессилии, в голову пришла сумасшедшая идея — выплеснуть в нее весь свой внутренний резерв без остатка. Не спасет — так хоть уйдет следом.

Губы Герды разомкнулись. Снова бред? Николая напряг слух, пытаясь разобрать, что она шептала эти три дня.

— Николас, — Может, показалось. И вот снова: — Николас.

— Я здесь, — глухо отозвался он и поцеловал ее в макушку. — Я буду с тобой до конца. Теперь уж точно.

Он закрыл глаза, сосредотачиваясь, чтобы увеличить идущий через руки поток, раз уж

ее тело принимало его так легко. Интересно, сколько Николая протянет? Не стоит тратить силы на разговоры вслух, ведь сказать требовалось так много. Вместо этого заговорил про себя:

«Знаю, сейчас уже глупо просить прощения или искать оправдания. Я и не буду, потому что оправдываться мне нечем, а прощения я не заслужил. Во всем, что происходит, моя вина, и только моя. Ведь знал же, что не стоит злить строптивного бога. Нельзя победить врага, которого ни коснуться, ни увидеть не можешь. Я надеялся, что тебя из всех людей он пощадит. Ведь... Я сглупил. Думал о нем, как о человеке или демоне, на худой конец, а он ни то и ни другое. Он хуже — нечто страшное, непостижимое. Я противился его власти, как противился бы любому, кто посмел мне что-то навязывать. Я не понимал, что он не Эйтэини и не Ноэль. Думал, раз он существует бесплотным голосом в моей голове, то от него можно отмахнуться, закрыться, игнорировать, как раньше я игнорировал все, что мешало или не нравилось. Посмотри, куда нас это завело. Теперь я могу лишь молить его о пощаде, но он глух к моим просьбам, как я раньше был глух к его. Ты слышишь, Безликий?! Я все понял. Я буду твоей послушной марионеткой, исполню любой твой приказ. Только останови это! Не убивай ее. Она безвинна».

Николя приглушил собственные мысли, рыская по закоулкам сознания в поисках следа Безликого. Но тот появлялся, повинуюсь лишь своим желаниям. Николая так и не смог постичь существовавшую между ними связь. Впрочем, если Безликий не отзовется, то к утру она уже не будет ничего значить.

Бог молчал. Видимо, твердолобое упрямство — их общее качество. Ненавижу!

Николя закрыл глаза и отпустил мысли в свободный полет. Перед внутренним взором возникали картины из прошлого. Вот маленькая с толстыми косами цвета спелого льна протягивает ему букет синих полевых цветов и умоляет не забывать ее. Вот он мчится по заснеженному полю, следуя непонятному зову, и находит ее посреди тропы ненниров. Она называет его по имени, протягивает руки, а у него все внутри замирает от неверия и ужаса. Вот она обнажает перед ним спину, и он едва не разрывает ей сердце, поддавшись глупым страхам. Вот он кричит на нее, угрожает, чувствуя, что не справляется с ролью учителя, а она, перепуганная, бежит и проваливается в склеп Ходоков. Вот она танцует с Финистом на празднике, сияя от счастья, а Николая хочется все крушить и ломать от ревности. Вот она протягивает к нему руки в поисках поддержки после битвы с Ходоком, а Николая отворачивается, не в силах больше бороться против нее и против себя одновременно. Вот она просит его потанцевать с ней на Остаре, а он отказывается, оправдываясь тем, что слишком занят интригами Эйтэини. Вот она дерется с ним на лесной поляне, а ему хочется повалить ее на землю, впиться в губы, разорвать рубашку на груди, стянуть несурзные штаны, которые она почему-то любит больше юбок, и удовлетворить демоново желание, что столько месяцев жгло пятки. Вот она умоляет его потанцевать с ней на Бельтайне, а он несет невнятную чушь, не в состоянии уже придумывать новые причины для отказа. Вот она кричит что-то, пытаясь остановить их драку с Финистом, но стук кровавой ярости в ушах лишает слуха. Глупец! Мерзавец! Полоумный! Ненавижу!

Вибрации во всем теле усиливались, высвобождая остатки энергии из потаенных мест. Николая и не думал, что у него такой большой резерв. Ну когда же?!

Он снова обратился к Герде, пока еще оставалось время:

«Знаешь, я не хотел, чтобы ты вернулась в мою жизнь. Не хотел, чтобы тьма, уничтожившая все, что мне дорого, коснулась и тебя. Я надеялся, что в твоём мире не будет

ни компании, ни Голубых Капюшонов, ни проклятого родового дара. Ты должна была рано выскочить замуж за бедного, но надежного бюргера, нарожать детишек и прожить тихую спокойную жизнь. Не со мной. Жаль, что не вышло. Наверное, нельзя вырвать человека из своей судьбы, постоянно думая о нем. А я не мог себе запретить. Думать. Вспоминать. Представлять себя на месте того бюргера. Какова была бы жизнь, не будь у меня этого ремесла? Может, тогда удалось бы урвать хоть краешек собственной мечты, хоть на миг насладиться тихим, безмятежным счастьем. Какая несусветная чушь, да? Нельзя стать тем, кем не являешься, как и перестать быть тем, кто ты есть.

Но я был счастлив, что ты снова рядом со мной. Что я могу слышать твой нежный голос, ласковый смех, видеть твои ясные глаза, добрую улыбку, ощущать робкие прикосновения трогательно тонких пальчиков, украдкой целовать волосы, щеки и даже губы. Я не заметил, как ты стала солнцем моей жизни, озарила мое существование, разогнала тьму по закоулкам и наполнила пустоту в душе собственным светом. И все же проиграла моей глупости и упрямству. Нежный цветок не может распуститься во время стужи. Мороз и ветер погубят его, как только он выглянет из сугроба, чтобы потянуться навстречу солнцу. Так и я погубил... и цветок, и само солнце.

Ненавижу Безликого. Ненавижу свое ремесло. Ненавижу компанию. Ненавижу Голубых Капюшонов. Ненавижу наших дедов. И все то, что нас разделяет. А больше всего ненавижу себя, потому что не смог сказать это, пока ты меня слушала. Я никогда и никого не любил так сильно, как тебя сейчас. До дрожи в коленях. До зубовного скрежета. До рвущегося из груди сердца. Не думал, что смогу чувствовать так глубоко. Как же больно! Словно отмороженную руку в кипяток засунуть. Но это единственное, о чем я не сожалею теперь. Лучше умереть в яркой вспышке, чем всю жизнь прозябать во тьме. Люблю тебя, родная. Люблю до смерти. И даже после нее.

Так бери же все, что у меня есть. Тебе эта жизнь нужнее, чем мне. Ты еще сможешь найти свое место. А мое горе и боль пускай сотрутся в этой агонии. Пускай все, что я есть, растворится в тебе, станет песчинкой в твоей душе, живущей тобой, твоим дыханием, твоим счастьем. Вместе. Всегда».

По телу растекалась болезненная тяжесть, конечности сковывало параличом, голова гудела и наливалась жаром. Внутри глухо ухала пустота. Кажется, действительно конец. Даже сделать вдох сил не осталось. Не жаль. Отчаянно захотелось взглянуть в любимое лицо, запечатлеть его на холсте памяти черточка за черточкой в самый последний раз. Но Николая не успел. Словно хлипкий деревянный мост под ногами сломался, и он с головой рухнул в непроглядный омут.

В комнате царил полумрак. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь тяжелые гардины. Дышать было тяжело от стоявшей столбом пыли. За притворенной дверью раздавались приглушенные голоса. Николая не мог разобрать слова, но был уверен, что говорят о нем. О том, что жизни в нем осталось всего на пару вдохов. Нужно попросить, чтобы на погребальном костре его сожгли рядом с Гердой, а руки их обвязали веревкой. Тогда на том берегу их, связанных, уже ничто не разлучит. Герда. Нужно заглянуть ей в лицо.

Николя с трудом заставил себя пошевелиться. Ее рядом не оказалось. Не удержал. Змейкой ускользнула сквозь пальцы. По щеке прокатилась одинокая слеза. Прочистила взор. То была не его комната. И этих голосов Николя тоже не знал. Он умирает в чужом доме. Под скорбный шепот чужих людей. Впрочем, какая разница?

Дернулась гардина. Дрогнуло стоявшее напротив окна тусклое зеркало. Николя повернул голову. Внутри шевельнулась тень. Демон? Ловец? Голубой Капюшон? Преодолевая боль, Николя поднялся и на негнущихся ногах поковылял к зеркалу. Стер пыль рукавом, пристально взгляделся в собственное отражение и обмер. Кожа на его лице плавилась будто от пылавшего в голове пламени, покрывалась струпьями, чернела и осыпалась пепельной крошкой. Из-под нее, как из-под облезшей маски, проглядывали чужеродные, нечеловеческие черты. Галлюцинация? Сумасшествие? Одержимость? Все не то. Он знает ответ. Всегда знал. Страх тошнотворным комком подступил к горлу и вырвался наружу иступленным воплем.

«До чего жалкое зрелище! — насмеялся Безликий, а потом, кривляясь, заговорил приторно-томно: — Ах, как я ненавижу весь этот жестокий мир! Ах, как я люблю твои тоненькие пальчики, моя ненаглядная Герда! И поэтому мы умрем с тобой в один день, а все остальное пускай летит демонам под хвост. Пакость! Ты же не безусый юнец, чтобы подобную чушь нести. Даже птичий болван бы до такого не додумался!»

Николя зашипел и широко распахнул глаза. От сочившегося из окна яркого утреннего солнца хлынули слезы. Он снова лежал на слишком тесной для него кровати. Грудь щекотало теплое дыхание. Герда спала. Живая! Николя ласково провел рукой по пушистым волосам.

«Жаль, что бедняжку понадобилось довести почти до смерти, чтобы ты сознался в своих чувствах. Ладно, с большой натяжкой и второе испытание пройдено. Живи... пока».

«Нет, погоди! — взмолился Николя. — Не надо больше испытаний. Я все понял. Ты не слышал? Я готов исполнить любую твою волю».

«Уволь меня от неискренних клятв и пафосных речей. На них только такой простофиля, как Ноэль, купиться может. Но я-то знаю твое трусливое нутро. Как только она проснется, ты забудешь обо всем, что здесь наговорил. И ничегошеньки не изменится. Нет, полумерами ты не отделаешься. Следующее испытание будет еще сложнее, а отказаться от нее — почти невозможно. Посмотрим, насколько хватит твоего упрямства».

Спорить — себе дороже. Николя уяснил это слишком хорошо. Он убрал волосы со щеки Герды и коснулся ее губами. Еще немного соленая от пота. Но бред прошел вместе с лихорадкой, а сон стал глубоким и безмятежным. Все прошло, тут сомнений быть не может. Николя прижал ее к себе. От прикосновений кожу покалывало, словно Герда стремилась восполнить то, что он добровольно ей отдал. Наверное, это и удержало его на грани. Удивительно. Еще одна загадка.

«Ты ошибаешься. Я все ей расскажу», — мысленно пообещал он Безликому.

— Мастер Николя! — голос Эглаборга царапнул привыкший к тишине слух. Охотник переложил Герду на кровать, поднялся и бросился одеваться, пока из-за двери не прозвучало грозное требование целителя: — Открывайте, хватит уже безумств!

— Сейчас, — Николая с трудом узнал в надломленном каркающем голосе свой собственный. Быстро застегнул штаны и рубаху, а после натянул на Герду сорочку. Не хватало еще, чтобы домочадцы узнали, как он провел ночь. Они не поймут.

— Открывайте, не то Финист выбьет дверь! — принялся угрожать Эглаборг.

Николя вскинул руку, чтобы отодвинуть защелку с помощью телекинеза, и чуть не упал. Голова кружилась, к горлу подступила дурнота, ноги почти не держали. Видимо, того, что Герда успела ему передать, было недостаточно.

Дверь отлетела в сторону. В комнату ворвались не на шутку встревоженные Эглаборг с Финистом.

— Она жива? — пораженно выдохнул целитель, подойдя к кровати. — Это чудо! Как вам удалось?

— Я не... — начал Охотник, но тут его словно обухом по голове огрели.

В глазах потемнело. Лицо стремительно приближалось к полу. Подхватили и, сильно тряхнув, поставили на ноги. Николая с трудом поднял взгляд на Финиста, который придерживал его под руку.

— Да он же пуст! — ахнул оборотень.

Целитель обернулся необычайно быстро, особенно если учесть его степенные манеры.

— Мастер Николая, на что вы?.. — в глазах Эглаборга мелькнула догадка. Он перевел взгляд на Герду и неодобрительно щелкнул языком: — Это ненормально. Вам не следовало так надрываться. Если бы ваш фокус не сработал, вас бы утянуло вместе с ней.

— Но он сработал, — упрямо ответил Николая и, вырвав руку у Финиста, заковылял к двери. Через два шага споткнулся, но верткий оборотень вновь подхватил его и, не слушая возражений, дотащил до спальни. Не раздеваясь, Николая залез в кровать под одеяло и, с трудом удерживая себя в сознании, попросил:

— Когда она проснется, не говори, что я провел с ней ночь и не разрешай ходить в мою комнату. Не хочу, чтобы она видела меня таким.

— Ой, дурак! — махнул рукой Финист и ушел.

Глава 36. Испытание третье: найди силу в слабости

Едва добравшись до каморки, Герда почувствовала озноб. Быстро сняв с себя мокрую одежду, она забралась в постель, укрылась одеялом и теплым пледом. Сон сморил, как только голова коснулась подушки. Через час стало жарко — камин что ли затопили? Герда скинула с себя одеяло и плед. Тело покрыла горячая испарина, голова закружилась, а разум провалился в раскаленное добела марево. Она стонала. Послышался стук двери и быстрые шаги. Прохладная ладонь коснулась лба. Кто-то что-то спрашивал. В ушах звенело. Она не могла разобрать слов. Смертельно хотелось спать. Но надоедливый гость не желал оставлять ее в покое. Вскоре раздались еще шаги. Тихо переговаривавшиеся голоса. Открыли рот и влили что-то горькое и горячее, обмыли потное тело тряпкой. Стало немного легче. Снова пришел сон.

Иногда Герда просыпалась и чувствовала чье-то присутствие. Снова давали горячее питье, кормили жидкой кашей, потом она засыпала, и кто-то неустанно держал ее за руку. В бреду виделось странное, почти реальное, но все же подернутое болезненной пеленой. То она падала в полынью. Бурное течение подхватывало и несло под лед. Но черный всадник хватался за нее и упорно тащил обратно. Мышцы на натягивались, зубы скрежетали, что-то внутри хрустело и надрывалось. Но он продолжал бороться со стихией, тянул Герду к себе, словно она была его жизнью. Течение побеждало. Так и не разжав рук, всадника уносило под лед вместе с Гердой. Обжигающе холодная вода заполняла легкие. Все вокруг меркло в темной дымке.

То Герда сражалась с Ловцом, ловко фехтуя изящным легким мечом. То на ее месте оказывался Охотник, целая дюжина Ловцов окружала его, а следом шла непроглядная черная мгла и с шипением выпускала похожие на острые пики щупальца. То Герда видела бьющегося в агонии Финиста с гниющей раной на спине. И Защитника Паствы из иллюзии Дугавы, который, запрокинув голову в экстазе, вдыхал клубившуюся над ним тьму. А потом боль разрывала внутренности яростными толчками, боль заполняла все вокруг. От судорожного напряжения было не продохнуть. Но вскоре наступало облегчение. Ослабнув, Герда поворачивала голову и встречалась взглядом с Николя, сломленным и виноватым. Она протягивала к нему руку, но та проходила сквозь него, захватывая пустой воздух. Николя печально улыбался, по его щекам катились крупные слезы. Он не вернется, это — конец.

Придя в себя, Герда никак не могла понять, сколько времени пролежала в бреду. На стуле рядом раскачивался Финист. Он уткнулся в книгу, на обложке которой было написано «Тактика и стратегия скрытной войны», и ничего не замечал. На тумбочке сбоку в маленькой вазочке стоял пышный букет из первоцветов: фиолетовой печеночницы, желтой мать-и-мачехи, бледно-лилового прострела, голубых пролесок, розовых и синих медуниц, красных ветрениц и белых подснежников. За окном ярко светило солнце и щебетали соловьи. Лето разгоралось вовсю.

— Ты проснулась! — обрадовался Финист, оторвавшись от книги. — Заставила же ты нас поволноваться! Целых три дня жар сбить не могли.

— Я спала три дня? — удивилась Герда. Язык с трудом ворочался во рту. Голова все еще немного побаливала.

— Три? Нет, неделю. — Она испуганно выдохнула. — Ну да неважно это. Главное, ты выздоровела. Я боялся, что потеряю тебя, не успев даже прощения попросить.

— Опять? За что на это раз?

Финист смутился резкому тону.

— Я был никчемным учителем и еще худшим другом. Это из-за моей глупой выходки ты заболела. Я понимаю, что недостойн ни тебя, ни твоего прощения.

— Не надо так говорить. Я ведь тоже была неважным другом в последнее время, — ответила Герда. — Игнорировала твои чувства, лезла в голову...

— Да, насчет этого... Я сам виноват. Как твой учитель, я с самого начала должен был объяснить, что не следует читать людей без спроса. Это сравнимо с тем, как я вломился в комнату Николая и читал его письма. Подло и бесчестно.

Герда потупилась и кивнула. Она бы сама могла догадаться, просто чтение мыслей так увлекло, что она предпочла не думать, насколько это честно. У всех есть право на секреты и слабости. Она не должна была подслушивать.

— Я понимаю. Прости меня.

— Я же сказал — в этом нет твоей вины. Ты не знала, а я не предупредил, потому что игнорировал свои обязанности. Но теперь я решил измениться. Вот. — Он указал на стоявшие в вазе цветы. — Собрал их для тебя. И вот. — Постучал пальцем по обложке книги. — Тоже решил почитать. Очень интересно. Теперь я понимаю, почему ты их так любишь.

Герда слабо улыбнулась, со страхом ожидая, что дальше последует дурацкий комплимент. Но этого не случилось. Финист молча смотрел и ждал, когда ответит она сама.

— Очень красивые цветы, спасибо. И книга... ты молодец. Я рада, что твоя одержимость мастером Николая прошла. Вы помирились?

— Да... Не без помощи мастера Ноэля, конечно. Николай мне все объяснил и даже пообещал, что проведет экзамен, как только ты поправишься.

— Экзамен? Как? — ахнула Герда. — Но я ведь совсем не готова.

— Ты прекрасно готова, не переживай. Я в тебя верю.

Она потупилась. Снова воцарилось гнетущее молчание.

— А он ко мне заходил, мастер Николая? — спрашивать у Финиста было неучтиво, но...
Николай волновал Герду больше всего, и она ничего не могла с собой поделать.

Финист покосился на дверь и заговорил уж очень неловко:

— Он занят. Крысы. Проповедник вернулся. Горожане волнуются и все такое.

Герда отвела взгляд и невидяще уставилась в окно.

— Не переживай так. Думаю, он к тебе еще заглянет, — подбодрил ее Финист.

Только тогда она поверила, что он изменился. Следующие дни оборотня было просто не узнать. Он стал такой чуткий, заботливый: слушал гораздо больше, чем говорил, следил за своими словами и изо всех сил старался поднять ей настроение. Они много занимались: призывали крыс, повелевали птицами — все, что можно было сделать, не выходя из комнаты. Финист даже согласился, чтобы Герда прочитала его мысли. С его разрешения делать это оказалось куда проще. В книгах говорилось, что пользоваться телепатией легче, если положить руки человеку на голову, закрыть глаза и представить черный тоннель, по которому путешествуют яркие всполохи. Догонишь один — услышишь, что человек думает. Но иногда их попадалось так много, что они мешались и перекрикивали друг друга, не позволяя ничего разобрать. Самое сложное было отделить бессмысленные волнения и впечатления от действительно важных вещей. Удавалось далеко не всегда, особенно если чтение становилось более глубоким, когда необходимо было пробираться в закоулки чужого

сознания. Требовалось выудить из потока единственную нужную мысль, ответ на вопрос, который Герда с Финистом заранее обговаривали.

Порой она с собой не справлялась. Подспудно пыталась хоть краешком зацепить мысль о Николае. Что такого было в письме Финиста, если из-за него Герду могли забрать? И главное, кто и куда? Но оборотень слишком хорошо себя контролировал, зная, что она читает. Герда не выдержала и спросила напрямик. Он заметно смутился:

— Это не моя тайна. И я не уверен, что знаю всю правду. Думаю, Николай сам все расскажет, когда будет готов.

— Ты обещал молчать, да? — поняла Герда.

— Да. И это правильно. Я не смогу объяснить так, как это делает он.

— Кажется, вы с мастером Николаем очень сблизились за эти дни, — заметила она. — Никогда не думала, что такое возможно.

— Разговор с Ноэлем и твоя болезнь заставили меня взглянуть на все другими глазами. Не скажу, что одобряю все поступки Николая, но теперь я хотя бы отчасти понимаю его. И знаю, что он не причинит тебе вреда. А все остальное значения не имеет.

Герда угрюмо потупилась:

— Хотелось бы, чтобы и для меня остальное не имело значения.

— Ты всегда можешь уехать со мной. И тогда ни Николай, ни его секреты не будут иметь значения. Думаю, он с радостью тебя отпустит, если ты его об этом попросишь, — с вызовом глядя на нее, ответил Финист.

Герда с трудом выдохнула. Сказал он правду или все-таки слукавил, что вражда с Охотником в прошлом? Не верилось, что Николай так легко от нее откажется. Но за три дня, как она проснулась, он ни разу не заглядывал. Остальные ее часто проводывали: Эглаборг приносил еду и лечебные отвары, Вожык прибежал рассказать о шалостях своих друзей, даже Майли пару раз заходила — мялась на пороге и не знала, что сказать, но все равно было видно, что переживает. А Николай словно в другой город переехал. Герда даже не слышала, чтобы он к себе в комнату поднимался. Неужели, действительно так занят?

На предложение Финиста она никак не ответила. Глупо было отказываться, если Николай она безразлична. Но если она пройдет экзамен, ей могут предложить интересное место в компании. Вот бы что-нибудь связанное с путешествиями. Только шансов сдать хотя бы на второй уровень маловато, учитывая, что она почти ничему не научилась. Если бы было больше времени...

В тот день Герда проснулась так рано. Вечером накануне она внимательно прислушивалась к шорохам за дверью, надеясь не пропустить возвращение Николая, но ничего не вышло. Ее сморил сон, а Охотник так и не явился. Или явился, но она не услышала, ведь он всегда двигался почти бесшумно. Наутро она подскочила с кровати и стрелой вылетела за дверь. Николай выходил из собственной спальни. Удивленно покосился на нее:

— Что-то случилось? Эглаборг сказал, что тебе еще пару дней следует провести в постели.

Он интересовался? Или ждет не дождется экзамена, чтобы ото всех избавиться? Надо сказать, вид у Охотника был уставший и осунувшийся.

— Нет, я просто... — замялась Герда. — Хотела кое-что спросить. Не могли бы вы отложить экзамен на пару недель. Я из-за болезни не успела подготовиться.

Николай сдвинул брови. Кажется, она его удивила.

— Я и так слишком долго откладывал. Еще две недели ничего не решат, — холодно заметил Охотник. — Хватит трусить. Это единственное, чему тебе так и не удалось научиться.

— Кто бы говорил! — внутри вспыхнула ярость. Сколько можно попрекать ее трусостью?! — Разве вы не делаете сейчас то же самое? Или вы избегали меня от большой смелости? Скажите уже, что было в том демоновом письме!

— Это неважно, — Николая отвел взгляд, проглотив обвинения молча.

— Неправда. Вы же с Финистом из-за этого чуть друг друга не поубивали. Как после этого оно может быть неважным?

— Мы погорячились. С Финистом все улажено и забыто.

— Со мной зато не улажено! Почему вы себя так ведете? Целуете, а потом отказываетесь даже один единственный танец станцевать; говорите, что я красивая, а когда я болею, ни разу ко мне не заглядываете. Мне больно от всей этой неопределенности, разве вы не понимаете? Скажите прямо, умоляю, чтобы не было никаких недомолвок и недоразумений. Мне больше ничего не надо!

— Пожалуйста, сейчас не лучшее время... — измученно начал он, но его перебил настойчивый стук в дверь. — Кто это так рано?

Николя нахмурился и пошел открывать. Герда побежала следом. Почему кто-нибудь другой не может открыть эту демонову дверь?

Герда нагнала Охотника уже в прихожей. На пороге стоял мрачный как грозовая туча бургомистр.

— Проповедник нашел человека, который избавит нас от крыс, — безрадостно сообщил он еще до того, как Николая заговорил. — Нам дали месяц, чтобы убраться из города и не гневить их Единого-милостивого. Мои уже собирают вещи.

— Хорошо хоть с факелами не выгоняют. Все к тому шло, — грустно вздохнул Охотник. — Я провожу вас до Готланда, как только все тут улажу. Может, вы возьмете к себе Эглаборга? Он уже слишком стар для долгих путешествий.

Герда встрепенулась. Николая собирается в дорогу? Поэтому он так торопится с экзаменом? Что ж, похоже, впереди снова ждет холодное прощание и долгая разлука. Встретит ли она его снова? Вряд ли. Не стоит ссориться напоследок. Пусть у них останутся друг о друге хорошие воспоминания. Хотя бы у нее, а Николая, скорее всего, забудет.

— Конечно, но я думал, нам удастся выехать пораньше, чтобы лишний раз проповедника не злить, — замялся Гарольд и потупил взгляд. Ему, конечно, было неприятно уступать власть и бросать дом из-за облезлого старика и кучки расплодившихся грызунов. Но держался он достойно и никого не винил. Жаль его. По всему заметно, что бургомистром он был отменным, не то что Заградский в Дрисвятах.

— Сейчас не могу, простите. Мне нужна хотя бы неделя, — покачал головой Николая.

— Компания зовет, да? Работа всегда на первом месте, понимаю. — Гарольд обиделся. — Какое вам дело до лапской глуши, а тем более до опального бургомистра?

Герда внутренне сжалась. Какая же она дуреха эгоистичная! Лезет к Николаю со своими глупыми чувствами, когда вокруг такое творится. Он ведь так старался защитить город, найти крысиного пастуха, да и ее, неблагодарную, столько раз спасал. А она накинулась на него с упреками, как Гарольд, как поверившие проповеднику бюргеры. Если бы она хоть чем-то могла помочь! Бестолковое, никчемное, тупое создание!

— Извините, что не оправдываю ожиданий... — пробормотал Охотник.

Отклонился назад и начал оседать на пол. Герда подхватила его под руку, помогая удержать равновесие.

— Мастер Эглаборг! Помогите, мастеру Николая плохо, — позвала она.

От страха ни думать, ни дышать не получалось. Она просто держала его, боясь, что если отпустит, то потеряет навсегда. Как отца.

— Мальчик мой, с тобой все в порядке? — не на шутку перепугался Гарольд. — Мне казалось, ты не хочешь с нами возиться, но если тебе в самом деле плохо, я не стану настаивать. Мы подождем и месяц, если понадобится.

— Все нормально, — процедил Николая.

Оттолкнул руку Герды и встал, неестественно выпрямив спину.

— Ну да, нормально, держите карман шире! — проворчал выглянувший в прихожую Эглаборг.

— Я, пожалуй, пойду. Вы тут и без меня разберетесь, — ретировался Гарольд, испугавшись грозного вида целителя.

Эглаборг упер руки в бока и с такой укоризной глянул на Охотника, что тот ссутулил плечи.

— Сказано же было не подниматься с постели! Хватит того, что вы чуть не надорвались, когда Герду с того берега тащили. Сейчас-то чего носитесь? Сами же видите, резерв не восстанавливается. Вам надо лежать, иначе силы не вернутся никогда.

Герда удивленно вытаращилась. Так это был Николая! Он держал ее за руку, когда она бредила, он тянул ее из полыньи, он вместе с ней тонул в ледяной воде, он... надорвался из-за нее. И теперь, возможно, никогда не восстановится. Да как она посмела упрекать его в трусости!

— Не делай из мухи медведя, — легкомысленно отмахнулся Николая. — Все пройдет, как раньше.

— Медведя?! — взревел не хуже того самого зверя Эглаборг. — Вам требовался отдых еще до болезни Герды. Как вы не понимаете, ваше тело не выдерживает такой нагрузки. За что вы себя ненавидите?

— У меня все в порядке! — вспыхнул Охотник.

— Мастер Николая, пожалуйста, вернитесь в постель, — вкрадчиво попросила Герда.

Не стоило ему спасать ее такой ценой. Она ведь никто, а он самый важный человек во всем Мидгарде. Он же еще столько подвигов должен совершить.

Николая пристально смотрел ей в глаза. Лицо исказила ярость:

— Не смей меня жалеть, слышишь!

Будто плетью огрел. На глазах против воли выступили слезы. Но Герда не хотела плакать. Не хотела злить его или обижать. Никогда-никогда не хотела, чтобы он надорвался.

Николая ушел в свою комнату. И даже не оглянулся.

— Не переживайте. Он не на вас злится. Гордый просто слишком, — Эглаборг подбадривающе улыбнулся и протянул ей платок.

Герда вернулась к себе, чтобы больше никому не мешать. Вскоре Финист принес завтрак и, чем смог, попытался развеселить. Следом заглянул Вожык и предложил пожонглировать огненными шарами. Радовало, что приобретенные до болезни навыки никуда не делись. Герда все с такой же легкостью могла использовать огонь вместе с пирокинетиком. После маленького представления для Финиста они втроем посидели еще немножко, вспоминая общие приключения и рассуждая о разных пустяках.

— Интересно, куда меня отправят после экзаменов? Я бы хотел в Храм Огня. Жрецов все любят. Они так здорово выступали на празднике. Но, наверное, туда только лучших берут, — поделился переживаниями Вожык.

— Храм компании не подчиняется, так что вряд ли. Да и поверь, дар у тебя намного сильнее, чем нужен для ярмарочных фокусов. Думаю, тебя отправят в Дюарль либо оставят здесь, пока не подрастешь, а потом примут в армейский корпус, — ответил Финист.

— Но я не хочу никого убивать! — жарко возразил мальчик. — Разве для пирокинетика нет мирного ремесла?

Финист повел плечами. Герда молчала. Она бы согласилась и на армейский корпус, лишь бы одной не оставаться.

— А могу я стать таким, как мастер Николя, ну Охотником и убивать только демонов? — нашел неожиданное решение Вожык.

— Сомневаюсь, что ему ни разу не приходилось поднимать оружие против людей, — спустил мальчика с небес на землю Финист. — Когда придет время, компания и его вынудит воевать.

— А что тогда станет с упсальцами? Кто защитит их от демонов, если Охотник уйдет? — испугался Вожык.

— Переживут. Ведь жили как-то до его появления, так и после жить станут. Вон даже сейчас сыскался новый герой. Теплое местечко пусто не бывает, — легко объяснил Финист.

Стало жутко обидно. Упсальцы уже отказались от помощи Николя, забыв, сколько хорошего он сделал для города. Как люди могут быть настолько неблагодарными?!

— Странно, что нашелся тот, кто может справиться с тем, в чем мастер Николя потерпел неудачу. Он ведь самый лучший, — озвучила свои мысли Герда.

— Есть вещи, которые даже ему не под силу. Он ведь не бог, — грустно улыбнулся Финист.

— Не бог, — повторила Герда, глядя вдаль. Тревожное предчувствие не отступало. Словно они упустили что-то очень важное.

— Что это за звук? — встрепенулся Вожык.

Герда с Финистом прислушались, но в комнате было тихо. Оборотень нахмурился, ведь его звериный слух был куда тоньше, чем у пирокинетика.

— Может, у тебя в ушах звенит? — Герда положила ладонь Вожыку на лоб, чтобы проверить, нет ли жара. Он оказался холодным.

— Да нет же, — вырвался из ее рук мальчик. — Разве вы не слышите? Кто-то на дудочке играет. Так красиво. Пойду гляну.

Вожык выскочил из комнаты, оставив дверь нараспашку, и помчался вниз, перепрыгивая через несколько ступеней разом.

— Что это с ним? — нахмурился Финист, наблюдая из окна, как Вожык бежит за околицу, натягивая на ходу жилетку.

— Не знаю, но его нельзя отпускать одного. Происходит что-то странное.

Герда начала подниматься, но оборотень ее остановил:

— Лежи. Тебе пока не стоит выходить, я сам за ним прослежу.

Она смиренно кивнула и вернулась в кровать. Финист захлопнул за собой дверь. Терпения хватило всего на несколько минут. Герда оделась и спустилась в гостиную, намереваясь искать Вожыка вместе с Финистом. Но тут из кухни, подтолкнув дверь спиной, потому что руки были заняты, вышел Эглаборг.

— Может, вы поможете? — заискивающе улыбнулся целитель и вручил ей поднос с едой и отваром. — Отнесите мастеру Николаю. Заодно помиритесь.

Герда потупилась, вспоминая, как Охотник на нее кричал. Сердился. Конечно, ведь из-за нее сплошные проблемы. Не надо было мокнуть под дождем, тогда бы не заболела. И ему не пришлось бы ее спасти и надрываться.

— Не думаю, что он будет мне рад.

— Поверьте, если он хочет кого сейчас видеть, то только вас, — Эглаборг нетерпеливо подтолкнул ее в спину. — И проследите, чтобы он все съел.

Герда тяжело вздохнула и, поднявшись наверх, постучала в дверь спальни Охотника. Никто не ответил. Несколько мгновений она помялась у порога, но все же зашла. Не нести же еду обратно. Николай лежал на кровати с открытыми глазами и смотрел в потолок.

— Я... — робко позвала Герда. — Еду принесла.

Николай медленно повернул голову в ее сторону, но ничего не ответил. Герда поставила поднос на тумбу у кровати и хотела покормить его, как кормила Финиста, когда тот болел. Но стоило поднести к его рту ложку, как Николай послал ей такой несчастно-обиженный взгляд, что Герда, испуганно всхлипнув, отошла к окну. Ел Николай очень медленно, без аппетита. Потом также долго потягивал отвар. Герда все это время смотрела на улицу. Тревожное чувство не хотело униматься.

— Вожык сбежал, — тихо пробормотала она, ощутив спиной взгляд Охотника.

— Мальчишки все время сбегают, — скрипучим голосом ответил Николай. Звякнула поставленная на поднос пустая чашка.

Герда потупилась и медленно кивнула:

— Если вы закончили, то я все унесу.

— Не уходи, — с пугающим отчаянием попросил Николай. Герда испуганно заглянула в его глаза. Они были подернуты мутной пеленой, вокруг красовались черные круги. Насколько же ему плохо?

— Полежи со мной, — Николай взял ее за руку и притянул к себе.

Герда заупиралась, но его хватка оказалась неожиданно сильной.

— Разве это удобно? Мы же не... — Она не знала, что конкретно они «не», но все равно было в его предложении что-то неправильное.

— Не бойся. Сейчас я не смог бы причинить тебе вред, даже если хотел.

Николай потянул сильнее. Герда упала на кровать рядом с ним, едва успев сбросить башмаки, чтобы не запачкать простынь. Николай крепко прижал Герду к себе, как ребенок любимую игрушку, и, блаженно закрыл глаза. Его кожа казалась настолько холодной, что хотелось его согреть. Должно быть, это от истощения. Герда слишком хорошо помнила, как нестерпимо холодно было ей самой, когда она находилась на грани. Жаль, что ему переживает подобное из-за нее. Смольные кудри разметались по подушке. Николай всегда стягивал волосы в тугий пук на затылке и распускал только перед сном, поэтому у Герды не получалось разглядеть их поближе. Прямые и жесткие, они доставали чуть ниже плеч и манили прикоснуться к себе. Она украдкой запустила в них пальцы и принялась перебирать.

— Приятно, — едва слышно пробормотал Николай, не открывая глаз. Герда испуганно выдохнула. Думала, он спит. — Так можно и умереть.

Герда вздрогнула. Лучше бы он наорал или ударил.

— Пожалуйста, не говорите о смерти. Мне страшно, — громко всхлипнула она, борясь с выступившими на глазах слезами.

— Не буду, — легко согласился Охотник и замолчал.

Только спокойней не стало. Насколько же ему плохо, если он думает о смерти? Герда лихорадочно искала, что сказать, чтобы его подбодрить, отвлечь от мрачных мыслей. Что говорили ей, когда она думала о смерти?

— Когда мой отец умер, я долго горевала. Не знала, как жить дальше. И тогда один мудрый человек, дядька Михась, сказал, что смерти на самом деле нет. Душа иногда должна отделяться от тела, чтобы проплыть по темным водам реки времени и, добравшись до противоположного берега, дожидаться перерождения. В виде букашки, птицы, зверя или даже человека. Если вы кого-то очень любите, но не можете быть вместе, вы обязательно встретите его в следующей жизни. И уж тогда наверняка будете счастливы.

Николя широко распахнул глаза и угрюмо уставился на нее.

— Но я не хочу ждать целую жизнь! — горько возразил он.

— Не ждите, — поддержала его Герда.

Хотелось добавить, что не стоит все время тосковать по погибшей возлюбленной и поминать смерть, иначе он скоро сам за ней последует. Но Герда молчала. Понимала, что это неучтиво и что она просто ревнует. Николя снова закрыл глаза. Его руки стальным обручем сошлись у нее на талии. Лицо расслаблялось, щекочущее макушку дыхание становилось все более глубоким. Он засыпал.

Герда повернула голову, чтобы лучше его видеть. Еще утром казалось, что она ему безразлична, что он злится на нее, а теперь сам попросил остаться, да еще так двусмысленно. Будь она дома, ее бы сочли гулящей. Разве можно лежать с мужчиной, с которым ты даже не обручена, в одной постели? Если бы Вальдемар или даже Финист предложили подобное, она бы испугалась и убежала. Но от Николя убежать не хотелось. Предложи он что-то большее, она бы и тогда не отказала. Наверное, это и есть та самая любовь, от которой теряют голову. Убаюканная медленным течением собственных мыслей, Герда тоже уснула.

Резерв не восстанавливался. Сколько бы Николя ни отлеживался в постели, сколько бы ни пытался услышать ветер и слиться со стихией, ничего не происходило. Тело стало невероятно тяжелым, словно каменным, а внутри болезненно ныла пустота, из которой волнами поднимался могильный холод. Неужели люди без дара всегда чувствуют такую слабость? Невыносимо.

Эглаборг отпаивал его зельями, проводил какие-то манипуляции с аурой. Не помогало. Целитель уверял, что просто потребуется больше времени, но в его взгляде ясно читалось иное: надорвался, безнадега. Оставалось только пялиться в потолок, все больше погружаясь в хандру и уныние. Аппетит пропал — еда сухим комом резала горло и ползла обратно. Даже поспать не удавалось. Стоило сомкнуть глаза, как Николя вновь оказывался в пыльной комнате перед разбитым зеркалом. Тело дергалось против воли, и сон как рукой снимало. Но хуже всего было тревожное ожидание, когда Безликий объявит третье испытание, сил на которое у Николя не осталось. Он постоянно прислушивался к себе и к тому, что происходило за стенкой, страхась выпасть из реальности в тот самый момент, когда Герде понадобится защита. И тогда... тогда все усилия и жертвы окажутся напрасными.

За неделю он отлежал себе все бока. Мышцы затекли, а в голове шумело как после сильного похмелья. Солнце в это утро светило в окно так призывно ярко, что Николая не выдержал. Встал и на негнущихся ногах поплелся на улицу. Надеялся, что свежий воздух хоть немного его оживит. Но стоило ступить за порог, как он нос к носу столкнулся с Гердой.

Николя тосковал, но не решался ее проведать, даже когда она спала. Слишком страшно было, что она увидит его в таком состоянии и поймет, насколько он немощен и жалок на самом деле. Совсем не герой без страха и упрека, каким она его представляла. Хилый низкорослый мальчишка, слабак, у которого даже сил замахнуться детским деревянным мечом не хватает. Разочарованный взгляд отца после очередного неудавшегося урока фехтования ярким пятном всплывал в памяти. Как же тогда хотелось умереть, чтобы не видеть, не понимать, что он не достоин ни своего отца, ни родового дара, ни даже права ходить по Мидгардской земле. Со временем он научился не думать об этом, но предательская память иногда подкидывала эти образы. Герда была первым человеком, в чьих глазах он увидел неподдельное восхищение. Только благодаря ее вере Николая впервые почувствовал себя мужчиной, воином, способным на подвиг. И совершил его, до конца не поняв, как. А после, когда было непереносимо тяжело и казалось, что враг несокрушим, Николая представлял, что сражается ради нее. И побеждал. Всегда. Но если сейчас Герда увидит его слабость, в ее взгляде будет то же разочарование, что и у отца. Тогда сражаться будет уже незачем.

Однако сейчас Герда смотрела настороженно и решительно, потешно сжав крохотные кулачки. Как же он соскучился! Хотелось прижать ее к себе крепко-крепко и не выпускать никогда. Николая застыл, стараясь держать спину ровно и не показывать, что голова идет кругом, а ноги подкашиваются от усталости. Разговор с Гарольдом окончательно его доконал. Появился новый спаситель? Что ж, пусть. Лишь бы избавил Упсалу от крыс. Тогда можно со спокойной совестью убраться отсюда. Жаль только, что слабость взяла верх. Да еще при Герде! Хуже не придумаешь. И уж конечно, она не смогла сдержать жалость. От этого словно огнем обожгло, сильнее даже, чем от пощечины. Он сорвался. Закричал и как последний трус забился в угол у себя в спальне. Ждал, когда Герда вернется, чтобы окончательно развенчать его. И она пришла... принесла завтрак и попыталась кормить его с ложечки, как маленького. Какое унижение!

Ел сам. Молча. Давясь каждым куском. И все не находил слова, которые бы мог ей сказать, объясниться. Только когда Герда собралась уходить, удалось выдавить из себя просьбу, что вот уже неделю жгла изнутри. Единственное чувство, последняя сладко-горькая эмоция. Останься. Побудь рядом. И ни о чем не спрашивай. Стоило обнять Герду, как ломкая болезненная пустота внутри заполнилась теплой негой. Стало так хорошо, что хотелось раствориться в этом чувстве. Кажется, он говорил какие-то глупости. Она отвечала. Николая наблюдал за всем поверх собственной головы, прислушиваясь лишь к ощущениям в теле. Почему он не решился позвать ее раньше? Ведь знал, что только от ее присутствия становится легче. Все чего-то боялся. Осуждения домочадцев? Глупый. Ноэль прав, к демонам совесть. В конце концов, это дом Николая. Здесь все сделано его руками. Здесь он устанавливает правила. Какая разница, что подумают остальные? Важно только, что подумает Герда. А она поймет, она согласится. Уже согласилась. Самая родная. Самая нежная. Моя.

Он, наконец, уснул. Провалился в тихий безмятежный сон без сновидений. Герда была

рядом, и ничто уже не могло потревожить его покой. Ничто, кроме ненавистного язвительного голоса:

«Какая идиллия! Но ты так и не признался ей, хотя обещал. Самое время для последнего испытания. Держись, на этот раз поблажек не будет. Либо ты побеждаешь по всем правилам, либо я заберу Герду навсегда».

Николя вздрогнул, сильнее прижимая девушку к себе. Она все еще здесь, все еще с ним. Никто, никто не посмеет ее отобрать!

В дверь настойчиво постучали. Входную. Да так, что затряслись стены. Внутри засвербело тревожное предчувствие. Он что-то упустил. Что-то жизненно важное. Николя соскочил с кровати и, накинув домашний халат, сбежал вниз по лестнице. Проснувшись, Герда поспешила следом. На пороге снова стоял Гарольд, взволнованный в два раза сильнее прежнего. Из-за его широкой спины затравленно выглядывал мертвецки бледный Эйс.

Предчувствие усилилось. Что там Гарольд говорил утром? Появился новый избавитель от крыс? Должно быть, сунулся куда не следовало и нарушил шаткий мир с коренными обитателями Утгарда, который Николя с таким трудом установил.

— Дану похитили наших детей! — севшим голосом объявил Гарольд. — Только своего оставили, — бургомистр схватил Эйса за плечо и подтолкнул к Охотнику. — Говори!

Николя строго посмотрел на мальчика. Эйс сжался и горестно хлюпнул носом:

— Это не наши, честно. Они бы не стали. Это против воинского кодекса Дану... Лейфу просто понравилось, как играет дудочка, и он побежал искать музыканта. Но я никакой музыки не слышал, хотя всегда раньше него замечал, как крадется мышь или летит птица. Но никакой дудочки я не слышал! А Лейф словно сам не свой стал. Все твердил про красивую мелодию. Я его не пускал, сколько мог. Неправильно это, когда кто-то слышит то, чего нет. Я только на миг отвернулся, а его уже и след простыл. Убежал за своим музыкантом непонятным.

Николя нахмурился. Должно быть, это оно и есть, третье испытание. Только причем здесь Лейф?

— Пропал не только мой сын, но и все дети в городе. Все дети, кто мог ходить и кому не было двенадцати, — добавил бургомистр.

— Вожык! — вскрикнула Герда и прижала руки ко рту. — Он тоже говорил что-то про дудочку, которую мы с Финистом не слышали, а потом убежал, ничего не объяснив. Финист пошел его искать и до сих пор не вернулся.

Охотник со свистом выдохнул. Он слышал о демонах, которые могли похитить одного ребенка или двух, но чтобы увести всех детей города — какой же силой он должен обладать?!

В вышине пронзительно закричал сокол. Все подняли глаза. С небес камнем упала хищная птица. Через мгновение на ее месте на коленях стоял нагой Финист. Запыхался. Глотал ртом воздух. Герда подхватила с вешалки плащ и обернула вокруг оборотня.

— Я видел их, детей, — начал он, борясь с тяжелым дыханием. — Нагнал возле моста Биворн. Какой-то странный пастух уводит их в горы.

— Пастух?! — одновременно переспросили Николя, Гарольд и Герда.

— Как он выглядел, этот пастух? — перехватил разговор бургомистр.

— Безбородый старик. Высокий. В ветхом плаще и широкополой фетровой шляпе. Опирается на деревянный посох. И, кажется, у него один глаз заплывший, — дал исчерпывающее описание Финист.

— Это тот старик, который избавил нас от крыс. Я сам видел, как он это сделал. Заворожил их игрой на флейте и утопил в океане, — догадался Гарольд.

— Да-да, он играл на флейте, похожей на ту недоделанную, которую ты мне показывал, только из нее не доносилось ни звука, а дети шли за ним, как привязанные. Я попытался их остановить, но ничего не вышло. Даже силой не смог Вожыка утащить, — подтвердил оборотень.

— Должно быть, это он. Крысиный пастух. Понятно, как ему удалось то, что не получалось у вас, — ахнула Герда, встревоженно глядя на Николая. — Но если он действительно бог, то не стал бы брать что-то без разрешения. Он должен был вас об этом спросить.

— Разве же мы позволили, если бы он такое спросил? — развел руками Гарольд. — Он вообще почти не говорил. Только про свою награду — рыбу, древесину и шкуры.

— Так и сказал? — задумчиво прищурился Николай.

— Нет, но и так было понятно. Он попросил залог будущего благоденствия города, — недоуменно ответил Гарольд. — Сказал, это поможет ему разбогатеть.

— Дети — это и есть единственное будущее, которое может быть у города. Он попросил в награду детей. Единственное богатство, которое ему нужно, это жертвы! — Герда снова прикрыла рот ладонью.

— Я собственноручно придушу этого демонова проповедника! — взревел Гарольд.

— Не надо никого душить. Я разберусь, — попытался увещевать его Николай и повернулся к оборотню: — Финист, поседлай моего коня, пока я оденусь.

— А если он начнет буйнить? — забеспокоился тот.

— Врежешь ему по пузу, не сможешь что ли? — раздраженно ответил Охотник.

Оборотень направился в конюшню, не потрудившись одеть ничего под плотно запахнутый плащ. Герда побежала следом.

— Главное, чтобы не случилось, как с крысами, — мрачно заметил Гарольд, когда они с Николаем остались одни.

— Не слуится. На этот раз будет либо он, либо я, — заверил его Охотник. — Возвращайтесь в город и успокойте бюргеров. Это единственное, чем вы сейчас можете помочь.

Гарольд тоскливо вздохнул и направился обратно в Упсалу. Николай побежал в дом, ругая себя за легкомыслие. Он должен был ощутить опасность еще утром, но был слишком занят личными проблемами. Расплачиваться придется всему городу. И цена будет непомерно велика.

Когда Николай, одетый и вооруженный, вернулся на улицу, поседланый Харысай же нетерпеливо рыл копытом землю перед конюшней. Видно, проникся тревожным настроением.

— Хорошо себя вел, — похвалил коня Финист, держа его под уздцы. — Куснуть пытался, только когда я подпругу затягивал, да и то не сильно.

Николай рассеяно пожал плечами и полез в седло.

— Я должна ехать с вами, — непререкаемым тоном заявила Герда, ухватив его за рукав. — Я загипнотизирую детей, они перестанут слушать пастуха и вернуться. Тогда вам не придется драться.

— Слишком рискованно, — осадил ее Николай.

В этом и будет третье испытание — защитить ее от пастуха. Николай не собирался давать Безликому такой шанс.

— Но еще утром вы падали от истощения. Нельзя сражаться в таком состоянии, — не унималась Герда. — Позвольте мне помочь! У меня получится, я читала.

Не верит. Пусть с ней. Лишь бы в полынью не лезла.

— Нет, — отрезал Николя и повернулся к оборотню: — Присмотри за ней. Что бы она ни говорила, что бы ни делала, не пускай ее за мной.

Он перевел взгляд к высившимся над городом суровым Утгардским горам.

— погоди, — окликнул Финист. — Он видел меня и не таился. Видел, как я пытался остановить детей, но ничего не сделал. Он хотел, чтобы я знал, куда и с кем они идут. Это ловушка.

— Знаю, — горько усмехнулся Николя. — И все же я должен попытаться.

— Будь осторожен, — Финист сжал его ладонь со шрамом.

Переживает что ли? Неважно.

— Не спускай с нее глаз, — Охотник кивнул на решительно сжимавшую в руках шаль Герду.

Пятки до хруста вжались в лоснящиеся конские бока. Отбивая трехтактную дробь, Харысай помчала под дороге, поднимая столб пыли.

— Идем, ты продрогла, — Финист подтолкнул Герду к дому.

В загоне весело резвились кобылы. Пospели бы за быстроногим жеребцом?

— Думаешь, с мастером Николя все будет в порядке? — спросила Герда, когда они вошли в дом.

— Ты же сама говорила, что надо в него верить, — улыбнулся Финист.

— Боюсь, моей веры сейчас будет недостаточно, — Герда еще раз посмотрела в сторону гор, куда ускакал Охотник.

Финист проводил ее до спальни и проследил, чтобы она легла в кровать и сел рядом. До сих пор не оделся. Герда так и не привыкла к его оборотническим повадкам. Говорить ни о чем не хотелось. Она изнывала от беспокойства. Что, если Николя не вернется? Ведь она столько не успела ему сказать. Зачем поругалась с ним, да еще из-за такой глупости, как экзамен? Не важно, сдаст она или не сдаст и куда попадет после, лишь бы знать, что Николя живет где-то в Мидгарде. И, возможно, даже иногда скучает по ней. Еще одного известия о его гибели она не вынесет. Тем более если погибнет он из-за нее. Нужно как-то выбраться из дома и помочь. Пусть даже против его воли. Пусть даже ценой собственной жизни. Лишь бы не чувствовать себя виноватой. Лишь бы не жить, зная, что его больше нет. Надо, чтобы Финист ее пустил.

— Я... — подала Герда голос, когда поняла, что ждать дольше нет смысла. — Я проголодалась.

— А у меня кусок в рот не лезет, — пожаловался Финист.

— Я всегда много ем, когда волнуюсь, — соврала Герда.

— Никогда не замечал, — скептически хмыкнул он.

— Принеси чего-нибудь. Это поможет отвлечься, — настаивала Герда. — Пожалуйста.

Она взяла его за руку и сосредоточилась, мысленно высказывая приказ одеться и принести еды. Нужно проверить, работает ли гипноз до того, как использовать его на детях.

— Пожалуйста, — пристально глядя в его желтые птичьи глаза, повторила Герда.

Его зрачок расширился, затопил всю радужку и сузился.

— Хорошо, я быстро, — сдался Финист и отправился вниз за едой.

Герда дождалась, пока он скрылся на кухне и, на бегу натягивая верхнюю одежду и сапоги, кинулась во двор. Свистом подозвала гуляющую вместе с Золотинкой в загоне Яшку, набросила на нее узду, запрыгнула на голую спину и с гиканьем помчалась галопом за Николая. Через мгновение на порог выскочил Финист в криво накинутом на плечи плаще.

— Куда?! Стой! — крикнул оборотень, но Герда только прибавила ходу. — Да что же я?.. Она же меня загипнотизировала! Зараза!!!

Он побежал к Золотинке, вскочил на нее и поскакал следом.

Надо было провести с Гердой больше времени. За те несколько часов, что они пролежали обнявшись, резерв заполнился лишь на четверть, может, на треть. Достаточно, чтобы не валиться с ног от усталости, но для битвы все равно мало. Шансов победить силой нет, а в голове еще шумит как от похмелья. Но о неудаче думать нельзя. Иначе шансов вообще не будет.

Харысай летел по сыпучим камням в гору, как по твердой земле, ровно и быстро. Николая чуял огромную ауру пастуха. Он больше не таился. Выступал в открытую, словно ждал того, кто бросит ему вызов. Пастух вел детей по южному хребту к Коварному ущелью, куда нередко падал заплутавший скот и неосторожные люди. Должно быть, хотел залить камни внизу детской кровью и сделать их своим жертвенником. Нужно помешать ему во что бы то ни стало. Николая уже сталкивался с забытыми, покинутыми паствой богами, обзленными на весь мир, глухими к мольбе, состраданию и даже доводам рассудка. Ими движет одна жажда мести, и ни до чего больше им дела нет. А убить их может лишь собственная ненависть. Остается надеяться, что у пастуха за тысячу лет ее скопилось достаточно, иначе все потуги будут тщетны.

Впереди замаячила плоская вершина. На ней толпились дети и пустыми глазами взирали на раскинувшуюся у ног пропасть. Старик, именно такой, каким его описывал Финист, стоял позади них, сложив руки на груди. Смирненно ждал спешащего к нему всадника.

— Я уже не надеялся, — хитро улыбаясь из-под широкополой шляпы, сказал пастух, когда Николая спрыгнул на землю. — Все перепробовал, чтобы твое внимание привлечь: и крыс на город натравил, и веру людей в тебя пошатнул, и могилу собственную показал, и даже ремесло твое отнял, а все мало оказалось. Ну хоть паству свою не оставил, а то я боялся, что ошиблись тролли. Или я неправильно понял. Хотя после светопреставления на Бельтайн все сомнения отпали.

Николая удивленно моргнул. Пастух устроил все это только для того, чтобы вызвать его на поединок? Он действует сам или исполняет волю Безликого? Впрочем, неважно.

— Вот он я. Отпусти детей.

— Конечно. Как только ты сразишься со мной, — Пастух кивнул на притороченный к поясу меч Николая. — Убьешь меня, и твоя паства свободна.

— А если проиграю? — полностью ощутив его ауру, Охотник не тешил себя надеждой

на победу. Но если его гибель спасет полсотни детей, то стоит попробовать.

Пастух указал глазами на пропасть.

— Такой исход мне понравится еще меньше, чем тебе. Так что постарайся победить. Ради нас обоих, — он откинул ветхий плащ, разломал пополам свой посох и достал оттуда тонкий клинок, отливавший белым светом.

Охотник вынул из ножен небесный клинок и полоснул им по запястью, обагрив лезвие собственной кровью. Меч отозвался легкой пульсацией и полыхнул бледно-фиолетовым.

«Наконец-то достойный противник! — возликовало оружие. — Бой будет жарким!»

Николя не разделял его радости. Знал, что ему не выстоять и все равно обязан был драться, обязан перед Вожыком и Лейфом, перед остальными детьми, перед жителями города и перед Гердой.

Первый взмах меча — Николя неловко отбивался от атаки. Ответный удар недостаточно быстрый. Клинки высекли снопы искр. Еще и еще. Единственный шанс — закончить в пару ударов. На большее сил не хватит. Но противник отбивал атаки играючи. После его выпадов с трудом удавалось устоять на ногах.

Николя пустил меч вертушкой, перекатом ушел вбок от контратаки, послал лезвием волну, не позволяя противнику пробиться сквозь защиту. Нужна передышка.

— Что с тобой? — недовольно осведомился пастух. — Разве ты не понимаешь, что это всерьез? Почему не сражаешься в полную силу? Может, пустить тебе кровь, тогда ты оценишь меня по достоинству?

Пастух атаковал снизу, скользнул по выставленному для защиты клинку. Обманный маневр — белое лезвие пастуха взлетело молнией. Боль пронзила левое плечо в нескольких пальцах от сердца. Рубашка промокла. Николя зашипел и замахнулся, но противник ловко ушел в сторону и нанес сокрушительный удар снизу. Едва удалось отбить и перегруппироваться. Воздушные щиты противник обходил, словно никакой преграды не было. Николя перенаправил дар на удержание равновесия. Едва не опоздал. Следующий удар почти смел с ног. Это конец! Еще одна такая атака, и он не устоит.

Герда никогда не ощущала такой решительности. Словно мистическая сила гнала ее вперед. Пропали страх и неуверенность. Герда должна это сделать, какой бы непомерной ни была цена. Один Николя не справится, а без него ничто не будет иметь смысла. Яшка неслась во весь опор, не обращая внимания на крутые подъемы и спуски, на зияющую с одной стороны пропасть, на летящие из-под ног камни. Быстрее, обгоняя ветер, только бы успеть, пока не стало слишком поздно. От ощущения громадной ауры сперло дух. Много сильнее, чем у всех демонов вместе взятых. Такого ни один человек победить не сможет, даже... Нет, Герда уведет детей, и Николя не понадобится сражаться. Показалась плоская вершина. Пугающе тихая толпа детей на ней. Здесь были все от едва научившихся ходить малюток до долговязых почти взрослых подростков, мальчишек в коротких штанишках и жилетках нараспашку, девочек в цветастых сарафанах.

Герда остановила лошадь чуть вдалеке, чтобы не привлечь внимание пастуха стуком копыт, и, продираясь через колючий можжевельник, подкралась поближе. Дети безучастно смотрели на острые камни на дне ущелья, словно ждали приказа прыгать. Последний рывок,

и Герда оказалась посреди толпы. Она закрыла глаза и возложила руки на головы первых попавшихся малышей, мысленно произнося: «Уходите! Возвращайтесь к родителям». Гнала прочь сомнения. Раз с Финистом вышло, то и сейчас получится. Обязательно получится. И дети медленно, как сомнамбулы, разворачивались и шагали вниз по склону, переваливаясь с ноги на ногу и раскачиваясь. Герда касалась головы каждого, представляя, как разрывает невидимые нити, связывающие их с пастухом. Освобождает от наваждения. На мгновение открыла глаза и поймала на себе взгляд Николая, испуганный и уставший. По его белой рубашке растекалось багровое пятно. Герда заставила себя подбадривающе улыбнуться, желая сказать: «Продержитесь еще немного. Я уже скоро». Николай будто услышал и снова ринулся в бой. Герда бросилась к оставшимся детям. Еще с десятков. Подступала тошнота, суставы ныли, в голове стоял раздражающий гул. Предел близок. Надо держаться. Еще Вожык и Лейф. Из носа потекла кровь. Герда положила руки на головы мальчишек. Они пошли вслед за остальными.

Дышать стало тяжело, словно на грудь села жаба. Колени грозили подогнуться. Герда упрямо мотнула головой. Надо предупредить Николая, что дети спасены. Ему не нужно больше драться.

— Герда! — закричал Охотник.

Не успела?

Это не был отточенный и выверенный до последнего движения бой. Николай выжимал из себя последние силы. Лупил и отмахивался. Нужно было отвлечь Пастуха от Герды. Толпа стремительно редела. В груди крохотным огоньком затеплилась надежда.

Лишь бы она спаслась, лишь бы они все спаслись. Тогда он передохнет... на том берегу.

Пот застилал глаза. Рана в плече больно пульсировала. Движения становились ленивей и слабее. Николай не выдерживал темпа и напора. Напрягшееся струной тело вот-вот грозило лопнуть. Оступился. Клинок поразил пустоту. Враг отбросил Николая назад. Несколько мгновений потребовалось, чтобы вновь обрести равновесие. Пастух скосил взгляд. На изрезанных морщинами губах мелькнула злая ухмылка.

— Герда! — закричал Николай.

Чужеродная сила оторвала ее от земли и понесла к Пастуху. Герда безвольной куклой обвисла у него на руках. Николай застыл в нескольких шагах от них, боясь пошевелиться.

— О, маленькая мышка, — каркнул скрипучий голос. Серые глаза расширились от ужаса. Пастух провел костлявым пальцем по ее щеке и принюхался к волосам. Ухмылка на его устах стала шире. — Похоже, с выбором заложников я ошибся. Мышка-то вся тобой пропахла.

Герда всхлипнула и прошептала:

— Мастер Николай, пожалуйста, бегите.

Сухой ком чиркнул внутри горла. Сердце больно затрепыхалось в груди. Зачем, ну зачем она пыталась его спасти?!

— Уф, какая глупая самоотверженная мышка! — расхохотался пастух. — Не побежит он никуда. Ты его слабость и его сила. Гляди, как его трясет!

Николай выдохнул. От макушки до кончиков пальцев на ногах прошла волна мелкой

дрожи. Еще одна и еще. Крупнее. Неистойвой.

— Интересно, что с ним станет, если я пушу тебе кровь, — Пастух поднял клинок и провел по горлу Герды. Воротник и жилетка потемнели от крови, обильно сочившейся из широкой царапины.

Николя чувствовал ее боль и страх перед смертью. Они становились его собственными. Нет! Он ведь так старался! Мир подернулся красной пеленой. Сквозь нее звуки, движения и запахи ощущались особенно остро.

«Отступи, позволь мне ее забрать, и ты будешь свободен, — прошептал в голове вкрадчивый голос Безликого и зашелся жутким гортанным хохотом: — От нее, от меня и даже от себя самого!»

— Мастер Николя... — мольба резанула по ушам ножом, словно Герда вторила словам Безликого. — Беги...

По ее лицу текли мокрые дорожки слез, а в глазах не осталось и тени надежды.

«Убить! Убить! Убить!» — застучала в висках кровь. По телу прошли сильные вибрации. Все мышцы разом напряглись. На шее, руках и ногах вздулись темные жилы. Суставы выворачивались. Раскаленная ярость затапливала сознание, погребая его под сокрушительным валом ненависти, желания разорвать, уничтожить любой ценой.

Финист не поспевал. Золотинка сильно спотыкалась на камнях. Привыкшая к плоским степным просторам, она боялась горных круч и узких обрывистых выступов. Не выдержав, Финист бросил ее у подножья, обратился соколом и полетел к укутанной облаками вершине.

Пастух прижимал Герду к себе и держал у ее горла клинок. Финист издал боевой клич и камнем рухнул ему на голову. Пастух выронил меч, отпустил Герду и закрыл лицо руками, спасая единственный целый глаз. Она упала и, не вставая, отползла подальше. Заметив, куда она двигалась, Финист полетел следом, в воздухе обернулся человеком и придавил Герду собственным телом.

— Нет! Нет! Ему плохо! Я должна быть с ним, — забилась она, пытаясь вырваться. Вопила, царапалась, кусалась, пинала ногами, но Финист не выпускал. Один раз уже подвел. Хватит. Сейчас к Охотнику приближаться нельзя. Резерв заполнялся, сила хлестала через край. Финист ощущал ее кожей. Аура разрасталась черными нитями, сверкала голубыми сполохами. Больше и яростней той, что Финист чувствовал в пещере Истины!

— Убью! — заревел Николя так, что содрогнулась земля.

В пропасть полетели камни. Застенал ветер, нагнал грозových туч. Стало темно, как ночью.

— Ну, наконец-то! — возликовал Пастух и, подобрав с земли меч, ринулся в схватку. Охотник отбил играючи. Истощение забыто, он стал самой яростью. Вжух! Удары запредельной мощи, движения настолько стремительны, что их едва можно разглядеть. Свиш! Он беспощадно молотил противника, с шипением приговаривая:

— Ненавижу! Ненавижу все ваше небесное племя! Я сотру тебя с лица Мидгарда вымараю твое имя из памяти смертных, развею саму память о тебе в безднах небытия! Этого ты хотел?!

— О да! — иступлено отвечал Пастух. — Я ждал этого тысячу лет!

Они продолжали биться. Охотник вихрем метался вокруг пастуха. Финист не мог предугадать ни единого выпада. Меч противника жалостно звенел, отбиваясь. На вершине горы сошлись два стальных шквала, сметающих все на своем пути. Должно быть, об этом говорил Ноэль. Охотник сражается не как люди и даже не как демоны, а как этот сумасшедший божок. Нет, лучше, словно божок всего лишь его бледная тень. Финисту бы никогда не удалось его победить. Пастуха сейчас разорвет! И каждого, кто посмеет к ним приблизиться.

Герда затихла и едва слышно всхлипывала. Финист закрыл ей лицо руками. Исход этой схватки ей видеть не стоит.

Каждый новый удар Николя становился все раскованней и яростней, словно он только разогревался и вспоминал позабытые и растроченные воинские навыки. Финист будто сплетался с ним разумом, чувствовал то же, смотрел на него и его глазами одновременно. Николя не замечал ни усталости, ни вымокшей в крови рубашки, ни исходившего от горевшего фиолетовым пламенем неистового жара, ни ледящего душу хохота проигрывающего противника. Завороженный схваткой, он полностью погрузился в пляску смерти, отрешившись от суетного мира. Имела значение лишь лязгающая песнь сталкивающихся клинков, в которой его партия должна была стать победной. Еще несколько взмахов меча, и Николя смял защиту противника. Клинок со смачным хрустом вонзился в плоть бессмертного, пробил насквозь и припечатал к земле. Охотник воздел руку в странном жесте. Тело Пастуха неестественно выгнулось. Божок заорал от нестерпимой боли.

Герда пнула Финиста коленом поддых. Потеряв связь с Николя, оборотень разжал руки. Герда вырвалась и побежала:

— Мастер Николя!

Не опуская руки, Охотник медленно обернулся. Он не был похож на себя. Словно в него кто-то вселился.

— Лхассей, — заморожено выдохнул он и сделал шаг навстречу, забыв о недобитом пастухе.

В его глазах было столько тоски, будто они расставались на долгие годы и только сейчас снова встретились. И он никак не мог поверить, что это возможно, что все происходит наяву, а не в обманчивых грезах. Охотник протянул к ней руки. Герда вдруг замерла.

— Берегитесь! — завопила она.

Ярко полыхнула молния. Гром раскатился прямо над головой. Николя рухнул как подкошенный среди выжженной проплешины лишайника. Герда упала рядом на колени и принялась колотить Охотника по щекам. Финист проверил пульс и покачал головой:

— Герда, он не дышит.

Свет померк. Интуиция подсказала, что противник нацелил оружие в спину. Николя прыжком развернулся и вскинул собственный меч для защиты. Оружие пастуха отлетело в сторону. Охотник снова забылся в неистовой схватке. Сперва показалось, что он уступил место кому-то более сильному. Легче было поверить, что с таким противником справится только таинственная мистическая сила: Безликий, небесный меч или еще какой-нибудь

древний покровитель Стражей. Но никакой мистической силы не было и в помине. Его собственная рука наносила сокрушительные удары, его собственное мастерство помогало предсказывать движения противника и находить брешь в защите, его собственный дар наполнял тело легкостью и невероятной скоростью, а удары силой.

Николя наслаждался боем. Как будто до этого он не жил. Задышал полной грудью, лишь когда кружил вокруг отчаянно отбивающегося Пастуха. Был глух и только сейчас научился слышать, был слеп и только сейчас увидел мир во всем его многообразии, соединился с ним и, наконец, нашел свое место. Здесь, с оружием в руках, отражая удары и изматывая врага, посягнувшего на его паству, его любовь и жизнь. Впрочем, то, за что они сражались, уже не имело значения. Важен был лишь сам танец с клинками, пляска, в которой жизнь и смерть сливаются в одно, поддерживая естественный порядок во всем мире. Это была славная игра. Азарт распался все больше. Николя не замечал, как вымотался старик, как из последних сил увертывается от ударов, как вяло поднимается его меч. Выцветшие старческие глаза смотрят с трепетным ожиданием конца.

Еще один резкий выпад, и оружие выскочило из рук противника. Покатилось по земле. Жаркая, светящаяся фиолетовым сталь застыла у горла пастуха. Тот смиренно закрыл глаза в ожидании приговора. Охотник прищурился: заканчивать игру не хотелось. Он подтолкнул упавший меч противнику, словно кот выпустил на волю пойманную мышь, чтобы снова упиваться охотой. Старик открыл глаза и устало глянул исподлобья:

— Имей уважение к старости. У меня больше нет сил тебя развлекать. Положи конец моим мукам, молю!

Николя удивленно моргнул. Зрение снова стало обычным. Мутная алая пелена ярости спала. Яркий белый свет, отражаясь от воды, слепил глаза. Под ногами оказалась вовсе не занесенная облаками каменная вершина Утгарда с зияющим внизу глубоким ущельем, а песчаная почва острова, на котором он обнаружил могилу с именем пастуха. Зачем Вотанус перенес их сюда?

— Не понимаю, — растерянно ответил Охотник. — Ты натравил на город крыс, похитил детей и вызвал меня на бой только для того, чтобы я разорвал тебя в пылу схватки? Нельзя ли было найти более легкий способ свести счеты с жизнью?

— Я же бессмертный, — грустно улыбнулся старик. — Легкий способ не подействует. Ты вымотал меня до предела. Теперь нужно изрубить мое тело на ошметки, сжечь и развеять прах над моей могилой. Тогда я перестану существовать как на этом, так и на другом берегу реки.

— Все равно не понимаю, зачем тебе умирать. Вечная жизнь опостылела?

— Не хотел тебе показывать свой позор, но вижу, что придется. Ведь без этого ты ничего не сделаешь, да?

Пастух снял перчатку и закатал рукав до локтя. Его рука была антрацитово-черной, словно обугленной. Внутри нее что-то шевелилось и пульсировало. Слышался шепот потусторонних голосов:

«Сдайся. Не подставляй голову под небесный меч. Стань одним из нас. Мы возродим тебя во всемогуществе!»

Николя пораженно выдохнул. Слово мучавший много лет кошмар вдруг стал явью. Какое ему дело до бессмертных? От них вечно одни неприятности.

— Легион теней? Я же загнал его обратно в Хельхейм несколько лет назад. Неужели он прокрался назад, а дозорные Дану ничего не заметили? Он пожирает даже бессмертных?

Пастух печально повел плечами:

— Тени. Пятая стихия. Та, что пришла в мир последней и так и не нашла своей паствы и воплощения. Теперь она хочет отобрать все это у остальных стихий. Легион — самый примитивный из его солдат. Питается любой встреченной им на пути жизнью: животных, растений, демонов, людей — ему без разницы. Разума хватает лишь на то, чтобы перерабатывать жизнь в нежизнь. Паству для Теней. Заполонять все собой.

Есть еще Осколки мрака. Те из нас, кто потерял свою паству, слабеют, предаются ненависти. Мечь становится единственной нашей целью. И тогда Осколки находят брешь в наших оболочках, пробираются под кожу и, подпитываясь от горечи и обиды, пожирают нас. И тогда мы превращаемся в Предвестников Хаоса, самых страшных и преданных союзников Теней, — пастух пристально посмотрел на Охотника.

— Осколки способны заражать и людей?

— Быть может, если в них есть божественные искры...

— Родовой дар? И они тоже становятся одержимыми Предвестниками? Ловцами желаний? Все Магистры Защитников Паствы зараженные Осколками Предвестники? Поэтому они предали Стражей? Они заставляют единоверцев молиться не своему богу, а Теням?

— Тебе лучше знать. Я давно отошел от людских дел, — Пастух продолжал печально улыбаться, словно чего-то ждал.

Николя искал внутри собственного сознания Безликого. Вот у кого должны быть ответы на все вопросы.

«Почему ты не сказал?»

«Я говорю лишь то, что ты позволяешь, — легко отозвался Безликий. — А ты молодец. Справился, хотя и заставил меня поволноваться. Надеюсь, свой урок ты вынес. Герда будет с тобой, пока ты сам этого хочешь. Как только она начнет тебя тяготить, я заберу ее. А теперь помоги старику. Мне его жаль».

«Ужас и скорбь, что я чувствую — они ведь не мои?»

«Мои. Моего отца, Высокого Тэнгри, тоже поразило Осколок. У него хватило воли передать мне свою силу и уйти за грань до того, как он превратился в Предвестника. Его всегда называли несгибаемым. Но у этого Пастуха такой воли нет. В нем еще сохранилась сила. Попроси его истратить эти крохи на твое желание, а дальше действуй, как с Ялинкой в Дрисвятах. Боги создали людей по своему подобию, поэтому Осколки влияют на них также».

«Но подарки богов всегда плохо оборачиваются для смертных».

«Это потому что смертные плохо понимают, что им нужно. Не бойся, тебе это не грозит. Сделай, и вернешься к Герде».

Пастух терпеливо ждал. Как покаявшийся преступник в ожидании сурового, но справедливого приговора.

— Ты исполнишь мое желание? — спросил Николя, доверившись Безликому.

В конце концов, если богу понадобится его уничтожить, он раздавит своей мощью, как бы Николя не сопротивлялся. Пришло время довериться и плыть по течению.

Пастух от удивления открыл рот. В блеклых глазах вспыхнула надежда.

— Неужели ты можешь... Я слышал о подобном от Жнецов, но думал, они как всегда преувеличивают. Никогда бы не поверил... — Николя сам не верил и понимал еще меньше. Старик осекся: — Так каково твое желание?

И в самом деле, чего же такого пожелать?

— О, нет. Я не смогу воскресить твоего отца, — печально качнул головой Пастух. — Боюсь, это никому не под силу. Он ушел за грань навсегда. С этим надо смириться и жить дальше.

Николя сдвинул брови. Ведь он даже ни о чем подумать не успел. Океан вокруг острова исчез. Теперь он дрейфовал по воспоминаниям Николя о родительском доме на Авалоре, о заботливых маминых руках, о погибших сестрах и брате, об упреках, высказанных отцу на прощание. О них Николя сожалел каждый последующий день своей жизни.

Он зажмурился. Не стоит жалеть умерших, жалость нужнее живым.

— Э, нет. В сердечных делах разбираться тоже не проси. Я не сваха и над любовью не властен.

Николя широко распахнул глаза. Теперь остров плыл в небе над горой, на которой они сражались. Тело Николя, бесчувственное и неживое, покоилось посреди выжженной вершины. Прекрасная дева с короткими волосами цвета спелого льна склонилась над ним и целовала лицо, окропляя слезами. Дева из его несбыточных грез.

— Да и нужна ли тут помощь? — снисходительно улыбнулся старик.

— Это сложно, — пожал плечами Николя, отворачиваясь от пугавшей картины.

— Все сложности здесь, — пастух коснулся узловатым пальцем лба Охотника. — Сердечные сложности всегда от больной головы, а там никаких проблем нет.

Николя украдкой взглянул вниз. Герда коснулась губами уголка его рта. Нестерпимо захотелось вернуться в свое тело и перестать быть сторонним наблюдателем собственной жизни. Но он еще не выполнил свой долг перед Пастухом. Нужно поскорее придумать достойное желание.

— О, мне нравится ход твоих мыслей! — воскликнул пастух, потирая руки.

Горная вершина уступила место шумному городу с узкими улочками и высокими кирпичными зданиями. Он разительно отличался от скромной и сплошь деревянной Упсалы. Остров подплыл к изящному бело-голубому дворцу с высокими башнями-шпилями, уносившимися в ночное небо. «Авалорский магистерий», — догадался Николя. Крыша растворилась. Остров проплывал над шикарно меблированными внутренними покоем. Замер над роскошной спальней с громадной кроватью под тяжелым балдахином из золоченой парчи. Внутри угадывался силуэт спящего мужчины.

— Это я точно смогу. С превеликим удовольствием, — заговорщически подмигнув, старик простер ладони руки.

В распахнутое окно спальни влетела шаровая молния, зависла над кроватью и поразила человека в самое сердце.

Неужели Николя этого желал? Он всего лишь хотел попасть домой. Хоть на пару мгновений ощутить запах родной земли.

Картинка исчезла. Остров снова плыл посреди безбрежного океана. Сверкали яркие блики на воде.

— Поторопись, иначе Осколок пожрет меня полностью, — напомнил старик.

Его тело стало полупрозрачным, мутным. Шепот из почерневшей руки усилился, сделался более зловещим. Пастух сдернул с себя плащ и расстегнул рубашку. Осколок крепился под его левым соском там, где билось сердце. Пальцы Николя сами потянулись к нему. Действуя по наитию, он, также как когда-то с Гердой, с помощью телекинеза проник под ребра. Перед мысленным взором предстал антрацитовый спрут, обвивший щупальцами ослабевающее с каждым ударом сердце. Николя схватил тварь за спину и, прикладывая всю

свою силу, выдернул из груди пастуха.

— Да здравствует Небесный повелитель, — отсалютовал слабеющим голосом Пастух и растаял в соленом воздухе.

Осколок остался в руке Николая. Шипел и тянулся щупальцами к груди, но едва коснувшись его кожи, закричал и отдернул их в сторону. Охотник брезгливо поморщился и сжал спрута в кулаке. Осколок рассыпался прахом между пальцев. Свет померк. Ощущение собственного тела навалилось камнем. Губ коснулось что-то невероятно нежное, трепетное и сладкое. Амброзия, напиток богов. Не открывая глаз, Николай осторожно обнял нависшую над ним девушку.

— Мастер Николая! — почувствовав его движение, радостно вскричала Герда. — Вы живы! Я так испугалась.

Она разрыдалась пуще прежнего, крепко прижимаясь к нему.

— Оказывается, ты не только трусиха, но еще и плакса, — усмехаясь, он приподнял ее лицо за подбородок, вглядываясь в блестящие от слез глаза. — Смерти нет. Просто душа отделяется от тела, чтобы переродиться. И те, кого ты любишь, обязательно вернуться к тебе в новой жизни.

Герда всхлипнула. Растрогавшись, Николай принялся целовать ее, легко и просто. Ничего больше во всем мире его не волновало.

Глава 37. Прощание

Несколько дней Николая пришлось отлеживаться в постели. Но теперь он слушал указания целителя и даже позволил Герде ухаживать за собой. Постоянно просил ее остаться подольше и смотрел с такой надеждой, что отказаться было невозможно. Они разговаривали мало. Герда притащила к нему часть книг из библиотеки. Читала, а он смотрел. Иногда писал отчеты в компанию. Однажды попросил Герду попозировать для портрета. Она долго отнекивалась. Правда же, ее внешность слишком заурядная для рисунков. Николая посмеялся над ее сомнениями и заставил несколько часов сидеть смирно. Хмыкал, пристально ее разглядывая, сосредоточенно скрипел пером, пока не закончил. На портрете Герда получилась лучше, чем в жизни, с мягкими чертами и невероятно выразительными глазами. Лесть ей не понравилась, но ее критику Николая не воспринял. Обозвал глупышкой, потом долго целовал волосы, лоб, глаза, щеки, нос и губы, рассказывая, какие они красивые. Герда сгорала от смущения. Никогда не думала, что такие строгие и чопорные люди, как Николая, могут всерьез рассуждать о подобных вещах! И сама уже сомневалась, что ей так уж не нравится его лесть.

Герда много занималась с Финистом. Он решил наверстать упущенное время за эти несколько дней: рассказывал и показывал невероятно много того, о чем до этого молчал или считал необязательным. О ее поцелуе с Николая он ни разу не обмолвился, но Герда чувствовала, что должна объяснить.

— Только не надо извиняться. Все равно меня тебе не переплюнуть, — усмехнулся Финист. — В глубине души я всегда знал, что ты предпочтешь его. Особенно после того, как побежала за ним на эту гору, наплевав на опасность. Будь счастлива, если таков твой выбор. Надеюсь, он тебя не разочарует.

— Он мне ничего не обещал, — Герда пожала плечами. Вечная двусмысленность в их отношениях раздражала как никогда. И все же серьезный разговор с Николая пугал гораздо больше, чем с Финистом. Вдруг она все неправильно понимает?

— Еще пообещает, — продолжал улыбаться оборотень с несвойственной безмятежной светлой грустью. Ему с трудом давались слова, но он считал нужным сказать: — В любом случае если тебе понадобится дружеское плечо, ты всегда знаешь, где меня искать.

Герда обняла его. Он поразительно переменялся за последние дни, стал спокойнее, увереннее, словно повзрослел и помудрел в одночасье. Научился слушать и снова стал лучшим другом, к которому можно обратиться с любой проблемой и не бояться, что он все усложнит. Даже с Майли, которая после битвы с Пастухом приняла его как героя, Финист сделался гораздо более ласков и внимателен. Она расцвела, а заодно растеряла всю свою заносчивость и сварливость. Лучилась от счастья, наслаждаясь его ухаживаниями.

Бюргеры, счастливые, что к ним вернулось их богатство — дети, быстро забыли, что еще пару дней назад кидали в Николая камни и хотели прогнать из города. Они то и дело заглядывали по пустяковым предложениям и приносили подарки: платки с ручной вышивкой, пироги, деревянную утварь — кто что мог. Николая не знал, как остановить бесконечный поток подношений. В конце недели бургомистр пригласил Охотника и всех его домочадцев на главную площадь. Перед ратушей собралась толпа. Все с восхищенным ожиданием взирали на обмотанный оленьими шкурами столб. Честь открыть его предоставлялась Николая. Охотник обескуражено пожал плечами, но обижать бюргеров не стал, спешно

стянул шкуры и удивленно вытаращился. На месте столба оказалась статуя из гигантского ясеня. Опиравшийся на меч воин. В его чертах с легкостью можно было узнать Николая.

— Подарок от гильдии резчиков... и от всей Упсалы. Чтобы мы больше не забывали, кто наш истинный герой и покровитель, — усмехаясь, Гарольд похлопал его по плечу.

— Это уж слишком. Я ведь не бог, — мрачно зашептал на ухо бургомистру Николая. Вымученно улыбнулся и помахал собравшимся чествовать его бюргерам.

— Ты намного лучше, мой мальчик. Боги далекие, обидчивые и безразличные, а ты близкий, живой и никогда никого не бросаешь в беде, — рассмеялся бургомистр. — За нашего доблестного Охотника! Пусть его дни будут длинными, а жизнь сладкая, как мед!

Под одобрительный гомон горожан Гарольд окропил статую пенным элем и дал команду к началу празднества.

Пастыря прогнали. Бургомистру едва удалось удержать разбушевавшуюся толпу, которая хотела побить пособника злодея камнями. Впрочем, все обошлось. Дети вернулись живые и здоровые, крысы ушли, а празднество удалось на славу. Поля засеяли вовремя и ждали богатого урожая осенью. Жизнь возвращалась в проторенную колею.

Через пару дней к Охотнику явился взволнованный Сайлус. Они заперлись в кабинете и несколько часов беседовали. Когда моряк ушел, Николая еще долго бродил из угла в угол в спальне, бормоча себе под нос. То и дело задумчиво поглядывал на Герду. Она погрузилась в чтение очередного фолианта о способностях Стражей. Заглянул Финист. Они с Николая о чем-то зашептались. Когда спеться успели? Потом замолчали и глянули на Герду.

— Думаю, тебе лучше лечь сегодня пораньше, — сказал Финист, отбирая книгу.

— Но я не хочу спать! — возмутилась Герда. Дразня, оборотень помахал книгой над головой. Герда насупилась. — Мастер Николая!

Охотник ухмыльнулся и подошел к ним. Но вместо того, чтобы отнять у несносного Финиста книгу, подхватил стул, на котором сидела Герда. Оборотень сделал то же самое с другой стороны.

— Что вы творите?! — закричала Герда. Ей совсем не нравилось выражение их лиц.

— Идем в кроватку, — подмигнул Николая. Они с Финистом о подняли стул с Гердой, боком вынесли его через дверной проем в коридор. В коморке вытряхнули Герду прямо в кровать.

Она зло прошипела:

— Предатели!

— Ууу, тебе просто надо хорошенько отдохнуть, — отшутился Финист.

— Для чего? — она смутно что-то подозревала. Слишком заговорщически выглядели ухмылки на их лицах.

— Для э... — начал Финист, но Николая пихнул его в бок локтем.

В каморку заглянул Эглаборг и принес дурманно пахнущее зелье.

— Для нового дня, — широко улыбнулся Охотник и, забрав у целителя чашку, поднес ее ко рту Герды. — Общеукрепляющее. Чтобы больше не болела. Давай, не все же тебе кормить нас с ложечки. И не читай мысли Финиста.

— И не думала, — мрачно ответила Герда и разжала зубы. Все равно не отстанет. Горячий отвар приятно согревал. Голова стала тяжелой. Захотелось спать. Веки сомкнулись сами собой. Сквозь полудрему она почувствовала, как Николая коснулся губами виска и прошептал на ухо:

— Спи крепко. Все будет хорошо.

Проснулась Герда, когда солнце было уже высоко. Видно, заговорщики подсунули ей сонное зелье вчера. «Спи крепко», — сказал Охотник. Лгун и предатель! Заслышав шум в коридоре, Герда поднялась и выглянула за дверь. У кабинета Николая толпились Майли, Вожык и Финист.

— Я сдала, представляете? — счастливо вещала Майли. — И совсем не сложно. Правда мастер Николая сказал, что мне еще много формул и схем надо выучить. Но все равно дал третий класс и пообещал, что я смогу отправиться с Финистом в Дюарль.

Оборотень с Вожыком поспешили ее поздравить. Дверь распахнулась, и из-за нее выглянул Николая:

— Вожык, заходи. Герда, ты следующая.

Она передернула плечами. Как он ее через такую маленькую щелку заметил? Николая удалился вместе с Вожыком.

— Что значит, я следующая?! — взъярилась она на Финиста.

— Экзамен, ты не знала? Мастер Николая нас еще два дня назад предупредил, — недоуменно объяснила Майли. Без тени ехидства. Видно, любовь в самом деле способна на чудеса. Жаль, что не в случае Герды.

— Финист! Почему ты не сказал?! — она пылала от негодования.

— Мы решили, что так ты будешь меньше волноваться.

— Ах, вы решили! — Герда всплеснула руками.

— Тебе надо было набраться сил.

Герда махнула на него и убежала переодеваться. Не успела даже причесаться, как в дверь постучал Финист:

— Быстрой. Николая тебя уже ждет.

Обозвав оборотня нехорошим словом, Герда схватила лежавший на тумбочке подарок, прижала его к груди и выбежала в коридор. Финист подбадривающе улыбнулся:

— Иди. Все будет хорошо.

Сейчас как никогда хотелось ему врезать. И Николая заодно. Гады!

— Не бойся. Я уже сдал и даже получил второй класс, — похвастался стоявший рядом Вожык. — И я смогу задержаться здесь еще на пару лет. А потом, возможно, мастер Николая уговорит компанию не забирать меня в армейский корпус. Я буду помогать ему бороться с демонами. Правда, здорово?

— Правда, — Герда потрепала его по волосам и зашагала к кабинету, тщетно пытаясь унять сердцебиение. Финист последовал за ней. Охотник ожидал, удобно расположившись за письменным столом.

— Наконец-то! — улыбнулся он, увидев застывшую в нерешительности Герду. — Начнем?

— Да, я... — замялась она. Финист подтолкнул ее в спину. — Я хотела вам кое-что подарить. Вот.

Герда протянула Николая сверток, боясь, что снова поддастся гневу. Охотник удивленно вскинул бровь:

— Что-то меня завалили подарками. А по какому поводу?

— У меня недавно был день рождения и вот... — Герда снова замялась. Николая с Финистом недоуменно переглянулись.

— Когда? — спросил Охотник. — Почему я ничего не знал?

— На Бельтайн. Никто не знал. Столько всего случилось. У меня не было случая

рассказать.

— Ну да, мы с Финистом затеяли драку, после которой ты слегла с лихорадкой, — горько заметил Николая и виновато потупился вместе с оборотнем. — Это мы должны были тебе подарок дарить. И не один.

— Это пустяк, — смутилась она. — Так просто, на память. Можете выбросить, если не понравится.

Николя неопределенно хмыкнул и раскрыл сверток. В нем оказалась рубашка с и вышитым с левой стороны бледно-фиолетовым цветком.

— Надо примерить, — с энтузиазмом заявил Охотник, скинул старую рубашку и надел новую. — Ну как?

— Лилия? — внимательно изучая вышивку, поинтересовался Финист. — К чему бы это?

— Это лотос, болван, — возразил Николая, приглядевшись к цветку. — Символ мудрости и незапятнанности. Как ты догадалась, что это мой любимый цветок? Он же у нас не растет.

— В книжке увидела, — пожала плечами Герда. — Мне понравилось, и я решила... Он не слишком девичий?

— Нет-нет! — в один голос заверили ее Николая с Финистом. Оборотень бесцеремонно схватил край рубашки и потянул к себе. Николая отпихнул его в сторону и вырвал из его рук свою одежду. Финист заскрежетал зубами и снова потянулся за ним. После короткой потасовки под ошарашенным взглядом Герды они опомнились и разошлись. Охотник уселся за стол, а Финист встал позади Герды.

— Так о чем мы? — Николая с трудом собрался с мыслями. — Ах да, экзамен.

— Насчет этого, — Герда перевела обвиняющий взгляд на Финиста. — Меня не предупредили, поэтому я не готова. Не могли бы вы дать мне еще день?

— Что за глупости? Ты была готова еще две недели назад. Это я попросил Финиста не говорить. Уверен, у тебя все прекрасно получится.

Герда насупилась. Точно, сговорились! Стоило им забыть о своей глупой вражде, как они начали вести себя как... как братья.

— Давай не будем терять времени на то, чему я сам тебя обучал. Посмотрим, чего тебе удалось добиться с Финистом. Он расскажет, в чем суть задания, — не дожидаясь новых возражений, продолжил Николая и глянул на оборотня.

— Раз уж ты теперь умеешь читать мысли, — заговорил Финист. — Мы решили совместить задание по отражению с заданием по телепатии. Прочитай в моих мыслях, что мы хотим увидеть.

Герда сдавленно выдохнула и кивнула. Звучало не слишком сложно, но все же... Раскисать нельзя, а то Николая снова обзовет трусихой. Герда взяла Финиста за руку и, даже не успев толком сосредоточиться, услышала свое задание. Кивнула. Оборотень воспользовался своим даром. Легко перехватив его зов, Герда придала ему нужную форму и превратила в повеление. В распахнутое окно влетела дюжина синиц. Птицы выстроились в клин, описали вокруг стола три петли и упорхнули обратно на улицу. Финист отпустил руку Герды и удовлетворенно улыбнулся:

— Я и сам не смог бы лучше.

Она смущенно раскраснелась.

— Ну вот, а ты боялась, — поддержал его Николая. — Экзамен почти сдан. Осталась малость.

Финист нахмурился. Видно, об этой малости они не договаривались. Герда

занервничала.

— Покажи что-нибудь на свой вкус. Удиви меня.

Николя уже просил об этом Дугаву. Тогда ей пришлось очень туго.

— Я... — неуверенно начала Герда.

— Ну же! — нетерпеливо выкрикнули оба мужчины и недовольно покосились друг на друга.

— Я хочу попробовать прочесть ваши мысли, — собравшись с духом, выпалила она.

Финист с Николая нахмурились. А что такого? Мысли Финиста она читала легко. Почему с Николая должно быть иначе?

— Не стоит... — заговорил Финист, но Охотник остановил его властным жестом.

— Пускай попробует.

Повисло неловкое молчание. Герда подошла к Николаю и сжала его руку, как Финиста до этого. Ничего не произошло. Совсем. Полная тишина. Непроглядная темень. Но Герда не сдалась и положила ладони Николая на голову, коснулась пальцами висков, сию секунду представив его мысленный поток. Ничего. Герда сосредоточилась сильнее, повторяя все техники концентрации, которые успела выучить. Ничего. Ну почему ей не дали еще день?! Возможно, в той самой последней книге был ответ, который она так и не успела постичь. Герда зажмурилась. Вопреки здравому смыслу не желала складывать руки. Перед мысленным взором вспыхнула крохотная искорка и умчалась прочь. Потом еще одна и еще. Да вот же они, мысли Николая! Какие юркие. Как же их догнать? Помчалась за одной и упустила, за второй — та тоже не далась. Третья оказалась побольше. Герда рванулась за ней изо всех сил. Вот-вот догонит. Выставила руку и попыталась схватить за хвост. Пальцы скользнули по мокрым чешуйкам. словно в озерной глади отразилось ее собственное перепуганное худенькое личико. Все тело вспыхнуло болью. Вышибло дух.

— Остановись! — словно сквозь стену она услышала возглас Финиста.

— Ты что, совсем больной?!

Герда открыла глаза. Оборотень оттащивал ее от мертвецки бледного Николая. Тот глотал ртом воздух. Из его ноздрей текли две тоненькие темные струйки. Герда с трудом заставила себя дышать. Должно быть, выглядит ничем не лучше его. Она вытерла рукой под носом. На пальцах остался кровавый след.

— Зачем ты это позволил?! — возмутился Финист.

— Тихо, — прохрипел Николая, справившись с дыханием.

— Я не... — попыталась оправдаться Герда. Она же все испортила! — Простите, я не знаю, как так вышло.

— Не извиняйся, это моя вина, — перебил ее оборотень. — Я должен был предупредить, что ты не сможешь прочесть его мысли. Только не его. Ни один телепат не может читать мысли телекинетика.

Финист с вызовом уставился на Николая. Герда тоже посмотрела на него.

— Не попробуешь, не узнаешь, — развел руками Охотник. — Герда, подожди за дверью. Твой учитель явно хочет кое-что со мной обсудить с глазу на глаз.

Герда слегка пошатывающейся походкой вышла из кабинета и съехала на пол по стенке. Из-за плотно затворенной двери доносились возбужденные голоса. Финист и Николая снова ругались. Жаль, что слов не разобрать. Герда сокрушенно закрыла лицо руками. Телекинез противоположен телепатии. Конечно! Она должна была догадаться. Ведь и мысли Ноэля тоже прочесть не получалось. Просто она так долго жила этой надеждой, что не пожелала

избавиться от нее, даже когда стало понятно, что все попытки тщетны. Хотя бы у Николая было все в порядке. У него ведь и без того резерв не до конца восстановился, а теперь еще и кровь носом идет. Герда всхлипнула и утерла рукавом собственный нос. Дверь распахнулась. В коридор выглянул Финист.

— Все нормально? — спросил он, помогая Герде подняться. Та слабо кивнула и вошла в комнату следом за ним.

— Я сдала? — с робкой надеждой спросила она. Финист подбадривающе улыбнулся, а Николай наоборот отвел взгляд. — Я получу назначение и класс?

— Не совсем, — ответил последний.

— Что?! — глаза оборотня округлились.

— Не волнуйся, на твоих рекомендациях это не отразится, — попытался увещевать его Охотник, но Финист взъярился еще больше:

— Да причем здесь?!

— Дар Герды слишком редкий. Мы не можем быть уверены, что знаем, как он работает. Я считаю, что ей понадобится больше времени, чтобы освоиться под присмотром наставника.

— Но как же... — прошептала Герда одними губами. Она же больше узнала о даре из книг без помощи «наставников». Впрочем, с чтением мыслей Николая вышло скверно.

Охотник продолжал:

— К тому же, она наивна, как ребенок, и недостаточно рассудительна, чтобы жить одной и приносить пользу компании.

— Но как же... — прошептала Герда одними губами. Он прав. Такой она и ощущала себя все время.

— Только не загоняй себя, — Охотник успокаивающе коснулся ее щеки. — Ты ни в чем не виновата. Все произошло слишком быстро: смерть отца, потеря дома, дар. Твой мир перевернулся с ног на голову, и никто не ждет, что ты быстро сможешь все понять и принять. Надо научиться здраво оценивать собственные силы и не доводить себя до изнеможения чрезмерной нагрузкой. А это у тебя, прости, пока не получается.

Герда не нашлась что ответить, зато Финист молчать не собирался:

— На себя бы лучше посмотрел. Тоже мне, великий оценивальщик собственных сил.

— Сейчас речь не обо мне, — отмахнулся Николая. — Я всегда знаю, что делаю и чего мне это будет стоить.

Хотелось забиться в угол и не слушать. Неужели сегодняшний экзамен ничего не значил? Тогда зачем понадобилось шутовское представление? Она бы в любом случае не сдала!

— Хватит нести чушь! — вспыхнул оборотень. Хорошего расположения к Николая хватило ненадолго. — Скажи ей правду!

— Финист, выйди, — устало попросил Охотник.

Оборотень опешил:

— Ну и прекрасно. Продолжай вести себя как идиот, а с меня хватит.

Финист вышел за дверь, яростно ею хлопнув. Николая покачал головой и подошел к замершей в испуге Герде.

— Я хотел сказать, что несмотря на блестящие способности и рвение к учебе, ты очень уязвима перед опасностями, которые ждут тебя за порогом этого дома. Твой дар — очень ценная находка, которой захотят воспользоваться непорядочные люди. Я не хочу ни

отправлять тебя в Дюарль, ни тем более оставлять одну.

О чем он? Неужели он думает, что она настолько глупа и беспомощна, что не сможет отличить плохих людей от хороших? Неужели ее дар более ценен, чем дар Вожыка или Майли?

Николя взял ее за руки и заглянул в глаза:

— Финист в чем-то прав, — вздохнул он. — Есть еще одно обстоятельство.

Герда напряглась. Он скажет?

— Я не могу тебя отпустить. Поэтому я так затянул с экзаменом. Поэтому в глубине души хотел, чтобы ты дала мне повод держать тебя здесь подольше. Я как-то сам не заметил, что привязался к тебе и не могу больше помыслить своей жизни без тебя. Думаю, теперь, когда все разъедутся, у нас появится шанс узнать друг друга получше. Быть может, из этого что-то выйдет. Мне... мне бы очень хотелось.

Герда смутилась. Не ожидала. Он же почти признался в любви, а она даже одного слова ответить не смогла. Нет, он ей нравился, нравился больше всего на свете, но признание все меняло. Их отношения уже никогда не будут такими простыми и непринужденными, как прежде.

— Я... — начала Герда, когда увидела, с каким томлением он смотрит на нее. — Я все же смогла... Смогла прочитать одну вашу мысль.

Николя удивленно вскинул бровь:

— О чем?

— Обо мне. Я видела себя в ваших мыслях.

— Что ж, в этом нет ничего странного. Я часто о тебе думаю, — улыбнулся Николя. — Это доказывает, что никто кроме тебя самой не знает предела твоих способностей. Если ты захочешь, сможешь стать сильнейшей среди тех, кто обладает даром.

— Не уверена, что мне это нужно, — пожала плечами Герда.

— А что тебе нужно?

— Вы же сами сказали, перестать быть ребенком.

— Со временем это обязательно случится. Послушай, через два дня я уезжаю на Авалор. Там недавно начались волнения, единоверческая власть ослабла. Этой мой единственный шанс побывать дома. Ты могла бы поехать со мной. Это бы стало нашим первым совместным приключением.

— Я не знаю. Это так неожиданно, — замаялась Герда. Если бы он предложил ей это до своего признания, она бы с радостью согласилась, но сейчас это выглядело как обязательство. Что если она его разочарует?

— У тебя еще есть время подумать, — сокрушенно ответил Николя. — В любом случае, ты всегда можешь дожидаться меня здесь с Эглаборгом и Вожыком. Не думаю, что задержусь на Авалоре дольше, чем на месяц.

— Или уехать в Дюарль с Финистом и Майли? — она не знала, почему задала этот вопрос. Просто хотелось проверить границы своей свободы.

— Не думаю, что тебе там понравится.

— Почему?

— Мне не понравилось. Дорогие наряды, жеманные манеры, двуличные улыбки — там невыносимо душно.

Герда потупилась. Она и здесь, в Упсале, часто чувствовала себя не в своей тарелке. Слишком привыкла к простой жизни в лесах, где никому не было дела до того, кто ты и как

выглядишь. Да, наверное, глупая идея — стремиться в столицу Норикки. Здесь куда спокойнее.

— Я приму твое решение, каким бы оно ни было. Только не мешкай. Времени до моего отъезда не так много.

Герда кивнула и повернулась к двери, но Охотник неожиданно развернул ее к себе и поцеловал в губы.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты поехала со мной, — вкрадчиво произнес он.

— Мастер Николя... — начала Герда, но Охотник приложил палец к ее рту.

— Пожалуйста, зови меня Николас, как раньше, — попросил он, поглаживая ее ладони большими пальцами.

— Ма... — По телу пробежал озноб, резко бросило в жар. — Николас, — его имя далось с трудом. Язык еле шевелился, словно прилип к чему-то вязкому, преодолевая въевшийся в голову запрет. — Опустит... те. Мне надо побыть одной.

— Да, конечно. Я буду ждать твоего ответа, — с сожалением согласился Николя.

Герда выскочила за дверь и побежала к себе. В коридоре попытался остановить Финист, но она не стала слушать и захлопнула дверь у самого его носа. Не хотелось никого видеть, ни уж тем более разговаривать. Она упала на кровать и расплакалась. Почему не получилось просто ответить «да»? Ведь она всю жизнь мечтала об этом. Так почему сейчас так страшно, что руки леденеют и трясутся? И Николя, то есть Николас расстроился из-за ее неуверенности. Он так смотрел! Ни у кого прежде, даже у него самого, она не видела такого взгляда, полного тоски, робкой надежды и грусти. Сердце сжималось от жалости, и все же она не смогла этого сделать, потому... потому что он тысячу раз прав. Она ребенок. Просто невозможная трусиха!

Что же делать? Где искать ответ? Как стать хотя бы чуть-чуть его достойной, такой, какой он хочет ее видеть? Взрослой, сильной, рассудительной. Если бы можно было спросить совет у какой-нибудь мудрой женщины. Вот бы мама была жива. Или... Рука потянулась к спрятанному под большой стопкой книг дневнику Лайсве. Интересно, как бы поступила она?

Герда листала дневник, перечитывая отдельные моменты. Эти записи столько раз выручали в самых трудных ситуациях. Какой же смелой и сильной она была! Ей через столькое пришлось пройти, столько всего вытерпеть. И все, чтобы не идти на поводу у навязываемых обществом правил, а найти свой собственный путь. В ней были все те качества, которых Герде так не доставало. Так хотелось, чтобы Лайсве оказалась с ней в родстве. Но это лишь в сказках нищенки могут в одночасье превратиться в принцесс, а в жизни Герда навсегда останется глупенькой папиной дочкой, простушкой из глухомани, которая ни одного самостоятельного решения принять не может.

В задумчивости Герда перелистала ту часть дневника, которую уже успела изучить и забежала чуть вперед. Взгляд упал на пожелтевшие от времени страницы:

«Кажется, впервые в жизни я не знаю, что делать. Растеряна, сбита с толку и даже поделиться ни с кем не могу, потому что меня точно сочтут сумасшедшей. Да я и сама теперь не до конца уверена в своем здравом рассудке. И все же я его видела. Ничто не сможет стереть это воспоминание из моей памяти. В своих мыслях я постоянно возвращаюсь к тому времени, что мы провели в лабиринте Хельхейма. Неужели все, что произошло, лишь плод воспаленного лихорадкой воображения? Но я чувствовала его прикосновения, слышала запах, голос, его слова. Все было так ярко, словно наяву, нет,

гораздо ярче, чем явь, будто до этого я спала и только сейчас проснулась. И он спас нас. Если не он, то кто же? Жаль, что он не захотел остаться. Можно бы было поискать какие-нибудь известия о нем в книгах, хотя если он ушел больше тысячи лет назад... Нет, на бумаге это выглядит еще большим бредом, чем у меня в голове. И все же я хочу верить. Вера — единственное, что у меня осталось после той встречи.

Микаш ходит такой жалкий. Он плохо помнит, что делал в пещерах, но догадался о том, что между нами было. Или не между нами, а между мной и тем другим? Но я ни о чем не жалею, хотя следовало бы.

Вейас со мной не разговаривает. Винит непонятно в чем. Может, я и виновата. Не знаю. Знаю лишь, что если бы не Безликий, мы бы не вернулись.

Я совсем запуталась. Моя семья от меня отвернулась. Не только отец, но и брат. Жениху я больше не нужна. Микаш готов принять меня с распростертыми объятиями и увезти хоть на край света. Правда, у него ни кола, ни двора нет. Вечный бродяга. Не уверена, что смогу спокойно смотреть ему в глаза после всего, что он не потребует большего, и что каждый раз, когда я буду с ним близка, я не буду видеть глаза того другого, которого я, кажется, сама себе придумала.

Что он тогда сказал? Идти к жителям холмов. Они укажут путь».

Герда всхлипнула. Даже Лайсве запуталась. Интересно, кто такой Безликий? Может, Шквал? Он тоже долго не называл свое имя, а то, что назвал, походило на кличку. И на морде у него белое пятно очень походило на маску. Безликий. Безликий хозяин масок! Только вот судя по всему Лайсве совсем не про кота, а про человека пишет. Неужели все-таки рыцарь?

«Долго как дура бродила по холмам и звала туалатов. Вся Упсала теперь считает меня умалишенной. И что-то мне говорит, что бюргеры недалеко от истины. Эйтайни все-таки вышла. Жалко, что ли, меня стало? Я спросила ее про место для испытания. Она так хитро прищурилась, что меня до корней волос проняло. Видно, дорога предстоит не из легких. Сказала, что я должна подняться на гору, что находится в дне пути от города. На вершине откроется мое предназначение. Но совсем необязательно, что мне удастся. И все же я рискну, потому... Потому что Вейас уехал, а Микаш наоборот остался. Ходит следом и смотрит щенячьими глазами. Мне больше нравилось, когда он злословил и угрожал».

Предназначение. Герда крепко задумалась. Гора всего в дне пути. Знать бы, какая. Может, стоит спросить у королевы туалатов? Она же обещала помочь, тем более это связано с Николая... тьфу, Николасом. Как же сложно с этими его именами!

Герда оделась потеплей, собрала еды, чиркнула короткую записку, чтобы никто не беспокоился, и побежала в конюшню седлать Яшку. Через четверть часа они были уже на противоположном краю Упсалы, среди гряды холмов.

— Королева Эйтайни! — громко прокричала Герда. Ветер эхом разнес голос по окрестностям.

— Что-то случилось? — раздался над ухом звонкий голос туалаты. — Ты выглядишь взволнованной. Николая признался в своих чувствах?

Герда горестно вздохнула.

— Да и... я не знаю, что с этим делать.

— Как что, глупенькая, брать мужчину в руки и вести к алтарю, — усмехнулась Эйтайни.

— Боюсь, что разочарую его и не смогу стать хорошей подругой или, тем более, женой.

Я даже не уверена, что чувствую к нему. Детская влюбленность прошла, а то, что я ощущаю сейчас... Я не понимаю, что это и куда оно меня приведет.

Эйтайни покачала головой.

— На Остару ты показалась мне более уверенной. Что же произошло?

— Мы сблизились, и это меня испугало. Я...

— Говори, если я как-то смогу разрешить твои сомнения, — развела руками королева туалатов.

— Я слышала, в Утгарде есть гора, взобравшись на которую можно узнать свое предназначение. Не могли бы вы подсказать к ней путь, — выпалила Герда на одном дыхании.

Эйтайни подозрительно сузила глаза.

— Мельдау — тайное священное место, куда наши юноши отправляются, чтобы узнать свою судьбу и стать мужчинами. Чужие не должны о ней знать. Где ты про нее слышала?

Герда смутилась. Снова сунула нос туда, куда не следовало? Но ей нужно туда попасть во что бы то ни стало!

— Я прочитала о ней в дневнике одной девушки. У нее был такой же дар, как у меня. Она гостила у вас некоторое время, а потом ваши соплеменники подсказали ей путь к горе.

— Лайсве, — Эйтайни произнесла ее имя с теплой грустью, словно тосковала по давно потерянному другу. — Значит, ей все-таки удалось. Бедная девушка.

Герда нахмурилась:

— Что с ней произошло?

— Она была слишком упорной на свою беду, — с запада поднялся сильный ветер и всколыхнул плащ за спиной у Эйтайни. Пересыпал волосы. — Нет, ничего о ее судьбе я не знаю. Просто мои догадки.

Ветер не утихал, шумя в кронах вечнозеленых елей, окружавших холмы туалатов с трех сторон.

— Кажется, снова будет буря, — вздохнула Эйтайни. — Хорошо, я помогу тебе, раз по-другому нельзя. Поешь здесь и оставь плащ. Ты не должна принимать пищу, пить или укрываться от непогоды, пока совершаешь восхождение.

Туата достала из рукава маленький свиток с картой.

— Красная точка — это Мельдау. Отсюда до ее подножья двенадцать часов пути верхом. Вход на тропу восхождения венчают каменные ворота в виде орлиных голов с рубиновыми глазами — ты их не пропустишь. Поднимешься до перекидного моста. Он слишком ветхий и лошадь не выдержит, поэтому тебе придется ее оставить и идти пешком. Да и тропа там становится слишком узкой для всадника. Развилка до самого верха не будет, дорога петляет вдоль склона. Будь осторожна на крутых участках и не поскользнься на сыпучих камнях. К рассвету ты обязательно должна оказаться на вершине. Тогда боги начнут тебя испытывать. Ты должна будешь очертить вокруг себя круг и не выходить за его пределы до заката. Как только последний луч солнца скроется за небосводом, предназначение откроется тебе.

— Я должна буду провести там целый день? — встревожилась Герда. — Но тогда я не успею к утру обратно, и Николас уплывет без меня.

— Если боишься, возвращайся домой, — пожала плечами туата.

— Я ничего не боюсь! — разозлилась Герда, схватила карту и вскочила в седло. — Спасибо за помощь! — обернувшись, она помахала Эйтайни на прощание.

Кобыла домчалась до отмеченной на карте горе всего за десять часов. От азарта долгой скачки Герда не замечала ни голода, ни пронизывающего до нитки ветра. Покрытая густым лесом у подножья и лысая на вершине Мельдау возвышалась над горной грядой непреодолимой громадиной. От орлиных ворот наверх вела крутая узенькая тропа, на которой кобылу пришлось перевести на шаг. Яшка поскальзывалась на острых мелких камнях, разъезжающихся в стороны под ее копытами. Непривыкшая к такому грунту кобыла ступала нарочито осторожно и медленно. Хотелось оставить ее и побежать вперед самой, но нужно было сохранить силы для восхождения. Через полчаса утомительной однообразной дороги показался хлипкий навесной мостик, перекинутый через глубокое ущелье.

Герда спрыгнула на землю, расседлала лошадь, мгновение поколебалась брать ли с собой одеяло, которое она подкладывала под седло, чтобы то не терло Яшкину спину. Но королева туатов запретила. Спрятав упряжь в кустах, Герда бросила прощальный взгляд на кобылу и решительно зашагала к ветхому мосту. Яшка пронзительно заржала и побежала за ней. Герда обернулась возле самого края пропасти и погладила пушистый нос.

— Подожди здесь. Я скоро вернусь, а ты за это время должна хорошо отдохнуть, чтобы мы успели обратно вовремя. Мне пора, иначе к полуночи на вершину точно не заберусь.

Герда проверила мост на прочность одной ногой. Он скрипел и шатался на ветру. Но другого пути не было. Она крепко схватилась за протянутые вместо перил канаты и медленно пошла вперед. Яшка протяжно смотрела ей вслед, всей своей звериной душой переживая за непутевую хозяйку, в очередной раз ввязавшуюся в опасную авантюру.

Осторожно ступая по подгнившим доскам, Герда почти преодолела ущелье, как доска под ногой громко хрустнула. Герда судорожно вцепилась в канатные перила, подтянулась и вытащила застрявшую в обломках ногу. Еще сажень, и Герда, наконец, ступила на твердую землю. Обернулась к оставшейся на той стороне кобыле и помахала ей, прежде чем продолжить подъем на гору.

Первое время казалось, что тропа идет вертикально вверх. Ноги проскальзывали на сыпучих камнях и прошлогодней опавшей листве. Несколько раз она чуть не съехала на коленях вниз, но все-таки удержалась. Упрямо шагала вперед, пока подъем не закончился. Дорога вильнула вправо и вывела на узкий карниз над самой пропастью. Пришлось идти, тесно прижимаясь спиной к горной стене. Высота. Уши стало закладывать. По лбу градом катился пот. Воздух обжигал высоко вздымавшуюся грудь. Кое-где выступ утончался настолько, что приходилось разгоняться и перепрыгивать на другой край. Щебеня под ногами было все также много. Мелкие камни сыпались из-под ног прямо в зияющую сбоку хищную пропасть. Дорога опоясывала склон и совсем не поднималась, а уступ с каждым шагом становился все уже, пока совсем не истончился.

Герда замерла, растерянно глядя по сторонам. Куда же дальше? Тропа закончилась, а до вершины еще далеко. Она задрала голову. Был бы здесь Николас, она бы могла воспользоваться его силой и левитировать себя наверх. Или они могли бы телепортироваться на вершину вместе. Или он бы мог перенести ее туда на своих крыльях или что у него там такое секретное... Можно было бы попросить помощи у grimтурсов, и те бы мигом доставили ее на место на своих могучих плечах. Но их здесь нет. Что же делать? Жаль, Герда не взяла с собой дневник Лайсве. Может, нашла бы там какой-нибудь совет. Стоп! Весь смысл этого восхождения — сделать все самой, а не полагаться на других. Она должна хотя бы себе доказать, что умеет справляться с трудностями, что это не очередная непосильная задача, которую она непонятно зачем взвалила себе на плечи, а ее предназначение.

Герда пригляделась к склону. В одной книжке она читала про горные восхождения, но для этого нужно было хотя бы двое человек и веревки, но здесь никого нет. Ну вот снова! Она должна научиться действовать самостоятельно. И не бояться. Да! Доказать всем, что она не трусиха. И прежде всего самой себе. Что еще говорилось в той книге? Нужно искать выступы, хотя бы маленькие, переносить вес с одной ноги на другую и... Три точки опоры. Точно! Всегда должно быть три точки опоры, чтобы не упасть.

Герда сделала глубокий вдох и начала карабкаться вверх. Медленно, сбивая в кровь руки, она подтягивалась все выше и выше, смещаясь то в одну, то в другую сторону в поисках мест, за которые можно было зацепиться. В конце концов она не выдержала и обернулась. Голову повело от высоты. Один неверный шаг и... Герда прогнала от себя мрачные мысли и двинулась дальше. Еще самую малость, и она окажется на вершине. Там и передохнет. Правая рука уже дотянулась до горизонтального края. Герда глазами искала с левой стороны подходящий выступ, чтобы переставить ногу, но склон здесь был совсем гладкий. Нашла что-то похожее на крохотный уступ, поставила на него ногу и перенесла вес. Из-под стопы выскочил маленький камушек. Нога сорвалась. Герда повисла на руках. Мокрые от пота и крови пальцы скользили по гладкому камню. Она пыталась подтянуться, но ничего не получалось. Палец за пальцем разбитые, затекшие от усилия ладони соскальзывали с уступа. Обессилевшая, Герда отпустила его сама и с ошеломляющей скоростью полетела вниз.

Она даже не успела подумать, как ударилась спиной и потеряла сознание. Очнувшись от того, что прямо над головой загрохотал гром. На лицо крупными каплями падала вода. Герда открыла глаза. Вокруг сгустились сумерки. Наверное, солнце зашло, а грозовые тучи скрыли луну и звезды. Герда попробовала пошевелить руками и ногами. Те нехотя повиновались. Голова раскалывалась. Но в остальном все было в порядке. Поднатужившись, она поднялась на ноги и огляделась. Ей повезло упасть на какой-то выступ, но в темноте не было видно, где он заканчивается. Герда встала на колени и, руками нащупывая землю, принялась искать склон. Под ним можно будет укрыться от дождя. Снова повезло. Обнаружилась небольшая пещерка, в которой можно было спрятаться. Не доставало только сухого хвороста, чтобы развести костер и согреться.

Через пару часов буря стихла, тучи расползлись. Выглянула большая, круглая как блюдце луна. Шум в голове и боль в суставах притупились. Герда выглянула из пещеры. Склон стал мокрым и скользким, но теперь его хотя бы было видно. Чтобы добраться до вершины до рассвета медлить нельзя. Если ей суждено утонуть подо льдом, то вряд ли она разобьется, упав с горы. Герда снова карабкалась вверх. Повезло. Трудный подъем закончился всего через несколько саженей. Герда выбралась на горизонтальную поверхность и упала, судорожно пытаясь отдышаться. Но времени совсем не оставалось. С этого места тропа легко проглядывалась даже в лунном свете. Придя в себя, Герда двинулась по ней торопливым шагом. Через полчаса она уже была на плоской, поросшей мелким кустарником вершине.

Герда подобрала с земли камень и очертила большой круг на тонком слое почвы. Едва успела закончить, как из-за гор на востоке забрезжили первые лучи. Лиловые сумерки медленно отползали вместе с туманом в низины. Мир попеременно окрашивался в серый, зеленый и желто-красный цвет, пока солнце огненным диском полностью не выплыло из-за небосвода.

Успела. Герда опустилась на землю. Дико хотелось спать. Именно это она и собиралась сделать, тем более нужно было сидеть здесь аж до заката. Она свернулась калачиком и

подложила руки под голову. Сон походил на бред, привидевшийся во время болезни. Картинки быстро сменяли одна другую, не оставляя в памяти ничего, кроме тоски и смутного страха. Из всех образов удалось вычленить лишь один самый яркий. Они с Николасом стояли посреди огромного холла и ругались. Герда чувствовала, как по щекам текут слезы.

— Как я могу тебе верить, если ты постоянно меня обманываешь?! — кричала она.

— Но это же совершенно неважно. Я просто хотел тебя защитить, — истово убеждал он. — Я люблю тебя, а ты меня. Только это имеет значение.

Он протягивал к ней руки, чтобы обнять и поцеловать, но она отстранялась.

— Тогда скажи, что еще ты скрываешь!

— Ничего, клянусь!

— Ты снова лжешь. Я же чувствую. Если ты действительно меня любишь, скажи правду!

— Я не могу, — разводил он руками. На его лице отражалось столько боли, что она не могла больше ничего требовать.

Что было дальше, она не помнила. Снова захватила круговерть образов, тревожных и непонятных. И сквозь них всех Герда видела его подернутые болью глаза, болью, за которую она чувствовала свою вину. Зачем она его отталкивала? Ведь достаточно было лишь протянуть руку. И вот оно счастье, блаженное и безмятежное, нарушаемое лишь идущими по зеркальной глади воды кругами. Знать бы, что их вызывает, круги.

Она перенеслась на изученное до мельчайших деталей ледяное плато. Всадник, спешенный, стоял рядом. Лед под ногами вот-вот треснет. Герда сама протянула руку, ведь знала, что это Николас. Может, так ей удастся убрать печаль с его лица? Как только их пальцы соприкоснулись, она начала падать. Но он держал. Крепко. Не желал отпускать. Круги. Нужно узнать, откуда круги. Все равно это лишь сон. Она не умрет здесь.

— Отпусти. Мне надо туда, — попросила она, но всадник крепче вцепился в ее руку. Герда взмолилась: — Николас, пожалуйста!

Он упорно не желал отпускать. Герда подалась вперед и сдернула с его головы капюшон, чтобы заглянуть в глаза и попросить еще раз. Но вместо Николаса она увидела свое собственное лицо. Ее держит страх!

— Пусти меня, я приказываю, — велела она тем же тоном, каким учил повелевать животными Финист. Разжимая палец за пальцем, страх отпускал. Герда набрала в грудь побольше воздуха. Сильное течение подхватило и понесло под лед. Когда грудь уже сдавило от боли, над головой показалось отверстие. Герда вынырнула на поверхность. Долгожданный вдох пьянил глотком пряного вина. Она обнаружила себя посреди темной пещеры. Кто бы ни мутил воду, он должен быть здесь. Выбравшись из пещерного озера, Герда пошла по узкому тоннелю, в конце которого мерцал крохотный огонек. Он вывел в большой зал. В колодце над головой виднелось звездное небо. Впереди у дальней стены полыхало рыжее пламя. Герда несмело шагнула навстречу. Это был он!

— Шквал! — ахнула Герда и хотела побежать к нему, но тут из-за ее спины кто-то выскочил.

Она испуганно замерла. Полупрозрачная фигура девушки с картины в Будескайске поплыла к Шквалу, но стоило ей приблизиться на расстояние вытянутой руки, как кот понесся прочь.

— Безликий, остановись! Ты мне нужен. Ты всем нам нужен, — позвала незнакомка и начала преследовать его.

Вместе они долго кружили по пещере, пока девушка не растворилась в самом темном углу. Кот остановился и внимательно посмотрел на Герду. Она несмело двинулась ему навстречу.

— Шквал, — тихо звала Герда, украдкой утирая бегущие по щекам слезы. — Миленький мой, я так скучала. Я все время о тебе думала. Пожалуйста, вернись и не оставляй меня больше.

Кот выпучил глаза и также несмело потрусил к ней. Герда побежала, и Шквал тоже со всех ног бросился ей в объятия. Пещеру озарила яркая вспышка. Герда зажмурилась, чтобы не ослепнуть. Послышался стук барабанов, ритмичная музыка диковинных инструментов. Она удивленно распахнула глаза. Вместо Шквала перед ней стоял Николас. Он крепко держал ее за руки и вел в танце, мелодию и ритм которого она никак не могла уловить.

— Перестань трястись, — прошептал он надломленным голосом, странно серьезно, без тени обычного ехидства или язвительности. — Я не собираюсь тебя убивать. По крайней мере, сейчас.

Герда слотнула. Что она такого сделала, что он смотрит на нее с такой жгучей ненавистью? Хотелось сквозь землю провалиться. Он выпустил ее руку и закружил вокруг себя, подражая остальным танцующим. Мир вспыхнул. Герда очнулась на кровати нагая под тонким покрывалом. Она тревожно заворочалась, но чья-то рука обвила талию и заставила лежать смирно.

— Снова кошмар? — голос Николаса звучал неподдельно участливо.

Он лежал рядом и ласково перебирал пальцами ее заметно отросшие волосы. Щеки запылали от стыда. Она попыталась отстраниться, но Николас сильнее прижал к себе. Тело Герды соприкоснулось с его, тоже обнаженным. Из груди сам по себе вырвался сдавленный стон. Нос защекотал едва уловимый терпкий мужской запах. Он дурманил, заставлял расслабиться. Герда спокойно склонила голову Николасу на плечо.

— Тише. Все будет хорошо, — прошептал он, касаясь кончика ее уха губами. — Я люблю тебя.

Герда подтянулась к нему поближе и заглянула в глаза:

— Я тебя тоже.

Его лицо озарила улыбка, нежная и искренняя, самая красивая из всех, которые ей доводилось видеть.

— Поспи еще. У нас осталось пару часов, — заботливо посоветовал он.

Герда закрыла глаза и провалилась в черную безмятежность.

Проснулась посреди горной вершины в очерченном ей самой круге. Солнце было уже в зените. Герда сладко зевнула и потянулась. Чувствовала себя заметно посвежевшей, несмотря на то, что все тело затекло и жутко ныло, а она сама продрогла и мучилась от жажды. Мысли прояснились, голова работала на удивление быстро. Герда посмотрела по сторонам. Вершину горы покрывали лишь мхи, лишайники да редкий кустарник, кое-где из-под пестрого покрова вылезал мрачный серый камень. Солнце припекало, как летом. От этого пить хотелось еще больше.

Ни животных, ни птиц, ни даже насекомых видно не было. Герда оказалась совсем одна. Чтобы не думать о воде и еде, она села, скрестив лодыжки, и стала повторять дыхательные техники, прислушиваясь к шепоту ветра. Выходило очень сносно. Николас был прав. В горах сила ветра ощущалась совсем по-другому, мощнее, словно ты черпаешь ее не из тоненькой струйки ручья, а из исполинского грохочущего потока. Тишина и безмолвие помогали

отрешиться от мира и погрузиться в созерцание. Очищенная от всех эмоций и ощущений собственного тела, она превращалась в пустой лист бумаги, на который можно было записать что угодно. Просветление.

Первозданную тишину как клинком разрезало шипение змеи. Герда вздрогнула. С другой стороны залаяла собака. Герда открыла глаза и осмотрелась. Вершина горы оставалась такой же пустынной. Но звуки были совсем близко! Может, почудилось? Она глубоко вдохнула, заставляя себя успокоиться, и снова закрыла глаза. Мир взорвался тысячью жутких звуков: скрежетания зубов, лязга оружия, криков и стонов неистовой схватки, их всех перекрыл звон бьющегося стекла. Герда открыла глаза и снова ничего не увидела. Все стихло. Она обняла себя за плечи, пытаясь унять дрожь. В закричал сокол. Финист? Отправился искать? Но она же просила этого не делать! Герда подняла глаза к небу, ища в облаках крупного сокола. Порыв ветра швырнул в лицо пригоршню сухих листьев. Герда взмахнула руками, чтобы их убрать, но листья уже исчезли. Да и откуда взяться листьям, ведь здесь даже деревьев нет? Что происходит? Это чья-то иллюзия или морок демонов? Но почему тогда ничьей ауры не чувствуется? Может, это особая магия места, как в пещере Истины или в волотовках? В ответ на ее мысли раздался леденящий душу хохот. Варги! Этот звук нельзя было ни с чем спутать. По спине пробежался озноб. Как они забрели так далеко от кундских лесов? Хохот сменился пафосной речью Петраса и разгневанным гомоном толпы. Что происходит? Это эхо ее воспоминаний? Эхо не может нанести вред, оно нереально. Выходит, бояться нечего. В следующий миг ее оглушил топот сотен копыт. Ненниры! Нет-нет-нет!!!

Герда упала ничком и прикрыла руками голову. Снова стихло. Она приподнялась на локтях. Земля разверзлась прямо под ней. Герда летела в черную бездну, а падающие сверху камни и куски земли погребали ее под собой. От страха она едва не потеряла сознание, но вдруг обнаружила, что корчится на животе все там же, где и была до этого — на вершине горы внутри круга. Тяжело дыша, Герда перевернулась на спину. Галлюцинации... от недостатка воды. Она читала про это. Как же дотерпеть до заката и вернуться домой к утру, если уже так плохо? Ну зачем она это придумала?! А может королева туатов нарочно заманила ее в ловушку, потому что Герда не согласилась на предложение Николаса? А может... Да что же она такие глупости творит все время! Ведь это испытание для настоящих Стражей, а она кто? Слабая трусливая девчонка, которая даже собственные силы рассчитать не в состоянии.

Небо заволокли тучи. Стало темно и страшно. Гремело совсем рядом, молнии слепили глаза. Герда замерла и ждала, пока одна из них не попадет в нее, чтобы разом покончить со всеми муками. Ветер выл, как раненный зверь, словно желал сдуть ее с горы. Гром перемежался громкой музыкой, в ярких сполохах плясали длинноволосые женщины в летящих одеждах. Все, как одна, похожи на королеву туатов. Прыгали над головой Герды, словно она была бельтайнским костром, напевали сильными, способными перекричать бурю голосами. За ними неслись громадные, ростом с волка, а может даже с медведя, кошки с торчащими из-под верхних губ загнутыми на концах клыками. Они, рыча, обходили круг хороводом. Герда прижала колени к груди и обняла их руками, рыдая от ужаса.

Должно быть, женщины собирались принести ее в жертву, скормить демонам. Место кошек заняли долговязые фигуры в темных балахонах с длинными капюшонами. Протягивали скрюченные руки и шептали жуткими потусторонними голосами: «Иди к нам. Стань одной из нас. Мы твоя настоящая семья». Герда узнала их. Ловцы желаний. Так много!

В прошлый раз одного бы хватило, чтобы уничтожить весь ее родной город, если бы не Николас...

«Николас! Помоги, ну где же ты?! Если ты меня спасешь, то, клянусь, я больше никогда тебя не слушаюсь, не сбегу и не стану лезть в опасные передраги. Услышь меня, где бы ты ни был. Приди. Без тебя я ничто. Без тебя моя жизнь не стоит и медьки. Без тебя ничто не имеет смысла. Защити меня. Я знаю, только ты сможешь это сделать. Ты избавишь наш мир от этих жутких порождений червоточин. Я верю!»

Несколько молний одновременно поразили тянувшихся к Герде Ловцов. Испепелили. Ветер стих. Тучи растворились в небе, и из-за них выглянули багряные лучи заходящего солнца. Герда приподнялась. Неужели она дожила до заката? На фоне сумеречного неба появилась еще одна последняя фигура, но в ней уже не чувствовалось опасности. Герда шагнула навстречу. Перед ней стояла стройная молодая девушка с едва доходящими до плеч светлыми волосами и выразительными серыми глазами. Ее горделивая осанка и спокойный уверенный взгляд были достойны герцогини. Нет, даже королевы.

— Лайсве? — тихо спросила Герда. Она была похожа на девушку с картины в Будескайске.

Та снисходительно улыбнулась и покачала головой.

— Тогда кто? — заволновалась Герда. Она же выдержала до заката. Какое еще испытание придумала дурацкая гора?

— Ты, — также спокойно улыбаясь, ответила девушка.

— Как такое может быть? — не поняла Герда.

— Легко. Это особое место. Здесь ты встретишься со своим будущим и прошлым. Я — твое настоящее. Вглядишься в мое лицо. Неужели ты не узнаешь себя?

Герда присмотрелась внимательно. Действительно, похожа, только расслабленная, степенная и уверенная во всех своих движениях. Совсем взрослая. Такая, какой ее изображал Николас на портрете.

— Узнала? — ее улыбка стала шире. Герда кивнула, и девушка летящей походкой вступила в круг. — Вот и хорошо. У нас мало времени.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Хочу попрощаться. С тобой. Со своим детством. Ты останешься здесь с детскими страхами и неуверенностью, а я вернусь в Упсалу к Николасу. Я люблю его. Любила с нашей первой встречи. Я искала его всю жизнь и теперь, когда, наконец, нашла, я не позволю ему плыть неведомо куда одному. Я отправлюсь с ним на Авалор. И надеюсь, это будет не последнее наше путешествие.

Герда-ребенок заплакала:

— Как же я? Я тоже люблю его. Я останусь тут совсем одна?

— Нет, — Герда-взрослая ласково потрепала ее по голове. — Ты отправишься в страну грез и воспоминаний. Будешь жить среди детских забав и сказочных героев. Иногда я буду навещать тебя там. А теперь прощай. Мне надо успеть на корабль. Времени почти не осталась.

Она кивнула на догорающий закат, чмокнула Герду-ребенка в щеку и побежала обратно. Дорога назад оказалась не в пример легче пути наверх. Должно быть, в прошлый раз Герда случайно свернула с тропы, поэтому пришлось карабкаться по отвесному склону. Теперь же натоптанная стезя быстро вывела к мостику, на противоположной стороне которого ждала верная Яшка. Без труда преодолев его, Герда бросилась седлать кобылу. К утру нужно было

доскакать до порта, чтобы не пропустить корабль. Когда все было готово, Герда взобралась на спину лошади и направилась к подножью. В потемках на усыпанной мелким щебнем крутой тропе гнать не стоило, но как только копыта Яшки коснулись ровной земли, они помчались галопом. Наперегонки с рассветом.

Несмотря на то, что Герда выжимала из лошади все силы, нагнать упущенное время не удавалось. Рассвет застал их, когда до города оставалось не меньше двух часов пути. Кобыле требовалась передышка. Да и ей тоже. Герда спешила и повела лошадь в поводу. Так они добрались до самой Упсалы. Лишь когда показались крыши первых домов, Герда запрыгнула обратно. Она не знала, отбыл ли уже корабль Николаса или нет, но решила до последнего не терять надежды. На всем скаку они неслись в порт.

Все домочадцы Охотника собрались на причале возле большого корабля с выведенной золотистыми буквами надписью «Мейдоголда» на боку. Николя нехотя прощался с ставшими за это время родными друзьями. Он знал, что вернется не больше, чем через месяц, но все равно казалось, что он расстанется с гостеприимной Упсалой навсегда.

— Переживаешь, что Герда не пришла? — поинтересовался Финист, заметив, что Николя никак не мог оторвать взгляд от выхода из порта.

— Немного. Надеюсь, что даже если она не согласится плыть со мной, то хотя бы попрощается, — пожал плечами он, заставив себя отвернуться. — Наверное, я слишком на нее давил.

— Не больше, чем я, — горько усмехнулся Финист. — И все-таки странно, что она не пришла. Может, что-то случилось?

— Эйтайни сказала, что с ней все в порядке. Я должен дать ей время, чтобы она нашла себя. Жаль, что как раз времени у меня не осталось, — признался Николя с сожалением.

— Если она к вечеру не вернется, я пойду ее искать, — упрямо сказал оборотень.

— Да, наверное, это будет правильно, — безучастно согласился Николя и в последний раз посмотрел на пустующий выход из порта.

— Эй, на суше! Прощайся быстрее, нам давно пора отчаливать! — прикрикнул показавшийся на корме Сайлус в треугольной капитанской шляпе.

— Прощайте! — помахала рукой Майли.

— Пусть дорога будет легкой! — присоединился к ней Вожык.

— И возвращайтесь побыстрее, — веско добавил Эглаборг, у которого с утра глаза были на мокром месте. — Нечего вам в этом крысятнике задерживаться!

— Постараюсь, — кивнул Николя и помахал им в ответ. — Хорошо оставаться!

— Ну что, пора и нам прощаться, — Охотник протянул руку Финисту, который стоял рядом с ним у трапа. Оборотень задумчиво глянул на раскрытую ладонь, на которой хорошо был заметен белый рубец. Финист обнял Николя за плечи и похлопал по спине. По-братски. Сердце стиснуло дурное предчувствие, но Николя стряхнул его. Улыбнулся и кивнул.

— Ты давай там, не лезь на рожон, — бросил на прощание оборотень. — И за Герду не переживай. Она будет ждать здесь, когда ты вернешься.

— Спасибо и... — с трудом выдавил из себя Николя. — Прости...

— Да ну, все забыто, — легко отмахнулся Финист. — Ты это... заходи в гости, если

будешь в Дюарле.

— Конечно, — кивнул Охотник, смутно ощущая, что если они и встретятся вновь, то очень нескоро.

— Да быстрее вы, что как бабы нюни развесили?! — возмутился с кормы Сайлус. — Сейчас пропустим прилив, сядем на мель и вообще никуда не поплывем.

Николя, тяжело вздохнув, поднялся по трапу на палубу. И смотрел уже в сторону родного острова. Корабль отдавал швартовы. Не случилось. Видно, и вправду не судьба. Может, к лучшему.

По брусчатке загромыхали кованые копыта. Николя обернулся. К отходящему кораблю быстрым галопом неслась знакомая гнедая кобыла.

— Стойте! — крикнул Охотник морякам. Те удивленно переглянулись и посмотрели на своего капитана. Между бровей Сайлуса залегла тревожная морщинка.

— Что она творит?! — испуганно выкрикнул он, когда кобыла оттолкнулась от края причала, разбив его в щепки, и взмыла в воздух.

— Не долетит, — ахнул кто-то из матросов.

— Если долетит, будет хуже, — прикрыл ладонью глаза капитан, явно опасаясь за свой корабль.

Охотник испуганно воздел руки в воздух, обволакивая лошадь телекинезом. Кобыла зависла в воздухе над самой палубой и плавно опустилась на борт. Моряки облегченно выдохнули.

— Мастер Николя, вы кое-что забыли, — лукаво улыбаясь, сказала Герда. Спрыгнула с лошади и подбежала к Охотнику.

— Что? — оторопело моргнул он.

— Меня! — она поднялась на носочки, обвила руками его шею и поцеловала в приоткрытые от удивления губы.

На берегу и на корме дружно захлопали, заулюлюкали и засвистели.

— Так ты все-таки решила ехать! — Николя подхватил ее на руки и закружил по палубе.

— Я уже еду, — смеясь, сообщила Герда.

— Как я мог это упустить? — Охотник устало улыбнулся. Хорошо, как же хорошо! А все остальное неважно. — Кажется, я просил называть меня Николас.

— Да, мастер Николя, — озорно подмигнула она, и, крепче прижимаясь к нему, снова поцеловала.

С трудом оторвавшись друг от друга, они помахали оставшимся на берегу друзьям, пока те не превратились в крошечные точки на горизонте.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net